У книги

1233 3/15

Н. ДУРНОВО.

1233 3/15

127/11.

ОПИСАНІЕ ГОВОРА

деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1903.

Дозволено цензурою.

Варшава, 16 мая 1903 года.

ПОПРАВКИ [1]).

Стрд.	Стрк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	2 сн.	x	x и j
2	5-3 сн.	въ 7 в. отъ ст. Румянцево, строящейся Виндавской жел. дор. (20 слишкомъ в. на с.-з. отъ Воскресенска),	въ 9 в. отъ ст. Румянцево Московско-Виндаво-Рыбинской жел. д. (ст. Румянцево — въ 75 в. отъ Москвы и 19 в. отъ ст. Новоіерусалимской), въ 8 в. отъ ближайшаго почтоваго отдѣленія и 46 в. отъ своего уѣзднаго города,
3	18-20	Въ томъ же селѣ есть и школа Воспитательнаго дома...	Школа въ 1900 г. переведена въ Малоярославецкій уѣздъ.
—	7 сн.	15 лѣтъ,	род. въ ноябрѣ 1885 г.,
—	5 сн.	въ 1896 или 1897 г.	въ 1898 г.
—	4 сн.	и 1899 гг.	1899, 1900 и 1901 гг.
6	5-6	звукоподражительное	звукоподражательное

[1]) Въ настоящій списокъ, кромѣ типографскихъ опечатокъ, я включилъ и нѣкоторыя изъ моихъ собственныхъ ошибокъ, преимущественно тѣ, которыя, какъ наиболѣе грубыя, требовали немедленнаго исправленія. Остальныя поправки и небольшія дополненія я думаю издать въ скоромъ времени. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что „Описаніе“ печаталось почти 3 года и почти столько же времени писалось; страницы 1—65 описанія были готовы еще въ началѣ 1900 г.; остальная часть фонетики и склоненіе (стр. 65—160) — въ началѣ 1901. Понятно, что въ теченіе моей своей работы я не довольствовался матеріаломъ, собраннымъ мною до 1900 г., но пользовался всѣмъ тѣмъ, что накоплялось у меня постепенно въ 1900, 1901 и, частью, 1902 годахъ.

14	5-7	Ср. извѣстное въ говорахъ: надёжа, безнадёжный (мнѣ не пришлось слышать эти слова въ описываемомъ говорѣ).	Ср. надёжа, ненадёжный и т. п., напр.: „папа́шъ нака́зъул пъ надёжы нъ тибя́“ (ск) и пр.
—	18	въ другихъ ю.-влкр.	въ нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ
15	1	тре́щйна, мире́щьца̄,	тре́щинă,
—	2	ве́щ	мире́щьцă, вещ
20	6-5 сн.	отъ значенія	отъ одного изъ значеній
21	7	*и*	*ъı*
22	4-6	*Въ словѣ „разъ красутка“ у М. Б. „у“—не ошибочно. Ср. ниже, стр. 206, стрк. 19.*	
—	19	но всегда:	тады́, но чаще:
24	5 сн.	всегда: jизы́к	jизы́к (рѣдко, у старшихъ: язы́к)
31	8	случаѣ *у*	случаѣ иногда *у*
—	19	согла́снъj	сагла́снъj
35	15	но эти	я думаю, что эти
—	1 сн.	„или по другимъ... въ морфологіи)“. *слѣдуетъ помѣстить выше, послѣ слова:* „существительныхъ“ (строка 3 сн.)	
36	1 св.		
46	3 сн.	жьре^{к}ло́	Слово „жерело́“ — примѣръ не второго полногласія, а 1-го (ср. ст.-слав. жрѣло, серб. жријело и пр.); въ литературн. „жерло“ — другой видъ корня (=о.-сл. жьрло).
59	13 сн.	отъ	от
60	13-14	въ пѣсняхъ,	въ пѣсняхъ;
64	3 сн.	муры́ски	муры́̀ски
69	1-2	вызвано какими-то посторонними соображеніями);	— церковно-книжнаго происхожденія,=ст.-слав. блиꙁъ, блиꙁоу);
—	9	кумаря́, кумаро́нък,	кумаря́,
—	14	за́фтри и, кажется, брикацъ.	за́фтри.
70	13	въ Изслѣд. выводитъ	выводитъ
—	14	(стр. 68—69)	(Изслѣд. стр. 68—69)
—	3 сн.	пу въ словѣ wšechпу	п твёрдымъ въ словѣ všechen, chna
75	14 сн.	можетъ быть сварп и сватп.	только сварбе́j и свадбеj.

75	13 сн.	Ἐλισαβέθ	Ἐλισάβετ (вѣроятно, было и Ἐλισάβεθ)
—	6-5 сн.	отмѣгимъ полуцерковное „Лисафе́т“ (с. Васильевское),	существуетъ и „Лисафе́т“ (с. Васильевское, лег. про Іос. Волок.), прилагател. „Лисафе́тинъ“ (Парфёнки),
80	9 сн.	мягко	мягко иногда
82	15	ž = ǧ′	ž + ǧ′
85	17	бре́с̓ъ	бре́сьт
86	3-1 сн.	вмѣсто: дружја, существующаго и до сихъ поръ въ русскихъ говорахъ.	при болѣе рѣдкомъ дружја́.
88	14 сн.	корня, вѣроятно:	корня:
90	5 сн.	твердыя	мягкія и твердыя
91	3 сн.	(поговорка)	(подблюдная новогодняя пѣсня)
92	7	типжа́л	тинжа́л
93	10	чакающихъ	чокающихъ
94	9-8 сн.	объ измѣненіи	объ различномъ измѣненіи
95	1	рас̓с̓во́лъ	рас̓с̓во́л
97	5-6	*м* съ *б* и *п* въ незаимствованныхъ словахъ	*м* въ концѣ одного слова съ *б* и *п* въ началѣ другого
98	7 сн.	*см*	*см* и *зм*
103	19-20	Ср. греч. πλανάω —блуждаю, плутаю	Ср. польское pląłać
—	6 сн.	шьрлушо́ны	щьрлушо́ны
111	14-13 сн.	на приставкѣ:	на приставкѣ);
112	19	ăлля́но̓jь	ăлляно̓jь
113	16 сн.	кажется, и; афца́м	и: афца́м
116	15 сн.	сильнаго	усиленнаго
117	14	сильномъ	усиленномъ
—	21	сильнаго вида корня слабымъ	усиленнаго вида корня нормальнымъ
118	15 сн.	не знаю, какого	Скопинскаго
121	7	въ одной мѣстности	въ Калужской губ. и
125	21	*Въ словѣ „щебля“ кружокъ (˳) долженъ стоять не подъ „л“, а подъ „ь“*	
126	1 сн.	при̓и̓т	прити́т
129	7	рѣже въ мѣстномъ значеніи: у ка́мню и у ка́мнй	но въ мѣстномъ значеніи: у ка́мнй.

130	4-5	род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени	род. раздѣл.
131	9 сн.	формъ	формъ родит.
135	17	вмѣсто	но также и
137	8	гӑрадéj	гӑрадéj (отъ: городь? ср. и́згородь)
141	18-19	почти исключительно	по большей части
145	15 сн.	съ XVI в.	съ XVII в. (въ азбуковномъ описаніи саламандра)
146	20-21	рядомъ: балѧ́т но́ги... ат любви́	Примѣръ надо выпустить, п. ч. въ приведенной прибаюткѣ послѣднія слова поются „отъ гульбы“
149	22	Послѣ предлога *у*	Послѣ предлоговъ
156	15	-о́в˘	-о́вӑ
158	5	подъ удареніемъ,	не подъ удареніемъ,
159	5 сн.	часто	обыкновенно
160	9 сн.	всѣхъ	почти всѣхъ
—	7 сн.	одной мѣстности Олонецкаго у.	нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецк. губ.
163	5	31	61
165	16	паглядика	паглидика
—	7 сн.	„Станимъ	„Станим
167	14-13 сн.	хрихчю́	крихчю́
169	8-6 сн.	глаголъ пъчива́т̀ (быть можетъ: подсѣивать въ шепелявомъ произношеніи? обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето)	*Пропустить. Вмѣсто этого ниже, стр. 5 послѣ* „пъспива́т̀“: „пъцсява́т̀ или пъцсива́т̀ (обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето)“
—	2 сн.	пъцијо́т?	т. е. подсѣётъ въ шепелявомъ произношеніи
170	1	-сѣвать,	остальные сложные съ -сѣвать и сложные съ
172	9 сн.	сам,	Зам.
173	1	Калужск.	Калужск., Медынск.
—	17—18	утану́т̀	утану́, утану́ ˋ
175	5 сн.	полно̀ч	пално̀ч
179	21	в друг.	и друг.
181	17-18	сильномъ	усиленномъ

182	10—14	однократности. Глаголы съ этимъ суффиксомъ... какъ законченное во времени.	однократности и вмѣстѣ съ тѣмъ законченности самого дѣйствія или одного изъ ряда моментовъ, на которые разлагается дѣйствіе.
184	4-7	Къ сожалѣнію...	Житіе Саввы XIII, изд. Помяловскимъ, представляетъ памятникъ южнорусскаго нарѣчія (по А. И. Соболевскому — галицко-волынск., а по И. В. Ягичу — кіевскаго). Аканья въ этомъ памятникѣ, понятно, нѣтъ.
185	8	Попóвки,	Попóвки, Шáрина (10 в. къ с.)
—	4 сн.	оп	он
187	5	(вы)	(ва)
188	15 сн.	и, ы, ѣ),	и, ы, у, ѣ),
192	2 сн.	обувь,	обувь; „пастéлй“ чаще, чѣмъ „пастéл“; слово
194	6 и въ др.	о Ломон. пр.	о присужд. Ломон. пр. въ 1897 г,
195	2 сн.	употребляется	употребляется въ нѣкоторыхъ говорахъ
197	12 сн.	въ канéчьку	въ канéчьку
199	6	митúнницă	митúнницă
200	13	кажется: мѣлочной	дѣловой, старательный, умѣлый, но иногда, кажется, и: мѣлочной
—	17	вноситъ	иногда вноситъ
203	14-13 сн.	рибитóшки; Матрóшкă, но Надéшкă или Надю́шка	рибитóшки и пр. [1]
—	5 сн.	галúбушкă	галýбушкă,
204	2-1 сн.	пáзбищă	пáзбищă
205	22	именъ; несобствен.	именъ (о фонетическихъ измѣненіяхъ этого суффикса смотри вы-

[1] Въ именахъ „Матрёшка“ и „Надéшка“ нѣтъ суффикса „ешька“, такъ какъ это—уменьшительныя (съ суф. ька) отъ Матрёна (или отъ Матрёха?) и Надéжда. Вмѣсто „Надю́шка“ слѣдовало бы ждать „Надёшка“ (при неуменьш. Надёха).

			ше, стр. 54); отъ несобственныхъ именъ сохранились
206	1	въ литерат.;	въ литерат.;
208	3	пичал̀, пастел̀, чаще: пастеля́, качели	пичал̀, качели [1])
—	6-9	щивел̀, жыдел̀ (что-ниб. жидкое); *и пр. до конца 9ой строки*	жыдел̀ (что-ниб. жидкое) и др. [2])
209	15 сн.	репинъ,	му́хинъ, аре́шинъ, ре́пинъ,
211	7	уменьшительныя, иногда съ унизительнымъ оттѣнкомъ,	уменьшительныя
214	8 сн.	птичьj	б) птичьj
224	1 сн.	силкъмъ	силкомъ
226	14	пъзафчара́	пъзъфчара́
231	14 сн.	о́блък	о́блъкъ
232	3	предлога	предлога въ Парфёнковскомъ говорѣ—только
236	4 сн.	я́ къл̀, ты́ къл	ты́ къл̀, я́ къл̀
241	8-7 сн.	надѣваемой	надѣваемая
244	12	к адну́	в адну́
246	16-15 сн.	силяно́ва	зилянóва
248	7 сн.	што́ и тапѐ	што́ ш тапѐр̀
249	1 сн.	яко̀	яво̀
256	13-14	а тургава́ли	тургава́т̀
—	4 сн.	дѣваласа	дѣвалса
261	15 сн.	Арханг.	части Арханг.
—	8 сн.	въ Олон.	въ Олон., а въ Арханг. иногда даже замѣняется черезъ „г“ взрывное, напр. на Мезе́ни
266	8	говоровъ	говорахъ
—	10-9 сн.	Клинскаго и Рузскаго уѣздовъ	Клинскаго уѣзда

Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ вышли не совсѣмъ отчеливо знаки для мягкихъ согласныхъ (наприм. мягкихъ *n*, *л*, *т*, *р*) и нѣк. др.

---

[1]) Слово „постель“ попало сюда по ошибкѣ; здѣсь суффиксъ только „ь“.

[2]) Слово „щавель“ муж. р. имѣетъ суфф. „ель“; „жывель“ — слово заимствованное; по сходству со словомъ „щавель“ — муж р. и склоняется такъ же (имен. жыве́ль, род. жывелю́ и пр.).

Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго у. Московской губ.

Матеріаломъ для этого описанія были 1) мои личныя наблюденія надъ *разговорнымъ* языкомъ нѣсколькихъ крестьянъ названной деревни, 2) записанныя мною тамъ-же, частью въ сосѣднихъ деревн. сказки и пѣсни, 3) пѣсни и сказки, записанныя по моему порученію мѣстными полуграмотными крестьянами. Наиболѣе цѣннымъ является, конечно, матеріалъ п. 1. Что касается записанныхъ мною сказокъ, то ихъ слишкомъ мало, чтобы на основаніи ихъ описывать говоръ, а пѣсни и записи крестьянъ сами по себѣ — матеріалъ не вполнѣ точный. Благодаря условіямъ ритма и другимъ пѣсни содержатъ много архаизмовъ, неизвѣстныхъ уже разговорному языку; пѣсни, занесенныя изъ другой мѣстности, могутъ заключать въ себѣ черты другого говора, которыя долго не сглаживаются, находя поддержку себѣ въ ритмѣ и другихъ условіяхъ пѣнія. Кромѣ того, при пѣніи являются новые фонетическіе законы, неизвѣстные разговорному языку: звуки (гласные и согласные) неполнаго образованія переходятъ въ звуки полнаго образованія, и въ свою очередь развиваются новые звуки неполнаго образованія. Таковы напр. въ пѣніи зв. *а*, *и* вм. *ъ*, *ь*; согласныя зубныя взрывныя чистыя передъ *н* и *л* и пр.; съ другой стороны, новыя *ъ* и *ь* между согласными, *х* между гласными.

Показанія записей полуграмотныхъ крестьянъ въ значительной степени теряютъ свою цѣнность благодаря вліянію орѳографическихъ написаній и благодаря той степени безграмотности, при которой особенно часты описки, вызываемыя вліяніемъ сосѣднихъ буквъ [1]) или неяснымъ пониманіемъ значенія той или другой буквы. Поэтому, показанія пѣсенъ и крестьянскихъ записей я вездѣ свѣряю съ разговорнымъ произношеніемъ. Всѣ матеріалы собраны лѣтомъ 1897—1899 г.

Я ограничилъ свои наблюденія надъ говоромъ одной деревней отчасти уже потому, что діалектологія—не моя спеціальность, отчасти потому, что при недостаткѣ опытности въ собираніи діалектологическихъ матеріаловъ и при частыхъ разъѣздахъ можно познакомиться съ говоромъ только поверхностно, причемъ собранный такимъ образомъ матеріалъ почти невозможно провѣрить; при этомъ неизбѣжно явятся обобщенія; какая-нибудь особенность въ говорѣ одной деревни можетъ быть легко приписана всѣмъ деревнямъ извѣстной мѣстности и пр.

При описаніи говора, я старался отмѣчать, по возможности, всѣ явленія, относительно которыхъ въ великорусскихъ говорахъ существуютъ разногласія. Впрочемъ, не желая затягивать свою работу, я пользовался только тѣми пособіями по діалектологіи, которыя случайно у меня оказались подъ рукой. Ссылки на пособія дѣлаются сокращенно. Объясненіе сокращеній приложено въ концѣ.

Деревня Парфёнки — въ Васильевской вол., сѣверной части Рузск. у., въ 30 в. къ ю.-з. отъ ст. Подсолнечной Николаевской ж. д., въ 7 в. отъ ст. Румянцево строящейся Виндавской ж. д. (20 слишкомъ в. на с.-з. отъ Воскресенска), почти на границѣ Клинск. и Звени-

---

[1]) Такъ напр. встрѣчаются такія описки: жужъ, зазезала, не влалою семью.

гор. уу. Другія деревни, матеріаломъ изъ которыхъ я пользовался въ описаніи: Курово — въ 1 в. отъ Парфенокъ, Горки въ 3 в.—на востокъ отъ П., Васильевское— въ 2 в.—на западъ; всѣ дер. той-же волости.

Большая часть крестьянъ въ этой сторонѣ занимаются лѣтомъ земледѣліемъ, а зимой извозомъ; поэтому лѣтомъ съ Троицына дня до Успенья почти всѣ крестьяне бываютъ дома, и только немногіе проводятъ лѣто въ Москвѣ. Съ сентября мѣсяца въ деревнѣ остаются только женщины, дѣти и немногіе изъ мужиковъ. Дѣвки и дѣвочки часто служатъ лѣтомъ въ работницахъ и въ нянькахъ въ своей или сосѣднихъ деревняхъ, обыкновенно у родственниковъ. Зимой нѣкоторыя дѣвки работаютъ въ Москвѣ на фабрикахъ, преимущественно на бумажно-прядильной и чулочной или служатъ въ Москвѣ домашней прислугой.

Земская школа—въ с. Савельевѣ, въ 3 в. отъ Парфёнокъ и въ 2 в. отъ Курова и Горокъ. Въ томъ же селѣ есть и школа Воспитательнаго дома (которую съ 1900 г. переводятъ въ Калужскую г.). Грамотныхъ въ Парфёнкахъ среди мужчинъ (съ 10 лѣтъ) больше половины, въ Куровѣ — около $^3/_4$ всего мужского населенія. Мальчики, достигшіе школьнаго возраста, всѣ ходятъ въ школу, но дѣвочекъ Парфёнковскіе крестьяне въ школу не посылаютъ.

Такъ какъ въ описаніи мнѣ приходится ссылаться на записи, сдѣланныя крестьянами, то перечислю здѣсь лицъ, отъ которыхъ имѣются записи.

1. Миша Байковъ, 15 лѣтъ, учился въ Савельевской земской школѣ 4 года, но экзамена не держалъ; кончилъ школу въ 1896 или 1897 г.; записи его относятся къ 1898 и 1899 гг. Въ Москвѣ никогда не былъ, отецъ извозничаетъ зимой въ Москвѣ; остальные члены семьи постоянно живутъ въ деревнѣ. Мать его родомъ изъ д. Горокъ.

2. Аннушка Акимова, баба 22—23 лѣтъ; кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома; всю жизнь прожила въ деревнѣ; въ Москву ѣздила только продавать лѣсъ; другіе члены семьи живутъ иногда въ Москвѣ. Записи ея—1896—1898 гг., очень цѣнны по своей безграмотности.

3. Дарья Арсеньева изъ д. Горокъ, изъ той же семьи, откуда мать Миши Байкова, 20 съ чѣмъ-то лѣтъ. Кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома; въ Москвѣ не жила. Записи—1897—1899 гг.

4. Дуня Максимова, изъ Курова, 15 лѣтъ. Кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома въ 1898 г. Записи — 1897 и 1898 гг., грамотнѣе остальныхъ и потому даютъ мало матеріала для изученія говора.

ФОНЕТИКА.

Говоръ нашей мѣстности отличается характерными чертами такъ наз. Московскаго говора, т. е. при ю.-влкр. произношеніи гласныхъ въ немъ господствуетъ с.-влкр. произношеніе согласныхъ. Таковы *ґ* = въ большинствѣ случаевъ лат. g, а не γ; твердое *т* въ окончаніи 3 л. глаголовъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, замѣчается бо́льшая склонность къ ю.-влкр., чѣмъ въ Московскомъ. Аканье, хотя и неполное, но сильнѣе Московскаго (види́, мишку́, но сялу́, вяла́) и проч.

Въ настоящее время этотъ говоръ находится въ переходномъ состояніи отъ сильно акающаго (*ъа* передъ твердой согласной) къ умѣренно акающему (*ъи* во всѣхъ положеніяхъ передъ удареніемъ). Говоръ стариковъ — сильно акающій; дѣти тоже склонны къ сильному аканью, но среди взрослой молодежи, даже и не жившей въ Москвѣ, иногда замѣчается склонность къ умѣренному аканью. Впрочемъ, разная степень аканья стоитъ, кажет-

ся, не столько въ зависимости отъ поколѣнія, сколько отъ принадлежности говорящаго къ той или другой семьѣ. Въ одной семьѣ, напримѣръ, всѣ, и старые и малые обыкновенно сильно акаютъ, въ другой же — аканье умѣренное. Точно также, въ различныхъ семьяхъ — различная степень шепелявости: тогда какъ одни выговариваютъ чисто всѣ шипящія, другіе произносятъ: $\overset{\smile}{с}\overset{\smile}{с}^{ш'}$ и $\overset{\smile}{з}\overset{\smile}{з}^{ж'}$ вм. *щ* и $\overset{\frown}{ж(д)ж}$, третьи выговариваютъ шепеляво даже *ч*, а иногда *ш*. Такое сильно шепелявое произношеніе я наблюдалъ у нѣкоторыхъ старухъ [1]), и родившихся и прожившихъ всю жизнь въ Парфёнкахъ, а также у нѣкоторыхъ лицъ изъ наиболѣе консервативныхъ семей. Различія по семьямъ являются также въ произношеніи *ќ* и *ѓ* и др. Повидимому, старшее поколѣніе Парфёнокъ сильно акало, сильно шепелявило и путало *в* и *м* передъ *н* (дам^{в}но́, рам^{в}но́, гув^{м}но́, пов^{м}ни, съ *м* склоннымъ къ *в* или *в* назалированнымъ). Что касается произношенія *г*=γ, то его у стариковъ я не замѣчалъ.

Относительно транскрипціи замѣчу:

ъ и ъ — глухія *гласныя* слоговыя;

· (точка) надъ согласной обозначаетъ полумягкость согласной;

^{ʲ} — мягкость (мягкость согласныхъ передъ *и* и *е* не вездѣ обозначена).

$\breve{}$ надъ гласной — глухой выговоръ.

j не передъ гласной = i̯.

w — губное (билабіальное) *в*.

Буква надъ строкой — еле замѣтное произношеніе соотвѣтствующаго звука.

Остальныя обозначенія понятны.

---

[1]) Кажется, это произношеніе не было чисто физическимъ недостаткомъ.

ГЛАСНЫЯ.

А. Гласныя ударяемыя.

а́ изъ первонач. *а* или *ъ̀а* (= о.-сл. *ѣа* и *ѧ*) — вполнѣ чисто. Впрочемъ: ва́ᵉшь — слово, которымъ зовутъ овецъ (съ *б* и *ш* полумягкими). Здѣсь это произношеніе—звукоподражительное (Ср. у Шахм. Мосал. „да“ или „тэк“ стр. 190, вѣроятно, со средними, а не твердыми согласными).

о́ вм. *а́*. плóтьш, плóчинăj, сóдьт, пасóдьш, пасóт (=посади), падóрьш.

патóцьт, патóцьм (въ произношеніи одного мальчика). Но рядомъ и: патáссьт (въ одной колыбельной пѣснѣ), кójмы, скóмji.

Въ глг. катúццъ—то *о́*, то *а́*, или же *а* неударяемое. Говорáтъ: пакóтит, но въ пѣ.: „Сáнăчки сăмăкáтăчки, сàми кáтюцца“. (кажется, и разгов.). Въ значеніи неперех.: катúт (Въ пѣ.: „мил на сáпъчкăх катúт).

пóлты. Здѣсь впрочемъ, первоначальная гласная не могла быть извѣстна, п. ч. слово было получено уже акающимъ говоромъ съ удареніемъ на концѣ. Ср. также Пóлка, при старо-русскомъ, надо думать, Палагéя (совр. Пъладéй) изъ греч. Πελαγία (См. Шахм. Изсл. 24).

Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ отмѣчено еще: вóриш, брóнится, приглóсиш, вóлиш, крóсы и нѣк. др. Въ большей части этихъ случаевъ въ разбираемомъ говорѣ — другое удареніе. Впроч., отм. въ одной пѣ: „Нéту крáсы, нèт румяницă в лицé“ (Курово).

Въ словахъ съ первоначальнымъ *о* это *о* подъ удареніемъ сохраняется: кóрмит, вóдит, падлóмют и пр. Б. м. сюда слѣдуетъ отнести и пакóтит (см. ниже).

лóвьт, но и: лáвют (3 мн.). Впрочемъ, послѣднюю ф. я слышалъ только одинъ разъ. Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ въ этомъ словѣ особенно часто *а́*.

Въ одной пѣ.: са́ушкă („Са́ушкă па сѐнюшкăм пахáжъвăит“). Но, м. б., здѣсь вмѣсто названія птицы поставлено собств. имя.

Нѣкоторые случаи неустойчивости *а* и *о* подъ удареніемъ въ такихъ случаяхъ, какъ со́дьш, падо́рьт и т. п., повидимому, легко объясняются тѣмъ, что первоначально (еще въ эпоху единства бѣлор. и ю.-влкр. говоровъ?) въ этихъ словахъ на коренной гласной не было ударенія, а переносъ его совершился уже въ акающемъ говорѣ. Дѣйствительно, въ другихъ говорахъ часто слышится: подари́ш, тащи́т, пригласи́т, вари́ш, посади́т, сади́т, скамьи́ и т. п., такъ что можно думать, что удареніе на коренной гласной въ этихъ словахъ—недавнее, заимствованное у другихъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ (частью, быть можетъ, въ эпоху бѣлор.-ю.-влкр. Ср. бѣлор. падо́рым, пасо́дзим). Но, напр., въ словѣ платишь или плотишь удареніе во всѣхъ говорахъ стоитъ на коренной гласной, такъ что можно думать, что это слово всегда имѣло подвижное удареніе. Въ сѣв.-влкр. говорахъ отм. вари́ш и пр., сади́ш и са́диш, пла́тиш, ка́тиш (перех.) и кати́ш (неперех.). *о* вм. *а* очень рѣдко и въ большинствѣ случаевъ можетъ считаться заимствованіемъ изъ ю.-влкр. говоровъ. Тамъ, гдѣ это заимствованіе трудно предположить, появленіе *о* въ сл. пло́тиш, посо́диш, во́лиш можно сопоставить съ *о* неударяемымъ въ зобо́р, долёко, не зома́й—Шахм. Изсл. 263—264.

Въ ю.-влкр. говорахъ вобще замѣтно сильное стремленіе къ переносу ударенія на корень съ окончанія (въ извѣстныхъ формахъ) и съ предлоговъ. Этимъ переносомъ вызвано неправильное проясненіе гласныхъ а̀ въ *о* и *а* вм. *а* и *о*. Затѣмъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ получившейся путаницы явилось и чередованіе ла́виш и ло́виш, пла́тиш и пло́тиш, гдѣ удареніе издавна въ извѣстныхъ формахъ было на корнѣ.

Сл. пако́тьт и ка́тьт, м. б., разнаго происхожденія. Ср. у Соболевскаго, Лекціи, стр. 86, чеш. kotiti, поль.

kocić się, млр. покóтыцця, бѣлор. накóцицця. Въ сѣв.-влкр. извѣстны только формы съ *а*: ка́тит, кати́т.

Другихъ случаевъ *а́* вм. *о* нѣтъ: у́гъ̀ля̀, нѝка̀ли́ и пр. Въ словѣ: пака́л = поколь, покель и т. п. другихъ говоровъ *а* заимствов. изъ пака́ (= пока).

Въ глг. многокр. вида — *а́*: унава́ѯ̀ъвъ̀т, пригата́вливъ̀т, пригава́рѝвъ̀т, прикала́чьвъ̀т, пѝрвара́чьвъли, въмала́чьвъ̀т, а̀браба́тъвъ̀т, зъраба́тъвъ̀т, ака́пнъвъ̀т, wзва́ѯ̀ѯ̀ьвъ̀т, но: а̀вво́ртъвъ̀т и пр.

а° иногда передъ w. Это произношеніе я подмѣтилъ въ исключительныхъ случаяхъ, но, вѣроятно, это явленіе нѣсколько чаще, тѣмъ у меня отмѣчено. Въ одной прибаюткѣ: „Худо̀j сла°wъj дъкаря́т“. Это явленіе, между прочимъ, отмѣч. и Шахм. въ Мосал. (Онъ говоритъ объ измѣненіи *а* послѣ твердыхъ согласныхъ „въ направленіи къ *о* передъ неслоговымъ *у*“), стр. 189—190. Отмѣчу, что въ записанномъ мною примѣрѣ передъ *а*—*л* (согласная лабіализованная).

а́ между двумя мягкими звуками обыкновенно сохраняется: пря́с̀т, гря́с̀, пя́т̀, апя́т̀, зя́т̀, дя́дь и дя̀j (дифтонгъ а̀j долгій), j а́ица̀ (и j а̀ица̀) и пр.

Рядомъ съ мя́ч, мя́чьк встрѣчается изрѣдка: м̀е́ч, м̀е́чьк.

Переходъ *а* въ этомъ положеніи въ e^1, очень распространенный въ сѣв.-влкр. говорахъ, въ ю.-влкр. встрѣчается только спорадически. Бо́льшая часть ю.-влкр. говоровъ знаютъ э́тотъ переходъ, кажется, только въ словѣ ме́ч, ме́чик (Ср. Рѣзановъ, Курск. Обоян., стр. 91 и др., напр. Калуж. Медын., Малоярос.; Тул. Венёв.). У Филат. т. 37, стр. 212: петь, апеть. Къ сожалѣнію, Филатовъ не отмѣчаетъ, насколько переходъ *я* въ *е* послѣдователенъ и распространенъ; записи его матеріала для этого не даютъ.

тр̀ес̀т, запр̀е́ч (атпр̀е́ч и пр.). Отъ этихъ глг. прош.: тр̀о́с, запр̀о́к (или: за́пр̀о́х; атпр̀о́к и атпр̀о́х и пр.), но: упря́шка̀, тря́ска̀. Фф. запре́ч — запро́к возникли, м. б., по аналогіи съ п̀е́ч — п̀о́к, т̀е́ч — т̀о́к, же́ч — жо́г (жо́к, жох),

лéч—лóг (лóк, лóх) и др., ср. вéч—вóг (вóк, вóх), рядомъ съ которымъ въ говорахъ извѣстно и вег (бéгла и т. д.). Онѣ не стоятъ ни въ какой связи съ аканьемъ; ср. млр. запрюóгъ (Соболевск., Лекціи, 86), сѣв.-влкр. запрёгъ (Шуя Владим., — матер. 19; Тобол. Ишим. и др. — матер. 21 и др.), при болѣе частомъ (?) въ сѣв.-влкр. запрягъ (Волог. Кадн., матер. 25 и 26, Олон. Вытег.—матер. 22 и др.). трес$^{т'}$ и трóс объясняются тоже аналогіей съ глг. нести—нёс, везти—вёз и т. п. Правда, и для тряс были аналогіи: увяс, пас, но въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ нѣсколько другія условія. Infin. трес$^{т'}$, нес$^{т'}$, плес$^{т'}$, вес$^{т'}$ и пр.—недавніе, вмѣсто: три^{е}сти, ни^{е}сти, пли^{е}сти, ви^{е}сти и пр. Отъ увяс соотвѣтств. infin. былъ увясти съ удареніемъ на *á*, отъ пас — пасти: въ обоихъ случаяхъ въ ю.-влкр. *а* или вполнѣ ясное или почти ясное, между тѣмъ, какъ въ три^{е}сти — та же гласная, что въ ни^{е}сти и пр. Поэтому, въ тѣхъ сѣв.-влкр. говорахъ, гдѣ *а* передъ мягкой даже въ положеніи передъ удареніемъ не переходило въ *е*^{1}, ф. тряс должна быть болѣе устойчивой (Ср. Шахм. Изсл. 241 со сс. на стр. 199 слл.). Дѣйствительно, въ сѣв.-влкр. встрѣчаются обѣ фф.: тряс и трóс. Чередованіе между тряс и трёс можно возводить еще къ о.-р. эпохѣ въ видý млр. тріс (Соболевск. Лекціи 86), хотя послѣдняя ф. могла быть и новообразованіемъ.

Въ словѣ пращéнье (разгов.; между прочимъ попадается въ записяхъ Миши Байкова: „на прощенье“)— по значенію литературному прощанье мы имѣемъ не суженье *а*, а тотъ же суфф., что́ въ литерат. прощенье (не отъ прощать, а отъ простить). Это слово, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и въ разбираемомъ говорѣ, извѣстно чуть ли не во всѣхъ другихъ ю.-влкр. говорахъ.

Наоборотъ: плимя́нник, или плимя́ник вм. племéнник другихъ говоровъ (Здѣсь *а* заимствовано изъ имен. плимя́); симя́н (род. мн. отъ сéмь или симя́) вм. сёмён, при болѣе частомъ симяно́ф (гдѣ -*я*- можетъ быть правильно изъ -*ё*-) и рѣдкомъ сéмьн. (Ср. Соболевск. Лекціи 76).

Другого происхожденія ˀа изъ *е* въ словѣ: каля́скѧ (съ ˀа еще о.-русск.? Ср. Шахм. Изсл. 85), но: каля́снъj и т. п.

ˀа на концѣ словъ въ соотвѣтствіи съ старо-слав., частью литерат. -ъ: паˀсля́, ъпаˀсля́, ваˀзля́ (рѣдко; обыкновенно: воˀзˀли), ниˀзля́, ѫкрама́ (впрочемъ, чаще, кажется: кро́ми). Рядомъ съ ъпаˀсля́ я слышалъ также: апо́ˀсˀли. Эта послѣдняя ф. распространена больше въ Куровѣ, между тѣмъ какъ въ Парф. чаще слышится съ удареніемъ на концѣ. (Ср. Соболевск. Лекціи 76 и Шахм. Лекціи стр. 132 — 133. Въ ф. ниˀзля́, дѣйствительно, трудно видѣть имен. падежъ, но скорѣе по синтаксич. причинамъ; форма имен. „льзя“ едва ли совершенно невозможна).

ˀа́ въ концѣ слова, въ род.-вин. пад. личныхъ мѣстоименій: ˀтибя́, ˀсибя́, ˀминя́, какъ въ Московскомъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Въ ю.-влкр. говорахъ въ этой формѣ вездѣ -*е́* [1]) (если гдѣ встрѣчается -я́, то заимств.): мине́, тебе́, себе́ и даже табе́, сабе́ (подъ вліяніемъ фф. дат. пад.).

е́, независимо отъ своего происхожденія (изъ *ѣ*, *е* или *ъ*) произносится передъ слѣдующей твердой согласной и широкими гласными (только *у*), а также въ концѣ слова (передъ паузой?) всегда открыто ($е^2$), а передъ согласными мягкими, передъ j (i̯) и передъ *и* всегда закрыто ($е^1$), какъ и въ литературномъ произношеніи. Въ единичныхъ случаяхъ мнѣ слышалось $е^2$ и передъ j и даже передъ другими мягкими согласными: скаре́ˀj, маjéˀj... Кажется, это бываетъ только при крикѣ и стоитъ въ связи съ растягиваньемъ ударяемой гласной (скаре̯ˀj, причемъ $е̯^2$, повидимому, разлагается на *ӓ* некраткое + $е^1$ очень краткое). При пѣніи, наоборотъ, гласныя иногда суживаются (причемъ могутъ переходить *а* въ *ӓ*, $е^2$ въ $е^1$, *о* въ *ӧ*, $е^1$ въ $и^е$). Обыкновенное разговорное произношеніе *е* иногда помогаетъ безошибочно опредѣлить степень мягкости слѣдующей согласной. Ср. клеˀ²тка и даже клеˀ²тти (рѣже:

---

[1]) Касим. говоръ, гдѣ говорятъ: миня и пр.—смѣшанный.

клé¹ʹ²ʹ̀ти), цé¹ʹ̀рквă, к вичé¹ʹ̀рни, нé²γʹ̀ди, нé² с ʹ̀ким, патé²пʹ̀лилă (впрочемъ, въ послѣднемъ словѣ скорѣе *е* среднее, не очень открытое и не очень закрытое), лé¹ʹ̀дник, сé²м (рѣже: ʹ̀сé¹м), мé²рă, мé¹ʹ̀рит, йé²ст, йé¹ʹ̀ст, ʹ̀сирé²бʹ̀ринăй, зʹ̀дé²шньй, прé¹ʹ²жньй, прé¹ʹ²жди (объ этихъ словахъ см. въ отд. о согласныхъ), ни в далé¹чьм, ʹ̀дé²ф̀ки и ʹ̀дé¹ʹ̀ф̀ки и пр.

е переходящее въ *и*, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, мнѣ слышалось въ сл. манé¹ʹ̀жнъ въ одной игровой пѣснѣ (Розанъ мой розанъ).

ъ въ произношеніи ничѣмъ не отличается отъ *е*, и даже въ глаголѣ ѣсть всегда говорятъ: йé²ст (3 л. ед.), йé²ш и йé¹ʹ̀ст (infin.). Ср. преобладающее въ другихъ ю.-влкр. говорахъ йиʹ̀ст, йи́ш.

е обоихъ видовъ всегда смягчаетъ предыдущую согласную, кромѣ *ж*, *ш* и *ц* (шипящія ж̂(д̂)ж̂, *щ* и *ч* и безъ того мягки), остающихся почти безъ смягченія. (Въ сочетаніяхъ *ше*, *же*, *це*, слышатся звуки средніе, болѣе мягкіе, чѣмъ въ *шы*, *жы*, *цы*). Можетъ быть, этой особенностью *ц* слѣдуетъ объяснять ф. аццéдъ, если только здѣсь *цц* изъ ц+ʹ̀с, что изъ *т*+ʹ̀с. Но этого отвердѣнія нѣтъ въ сл. ацʹ̀сéльвă.

é не смягчающее предшествующей согласной является только въ одномъ словѣ: аттéдъ (не: аттéдь!). Твердое, или вѣрнѣе, среднее *т* въ этомъ словѣ извѣстно и въ другихъ говорахъ, какъ знающихъ *е*, не смягчающее предшествующей согласной, такъ и въ имѣющихъ въ остальныхъ случаяхъ передъ *е* только мягкія согласныя [1]).

Въ началѣ слога *е* непремѣнно получаетъ іотацію.

---

[1]) Ср. Мосал. „аттэль, аттэда, атсэда", Ельнин. аттэль, патэль—Шахм. Мосал. 206. „*е*", несмягчающее предшеств. согл. въ этихъ словахъ для Шахм. неясно.

У Филатова Верон. т. 37, стр. 199: аттеля (съ мягким *т*? Но Фил., повидимому, не всегда различаетъ *е* смягчающее предш. согласную и *е*, несмягчающее ея, такъ какъ пишетъ: бизъ адней. Въ его записяхъ: аттеля — т. 40, стр. 31, но: аттэль—ibid. стр. 32.

Исключеніе составляютъ слова, сложныя съ частицей э (и сама эта частица): э́нă, э́вă, э̂х, э́къј, э́дък, э́дъкăј, э́тът, э́нтът и др. Это э не такъ грубо, какъ иногда въ литератур. произношеніи, и, являясь послѣ согласной предлога, обыкновенно смягчаетъ ее. Такъ, говорятъ: в е́тим, к е́тъму, аѣ е́тъм, утéтът (=вотъ этотъ), но: с э́стим, ат э́тъвă, над э́тйм, гдѣ *с*, *т*, *д* не мягкія, а только среднія. Впрочемъ, употребительно и произношеніе: в е́фтим, к е́тъму, аѣ е́тъм, со средней, а не мягкой согласной передъ *е*. Въ записяхъ у меня обыкновенно *е* въ такихъ случаяхъ указываетъ на болѣе сильное смягченіе предшествующей согласной, хотя это не вездѣ выдержано. Говорятъ также и jéтът и, кажется, jéдък. Въ записяхъ Миши Байкова и др. попадаются написанія какъ съ э, такъ и съ *е*: въ ету, ва етимъ; и: все это, апосля этаго, об этимъ. Впрочемъ, эти написанія не имѣютъ значенія въ виду такихъ написаній, какъ: поэзжай. Объ ja-, ji- и *и*- неударяемыхъ изъ *е* неудар. въ началѣ слога см. ниже, гдѣ говорится объ *и*.

Иностранное *е*, полученное русскимъ яз. безъ jотаціи, еще въ о.-р. переходило въ *о*. (=Офремъ, Олена, и пр.) Въ разбираемомъ говорѣ гласныя изъ этого *о* въ словахъ: Афре́м, Ăвдатúм, Авдо́тjă, Ало́нă, Афúмjă, Ăмилján, но: Jивде́ньj или Ивде́ньj (и Ивдинjа́). Въ имени Иле́нă, извѣстномъ почти только изъ новѣйшихъ пѣсенъ, *и* въ началѣ слова заимствовано изъ литературнаго произношенія этого имени.

То-же *о* получалось иногда въ др.-рус. яз. и изъ *и* въ именахъ заимствованныхъ съ греческаго. Къ этому *о* восходитъ *а* въ именахъ: Аринă и, б. м., Ăграфе́нă (вм. Агриппина) [1].

Въ именахъ Гарáсим, Малáньjă, Пьладеjă гласныя,

[1]) Съ именемъ Аграфе́на (изъ Огрофѣна?) интересно сопоставить имя Синогра́фъ въ русской передѣлкѣ повѣсти объ Акирѣ вм. первонач. Синагри́п (а это имя восходитъ, вѣроятно, къ греч. Σιναγριπ(πος) или Σιναρίφ. Ср. Σενερίφ въ греч. хронографахъ и въ Откров. Меѳодія Пат.).

являющіяся на мѣстѣ греч. ε, восходятъ, по мнѣнію Шахматова, къ о.-р. *а* (Изсл. стр. 24). Но уменьш. отъ Пъладе́й — По́лкă; имя Ма́лкă; не изъ Малань́ă (Малькой зовутъ в с. Васильевскомъ одну дѣвочку, которой настоящее имя Авдотья, для того, чтобы отличить ее отъ старшей ея сестры, тоже Авдотьи).

Въ имени Јаго́р, Јиго́р зв. j правильно изъ γ.

е изъ *и* въ сл. Расе́й (вă Расе́и — въ пѣснѣ), кварте́рă (въ ф. фате́рă этого слова я не слыхалъ. Со звукомъ *é* вм. *и* это слово могло быть получено изъ польскаго яз.), Аграфе́нă.

Въ сказкахъ, записанныхъ Мишей Байковымъ, 2 раза: яецъ, но въ другихъ случаяхъ М. Б. вездѣ пишетъ яицъ. Произносятъ обыкновенно јиѝц, а произношенія јијѐц, существующаго въ нѣкоторыхъ говорахъ, я не слыхалъ.

Говорятъ: тихаме́рнъј, паме́риццъ = помириться, но: сми́рнъј (паме́риццъ — не фонет., а по аналогіи?). мълате́лщйк (-шйк), плате́лщйк (-шйк), но: пи́лщйк, наси́лщйк, краси́лщикъ и пр. Въ обоихъ словахъ *е* вм. *и* нефонетич.; вѣроятнѣе всего, здѣсь другой суффиксъ.

о изъ стараго *е* и *ъ*, какъ и въ литер., — на концѣ словъ и передъ старой твердой согласной. во́сну, сло́тъј, тиро́м, по́рушкă, во́дръ (= хорошая погода), то́ткă, пло́ткă, сло́зы, ло́т, кло́н, тво́л, рассво́л и пр.

На концѣ словъ (случаи извѣстны только послѣ шипящихъ, *ц* и *j*): кальцо́, быт̀јо́, жыт̀јо́, Усплиньо́, јицо́ (= яйцо), лицо́, хърашо́, пличо́, ищо́ (и јищо́), ужо́, маjо́ и др. Послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ въ концѣ слова *é* не встрѣчается, и о судьбѣ его въ нашемъ говорѣ ничего сказать нельзя.

Передъ *ж* и *ш* обыкновенно: падо́ш, адо́жъ, до́шъвă, ло́жă, хъласто́ш, лино́шкă, капо́шкă, сиро́шкă, сирожъ́нка, ăдино́шъньк, вез̀ дино́шъньк, још и др. Ср. ф. 2 л. ед.: идо́ш, нисо́ш, плито́ш, гриво́ш, риво́ш, жго́ш, тко́ш и пр. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ *ш* и *ж* сохраняется *е*: праме́ш, (ме́жду, — обыкнов. безударн.: мижду), гъла-

вéшкă, Надéждъ, Надéшкă, адéждъ, чéшът, вéшньj, jéжъли (съ e^2), прéжньj. Случаевъ *е* передъ шипящей такъ мало, что ихъ для нашего говора удобнѣе объяснять аналогіей или заимствованіемъ, чѣмъ фонетическими условіями. Слово: Надéждъ, какъ имя—книжное. Ср. извѣстное въ говорахъ: надёжа, безнадёжный (мнѣ не пришлось слышать эти слова въ описываемомъ говорѣ). Тоже слѣдуетъ сказать и объ адéждъ, при болѣе частомъ адóжă. Слово гълавéшка заимствовано изъ другого говора, гдѣ шипящія отвердѣли позднѣе, или же зд. *é* по аналогіи съ суравéшкă и т. п. Что касается послѣднихъ 3-хъ словъ, то въ нихъ шипящая — передъ мягкой зубной; въ этомъ положеніи шипящія, вѣроятно, отвердѣли позднѣе: теперь въ разбираемомъ говорѣ шипящія *ш* и *ж* тверды передъ плавными и н̓ (вéшн̓ьj, зд̓éшн̓ьj; въ прéжн̓ьj ж изъ прéжд̓й), но мягки или полумягки передъ т̓ и д̓. (Объ *о* передъ шипящ. см. у Шахм. Изслѣд. стр. 74—82).

Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ *о* въ этихъ случаяхъ рѣже. Такъ, суфф. *-ешк-* часто является съ *е*, а не *о*, ср. также: дéшево, лéжма, адéжа, и пр., фф. 2 л. ед.: идéш, несéш, пайдéш—въ Мосал. говорѣ (Шахм. Мосал., стр. 194) и др., какъ ю., такъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Поэтому, появленіе *é* вмѣсто ожидаемаго *ó* при господствѣ *ó* въ однихъ говорахъ и, наоборотъ, *ó* вм. *é* при господствующемъ *é* въ другихъ, — можетъ нерѣдко объясняться заимствованіемъ одного говора у другого.

Передъ *ц*—e^2: атéц, канéц и пр.

Передъ *ч*—e^1 (слѣдов., *ч*—мягкій звукъ): р̓ишéчитăj, суфф. *-éчьж* (при нефонетическомъ *-óчьж*,—см. ниже), нидалéчь (ср. въ одной пѣснѣ: н̓и в далéчьм растаян̓и, но: н̓и в дал̓óк̓и) [1]), пéчкă.

---

[1]) Кстати. Нельзя ли объяснять произношеніе: далéко, отмѣч. Шахм. въ Мосал. и извѣстное и въ другихъ говорахъ, даже сѣв.-влкр., вліяніемъ слова „далéче“? Если предположить, что далéче употреблялось чаще, чѣмъ далеко, и что при этомъ далеко имѣло ударéніе на окончаніи (какъ и всѣ нарѣч. на

е передъ *щ* и *ж(д)ж*. Въ кле́щ, тре́щйна, мире́щьцă, забре́ж(д)жьлă,—*е* изъ *ѣ*. Остается: ве́щ или ве́щă въ одной пѣснѣ, гдѣ поется: ссыпа́лă рвала́ паспе́лăю ве́ссю (не: вишню!), но это слово — книжное; ле́щ, падле́щьк — слова, извѣстныя только тѣмъ, кто этихъ рыбъ видѣлъ въ Москвѣ. Въ словѣ то́щă — *о* неяснаго происхожденія (Ср. Шахм., Мосал., стр. 194).

Передъ *j* фонетически *е* сохраняется безъ перехода въ *о*: кале́йкă, вырăве́й, сълаве́й, лъшъде́й, је́й, је́ю, маје́ю и пр. Нефонетически *о* въ прилагат. балшо́й, минше́й, чужо́й и т. п. (во всѣхъ формахъ передъ *j*, т. е. въ им. ед. муж. и средн., въ род.-дат.-мѣстн. и твор. ед. жен. рода) и въ творит. пад. единств. существительныхъ ж. р. мягкаго различія: зимле́й, симе́й и пр. Но въ выраженіи сам-три́те́й сохраняется фонетически *е*, б. м., благодаря спеціальному значенію этого слова. Во всѣхъ другихъ случаяхъ въ окончаніи *ей* (*јей*), *ею* (*јею*) сохраняется фонетически *е*: маје́й, твае́й, фсе́й и пр. (Эти мѣстоименныя формы имѣли для себя менѣе аналогіи, такъ какъ въ мѣстоименномъ склоненіи *-ою* и *-ой* являлось только въ мѣстоименіяхъ личныхъ, въ мѣст. *тъ* и числит. *одинъ*; въ другихъ формахъ отъ нихъ самихъ *о* въ чередованіи съ этимъ *е* тоже не встрѣчалось. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ мы находимъ јо́й, маје́й, всо́й на такія фф. могли вліять прилагательныя). Въ фф. родит. множ.: лъшъде́й, каstéй, гаstéй и пр. Въ послѣднемъ случаѣ никакой аналогіи не могло быть и потому *е* во всѣхъ говорахъ осталось безъ перехода въ *о*.

о передъ отвердѣвшей согласной изъ старой мягкой.

Передъ *р* съ послѣд. твердой зубной: мо́рзнуть, замо́рс, мо́ртвъй, чо́рнъй и пр., но: виде́рнъй, де́рскъй. Ф. де́рскъй, вѣроятно, книжная; въ словѣ виде́рнъй *е* не совсѣмъ ясно. Передъ *р* + шипящая — *е*: де́ржьт, тве́ржъ

-ько́), то появленіе „але́ко“ въ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говорахъ болѣе, чѣмъ понятно.

(съ e^2). Передъ сочет. *с* или *з* + твердое *н*: хр҃о́снъj (при: кре́ст, хре́ст!), нив҃о́снъj, кал҃о́снъj и пр., но: ни́тти пъдни-ве́снъвъ цве́ту, сл҃е́зна, ръзлюве́знъj, че́сна, васкре́снъj. Шахм., Изсл. 79, полагаетъ, что зубныя передъ *н* твердымъ отвердѣли до перехода *ŏ* въ *о*. Въ такомъ случаѣ перечисленные примѣры слѣдуетъ считать заимствованными изъ книжнаго яз. Въ другихъ случаяхъ передъ зубной + твердое *н* имѣется ҃*о*.

Отмѣченные у Шахматова, Изсл. 78, слова съ суфф. *-ебн-*, *-евн-* мнѣ изъ описываемаго говора совсѣмъ неизвѣстны, кромѣ: цар҃е́вна. Всѣ эти слова едва ли въ говорахъ особенно употребительны и, если́ встрѣчаются, то по большей части заимствованы.

Въ с҃о́длы зв. *д* отвердѣлъ, по всей вѣроятности, до перехода *ŏ* въ *о* [1]), одновременно съ отвердѣніемъ зубныхъ передъ *н* твердымъ (Что здѣсь было *д* мягкое, видно изъ написанія бе седьла въ 13 сл. Григорія Богосл. XI в. и др. Впрочемъ, Р. Ѳ. Брандтъ предполагаетъ здѣсь исконное *д* твердое — Лекціи стр. 145, что мнѣ кажется излишнимъ).

д҃о́ргъ҃т, пад҃о́ргъвъj, бл҃о́кнъ҃т. Здѣсь въ обоихъ словахъ отвердѣніе согласной и появленіе ҃*о* — нефонетич., такъ какъ въ разбираемомъ говорѣ ҃*р* передъ согласными твердыми другого мѣста образованія фонетически сохраняетъ свою мягкость до сихъ поръ, а *к* является въ данномъ случаѣ передъ мягкой. Въ послѣднемъ случаѣ ҃*о* заимствовано изъ ф. бл҃о́кнуҭ. О сл. д҃оргъ҃т см. у Шахм. Изсл. стр. 80 (Будде, Къ исторіи, предполагаетъ въ о.-сл. корень *дъргъ-* рядомъ съ *дъръг*, стр. 95, но противъ такого предположенія высказывается Шахм. въ Отчетѣ о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 41).

е сохраняется въ словахъ: т҃е́пл҃и, пат҃е́пл҃илă, ше́пчьт. Здѣсь *п* и теперь полумягкое, такъ что ш҃о́пчеть въ дру-

---

[1]) Такъ какъ *д* и *л* — звуки однородные по мѣсту образованія.

гихъ говорахъ можетъ быть и нефонетич. (по аналогіи съ шо́пот, шопта́ть и т. п.).

с'е́²стр'ин (съ e^2, но слышится, кажется, и *е* среднее: с'ес'т'рин) при со́стры, хотя 'По́т'р'ин при 'По́тр'а.

'*о* передъ мягкими подъ вліяніемъ аналогіи нерѣдко, какъ и въ литературномъ говорѣ. Условія его появленія, въ общемъ, тѣ же, что и въ литературномъ яз. Отмѣчу такія слова, относительно которыхъ въ говорахъ разногласія. пад'о́н'щьк (-шык), зъгув'о́н'ник, 'Лон'ка́, п'о́р'ј'ь, т'о́т'ь, и пр.; друж'о́чьк, къриш'о́чьк и др. слова на *-о́чьк* послѣ шипящей заимствовали *о́* изъ друж'о́к, къриш'о́к и т. п. Рядомъ съ этими фф. чаще употребляются фонетически правильныя образованія на *-е́чьк*: друж'е́чьк, гарш'е́чьк, 'миш'е́чьк, пуч'е́чки и пр. Въ литературномъ произношеніи фф. на *-е́чек*ъ почти совсѣмъ вытѣснены формами на *-очек*ъ.

'*е* правильно въ 'л'е́д'н'ик, спл'е́т'ни (съ *д* и *т* назализов. мягкими).

'*о* изъ *ъ*: гн'о́зды, над'о́вън, пад'д'о́фкă, абр'о́л, в'о́к, с'о́к.

Ф. абр'о́л объясняется народной этимологіей этого слова, произведшей его отъ бр'о́л. Какъ при ишо́л являлось нашо́л, такъ при бр'ол могли понимать абр'ол. (Ср. Брандтъ, Лекціи, стр. 24). Ср. с'е́с'т' — с'е́л, гдѣ почти при тѣхъ-же условіяхъ *е* сохранилось, или: стр'е́л, — отъ того же глагола, только съ другой представкой. бѣгъ и сѣкъ являлись исключительными формами въ ряду многихъ формъ на '*ок*: п'е́ч — 'п'о́к, т'е́ч — т'о́к и пр. Ср. запр'о́к. Въ другихъ говорахъ извѣстны и бѣгъ, сѣкъ безъ перехода *ъ* въ *о* (такъ напр. въ говорѣ Шацк. у. Тамб.: приб'е́гла, с'е́к, атс'е́к и др.). Въ разбираемомъ говорѣ фф. б'е́ч—'в'о́к рѣдки. Обыкновенно употребляется глаголъ бижа́т — бижа́л, какъ въ литературн. Распространенность ф. гн'о́зды, над'о́ван и пр. въ влкр. говорахъ трудно объяснить. Съ *ъ* (*е* или *и* ?) эти слова извѣстны только въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говв. (Тобольской губ., Новгор. Устюжн. и др.)

'зв'о́здъчкă, 'зв'о́зды и 'зв'ездъчкă, 'зв'е́зды.

ᵎо изъ *ѣ* также въ концѣ род.-вин. ед. мѣстоим.: јијó, тајó, съмајó, ѣднајó (или: аднѣјó), ѳсијо. Въ другихъ говорахъ, (сѣв.-влк., ю.-влкр. и бѣлор.) кое-гдѣ встрѣчается и јијé, тајé и пр. (См. Шахм. Изслѣд. стр. 175—176).

Но правильно ᵎе изъ *ѣ*: ѣ́дры (им. множ. отъ вядрó = вѣдрó, въ отличіе отъ ѣ́одръ = ведро — хорошая погода), шéст, ᵎрéзвј и др. Въ словѣ рѣзвый *о* вм. *е* является только въ сѣв.-влкр. и смѣшанныхъ говорахъ, а въ сл. вѣдра ᵎо распространено не только въ влкр., но и въ бѣлор. говорахъ.

Въ немногихъ словахъ со старослав. *-рѣ* вм. русскаго *-ере-* произносится ᵎе: даᵎрéш, вᵎрéднј, дᵎрéвъ: всѣ три слова употребительны и въ разговорномъ языкѣ. По Шахм., эти случаи—книжнаго происхожденія.

ᵎе нефонетич. вмѣсто фонетич. ᵎо. хᵎрéст и крéст. (при: хᵎроснъј!), пъмиᵎрéскъвъит (только въ пѣснѣ, б. м. въ рифму съ патᵎрéскъвъит), аслéп, Паᵎрмéн, ᵎсмéткă (извѣстно мнѣ только изъ одной прибаютки, запис. въ Куровѣ), даᵎмéк въ поговоркѣ: „ᵎни в даᵎмéк, дъ харóшъј чьлавéк“, Илéнă (только въ новѣйшихъ пѣсняхъ), ᵎнéбă, но рядомъ: ᵎнóбă, на ᵎнóби (чаще: нá ᵎньби), с ᵎнóбă и всегда: ᵎнóбушкă (не: ᵎнéбушкă!).

Изъ приведенныхъ словъ крест (хрест), нéбă и Илéна—книжнаго происхожденья. Въ словѣ аслéп явилось *е* по аналогіи со словомъ слѣп, ср. Соболевск. Лекціи, стр. 65, Брандтъ, Лекц. 25. Эта аналогія настолько сильна, что выговоръ аслеп, ослѣп господствуетъ въ большинствѣ влкр. говоровъ, хотя извѣстно и ослёп (Отм. между проч. аслёпъ у Филат. Ворон., т. 37, стр. 207.). Паᵎрмéн—имя заимствованое; *é* здѣсь могло явиться по аналогіи съ размéн, бизмéн, авмéн и пр. Ср. Паᵎрфóн,—гдѣ такой аналогіи не было. Въ ᵎсмéткă зв. *é*, мож. быть, по аналогіи съ „мéтка“, гдѣ *é* изъ *ѣ*. Изъ *е* въ этомъ положеніи: *о*, ср. плóткă Сл. пъмиᵎрéскъвъит неясно по происхожденью; можетъ быть, здѣсь *é* изъ *ѣ*.

Въ старыхъ причастіяхъ страд. зал. на *-éныи* является

обыкновенно фонетич. *о*: свичо́нъj (=освященный), кало́нъj, мачо́нъj, ръзвало́нъj, привизо́нъj, ръзмито́нъj, кашо́нъj и пр., но въ новыхъ причастіяхъ книжнаго происхожденія *е* сохраняется въ видѣ *е*: наричёнăj, свисёнъвă налою, ницынёнъj (всѣ 3 случая въ пѣсняхъ.). Отм. еще фамилію: Привизёнцъф.

о въ чередованіи съ *и* — въ словѣ „рибито́шки“ и ривито́шки (также: рибито́нки. Объ *и* вм. *о* въ 1-мъ слогѣ см. ниже). Здѣсь—2 различныхъ суфф.: *-ъшк-* и *-ишк-* (*-ъшк* ср. въ капо́шка и пр.).

о и даже *о* — въ дѣеприч. на *-мшы*: нъпajо́мшы, нъцыжо́мшы и даже асидло́мшы и т. п. рядомъ съ различными другими гласными (ср. ни дапёмшы, ни дажы́мшы)—не изъ этихъ гласныхъ, а другого происхожденія и относится къ словообразовательному суффиксу. Ср. напр. у Филат. Ворон. иблажо́мшы (т. 38, стр. 257). Филатовъ считаетъ эту ф. непонятной или случайной, хотя все-таки догадался сопоставить ее съ „възьмъши“. (Это сопоставленіе принадлежитъ А. И. Соболевскому. См. Лекціи, стр. 234). У В. Чернышова (Матеріалы 41[1], Мещов. у. Калуж. губ. стр. 100): не спросёмши, проводёмши, ходёмши, женёмши; у Будде (Тул.-Кал. стр. 834): зъчинёмшы, пăслажо́мшы. Вѣроятно, того же происхожденья *ё* въ приводимыхъ Рѣзановымъ (Курск Обоян. стр. 91) примѣрахъ: притарёвши, успрасёвши, ни хадёвши, наридёвши; „*е*“ въ этихъ фф. можно считать вторичнымъ изъ *-м-* подъ вліяніемъ прич. на-*вши*.

и, какъ ударяемое, такъ и неударяемое, всегда смягчаетъ предыдущую согласную, а послѣ *ш*, *ж*, *ц* переходитъ подъ удареніемъ въ звукъ, очень близкій къ *ъ*, который я такъ и обозначаю. Въ началѣ слога *и́* не принимаетъ jотаціи; не только: и́вă, паи́т, но и их, им и т. д. Впрочемъ, въ зависимости отъ предлоговъ, а иногда и въ другихъ случаяхъ: jим, jих, jи́ми (рядомъ съ: ним, них, ни́ми послѣ предлоговъ), напр. с jим и с ним и пр. Безударное *и* изъ *и* тоже не принимаетъ jотаціи, а передъ *и* изъ *je*, *ja* звукъ *j* можетъ опускаться, напр.: Иле́нă, ило-

вѣj и jилóвъj (чаще: jалóвъj), ищó и jищó. (По мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, раздѣляемому Шахматовымъ, ф. ищó и э́щё восходятъ къ о.-слав. héšče съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ, а jищó—къ о.-слав. hešče съ удареніемъ на концѣ. См. Лекціи Шахм., стр. 166; Фортун. Сравн. язык., фонет. стр. 259—260. Нашъ говоръ не даетъ матеріала для провѣрки, п. ч. „и“ въ немъ является и на мѣстѣ je). Всегда: идва́ (слово, рѣдко употребляемое. Судя по случаямъ его употребленія, можно заключить, что оно заимствовано не очень давно изъ литературнаго языка. Ср. Шахм. Лекціи стр. 166). Въ записанныхъ мною сказкахъ: ивúлъс и jивлúцъ. Миша Байковъ пишетъ: „и сенъ соколъ“ (въ пѣ.; т. е: ясёнъ...), что скорѣе всего можетъ указывать на *и* нejотированное. Но всегда съ *j*: jизы́к, jимшы́к, jирóл (послѣднее слово только въ пѣ.)

Обязательно выпадаетъ *j* въ слогѣ послѣ ударенія передъ личными окончаніями глаголовъ послѣ гласной: думъйш, дéлъйш, (не: дýмъjьш, дéлъjьш!) и въ оконч. им. мн. прилагат. на -ъи; при пѣніи: ăи рядомъ съ ăjă (только при пѣніи) со вполнѣ опредѣленнымъ *j*. Но въ окончаніи существит. (очень рѣдкихъ) на -ијь, -ий—*j* слышится. Вообще же окончанія словъ, кромѣ немногихъ, произносятся очень вяло.

и вм. *ej* въ сл. ъбабри́, пъдабри́с и пр.—нефонетич., а взято изъ infin. или другихъ формъ (по аналогіи съ хади́т—хади́; паи́т—паи́ и т. п. ?). При ъбабри́ и т. п. мы бы ждали вторичной формы настоящаго: брю́, но такъ, кажется, не говорятъ.

Вм. литер. *ъи—ъа* въ сл. трисня́къ и трасня́к рядомъ съ трисни́к (болѣе рѣдкимъ) = литер. тростникъ. Здѣсь суфф. не *-ик*, а *-ак* (*ъак*. Ср. дура́к, пятак, бѣдняк и пр.). Значеніе суфф. *ак*, кажется, мало отличается отъ значенія суфф. *-ик*, и потому мѣна ихъ вполнѣ возможна.

о́ въ разбираемомъ говорѣ—открытое, какъ и въ литературномъ произношеніи. Впрочемъ, передъ *w*, *y*, *wy* и т. п. также можетъ являться и *о*[1], но въ запискахъ у меня, къ сожалѣнію, различные виды *о* не отличаются.

О переходѣ *ow* и *owy* въ концѣ слова въ дифтонгъ см. ниже.

Болѣе открытое, чѣмъ обыкновенно, произношеніе *o* я слышалъ одинъ разъ отъ одной дѣвочки въ Куровѣ въ сл. Со̏ᵃнка (=Сонька); *a°* вм. *a* въ сл. сла°wъj см. выше.

ó=литер. ы̀ въ словѣ: но̏нчй, но̏ньшньj и т. д., но и *u*: ны̀ни, ны̀нчи. Ср. Соболевск. Лекц. 49, 73 и 94.

дубро́вă имѣетъ *o* общерусск. Въ ст.-слав. и ю.-слав. язз. въ этомъ словѣ *a*: дубрава (русское литературное дубрава и дуброва).

ó=литер. *á* въ сл. ро́внъj, ро́вняй, ро́внюшкă. Здѣсь *o*—общерусск., между тѣмъ какъ литер. равный—книжное. Въ предл. ро́з: ро́звъли̏ни, ро́спуски, но ра́зум, также: ра́зи (=литер. развѣ) и ра́знъj. Послѣднее слово заимствовано изъ литер. яз. Слова производныя отъ „робъ“ (ст.-сл. рабъ) извѣстны только съ удареніемъ не на коренной гласной.

ó въ сл. лазо́ривъj (только въ пѣ.: „я рвала ̀твяты̀ лазо́ривăй) ср. съ литер. лазу́рь, лазу́рный.

Хош въ значеніи союза (=латин. vel) подъ удареніемъ попадается рѣдко. Не подъ удареніемъ: хӯш и хъш. Въ одной пѣснѣ: „Хо́ш пе́j, хуш ле́j, хъж дамо́j вѝзи́“, въ другой: „хăш рабо́вă ̀ювид бу́ду“. (Подъ удареніемъ—*ó*, передъ удар.—*y*, въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія—*ŏ*?)

ý. Отм. ударяемое *ý* въ сл.: нъкланӯлъс, зъманӯ̀т= литер. наклонилась, заманить; *ý* въ этихъ сл. нефонетич. и заимствовано у словъ съ суфф. на *-ну-*, причемъ значеніе однократности, свойственое суфф. -ну-, является и здѣсь. При нăкланӯ̀т, зъманӯ̀т не скажутъ: кланӯ̀т, манӯ̀т. Слѣдовало бы ждать и наст.: нъкла̏но́ццă, зъма̏но́т, но такихъ формъ я не слыхалъ.

аткӯ̀л (или аткӯ́ѐл), = литер. отколѣ, могло заимствовать *y* изъ аткӯ́дă, но, можетъ быть, здѣсь *y* древнее. Вообще, въ нарѣчіяхъ мѣста и времени замѣчательное разнообразіе гласныхъ: аттӯ́дă, аттэ́дă, аттӯ́л, аттӯ̀л; ац-

су́да (суда́=литер. сюда), анцеда́; аткуъ́л, аткоъ́л, аткеъ́л; пакаъ́л, пакуъ́л; пакеда́, пакуда́, патъда́ и пр.

ъбанкруъ́тиццъ—иностранное слово.

У Миши Байкова въ записяхъ ошибочно написано въ одной пѣснѣ: разъ красутка вм. раскрасотка (ръскрасо́тка).

ы вм. у́ въ сл. глы́пка. глы́бжъ (не подъ удареніемъ обыкновенно *у*: глубо́къj, глубако́, глубжына́, рѣдко: глыбака́) и бы́тта. Въ другихъ говорахъ въ этихъ словахъ *ы* тоже очень распространено. Филатовъ (т. 37, стр. 220) ставитъ первое изъ этихъ словъ въ связь съ старо-слав. глъбък, но русское *ы* въ этомъ положеніи не можетъ восходить къ о.-слав. *ъ*. Возможно, что *ы* зд. изъ *у* получилось фонетически. Ср. у Шахм. Ельн., ср. 88: лычинку, пролыбку, голыбъ. Слово бы́тта, вѣроятно, понимается народомъ какъ быть-то. Такого же мнѣнія держится и Филатовъ (т. 37, стр. 219—220).

ы рядомъ съ *а* въ окончаніи нарѣчій: туды́, суды́, куды́, и туда́, суда́, куда́, но всегда: када́, тада́ (тъгда́, тагнда́. Впрочемъ, въ одной пѣснѣ и „никъгды́“), фсигда́, инада́ и инъгда́. Конечно, здѣсь не переходъ *а* въ *ы*, какъ почему то думаетъ Филатовъ (т. 37, стр. 211), а старое *ы* (Ср. Шахмат. Отчетъ о прис. Ломон. пр. въ 1897 г., стр. 28).

Нѣсколько странное ы слышалось мнѣ въ одной пѣснѣ (Тобой,-милой, забыта): „А я млады́мла дэ́нъка́“. Слова — да вы́зръсту (= до тѣхъ поръ, какъ выростетъ), ср. литер. „возрость“ (выз = вы+из?)

ы вм. *и*. Въ этихъ случаяхъ, по большей части, *и* перешло въ *ы* благодаря твердости предшествующей согласной, и потому это явленіе должно бы разсматриваться въ отдѣлѣ о согласныхъ. Ср. *ы* вм. *и* послѣ предлоговъ: в ы́збу, с ы́згъръди, с ыко́нъj. Такое *ы* является послѣ *р* въ словахъ: гры́п, грыбы́, кры́нка́, ры́га́ и ры́га́, скрыэ́т и скрыэ́т, но: скэ́нка́, скэ́пъчка́. Послѣ другихъ согласныхъ *ы* въ давны́шнъj (ср. твердое *н* въ давно́, давны́м давно́), вы́шъ̀нjá и ви́шъ̀нjá (=вишни).

Наоборотъ *и* вм. литер. *ы*: ми́льъ̀сть̀инкă: „Пада́йъ̀ти ми́льъ̀сть̀инку Христа ра́ди“, гдѣ является суфф. не -ын-, а -ин- (Ср. Шахм. Мосал. 208—„милыстину“ въ Ельн. гов. и др.).

ты́ркъ̀т при то́ркъ̀т и търы́ка̀т. Здѣсь ы́ не изъ *о*, а старое. Ср. серб. ти́р—ударъ, толчокъ [1]). Глаголъ ты́ркъ̀т, ты́ркъю отожествился съ глг. ты́къ̀т и имѣетъ тоже значеніе. (Значеніе словъ: тыр и тырчки́ въ плясовой припѣвкѣ „Ај тыр, тырчки́“ мнѣ въ точности неизвѣстно, такъ какъ въ разговорѣ этихъ словъ я не слыхалъ. Слово „тык“ въ значеніи междометія отъ глаг. тыкать см. въ пѣ.: „Жилъ я у па́на“—„Мој бы́к то́лки ты́к“).

ˀ*у*, особенно часто *у* неударяемое иногда суживается въ ˀў (ü). Точно опредѣлить эти случаи не могу. Можно только отмѣтить, что ˀ*у* неударяемое и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не переходитъ въ ˀў, звучитъ все таки у́же, чѣмъ *у* безъ предшествующей мягкости.

Б. Гласныя слога, непосредственно предшествующаго ударенію.

Слогъ, непосредственно предшествующій ударенію, имѣетъ на себѣ побочное удареніе и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ слогъ начинаетъ слово. Поэтому всѣ гласныя этого слога звучатъ довольно ясно. Несовсѣмъ ясный звукъ получается только послѣ шипящей передъ мягкой согласной. Впрочемъ, какъ исключеніе, побочное удареніе встрѣчается и на первомъ слогѣ слова не непосредственно передъ удареніемъ, причемъ слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому, теряетъ свое побочное удареніе (примѣръ см. ниже).

---

[1]) Если это слово, дѣйствительно, серб. Въ русскомъ языкѣ сл. „тыр“ существуетъ, но только, кажется, въ поговоркахъ и т. п., ср. „тыр, тыр—семь дыр“.

а ПЕРЕДЪ УДАРЕНІЕМЪ.

1) *а* изъ *а*, *о* и *ъ* безъ предшествующей мягкости, не послѣ шипящихъ и *ц*, въ положеніи какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими звуками, независимо отъ положенія въ начальномъ или неначальномъ слогѣ и отъ качества гласной слѣдующаго слога. Въ этомъ случаѣ произношеніе совпадаетъ съ литературнымъ. Какъ исключеніе, отмѣчу слышанную мной отъ одной дѣвушки (живущей зимой обыкновенно въ Москвѣ) единичную ф. а̀дн̓ьјо́ (вин. пад. ед. ж. р. отъ а̀ди́н, адна́), гдѣ вмѣсто а̀ (мы бы ждали: ъ̀днàјо́ или ӑ̀днàјо́) въ предударномъ слогѣ благодаря переносу побочнаго ударенія на первый слогъ слова является ъ (глухой звукъ средняго ряда, болѣе открытый, чѣмъ *ы*) [1]).

Въ записяхъ пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ крестьянами, это аканье выражено очень ясно. Аннушка Акимова (см. записи) почти не употребляетъ въ этомъ положеніи другой буквы кромѣ *а*; Миша Байковъ безпрестанно путаетъ *о* и *а* и т. д.

2) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей изъ ᵓ*а* и *е*, а послѣднія изъ ᵓ*а*, **и**, **ѧ**, *е*, *ѣ* и *ъ* передъ твердой согласной. Въ разбираемомъ говорѣ это аканье (вѣрнѣе: яканье) выдерживается нестрого; рядомъ съ ᵓ*а* можетъ явиться и *и* (а послѣ *ж* и *ш*—*ы*[ъ]), независимо отъ другихъ окружающихъ условій. Прим.: јавó и јивó, јамý и јимý, н̓ѝчаво и н̓ѝчивó, тряпа́т и трипа́т; рябóј, хлябóк, хлябóчьк, Јагóр (рѣже: Јигóр), Јагóрвна́, ъ̀ъ̀вязат и а̀ъ̀виза́т, Ръжаствó (всегда съ ᵓ*а*), но Ръ̊ж̊дествó (всегда съ *и*), жала́нъј, бижжала́нъј, чижалó, жана́, жы̀ра́, и др., но всегда: јизы̀к, јимшы̀к.

---

[1]) Не нахожу удобнымъ возводить это ъ непосредственно къ *ы* и сопоставлять съ западнорусскимъ *ы*, *ъ*, *э* въ этихъ случаяхъ въ виду того, что въ томъ же положеніи мы не услышимъ тъјó, самъјó и т. п.

Установить здѣсь какія-нибудь правила, при какихъ условіяхъ чаще *а*, при какихъ—*и*, кажется, нельзя, п. ч. только въ очень немногихъ словахъ въ этомъ положеніи постоянно одинъ и тотъ-же звукъ. Кажется, нпр., ляса́ рѣже, чѣмъ в лясу́, но провѣрить это было бы очень трудно, п. ч. такое произношеніе стоитъ въ зависимости отъ того, кто говоритъ, иногда отъ настроенія говорящаго. Можно только отмѣтить, что на „*и*“ въ такомъ положеніи побочное удареніе слабѣе, чѣмъ на „*а*“, ср. ъ̀вв̀иза́т и а̀вв̀иза́т, почти—а̀вв̀иза́т. Приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ записанныхъ мною пѣсенъ:

пята́к, пятро́ска́я̆, па̀вязла́, ѝни бяру́т, вядро́, чи̯са́т и ча°са́т, шалко́вӑ, с̀лизо́ю и с̀лязо́ю, ва кл̀ино́вӑj, ра̂сп̀ива́̀ли (=распѣвали), к чаму́, ѝни жана́т, ѝвисяло́, кудрява́тӑj, пӑ гряха́м, нѝвиса́ми, с̀лиза́ми, плиса́ти, гърява́т, дява́т, пӑнясу́, нӑ̀двяза́т, ѝни лѝта́л, пра̀тика́лӑ, ре°ка́, жана́, жану́, вичаро́м и др. Различная степень аканья зависитъ отъ того, что пѣсни пѣлись разными лицами. Прослѣжу это явленіе по записямъ, сдѣланнымъ мною отъ отдѣльныхъ лицъ:

а) Семья Опенковыхъ. Старуха бабушка, родилась и прожила всю жизнь въ Парфенкахъ, и 3 дѣвки.

α) зиляновӑ.

β) Старшая дѣвка: пъмярла́ жана́, чѝтвары́γ дѝте́j, сяла́, жану́, с̀вякро́ви, с̀истру́ (2 раза), систра́ (тоже 2 раза), влюбляна́, ф̀сиγда́, jиво́, лятамшы, ъдява́мшы, пъвязу́т.

γ) Вторая дѣвка: чарто́фкъ (во фразѣ: „Ацтаѝ вѝрблю́т, ка̀к чарто́фкъ ѝлиса́ пъдли̯ща́ица“).

δ) Младшая дѣвка: шалко́въj, ѝтисо́въj, а̀ц̀иво́, jаво́.

б) Миша Байковъ. Въ сказкахъ, записанныхъ мною съ его словъ: ж жано́ю, няво́, жана́, пъляза́j, jаво́, зъвязу́. ѝничаво́, вясно́ю, jаму́, жана́м, jиво́ и др. Вообще, въ его произношеніи *и* въ такомъ положеніи почти исключительно только въ мѣстоим. jиво́, jиму́ (и то рядомъ съ jаво́, jаму́) и въ немногихъ другихъ случаяхъ.

Въ записяхъ, сдѣланныхъ самими крестьянами.

а) Миша Байковъ. Въ его записяхъ я нашелъ только одинъ случай *и* вмѣсто *я*, *е*, *ѣ* въ разбираемомъ положеніи, а именно, въ словѣ „ничиго“ въ сказкѣ про заклятую царевну. Въ виду обширности его записей и тѣхъ особенностей, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, это написаніе слѣдуетъ или считать опиской („*и*“ подъ вліяніемъ „*и*“ перваго слога) или сопоставить съ распространеннымъ произношеніемъ јиво́, јиму́ по аналогіи съ другими формами того же мѣстоименія. Обыкновенно М. Б. пишетъ безразлично *е* и *ѣ* въ разбираемомъ положеніи и очень рѣдко *я* (вмѣсто котораго тоже—*е* или *ѣ*): его, ему и пр., ночевала, следочкомъ, цветочекъ, лѣсу, рѣку, вѣрнутъ, пѣтухъ (нѣск. разъ), по селу, въ зеленомъ, ребую, смостерамъ, попятамъ, смѣла, жена, леталъ, гнѣздо, емской, разпевай, верна, светой, снесу, зопрегай, взгленулъ, слепой и мн. др.

Орѳографич. *я*: попятамъ, плясать, въ три ряда, заряжалъ. Въ записяхъ 1898 г. у него есть нѣсколько случаевъ неорѳографическаго *я* и *а* въ томъ же положеніи: ничаго, чаго, призвяла, поклявать, пренясу, съ жаною (нѣск. разъ), жана, часать (2 раза), ни понясу и даже: яму (т. е. ему́) Въ остальныхъ случаяхъ, т. е. не непосредственно передъ удареніемъ или же въ предударномъ слогѣ, но передъ мягкой согласной „*и*“ вмѣсто *е*, *ѣ*, *я* у него не слишкомъ рѣдко. Такъ, онъ пишетъ: помиръ, болинъ, одиюсъ, не можите и др. Передъ шипящими *жс* и *ш* у него тоже является *и*: за рижоной, побижалъ (нѣск. разъ), мишка и др.

Отсюда можно заключить, что написаніе *е*, *ѣ* и *я* передъ твердой согласной въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, у Миши Байкова изображаетъ открытый неглухой звукъ, т. е. именно *а*, такъ какъ другого такого звука въ этомъ положеніи разбираемый говоръ не знаетъ.

б) Аннушка Акимова. Въ четырехъ случаяхъ въ разбираемомъ положеніи написано *я* или *а*: васлязахъ, чижало, взиляным, слядочки. Надо думать, что это написаніе въ этихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенію. Въ другихъ случаяхъ при томъ-же положеніи она пишетъ *и*: распивали, тривожилъ, раздивались, блиснулъ, лисахъ, литахъ, писокъ, лисной, навсигда, пачиму. Во многихъ случаяхъ она пишетъ въ такомъ положеніи *е* или *ѣ*: слезою, чижело, лесу, цветокъ, цветочки, стрепѣхнулся, ево, да бела. Изъ этого правописанія видно, что яканье Аннушки Акимовой—смѣшанное, съ большей склонностью къ московскому иканью.

Другихъ записей здѣсь касаться не буду.

3) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей передъ шипящими *ж* и *ш*. Въ этомъ положеніи *а* является очень рѣдко: чижо́лъj (не говоря уже о чиже́лшь, гдѣ *ж* полумягкое), ѝмишо́к, ѝмишка́, ѝпшко́м. Никогда не говорятъ: чажо́лъj, мящо́к, мяшка́, пяшко́м. Но иногда произносятъ: ѝбиряшко́м (при имен. все-таки ѝбирижо́к), шаᵉшна́ццъ̀т, шаᵉшна́цътъj при шыᵇшна́цътъj. Въ обоихъ случаяхъ *а*, б. м., нефонетич. изъ ѝбирягу́ (на́ бирягу́), бирягá и часто́j. Впрочемъ въ шашнацъ̀т *а*, б. м., и фонетическое изъ шасна́цъ̀т.

Приведу примѣры изъ записанныхъ мной пѣсенъ:

гли́жу́, ѝтишу́, ришу́, ѝвижа́ли, ѝмижо́ю, ѝбирижо́м, за́прижо́м, дишо́ваj, утиша́ит. Точно также *и* (не „*а*“!) слышится въ такихъ словахъ, какъ ѝдифчо́нка́, диржу́. Наоборотъ, „ѝсняшки́“ даже передъ *к* въ пѣ. „Сняшки́ бе́лы“, гдѣ *а*, б. м., нефонетич., изъ ѝсняга́, ѝснягу (ф ѝснягу́ и т. п.).

Въ записяхъ Миши Байкова: за рижоной, побижалъ, побижала, мишка, коришокъ. Въ заряжалъ *я* орфографическое.

Послѣдовательное проведеніе *и*, а не *а* послѣ мягкой въ предударномъ слогѣ въ положеніи передъ шипящими *ш* и *ж* въ описываемомъ говорѣ находится въ противорѣчіи съ появленіемъ въ ударяемыхъ слогахъ передъ шипящей *о*, а не *е*. Переходъ *е* въ *о* послѣ мягкихъ со-

гласныхъ завершился прежде появленія аканья, слѣдовательно, въ томъ говорѣ, къ которому восходитъ описываемый говоръ, шипящія въ эпоху появленія аканья были уже твердыми.

4) *а* послѣ *ц* изъ стараго *а* и *о* (а послѣднія являлись главнымъ образомъ послѣ *ц* новаго происхожденія изъ *цс* или *тс*, такъ какъ старое *ц* было мягкимъ) при всякомъ положеніи: царя́, ца̀ро́к, пъцца̀ви́т (или: пъцса̀ви́т), сюда же слѣдуетъ отнести и цалу́j, пъцалу́иш, въ которомъ изъ описываемаго говора нельзя опредѣлить происхожденіе *а*, но изъ Московскаго и сѣв.-русскаго произношенья видно, что здѣсь еще обще-влкр. *о* (ср. Шахм. Изсл. 161—162). Изъ стараго *ъ*, *ꙗ* (изъ ѧ) и *е* звукъ *а* послѣ *ц* является только въ положеніи передъ твердыми:

царко́внъj, цапа́, цапо́чкъ, цалко́въj, цана́, „̀вѐс лѝцо́ ъпцапа́ла̀“ и пр., но: уцыле́л, цырква́м, цыпе́, цыне́ и пр. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ лицъ въ данномъ случаѣ возможно московское произношеніе, т. е. при царя́, цалу́j—цыърко́внъj, цыъпа́, цыъпо́чкъ и пр.

Передъ *ц* гласныя произносятся, повидимому, также, какъ и передъ мягкими согласными, хотя достовѣрныхъ примѣровъ привести не могу. Въ сл. jица́ (=яйца) *и* явилось еще передъ j; рядомъ съ обычнымъ выговоромъ винца́, мисца́, кажется, возможенъ выговоръ и: вянца́ (=вѣнца), но *а* сюда могло попасть изъ вянка́, конечно, уже послѣ того, какъ *ц* отвердѣло. Ср. выше: ̀виряшко́м и ̀сняшки́.

5) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей передъ слѣдующей мягкой согласной въ описываемомъ говорѣ не встрѣчается само по себѣ. Впрочемъ, въ двухъ словахъ я слышалъ нѣсколько разъ въ этомъ положеніи *а*: пу̀стя̀ки́ (хотя обыкновенно все-же говорятъ: пу̀стѝки́) и жа̀ъхи́ (вм. обычнаго: жаха́—им. мн.). Въ обоихъ случаяхъ *а* нефонетически изъ другихъ формъ, да и то больше случайно. Въ словѣ „грябли́“ („де грябли́ дѝсѝти́ны ты“ — слышалъ одинъ разъ отъ одной дѣвочки) *б*

звучало твердо и, слѣдовательно, не было препятствій для появленія здѣсь *а* (хотя не вполнѣ фонетическаго, а по аналогіи съ грябла́, ср. т҃епл҃и, а не т҃опл҃и). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ гласныя *а* и *е* старыя въ этомъ положеніи переходятъ въ *и*, а послѣ шипящихъ и *ц* (изъ мягкаго *ц*)—въ *ъи*[ъ] [1]) и такимъ образомъ совпадаютъ (послѣ шипящихъ и *ц* не совсѣмъ) съ гласной *и* въ томъ же положеніи. Прим.: в҃ирѝ, кн҃и҃гѝи҃ни (кн҃ижѝи҃ни), т҃ивѐ, н҃исо́т, н҃ито́ркъ, д҃иси҃тѝ, ри҃ви́нъ, шы҃ъл҃и́т, шы҃ъст҃и́, чијку́, жы҃ъле́т, жы҃ъле́зъ, жы҃ъне́, жы҃ъни́ццъ, цы҃ды́т, цы҃ъне́ и пр.

е предударное никогда не переходитъ въ *а* въ частицѣ *не* и въ предлогахъ: без, черес, пере, перед. Прим.: биз го́ду (или: бе́з гъду), бизу́мнъј, чѝ҃риз го́т (чаще: чѐ҃ри з гот), н҃ѝ҃риво́зьт, н҃ѝ҃рино́сьт, н҃ѝ҃рихо́т, пъ҃рид до́мъм, пъ҃риу́лък, н҃и хо́ццъ, н҃и сто́ѝт, н҃и зна́ю, н҃ила́дна, н҃идо́бръј, н҃иволя́ и др. На предлоги пред и пре, встрѣчающіеся въ книжныхъ словахъ, примѣровъ не привожу, п. ч. они по большей части поняты, какъ „при“.

Предлогъ *для* сохраняетъ *а* только подъ удареніемъ. Такіе случаи извѣстны только изъ пѣсенъ: „Я н҃и дл҃я т҃ибя сади́ла, н҃и дл҃я па҃лива́ла“. Передъ удареніемъ: д҃ли: д҃ли на́с, д҃ли дома́, д҃ли дру́га и пр.

е въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію мнѣ слышалось нѣсколько разъ при пѣніи, а именно: развесо́ла҃ј сълав҃е́ј. (Въ пѣ: Ты не пой-ко безо время Розвеселый соловей), ѣтпе[а]рла́, си[о]р҃де́чушкъ. (Милаи падрушки—Парф.), ре[а]ка́ (Мимо милого крылечка). Въ разговорной рѣчи такое произношеніе встрѣчается очень рѣдко, при особомъ, дѣланномъ тонѣ рѣчи, причемъ, конечно, *е* можетъ слышаться и вмѣсто стараго *и*. Впро-

---

[1]) ъ=*i* глухому открытому, какъ бы *i*[б]; ъ[ъ]—ъ*i*, склонное къ этому звуку, т. е. болѣе открытое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мягкое.

чемъ, произношеніе a^{e} вм. *а* предъ удареніемъ возможно и при обычномъ произношеніи.

о передъ удареніемъ не встрѣчается, кромѣ какъ въ самостоятельныхъ словахъ, нпр.: он бы́л, wot. о́н и т. п.

и въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію звучитъ всегда, какъ *и*, а послѣ шипящихъ и *ц*, какъ звукъ средній между *ы* и *и*, какъ и подъ удареніемъ. (Так. обр. въ жы̆не́ и жы̆тjо́ слышатся два близкихъ, но не вполнѣ совпадающихъ звука.).

у вм. *ы* въ предударномъ слогѣ: кълубе́л, чьлуша́, при имен. ед. чалы́ш; мужука́, мужўти́ при им. ед. мужы́к. (Впрочемъ, Миша Байковъ произноситъ также и „мужыки́“, м. б., подъ вліяніемъ школы, а потому и пишетъ: „мужеки“ и „мужики“); кружо̆ник (чаще: грыжо́вник). Въ кълубе́л и чьлуша́ *у* послѣ *л*—фонетически, такъ какъ вообще *у* и *ы* послѣ *л*, м. б., при наличности нѣкоторыхъ другихъ условій, нерѣдко чередуются. Ср. глы́бжъ и глубо́къj, также ср. Шахм. Ельн., стр. 88; Филат. Ворон., т. 37 стр. 219, и др. О сл. „мужука́“ см. у Шахм., Мосал. стр. 174 и 207. Въ сл. „кружо̆вник“, если въ корнѣ было *ы*, появленіе *у* нефонетич.; понятно стремленіе осмыслить слово, п. ч. основы крыж- въ русск. яз. нѣтъ. Такъ какъ *ы* вообще склонно къ чередованію съ *у* при многихъ условіяхъ, то легко было отожествить основу этого слова съ основой словъ: кру́шкӑ, кружы̆т, кружно́j, кружава́ и пр.

у вмѣсто *а* изъ стараго *о*: жура́ф, мъгута́, лъбуда́ (ср. млр. лобода́. Значеніе этого слова въ описываемомъ говорѣ мнѣ не извѣстно въ точности. Это—что то въ родѣ презрительной клички. Въ приб.: „Паъфо́нкъска лъбуда́, ни хади́ти к намъ суда́“). Въ послѣднихъ 2-хъ словахъ *у* вм. *а* явилось, б. м., подъ вліяніемъ предшествующихъ *г* и *б*. (См. Шахм. Къ исторіи звуковъ, стр. 712). Впрочемъ, въ мъгута́ *у* могло явиться по аналогіи съ магу́ч, магу́, а можетъ быть даже и первоначальное, ср. сѣв.-влкр. могу́тной.

Сл. бурдо́вj (=цвѣта бордо́)—иностранное; *у* здѣсь

или по аналогіи съ „бурда“, или фонетически послѣ *б*. Могло быть такъ, что слово, услышанное въ видѣ бордо́ (bo¹rdó¹) было воспринято, какъ бурдо́. Вообще, встрѣчая *у* вм. *и* и *ѣ* въ словахъ иностранныхъ, заимствованныхъ въ новѣйшее время, слѣдуетъ имѣть въ виду подлинное (иностранное) произношеніе этихъ словъ. Извѣстно, что ю.-великоросы, передразнивая сѣв.-влкр. и млр. произношеніе, выговариваютъ въ такомъ случаѣ *у* вмѣсто безударнаго *о*.

сурьо́знъj (=неуступчивый, требовательный, сердитый)=франц. sérieux. Это „су-“ теперь чувствуется, какъ приставка. Въ воронеж. насюрьёзна (Филат., т. 37, стр. 200) на мягкость *с* могъ повліять другой выговоръ того-же слова, или же тамъ *с* ассимилировалось по мягкости слѣдующему ъ.

Приставка *су-* въ предударномъ слогѣ въ сл.: сугóрбинъj. Въ сл. сасе́т, сасе́ди, сасе́душкă, сасе́ткă обыкновенно предлогъ *са* (*съ*), рѣже *су*: суседушкă (ср. ст.-сл. сжсѣдъ); также: согласнъj и сугласнъj (ср. въ пѣ.).

ˀу въ словѣ трюми́ нефонетич. по аналогіи съ двуми́.

а на мѣстѣ литер. *ъ*—въ словѣ рача́к, ръчьга́. Ср. въ Тульск. губ. Ефрем. и др.: ро́чьк или ро́чьх, ро́чьгă (ро́чьуă).

В. Гласныя слоговъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію.

Такъ какъ, обыкновенно, на этихъ слогахъ не бываетъ побочнаго ударенія, то большая часть гласныхъ слышится глухо. Изъ гласныхъ въ этомъ положеніи можно различать *а* (въ очень рѣдкихъ случаяхъ), ă, т. е. *а* очень глухое, *ъ* — глухой открытый звукъ средняго ряда, *ъу* въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, *ы* — по большей части очень глухое, иногда склонное къ *ъ*, и *у* — послѣ твердыхъ согласныхъ. Послѣ мягкихъ: *а* (въ очень

рѣдкихъ случаяхъ), ă, ĭ, т. е. *и* глухое, склонное къ *ъ*, *ъ* (см. выше), ў и ў. Въ двухъ-трехъ словахъ мнѣ слышались *о* и *е*, но только при пѣніи.

Глухія гласныя при пѣніи могутъ переходить въ гласныя ясныя или болѣе ясныя, чѣмъ, какими онѣ являются въ разговорной рѣчи. При этомъ *ъ* и *ъ*^{у} обыкновенно переходятъ въ *а*, а *ъ* въ *и* (въ рѣдкихъ случаяхъ тоже въ *а*), остальныя только теряютъ глухое произношеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ будто при пѣніи и ы переходитъ въ *а*, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, п. ч. въ этихъ случаяхъ и въ разговорѣ слышится не *ы*, а *ъ*.

а, ă, *ъ* и *ъ*^{у} сами по себѣ являются въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію является *а* при одинаковости всѣхъ остальныхъ условій (впрочемъ, послѣ шипящихъ вмѣсто *ъ* слышится и *ъ*). При этомъ ă и *а* являются при извѣстномъ положеніи не постоянно, а только, какъ проясненіе *ъ*, преимущественно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ открытомъ слогѣ въ концѣ слова, а) въ окончаніи имен. един. жен. р. безчленныхъ именъ прилагательныхъ, напр. въ отвѣтѣ на вопросъ: Ты чья?—Горскъ-ска, Савѐльска, ѣдѐшня, или въ употребленіи ихъ въ значеніи членныхъ, напр. ма̀линка, Паѣфо́нкъска и пр. Ср. ясное „*и*“ въ томъ же положеніи въ имен. множ.: ма̀линки и т. п., б) въ личныхъ формахъ возвр. глаголовъ: баю́са, ѣиро́сса, ката́йсса, ката́йцца, хо́ѣцца при infin. дра́ццъ, ката́ццъ, баяццъ. Но и это проясненіе является больше въ концѣ фразы; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ окончаніе *-са* употребляется наряду съ простымъ *-с* (т. е. въ 1-мъ л. ед. ч. и, рѣже, въ ф. жен. р. прош. вр.), это *а* почти всегда ясно. Сколько мнѣ удалось замѣтить, ф. на *-са* послѣ гласной попадаются только въ концѣ фразы, в) въ частицахъ: *жа* (=же), *ба* (вм. бы), главнымъ обр. въ концѣ фразы, и въ имен. пад. ед. жен. р. постпозитивнаго члена: *та*. г) иногда послѣ j въ словахъ: дво́я, тро́я, скаре́я и т. п.; рѣже: по́ля, мо́ря и т. п. изъ *е* (не *ъ*),

и *а*; поэтому: на́ пъля, ф по́лѣ—вин. пад., но: на́ пъли, ф по́ли—мѣстн. пад. Въ остальныхъ случаяхъ *а* на концѣ словъ изъ стараго *а*, *о*, *е* рѣже. Во 2 л. множ. глаголовъ, въ оконч. сравн. ст. послѣ согласныхъ, въ оконч. имен. множ. существит. на *-не* и изъ стараго *ъ* — всегда *и*. Особо стоитъ што́-ля. Въ отмѣченыхъ случаяхъ ясность *а* вызывается, можетъ быть, больше реторическими причинами. Въ этомъ отношеніи описываемый говоръ слѣдуетъ отличать отъ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говоровъ, въ которыхъ послѣдній открытый слогъ получаетъ побочное удареніе (къ такимъ говорамъ относятся всѣ тѣ, гдѣ слышится *-тя* во 2 л. мн. ч. глаголовъ, *-уя* въ вин. п. жен. р. прилаг. и т. д.).

2) Въ закрытомъ конечномъ слогѣ только иногда въ окончаніи имен. п. ед. ч. прилаг. муж. р.: до́бръ̆j, здаро́въ̆j, сирѐбринъ̆j, главнымъ обр. въ концѣ фразы.

3) Въ открытомъ началѣ слова: авъвиза́ть, авъвирну́ть при ъвъвяза́ть, ъвъярну́ть. Кажется, *а* въ началѣ слова слышится глуше (т. е., какъ *ъ*) въ открытомъ слогѣ передъ слогомъ съ гласной *а* и нѣсколько яснѣе въ остальныхъ случаяхъ. Напр. акули́нъ̆, ъгурцы́, атрувѝть, аццыпи́ть, авмишу́лилъс (= ошиблась), ъбману́ть, ъвдати́м, но ъгаро́х, ъгаро́т. Вообще, условія появленія *а* или *ъ* для меня несовсѣмъ ясны. Нѣкоторый матеріалъ для того, чтобы разобраться въ этомъ, можетъ быть, дадутъ записанныя мною сказки, хотя онѣ могутъ дать понятіе только о произношеніи одного лица; другіе, можетъ быть, говорятъ несовсѣмъ такъ.

На появленіи *а* въ пѣсняхъ не стану долго останавливаться. Отмѣчу только слѣдующіе примѣры:

маълчи́шачка, бидня́жачка, мана́шанки; шалава́ть;

нака́жат, пи́шат, пля́шат, машат;

Ми́шана, Гри́шанај, вѣроятно, подъ вліяніемъ словъ на -енка и -ѣнка; на сухо́j аре́шани.

Окончаніе не только имен. един. жен. р., но им. мн. прилагат. на *ая*: бе́лая, ми́лая, зило́ная; Ми́нински риба́ты—чиряпа́хи би́тая, а Парѣо́нкасти риба́ты, как канфе́-

ты ѣ́тая и пр., ср. въ записи Миши Байкова: развеселая глаза. Впрочемъ, обыкновенно, оконч. им. мн. прилаг. *-аи*, восходящее къ разговорному *-ъй*

вис̀о́лами гла́сками, т̀о́нлам ква́сам, ф. чи́стам по́ли, в на́шам и пр.

го́ря, мо́ря, по́ля, ба̀лшо́я. ѣдѐся, ср. въ записи Миши Байкова: ни горя; но: бо́̀ли, м̀е́̀ни, кре́пшы, иди́̀ти, ѣе́лъ̀ѣ̀ти и пр., также: в до́̀ми, кро́̀ми, по́̀ели.

ъ самъ по себѣ въ неударяемомъ слогѣ въ положеніи не непосредственно передъ удареніемъ получается при тѣхъ же остальныхъ условіяхъ, при какихъ въ предударномъ слогѣ является *а* безъ предшествующей мягкости. Но благодаря глухому произношенію всѣхъ безударныхъ слоговъ возможенъ переходъ *ъ* въ *ы* и обратно (конечно, не произвольно). *ы* вмѣсто *ъ* могутъ иногда являться послѣ шипящихъ. Ср. *ы*ъ послѣ шипящихъ въ предударномъ слогѣ.

ъ вм. *ъ*: 1) *бъ*, проясняющееся въ *ба* (никогда: бы!). Прим. „ја бъ у Ма́ш̀ки в̀ѐс̀ с̀е́нъ а̀дв̀и́лъ ба“, „γо́спъ̀ди, къбъ зна́тъ та̀!“ Въ пѣ.: я бъ радъ, што́ба̀, каба̀ зна́ла въ сказкахъ, записанныхъ мной, сл. ба̀—нѣсколько разъ. (Ср. Филат. Ворон., т. 38, стр. 259; Шахм. Изсл. 291—292 и др.).

2) Въ приставкѣ *въ-* (= вы). Причины перехода — фонетическія, п. ч. непосредственно передъ удареніемъ: *въı*. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: въраста́̀т, ва̀бира́йт, ва̀ступа́йт, ва̀гана́ла̀ я каро́ф на расу́, с̀няшк̀и́ бе́лы ва̀пада́ли, ва̀спра́шава̀ти и пр. Миша Байковъ пишетъ въ этомъ случаѣ и *ва*, *во* и *вы*: ванимаетъ, вобѣгайте, вобѣгаетъ, давожимаетъ (въ сказкахъ); выгоняли, выкликаетъ, вынимаетъ и др.

3) Въ сл. н̀е́бълъ, пр̀и́бълъ, у́бълъ вм. нѣбыло, прибыло, убыло. Ср. въ пѣ: „Ф чи́стам по́ли х убала̀“ или „В на́ша̀м лалку́ пр̀и́ба̀ла̀“ и пр. Эти формы, извѣстныя и изъ другихъ говоровъ (см. Шахм. Изсл. 291—292; Филат. Ворон. т. 38, 259—260), объясняются сильнымъ ослабленіемъ глагола *быть*, такъ какъ все значеніе пере-

тягивается на приставку или отрицаніе, а формы глагола *быть* служатъ только какъ бы суффиксами формъ спряженія. При этомъ звукъ *ъ* или *ă* явился вмѣсто *ы* по аналогіи съ многочисленными глаголами на *-атъ*, *-оватъ*, *-ыватъ* и пр., напр. бѐгълă, дýмълă, дѐлълă, и пр.

4) Въ ф. глг. вы́мъ̀т, вы́мъл (=вымыть, вымылъ. Миша Байковъ пишетъ: вымать, вымалъ), вы́ръл, вы́шъл (=вышилъ, сравни въ пѣ: вы́шала), вы́шът, вы́шъты (=вышитъ, вышиты. Въ одной пѣснѣ запис.: „вышаты“). Во всѣхъ случаяхъ *ъ* вмѣсто *ы* въ слогѣ, слѣдующемъ за приставкой *въ*. Филатовъ (т. 38, стр. 259—260) объясняетъ такія формы (у него отмѣчено: вымалъ и выралъ) диссимиляціей *ы* съ *ъ* перваго, ударяемаго слога. Не знаю, слѣдуетъ ли допускать въ данномъ случаѣ такую диссимиляцію, но эти формы скорѣе всего образованы по аналогіи съ глаголами на *-атъ* (ср. выше о гл. нѐбълă и пр.). Аналогія эта усиливается совпаденіемъ формъ наст. вр. этихъ глаголовъ съ ф. наст. вр. гл. вымою и т. п. Такимъ обр. дýмъю, дýмъйш : вы́мъю, вы́мъйш (правильно изъ вы́мою, вы́моешь) = дýмъ̀т, дýмъл : вы́мъ̀т, вы́мъл. Для вышъты такая аналогія тоже допустима, п. ч. глаг. на *-атъ* въ описываемомъ говорѣ могутъ образовать прич. страд. на *-т-*: за́гнът, вы́брът и пр.

5) Въ глагольномъ суфф. *-ыва-*. По всей вѣроятности, этотъ суфф. смѣшанъ съ суфф. *-ова-*. Получила преобладаніе ф. *-ъвъ-*, а не *-ъыв-*, какъ болѣе слабая, п. ч. и безъ того основа глагола съ этимъ суфф. становится слишкомъ утомительной для произношенія. Прим.: пъджужу́къвът, он спи́съвът. Другіе примѣры см. въ пѣсняхъ: спрыскавайт, вси́скавайт и т. п. Миша Байковъ пишетъ: пощи́повала, прехлебовала, но также: похаживала.

6) Въ косвенныхъ падд. прилагат. вмѣсто *-ых*, *-ым*, *-ыми* слышится *-ъх* (въ пѣ.: *-ах*), *-ъм* (въ пѣ.: *-ам*), *-ъми* (въ пѣ.: *-ами*), но аналогіи съ соотвѣтствующими фф. существительныхъ. Такимъ обр. въ ф. на *-ъм* въ ед. ч. совпадаютъ падд. твор. и мѣстн. (Ср. Филат. т. 38, стр. 260) или по другимъ нефонетическимъ причинамъ (См.

въ морфологіи). Приведу примѣры изъ пѣсенъ: изъ бе́лах ру́к, вись о́лами гла́сками, кра́снъм дѣ́вушкам, т̀оплам ква́сам. Ср. въ одной пѣ., записаной Аннушкой Акимовой: подракитавамъ, и др.

7) Въ пѣ., записанныхъ мною: Гри́шанај лю́л̀ки, Ми́шана, аре́шани. Въ разговорной рѣчи этому должно соотвѣтствовать: Ми́шъна, Гри́шънă, аре́шънă. *ъ* могъ попасть сюда по аналогіи со словами на *-енка* и *-ѣнка*. Можетъ быть, здѣсь имѣетъ значеніе положеніе послѣ шипящей; въ такомъ случаѣ сюда слѣдуетъ отнести и отмѣченное выше: вышáты. Въ пѣсенныхъ: ма́шат, пля́шат звукъ *а* болѣе или менѣе правиленъ, изъ ма́шот, пля́шот, хотя въ разговорной рѣчи слышится скорѣе ма́шьт, пля́шьт, чѣмъ машът, пля́шът.

8) хлъстану́т̀ или хвъстапу́т̀=литер. хлыстнуть. Возможно, что здѣсь *ъ* изъ стараго *ѣ*. Ср. хлестать изъ хльста́ти.

9) выіґра́ш — въ сказкѣ, = выигрышъ.

Объ окончаніяхъ прилагат. *-ъј* (им. ед. муж. р.) и *-ъи* (имен. мн.) см. въ морфологіи.

ы вм. литер. *а:* су́дыр̀ (въ пѣ.). Это *ы* могло явиться по нефонетическимъ причинамъ (см. въ Морфол.).

ъ въ соотвѣтствіи съ литературнымъ *у*: пи́р̀икъ-вырну́лъс, о́мът (Миша Байковъ пишетъ: омотъ), бъравѝ́нкă. Въ первомъ случаѣ смѣшаны два сходныхъ корня. Ср ковыря́ть, коверкать при кувыркаться. Слово омутъ (ст.-слав. омѫтъ) извѣстно не съ *у* и въ другихъ ю.-влкр. говорахъ. Можетъ быть, оно сближается въ народномъ пониманіи со сл. мотать, мотокъ, заключающими понятіе вращенья; тогда омотъ=водоворотъ. Въ сл. бъравѝ́нкă звукъ *ъ* совершенно правильно изъ *о* (См. Соболевск. Лекціи, стр. 68).

ъ^{у} является въ окончаніи 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. глаголовъ на *-ую* и *-аю* и, частью, вин. ед. ж. р. прилагат. на *-ую*. Въ послѣднемъ случаѣ чаще простое *ъ* открытое. *ъ*^{у} въ 3 л. мн. глаголовъ объясняется ассимиляціей *ъ* изъ *а* звуку ў слѣдующаго слога, а отчасти и аналогіей съ глг. на *-ую* (изъ двухъ ф., на *ую* и *ъю* получилась какъ бы одна средняя, на *-ъ*^{у}*ю*. Но одной аналогіей это *ъ*^{у} объяснять нельзя, такъ какъ никакая аналогія не порождаетъ новыхъ звуковъ). При этомъ *j*, находящійся между этими 2-мя гласными, является тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе ассимиляція *ъ* слѣдующему *у*, или наоборотъ, чѣмъ слабѣе *j*, тѣмъ *ъ* болѣе склонно къ *у*. Ассимиляція *ъ* слѣдующему ў, повидимому, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ удареніе дальше отъ конца слова. При полной ассимиляціи *ъ* и *у* можетъ происходить стяженіе. Прим.: ви́лы торкъ^{у}ју́т, абе́дъ^{у}ют и пр., у́жынў́ют, по́лзў́ют (3 л. мн. ч.; 3 ед: по́лзъит). Но Миша Байковъ пишетъ въ этихъ случаяхъ *а*: новариваютъ, подговариваютъ (впрочемъ, оба случая въ пѣсняхъ, которыя онъ записывалъ, кажется, съ голоса).

Прим. стяженія: за́фтрикў́ют и за́фтрикў́т, завидъвў́т и завидъвў́ют, по́ччйвў́т (вм. литер. завидуютъ, поччуютъ) выи́грывў́.

Что касается глаголовъ на *-овать*, то въ нихъ, кажется, чаще просто ў (т. е. *у* глухое), чѣмъ *ъ*^{у}: пра́знў́ютъ, про́бў́ют и пр., если только въ наст. вр. не является новообразованіе на *-ъвъ*^{у}*ю*. ср. выше по́ччйвў́т.

Въ формахъ вин. ед. ж. р. на *ъю* (рѣдко: *ъ*^{у}*ю*), наоборотъ, является какъ бы диссимиляція гласныхъ, причемъ 1-я гласная измѣняется въ *ъ*. Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ—обратная диссимиляція: измѣняется не первое *у*, а второе: каку́я, худу́я, зилянў́я и рѣже: до́бруя и пр. (Такое произношеніе извѣстно, между проч. въ Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской губ., въ Обоян. у. Курской губ. и др.), причемъ нерѣдко *-уя* только подъ удареніемъ, а не подъ удареніемъ: *-аю*. (Ср. Рѣзановъ, Курск. Обоян., стр. 117; Филат. Ворон.,

т. 37, 221—222 и др.). Быть можетъ, вин. на -ью, -аю восходитъ еще къ старинному винит. на -ою, извѣстному по ркп. еще съ XIV—XV в. (См. Шахм., Новгор. грам. § 38). Если это такъ, то слѣдовало бы ожидать въ говорахъ вин. на -ою и подъ удареніемъ. Шахм. въ статьѣ о Мосал. гов. упоминаетъ о діалектич. вин. худою (стр. 205), но, къ сожалѣнію, не говоритъ, въ какомъ говорѣ онъ встрѣтилъ эту форму. Вообще же это окончаніе винит. извѣстно только въ положеніи послѣ ударенія, между прочимъ, и въ сѣв.-влкр. говорахъ (Ср. Матер. № 40, Самар. у.). Происхожденіе этой формы объясняется аналогіей съ формами другихъ падежей, гдѣ является *о* (всѣ косв. падд. ед. ч. ж. р., род., дат. и мѣстн. ед. ч. м-ср. р.). Этой аналогіей вызывается и то, что *ѣ* въ -ью—открытый, а не склонный къ *у*.

Послѣ мягкой согласной въ вин. един. ж. р. прилагат. не подъ удареніемъ: -ью, рѣже ьую, а при пѣніи—ию. Послѣ шипящихъ *ж* и *ш*: ью, рѣже ьую, при пѣніи—аю.

Примѣры будутъ приведены тамъ, гдѣ будетъ говориться о прилагательныхъ.

О неударяемое отмѣт. въ пѣснѣ: „пе́рвоj сади́к“. Здѣсь, собств., двойное удареніе. Такое же неударяемое *о*, но только при пѣніи, можетъ являться и у другихъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ.

У вм. литер. *ы*:

1) въ сл. суравёшкă (=сыроѣжка)—едва-ли фонетич. Нѣтъ ли здѣсь аналогіи со словомъ суро́вăj?

2) въ суфф.—ушк, въ которомъ тк. обр. совпали старыя: ушк и ышк. Прим.: со́лнушкă, ко́лушкă (им. ед.: ко́лушък), сто́клушкъф, кры́лушки, ро́брушкă, со́мушкă (имя собств.), суд̀о́нушкă (ср. въ записи Миши Байкова: „суденушко“ въ одной пѣснѣ), ка́мушък, мя́кушкă (при: мя́кьш) и др. Отм., что Миша Байковъ пишетъ въ

одной пѣснѣ: „у голубошки“. Это написаніе не соотвѣтствуетъ выговору; *у* въ суфф. не написано потому, что въ предыдущемъ слогѣ написано тоже *у*, а *о* взято изъ 1-го слога. Слѣдовательно, здѣсь зрительная диссимиляція, аналогичная съ ассимиляціей согласной слѣдующаго слога въ: „жужъ“ (въ его же записи).

У вм. *ъ* (изъ *а*, *о*): кумара́, кумаря́, кумаря́ и пр., кумаро́нъкъ, кумаро́чьк при им. ед.: кама́р, ср. глг.: ръскама́ривъла въ одной плясовой пѣснѣ; чубата́ми (только въ пѣсняхъ; въ разговорной рѣчи неупотреб.); тубаре́ткъ, думавни́чьт, кузначе́йствъ, ъкълубине́т (= околобенѣть? ъ[а]кълубине́лъ зимля́, т. е. стала твердой, не въ прорѣзъ сохѣ), и иногда въ другихъ словахъ по сосѣдству съ губными, п. ч. эти звуки, находясь въ неударяемомъ слогѣ, подвергаются лабіализаціи: бугачо́wу кри́нъчкў (приб.), пъ[у]лсапо́шки, штўп паспе́ли, шш[у]бъ wо́лк нютащил, гасти́нцъ[у]в да́м и др. (См. Шахм. Къ исторіи звуковъ, стр. 712). Но также: баγачо́ва (пѣ.). Наоборотъ, *а* вм. *у*: дабави́и сундуки́ (свад. пѣ.), мажучо́къ (въ одной пѣ., единичный случай), — въ обоихъ по сосѣдству съ губной. со́лнушнăj (ср. пацсо́лнух) рядомъ съ: со́лнъчнăj (послѣднее только въ одной пѣснѣ и то только отъ одной бабы). Но, наоборотъ: ра́дъшнъj (Миша Байковъ пишетъ и радушенъ и нерадошна, нерадошное. Я слышалъ только съ *ъ*-).

Предложная приставка су- (ст.-сл. съ-): сумлява́ццъ, пъсумлява́лсъ, супрати́вник, супрати́ф (обыкновенно, съ другимъ удареніемъ: насу́пръть), и др. См. также выше. Въ литературномъ яз. эта приставка по большей части замѣнена однозначущей приставкой *съ*, оставшись, кажется, только въ сл. супру́гъ. Ср. ст.-сл. оусѫмьнѣтиса, сѫсѣдъ и др. вы́гнуть, вы́гнули (=выгнать, выгнали), напр.: „риба́ты пашли́ вы́гнулиjо́“. Здѣсь *у* нефонетич.

е неударяемое рѣдко. Ср. въ одной пѣснѣ: но́женку, но́женки, но тамъ-же: ми́линкăj, ма́минка. Въ разговорной рѣчи очень рѣдко является такое произношеніе,

при которомъ всякое *и* и *е* неударяемыя произносятся, какъ *е*.

ъ вм. ў (ў)—же́нчьк или зе́нчьк. Но говорятъ и: же́нчўк.

ў вм. ъ (й) нефонетич.: де́нюшки при болѣе частомъ: де́ньшки. Здѣсь *у* по аналогіи со словами, имѣющими суфф. -ушк.

у и ў въ 3 л. мн. ч. глаголовъ 2-го спр., по аналогіи съ глаголами 1-го спр. (а также для диссимиляціи съ 3 л. ед. ч.), какъ и въ большинствѣ ю.-влкр. говоровъ, а кое-гдѣ даже и въ сѣв.-влкр. говорахъ. Примѣры см. въ морфологіи.

Вообще надо замѣтить, что звуковыя явленія въ слогахъ удаленыхъ отъ ударенія плохо поддаются систематизаціи. Условія для ассимиляціи и диссимиляціи гласныхъ, а также и для всякихъ звуковыхъ переходовъ по аналогіи въ этихъ слогахъ болѣе удобныя, чѣмъ въ ударяемомъ и предударномъ слогѣ: произносясь глухо, гласныя легко переходятъ одна въ другую, сливаются, иногда вовсе выпадаютъ; всѣ эти явленія зависятъ также отъ интонаціи рѣчи, отъ положенія слова во фразѣ и другихъ условій, которыя уловить и тѣмъ болѣе отмѣтить на бумагѣ невозможно.

Судьба старыхъ ъ и ь. Вставка и выпаденіе гласныхъ.

Съ гласными, получившимися изъ старыхъ (о-слав.) ъ̯ и ь̯, въ описываемомъ говорѣ, какъ и въ большей части сѣв.-влкр. и въ сѣв.-вост. половинѣ ю.-влкр. говоровъ, совпали гласныя, получившіяся изъ тѣхъ общерусскихъ гласныхъ, которыя акад. Шахматовъ опредѣляетъ, какъ ирраціональныя ъ̯ и ь̯ болѣе открытыя (см. Шахм. Мосал. 195 слл.; Энцикл. Слов., полут. 55, стр. 572). Тк. обр. говорятъ, какъ и въ литер. яз.: мо́ю,

крóю, шéjь, нéj, злój, худój, а также: дóбръj (не: дóбрыj!) или дóбрăj, зилóнăj, нъкрашы̀т, ф крави́ и пр., также, обыкновенно, —ăднајó, съмајó, тајó.

Но также, очень рѣдко, аднъjó (см. выше), а въ с. Пречистомъ той же волости, въ 5 верст. отъ Парфенокъ я слышалъ отъ тамошнихъ крестьянъ также: тъjó. Въ виду этой послѣдней ф. высказанное выше мнѣніе о вліяніи здѣсь побочнаго ударенія приходится считать невѣрнымъ.

Старый ъ выпалъ во многихъ случаяхъ, гдѣ современный литературный языкъ имѣетъ на его мѣстѣ гласную. Въ этихъ случаяхъ, по большей части, литературныя формы—книжнаго происхожденія. Тк., говорятъ; звирăццъ и т. п. Сюда же слѣдуетъ отнести совершенно правильныя: вапчé (=въ обчѣ, ст.-сл. въ обьштѣ, русск. литер.: вообще), сапчá (съ обча, ст.-сл.: съ обьшта, русск.-литер. сообща), гдѣ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ видѣть сліянія, хотя изъ сообчá, вообчѣ должно бы было получиться то-же самое.

Во многихъ случаяхъ мы находимъ гласныя на мѣстѣ старыхъ ъ и ь тамъ, гдѣ слѣдовало бы ждать ихъ выпаденія, а также вставныя гласныя въ такихъ положеніяхъ, гдѣ никогда не было глухого. Я буду разсматривать какъ появленіе гласныхъ на мѣстѣ старыхъ ъ и ь, такъ и появленіе новыхъ гласныхъ между согласными вмѣстѣ, п. ч. условія появленія тѣхъ и другихъ трудно различать между собою.

Предлоги *об* и *под* являются въ видѣ ъбъ, ъба, пъда, пъдъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ, гдѣ фонетически ъ долженъ бы былъ выпасть. Не только: ăбъвират̀, ăбъвиру̀ (что вполнѣ понятно при ъбабрат̀), но и: ăбарéзъла, ъбарéзът̀ и т. п. вмѣсто ожидаемыхъ аввиру̀, абрéзъла (предлогъ *об* по большей части въ описываемомъ говорѣ является съ *б*, ср. ъбабри́ и пр.).

пъдагрéст̀, пъдабри́с (=подбрейся), пъдашóл (послѣднее слово въ той же ф. и въ литер.) и др.

Также съвира̀ть рядомъ со зъвира̀ть. Вторая ф.—органическая; первая—вторичная при сабра̀ть (Миша Байковъ въ сказкахъ пишетъ сабираются и сбираться). Указаные случаи нельзя объяснять книжнымъ вліяніемъ (ст.-слав. яз. вмѣсто *об* передъ согласной имѣетъ *о*, а не *объ*), п. ч. происхожденіе ихъ вполнѣ естественно и легко объясняется аналогіей съ другими случаями.

дълина́=литер. длина́ (въ дълину́, дълины́) при исключительно употребительномъ дли́ннъj. Причина, почему при дълина́ не явилось дли́ннъj, заключается въ различіи этихъ словъ по мѣсту ударенія, но появленіе гласнаго въ словѣ дълина́ тѣмъ не менѣе неясно. Можно объяснять это, какъ фонетическими условіями, такъ и аналогіей. Зубныя *т* и *д* передъ *л*, какъ твердымъ, такъ и мягкимъ, не могутъ оставаться согласными полнаго образованія и измѣняются по направленію къ *л*. Между тѣмъ языкъ стремится сохранить первоначальный характеръ согласной, какъ согласной полнаго образованія. Это достигается или появленіемъ минимальнаго гласнаго или диссимиляціей *д* и *т* передъ слѣдующимъ *л*. Такая диссимиляці́я имѣется въ нѣкоторыхъ говорахъ, гдѣ говорятъ *гля* вм. *для;* 2) Стремленіе сохранить за согласной ея прежній характеръ вызывается другими формами, гдѣ эта согласная, не будучи въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для ея образованія, сохраняетъ свой первоначальный видъ.

Для слова дълина́ аналогіей могли быть сл.: до́лгъj (синон. слова дли́ннъj), до́лшь, дългата́ и т. п. Слово доли́на или, б. м., долина́ (Ср. въ пѣ.: „Шол Ваню́ша да̀лино́ю“—долгимъ путемъ или лощиной?) въ смыслѣ: ложбина, низкое мѣсто, едва ли могло само по себѣ содѣйствовать образованію слова „дълина́“ въ см. длина́.

пъсалты́р (Миша Байковъ въ сказкѣ пишетъ: посалтыремъ, посалтырь). Сочетаніе *пс* въ началѣ слова описываемому говору вообще неизвѣстно. Русскій яз. имѣлъ (и, частью, имѣетъ) это сочетаніе только въ двухъ словахъ: въ косв. падд. отъ сл. песъ и въ глаг. псати (пьсати=писать), въ обоихъ случаяхъ непосредственно передъ

ударяемой гласной. Какъ незнакомое говору въ своихъ словахъ, это сочетаніе, конечно, является нѣсколько затруднительнымъ.

Въ склоненіи нѣкоторыхъ существительныхъ гласная изъ стараго ъ или ь проводится и по тѣмъ падежамъ, гдѣ старый глухой долженъ былъ выпасть. Эти слова слѣд.: в рату́, ро́тйк (вм. ва рту́, рто́к), ратýшкă (то, что можно положить въ ротъ за одинъ пріемъ), но: у рта́ или у́ ртă; мо́ха (отъ им. мох=о-слав. мъхъ); ро́жы (род. ед. отъ: ро́ш), рядомъ со: ржы́, к любо́ви, биз любо́ви (отъ и́мен. любо́ф или любо́ф, старое любы, любъ̆ве, любъ̆вию; эти фф. извѣстны мнѣ только изъ пѣсенъ, но, кажется, употребляются и въ разговорномъ яз.), но рядомъ й: любвй. Обратное явленіе—выпаденіе старой гласной полнаго образованія въ формахъ склоненія—является въ тѣхъ же словахъ, какъ и въ литерат. яз.: пъталка́ (нъ пъталке́, ср. сѣв.-влкр.: потоло́ка), ка́мнь, ко́рнй и пр., кало́ццă и т. п. Кажется, говорятъ „ва рву́“, но обыкновенно слово ров совсѣмъ не употребляется, а замѣняется словомъ „кана́вă“. Впрочемъ, правильно: „ро́вьк“. Отъ лот косв. лда, лду́, илду́, са лдо́м, на лду́. Старинная ф. ло́ду встрѣчается только въ плясовой припѣвкѣ: „Прихади́ кума́ за ло́ду, ло́ду да́м“. Отм. еще: ăгуре́чьк рядомъ съ агу́рчьк, подъ вліяніемъ основного ăгуре́цъ (при родит. ăгурца́ и пр.), кане́чьк (нъ кане́чьку), стибиля́ (множеств. отъ сте́бьл: мали́нъ фсй ф стибиля́х), аро́лик (=орликъ), но: на́лчьк и т. п.

„Ру́зъскъвъ уjе́зду“ вм. Русскъвъ...“ (Рузскій). Но здѣсь слѣдуетъ видѣть не столько появленіе вторичнаго глухого, сколько употребленіе суфф. -ов- (первоначально являвшагося только въ деноминативныхъ образованіяхъ отъ основъ на -у-, чередов. съ -ов-, т. е. въ такихъ образованіяхъ, какъ сыновской, любовный, но потомъ распространившагося и на другія основы). Ср. въ одномъ письмѣ: «Рузовскаго уезда“.

Въ глаголахъ на *-ну-* является вставное *а*: щълкану́т, тълкану́т, мърганý́т, мълкану́т, пугану́т, стйгану́т,

хлѣстану́ть, мѣхану́ть, дърган у́ть (пльскану́ть), б. м., и др. Въ этихъ глаголахъ никакого проясненія *ъ* не могло быть, п. ч. первоначальный видъ ихъ не мьргънжти и пр. Въ ст.-сл.: мрѣгнжти, тлѣкнжти, двигнжти и т. п. Отсюда въ русскомъ: двинуть, двинулъ, такъ что гласной здѣсь являться неоткуда. Мнѣ кажется, что *а* въ этихъ глаголахъ скорѣе всего занесено изъ неоднократныхъ глаголовъ щелкать, толка́ть, морга́ть, мелька́ть, пуга́ть, стегать, маха́ть (съ наст. маха́ю) съ удареніемъ на конечной гласной основы и съ наст. на -а́ю. *а* здѣсь чувствуется принадлежащей основѣ глагола вобще и переходитъ въ образованія однократнаго вида. При этомъ между фф. маханý, толканý, хлестанý съ одной стороны и махну, толкнý, хлес(т)нý — съ другой могло сознаваться такое же грамматическое отношеніе, какъ между маха́ю, толка́ю, хлеста́ю и машý, толчý, хлещý. Такое предположеніе мое, конечно, надо будетъ признать невѣрнымъ, если въ сѣв.-влкр. говорахъ окажутся такія образованія со звукомъ *о* перед -*ну*. Но, сколько я могу судить, такія образованія изъ сѣв.-влкр. говоровъ неизвѣстны, а распространены только въ ю.-влкр. (Ср. Рѣзан. Кур. Обоян. стр. 90 и др.). Даль почему то пишетъ въ этихъ словахъ *о*: топонý, толконý и пр., но не отмѣчаетъ, гдѣ они имъ записаны. Если же здѣсь *а* фонетическаго происхожденія и въ соотвѣтствіи съ нимъ существуютъ сѣв.-влкр. фф. на -онý-, то придется предположить, что первоначально вставная гласная являлась только въ тк. глаголахъ, какъ толкнуть, моргнуть, мелькнуть для устраненія стеченія 3-хъ согласныхъ, а затѣмъ уже была усвоена и другими глаголами.

Рядомъ съ новообразованіями на -ану́ть сохранились и старыя ф. на -нуть: гланý́ть, качнý́ть, то́рнуцъ, дви́нуть, стри́хнýцъ, прачхнýцъ, прачкнý́ть, до́рнý́ть и пр.

Предлоги *въ, съ, жъ* въ пѣсняхъ могутъ сохранять (или, вѣрнѣе, возстановлять) гласную при всякомъ положеніи, напр.: въ садо́чѣи, ва дéушкъх, ва jéтим и мн. др. Это явленіе извѣстно, кажется, во всѣхъ говорахъ. Меж-

ду проч. ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 266: „предлоги съ *з* почти всегда измѣняютъ этотъ *з* въ гласный звукъ или — вѣрнѣе — на его мѣстѣ является гласный звукъ, и это явленіе повсемѣстное.“ Наблюденіе Филатова опровергается его собственными записями сказокъ, гдѣ, по большей части, отмѣченаго имъ явленія нѣтъ, кромѣ единичныхъ: ва кула́к, т. 40, стр. 32, и ка двару, ibid. стр. 33, притомъ во второмъ случаѣ „ка“ передъ двумя согласными. Тк. обр. наблюденіе Филатова слѣдуетъ отнести цѣликомъ только къ пѣснямъ. Шахматовъ въ своихъ Лекціяхъ (стр. 53—54) чуть-ли не во всѣхъ такихъ случаяхъ предполагалъ вліяніе книжнаго языка, но, какъ мнѣ кажется, они могутъ объясняться и условіями пѣнія, отличными отъ условій разговорнаго языка.

Только въ пѣсняхъ: кърапи́вă; кълубни́кă (Миша Байковъ въ пѣсняхъ тоже пишетъ: „колубничка“. Повидимому, онъ записывалъ съ голоса). Но обычно: крава́т.

При пѣніи между согласными можетъ развиваться бѣглый глухой и ирраціональный гласный звукъ. Это явленіе не стоитъ въ связи съ явленіями разговорнаго языка.

Вставное *у*—въ сл. пушо́ннъj: пушо́ннъй ка́шъ, но: пшано́. *у* въ сл. пушо́ннъj не по аналогіи ли съ пушо́нъj (отъ пушы́т)? Въ другихъ говорахъ извѣстно въ словѣ пшено и производныхъ вставное ă (ъ): пăшано́.

Выпаденіе гласной въ серединѣ слова, не стоящее въ связи съ перечисленными выше случаями отм. въ сл. блъγдари́т, блъславлёнjь (изъ блъγъславлёнjь черезъ посредство блъhъславлёнjь), оба раза въ положеніи не непосредственно передъ удареніемъ, но въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласная не выпадаетъ: блъγаро́дьн, блъγада́рьн и пр. Ср. ниже—о сокращеніи полногласныхъ созвучій.

ɪwă̯р̥т (съ ă̯ ирраціон.) = говоритъ, но съ ослабленнымъ значеніемъ. Въ другихъ говорахъ сокращеніе этого слова еще сильнѣе.

Другіе случаи выпаденія гласной удаленной отъ ударенія непостоянны; въ сказкахъ отм.: ппада́йццъ, де́душк и др. при обычныхъ: пъпада́йццъ, де́душк.

Только въ пѣсняхъ встрѣтились три случая выпаденія гласной въ предударномъ слогѣ: пругат̯, па̯р̯но́к (оба слова въ Куровѣ), мня́. Въ разговорной рѣчи ни одно изъ этихъ словъ въ такой формѣ не встрѣчается. Въ другихъ говорахъ „мня́“ встрѣчается.

Полногласіе.

Есть нѣсколько словъ въ неполногласной формѣ въ разговорномъ языкѣ, именно: вряда́ (и вр̯ида́, рѣже въ муж.: вре́т,=литер. вредъ), вр̯е́днъj и произв., при ве́рьт (род.: ве́рьдӑ) въ другомъ значеніи (=болячка), дапр̯е́ш, др̯е́въ, рядомъ съ де́рьвӑ, благо́j (въ разныхъ значеніяхъ: в благо́j ча́с=въ добрый часъ; благо́jь дитя́=крикливое, капризное дитя; моj тя̆тинькӑ благо́j въ пѣ.: сердитый) и произв.: блажно́j, блажы̆т и пр.; агра́дӑ, сла́ткъj, ндра́ф, ндра̯вйццъ, при но́ръф, снаро́фкӑ; тр̯ебъвъ̆т, вр̯е́мь.

Только въ пѣсняхъ: младо́j, мла́дъс̆т, мла́ццу, а въ недавнихъ пѣсняхъ: хла́днъj и злато́j, при разговорныхъ и пѣсенныхъ мъладо́j, мо́лъ̯дьц, мо́лъ̯дъс̆т, халоднъj, зълато́j.

Но вообще полногласіе, по крайней мѣрѣ, въ разговорной рѣчи, соблюдается строже, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. Отм.: с̯ирида́, ф с̯е́рьду, с̯ир̯е́днъj, с̯ир̯е́т̯, пъс̯ир̯о́т, с̯ирид̯и́, с̯ир̯о́дыш, бир̯е́мя, мъладе́ньц (мъладе́нцӑ); предл.: ч̯е́р̯йз, п̯е́р̯йд или пьр̯йд, пйр̯й (только какъ приставка).

Второе полногласіе: пъпало́с (= поползъ), жьр̯ало́, мо́лъ̯нj̯ӑ и мълан̯j̯а́. О словѣ тырыкӑт̯ см. Соболевск.: Изъ исторіи русск. яз. Ж. М. Н. Пр. 1897. май. стр. 54.

Если звуковая группа -оло, -оро-, -ере и т. п. не находится подъ удареніемъ и не непосредственно предшествуетъ ударенію, то она подвергается сокращенію, причемъ въ положеніи не послѣ ударенія выпадаетъ вторая гласная этого звукового сочетанія, т. е. та, которая ближе къ ударенію.

йӣрӣтинь, йӣритинул, йӣристрочьнъй, чӗрис тын, йьрид домъм, йьринозйт, йӣривозйт, йӣриложыт и пр., но: визтяно, виртиницъ (одно изъ прозвищъ ящерицы), йирнасит, йиркристит, йирлажыт, йирмачит и пр., Сълманидъ, чьрсидӗлнйк, дирвяноj, ъдйрвинӗт, пйрнисречивът (говорить наперекоръ), пирскачит и т. п. йьработъwу (съ *р* слоговымъ). Подъ вліяніемъ бърнават, гдѣ *о* выпало фонетически, — барную, барнуют, рядомъ съ бъраную, но всегда: бърана, бъранит.

Миша Байковъ пишетъ: первези, воржия, перьрубилъ, перковынула, первернула, пердомной.

Предлогъ *перед* въ этомъ положеніи можетъ и не сокращаться, п. ч. онъ является энклитикой постоянно только въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ, а въ другомъ положеніи часто получаетъ самостоятельное удареніе. Предл. чӗрьс почти всегда имѣетъ самостоятельное удареніе.

йирда мноj, йирдакном, но также: йӗрьд акном, чӗрьзъгарот, пӗрьт табоj и т. п. Говорятъ также: йирида моj, йирьт табоj.

Если не считать предлоговъ перед и черес, то несокращеныя полногласныя формы въ такомъ положеніи рѣдки. Въ моихъ записяхъ только 2 случая: йӣрйкъвырнулъс(а) (въ сказкѣ) и Вълъкаламскъ (въ легендѣ, записаной отъ церковн. сторожа въ с. Васильевскомъ).

Достовѣрныхъ примѣровъ сокращенія звуковыхъ сочетаній -оро-, оло, ере и т. п. въ положеніи послѣ ударенія мнѣ не пришлось подмѣтить. М. б., такое сокращеніе—въ „вызлочены“ (запись Дуни Максимовой); здѣсь выпала гласная, которая была ближе къ ударенію. Въ ана-

логичномъ положеніи: вы́тр҃сила = вытаращила, но въ плясовой частушкѣ.

Иногда, кажется, въ положеніи передъ удареніемъ отпадаетъ не 2-я гласная звукового комплекса -оро-, оло и пр., а 1-я. Ср. прйда мно́ю (въ сказкѣ), прйт табо́ю (гдѣ выпаденіе 2-й гласной представляло фонетическія затрудненія). пъра҃со́нъкъ и пра҃со́нъчькъ, въра́тили ја́во́; биспримѐннъ. Въ записяхъ Миши Байкова: завлоса, повратилъ лошадь. Въ этихъ случаяхъ несовсѣмъ удобно усматривать неполногласныя (т. е. книжныя) формы.

Въ нѣкоторыхъ словахъ книжнаго происхожденья вмѣсто приставокъ перед и пере является при. По большей части, эти приставки отожествляются и по смыслу съ приставкой при, что видно изъ тѣхъ измѣненій въ значеніи, какія претерпѣваютъ книжныя слова съ этими приставками въ народной рѣчи, и изъ управленія глаголовъ такого происхожденья. Ср. наприм. пристая́т, прида́т, прид҃илит (придать къ суду, придилить къ мѣсту, къ должности, и пр.). Но иногда эти приставки понимаются вѣрно. Ср. народное объясненіе слова „прилавлѐнје“ (Будто этотъ праздникъ названъ такъ потому, что Христосъ въ этотъ день Іорданъ „прплыва́л“. Въ Каси́м. у. говорятъ правильно: „пирипа́лавѐнье“— Будде. Къ ист. стр. 112. Будде совсѣмъ некстати видитъ здѣсь вставку гласной).

Приставка гласной въ началѣ слова.

а — ъ: ъгаро́х, а́ржано́ј, а́л҃лпо́ј, а́пшани́шнъј (а́крамя́, ъпасля́ или апо́сли, Акси́нја́).

и: истру́п, и҃лну́ рядомъ со: ѧну́ („Мы́ ба́ ста́ли и́спълу бра́т, у нас и҃лну́ м҃а́лъ, у нас ѧну́ паччи́ са҃фсе́м нѐт“).

Другого происхожденія и въ началѣ слова въ сл. ишо́л, ишла́, ишли́ (Миша Байковъ пишетъ ишолъ нѣ-

сколько разъ, но также: шолъ, шли) чаще, чѣмъ простое: шо́л, шла́, шли. Существуетъ 2 объясненія *и* въ этомъ словѣ. По одному (Соболевск. Лекціи 131)—ишо́л изъ из-шьлъ, въ которомъ согласная предлога (утеряная еще въ о.-слав.) не была возстановлена; по другому (Филат. Ворон., т. 38, стр. 265) „*и*“ въ этомъ словѣ заимствовано изъ формъ наст. врем. Таже ф. съ тѣмъ же значеніемъ существуетъ въ србск. (и̏шао, и̏шла) и польск. язз. Русское ишо́л врядъ ли изъ и́з+шьлъ; старославянскому ишьлъ въ русскомъ соотвѣтствуетъ вы́шелъ; кромѣ того, въ ст.-сл. и́шьлъ удареніе было на *и*, въ соотвѣтствіе чему хоть въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка слѣдовало бы ждать и́шьл (и́шол).

Отпаденіе гласныхъ въ началѣ слова.

1) Въ иностр. словахъ: Ляксáндрă (и мужск. и женск. имя), но въ одной пѣснѣ (не въ разговорѣ!): „Аликсáндрăскы салдáты“; Ликсéj (с ˀЛиксéйм и т. п.), рéндъ, ˀриндáк (род.: ˀриндакá=арендаторъ), ˀрйндаваˀт, палéты, талjáнкă и производн.

2) Въ русскихъ словахъ: жырéˀти (Ср. Будде. Къ исторіи, стр. 196), придилйˀт, сполнйццъ, врáк (примѣры: Сарóчьj врáк, касиˀт врáк), мининнйк (напр. аˀтец минúнник. Ср. у М. Байк.: поподья менинница). Изъ перечисленныхъ случаевъ только въ послѣднемъ несомнѣнно отпала гласная; слово „придилиˀт“—книжнаго происхожденія и понято, какъ при-дѣлить; слова „жырéли“ и „врáк“, б. м., восходятъ къ старымъ формамъ этихъ словъ безъ предложной приставки *о(б)*. Будде (Къ исторіи, 76) приводитъ примѣры на слово „врагъ“ въ смыслѣ: оврагъ изъ старо-русскихъ грамотъ XV—XVI вв., но отмѣченая имъ въ Касим. гов. ф. „завраґӑм“ не можетъ служить примѣромъ, п. ч. изъ „за авраґӑм“ получилось бы то-же самое. Въ сл. „спóлницъ“, вѣроятно, приставкой служитъ предлогъ *съ*, а не *из*. Предлогъ *с-* въ народной

рѣчи чаще, чѣмъ въ литературной, ср.: спако́j, спакаицъ, б. м., также въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ этому *с-* и *з-* соотвѣтствуетъ литературное *вз-*.

3) Иногда на́ вмѣсто „она“, рядомъ съ ана́. Прим. пришла́на̀ (оба *а* — краткія).

Объ отпаденіи гласной передъ гласной или послѣ гласной см. ниже—о сліяніи гласныхъ.

Отпаденіе гласной въ концѣ словъ.

1) Въ infin. глаголовъ на ти́ съ основой на согласную, съ переносомъ ударенія на основу: ѝне́с̀т', гре́с̀т', вѐс̀т', пл̀е́с̀', ѝйрине́с̀т', ро́с̀т', т̀е́ч, бе́ч, ѝе́ч, се́ч, запре́ч и пр. (Въ другихъ случаяхъ „и“ въ окончаніи infin. утрачено всѣми влкр. говорами) -ти́ съ удареніемъ на концѣ сохранялось только отъ глагола ити́ съ производн., который вмѣсто сокращенія ф. infin. получаетъ вторичную инфинитивную наставку -т̀: ит̀и́т̀. Въ производныхъ отъ ит̀и́т̀ эта наставка обыкновенно остается, но можетъ и не быть: наj̀т̀и́т̀, заj̀т̀и́т̀, вај̀т̀и́т̀, вы́j̀т̀ит̀ и пр., рѣже: наj̀т̀и́, вај̀т̀и́, уj̀т̀и́, вы́j̀т̀и, еще рѣже: ит̀т̀и́.

Въ пѣсняхъ, наоборотъ, встрѣчаются infin. на -ти даже и отъ глаголовъ съ удареніемъ на основѣ: ѝи́т̀и, лювѝи́т̀и, вѝс̀ѝли́т̀иса̀, радава̀тиса, и пр.

2) Въ формахъ ед. ч. пов. накл. на *-и́* (*и* неударяемое отпало во всѣхъ влкр. говорах) съ переносомъ ударенія на основу: прагѡ́н̀, адгѡ́н̀, аттво́р̀, затво́р̀, схарѡ́н̀, по́т̀, пасо́т̀, пака́ш, пало́ш, стано́ф (или стано́ф; пъстано́ф), j̀е́т̀, падj̀е́т̀ (=повѣжай), вы́т̀; и др. Множ. ч. отъ этихъ формъ: адгѡ́нти, затво́р̀ти, пасо̀т̀ти, стано́фтис и т. д. но: уj̀д̀и́, заj̀д̀и́, пъдај̀д̀и́, пр̀ид̀и́, и др.; хад̀и́, мал̀и́, хр̀ис̀ти, лювѝ́, вир̀и́, нис̀и́ и др. При этомъ, и отъ тѣхъ глаголовъ, въ которыхъ -и́ въ повелит. отпадаетъ, употребляются и фф. на -и́: пъкажы́, пад̀и́; вы́j̀ди.

Во множ. ч. повелит. на -т̀и конечная гласная можетъ отпадать, напр.: падит̀ истапи́т̀ маю̀ ба́ню и др.

3) Въ мѣстоименн. выраженіяхъ: што́ тако́й, кой што́, кой хто́ (косв. кой каму́ и пр.), кой ка́къ и пр. Ср. што́-ѝть тако́йчѫ. У Миши Байкова: кой-какъ, што такой, кто такой.

4) Въ предлогѣ: о́къл при о́кълѫ и о́къл (не: о́кул!): о́къл чиръте́, о́къл мо́сту, о̀къл до́му и т. п.

5) Въ зват. пад. при имен. на -а, кк. ѝде́душк при им. ѝде́душкъ (см. Морфолог.).

6) Въ нарѣчн. выраженіи: ста́л бъ̀т (=стало быть); въ повелит., употребляющемся по большей части въ значеніи союза: ѝни тро́к (нпр.: ѝни тро́г в ѝдиръ́вѝни пъжывѝо́т и пр.), ни за́м, чаще: ѝни замѫ́й, набо́с и ѝнибо́с.

Наоборотъ, сохраняется гласная въ концѣ слова:

1) Нерѣдко въ окончаніи -ся взвр. глаголовъ, не только послѣ согласной, но и послѣ гласной: баю́са, испуга́ласа (ж. р.), ана̀ ръскало́лъса. Ср. у Миши Байкова (въ сказкѣ): спрошуся. Въ пѣсняхъ такія неусѣченыя окончанія гораздо чаще, чѣмъ въ разговорной рѣчи.

2) Въ нарѣчіяхъ: ѕдѣ́сѧ, та́ма, ту́тѫ и въ словѣ нѣ́ту. Ср. въ записяхъ Миши Байкова: тама, сдѣся (въ пѣсняхъ); нѣту (сказк.).

Стяженіе гласныхъ.

Стяженію подвергаются преимущественно неударяемыя гласныя. При этомъ слѣдуетъ различать слѣдующіе случаи: 1) стяженіе гласныхъ непосредственно передъ удареніемъ; 2) не непосредственно передъ удареніемъ; 3) послѣ ударенія. Съ другой стороны: 1) когда между стягивающимися гласными не было никакого неслогового звука; 2) когда между ними выпало неслоговое ѝ или w. Гласная, получающаяся отъ стяженія неударяемыхъ гласныхъ, почти всегда краткая, но можетъ отличаться по качеству отъ нестяженныхъ гласныхъ (таково у въ окончаніи 3 л. мн. глг., ѣ°—въ оконч. 2 и 3 л. ед.). Слѣдовало бы различать случаи стяженія по ихъ относительной древно-

сти, тк. е. несомнѣнно стяженія: мавó, пымáт, накнé, ʼниднамý принадлежатъ различнымъ эпохамъ, но это различіе я оставлю въ сторонѣ.

ъ (а,о)+а (ъ,о) и ъ+ъ.

Это стяженіе почти обязательно: паʼвéдът, нăбарóт, нъгарóди, накóшкă, заʼвéдъм, заʼвúнъм, навúни, пъгарóх (по+огорох) и др.; „Он ијò лю́бит, ана́ (= а она) јивò ну к штóш“; въ пѣсняхъ: нагарóди, заблака́, пăтарва́ли и др. У Миши Байкова: накошко, хотя чаще: на окошкѣ и т. п., победать, онъ победалъ. Но иногда стяженіе не происходитъ; въ одной сказкѣ у меня записано: адúн нъ адúн (даже не: нăдúн). Можетъ въ этомъ положеніи являться и ā (нереторическое!): „двóя нăдúнъвă“ (запис. въ Савельевѣ). (Ср. также сказки).

у+у. кы́скувида́л (въ сказкѣ) и др.

у+а или ъ (изъ а, о, ъ). Въ положеніи непосредственно передъ ударéніемъ стяженія не происходитъ: у аццá, у аднóј, у акнá, у ăфсá или: у wацца́, у wаднóј, у wакнá, у wафсá. Но говорятъ: уднавó, угарóдă (у огорода; слово огородъ само по себѣ всегда: ъгарóт), у ʼМиʼцjа́нă (не послѣ безударной гласной, кажется: ăмиʼлjа́н) и только разъ: нуддáл (= ну оддалъ) въ сказкѣ.

ъ (а, о)+у. Рѣдко: зугло́м (= за угломъ), нува́рцьви (= на Уварцевѣ), путрý и пўтрý, также пъутрý и др.

й (е)+а или ъ (а, о, ъ). Въ положеніи непосредственно передъ ударéніемъ (т. е. собств. и+а) стяженія не происходитъ: ʼнй абмáньт, ʼнй астáвьт, пр̀й аднóм, пр̀й аццé. Въ словахъ ʼНиʼнúлă, Диʼнúс стяженіе гласныхъ въ примѣръ не идетъ, п. ч. это — слова иностранныя (и здѣсь стяженіе—очень старое). Но въ слогѣ черезъ слогъ передъ ударéніемъ (т. е. изъ и+ъ) гласныя стягиваются. Нпр. нътwърати́т (сказка), и въ пѣсняхъ: ʼнидна-мý, ʼнибʼливáј ʼслизóю, ʼнибижáјса, ʼницынéнъј.

й (е) + у въ пѣснѣ: ʼнюжéли. Въ разговорной рѣчи не только ʼниужéли (впрочемъ, почти что неупотребительное), но и ньужли; впрочемъ, при очень быстромъ

произношеніи, могутъ сказать и нюжлй; вймюфсéх (=вымя у всѣхъ — въ сказкѣ).

О стяженіи: гласная + и (и і) см. дальше.

Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименій притяжательныхъ употребляются только стяженыя формы: мавó, твавó, свавó, мамý, тваму́, сваму́. Отм.: по сваму́ (=литер. по своему). Нестяженыя фф. мъивó, свъивó, мъиму́ и пр. употребительны только въ пѣсняхъ новой фабрикаціи, но не въ старыхъ пѣсняхъ и не въ разговорѣ. Написаніе: своего и т. п. у Миши Байкова — грамматическое.

Стяженіе гласныхъ является въ личныхъ флексіяхъ глаголовъ не подъ ударéніемъ, преимущественно отъ глаголовъ съ основой на *-ыва-* (и на *-ова-*, гдѣ послѣднее понято, какъ *-ыва-*), но необязательно. При этомъ гласная, получившаяся отъ стяженія, имѣетъ особенный выговоръ: въ 3 л. ед.—ъ, склонное къ *о*[1] (т. е. *о* закрытому), а въ 3 мн. какъ бы *у* открытое, похожее на сокращеніе дифтонга у̯о. Это стяженіе, мнѣ кажется, нельзя ставить въ связь съ сѣв.-влкр. дѣлаш, знаш и т. п., такъ какъ сѣв.-влкр. стяженіе восходитъ къ фф. дѣлаашь, знаашь, и потому не зависитъ отъ ударенія, а стяженіе, наблюдаемое здѣсь, зависитъ главнымъ образомъ отъ положенія не подъ ударéніемъ и отъ длины слова. Примѣры:

выйгръву, ни ăбрабáтыв̆ъ̊ш, пас̆тóгыв̆ъ̊т, пъджужýкъв̆ъ̊т, он с̆писъв̆ъ̊т, нъвалáкъв̆ъ̊т, раскáзыв̆ът, спрáшъв̆ът, изнáшъв̆ът, анá чирáпкъца, анé пакóс̆нйчўт, ъхабáчьв̆ўт, пайдóм паужынъм, свинjà хрю̆кът, анà абóи сарáй закáшъwът палнéнкъ, (небо) засúниwъццъ, (она) клáньцъ и др. Особо стоитъ бóзнъ̆ът, рѣже бóнзнъ̆ът въ значеніи нарѣчія, обыкновенно въ выраженіи бóзнъ̆ът штó. Здѣсь сокращеніе вызвано еще очень давно (-т!) потерей первоначальнаго значенія. Говорятъ и Бóу знàйт. Въ пѣсняхъ: паскáкъв̆ъ̊т, паплясъв̆ът, навáзъв̆ўт, аткáзыв̆ўт, паткáтыв̆ўца, пóччйв̆ўт, дéлът и одинъ разъ: дéлъ̆ти (2 мн.).

Но также: паткáшливъйт, пацс̆мéйвъйт, пакáзывъйт

спрашѝвъйт, хрю́къйш и др.; въ пѣсняхъ: патре́скъвъит, па̀мѝре́скъвъит и др.

Эти стяженія произошли только благодаря выпаденію i̯. Къ такого же рода стяженіямъ относится и ф. ко́ѳьм (при имен. ко́ѳьj) рядомъ съ ко́ѳьjьм.

Стяженіе гласныхъ благодаря выпаденію *u* отм. въ nom. patronym. на -ѝч и -ъч изъ -овичъ: Яго́рѝч, Ива́нѝч. Ср. въ пѣснѣ: „Ужъ какъ по саду-садику“: „Што Ликсе́j ли ʾФо́дăрăч“. Стяженіе здѣсь *o*+*u* (*ъ*+*u*) въ -*ъ*- (рядомъ съ -*ъu*-) ср. съ *ѣ* такого же происхожденія въ личныхъ флексіяхъ глаголовъ.

Если изъ двухъ стоящихъ рядомъ гласныхъ одна — подъ удареніемъ, то стяженіе рѣдко, и если бываетъ, то гласная отъ стяженія — обыкновенно долгая: ступа́j ищи́j̀о и др. Но краткія гласныя: ана̀пя̀т (= она опять), ни мая́лище́ть (= не моя ли еще эта).

Звукъ *u* въ серединѣ слова въ сосѣдствѣ съ другой гласной.

Въ этихъ положеніяхъ *u* или становится неслоговымъ (i̯, j) или сливается съ другой гласной, или выпадаетъ. Послѣдніе 2 случая не всегда можно различать.

j изъ i̯ послѣ согласной: ʒ̀ја́йт (при inf. ʒ̀ја́т. Литер. зіяетъ — ф. книжная), ʒ̀ја́йт, заʒ̀ја́йт (въ выраж.: „какъ ви́хъ̀р заʒ̀ја́йт“); [1]) жы̀тj̀о́, пѝтj̀о́, Усплѝнj̀о́ или Успле́нj̀ь, Успле́нj̀ьв дн́, пращ́нj̀ь, и пр. (о выпаденіи *j* въ такихъ ф., какъ пращ́ница, см. ниже). Но въ легендѣ о Николаѣ Чудотворцѣ и Іосифѣ Волоколамскомъ, богатой книжными словами, встрѣчается также: „вид́нj̀ь“ (2 раза). Въ сказкахъ: с ма́тирйю, рукъписа́нj̀ь.

---

[1]) Ср. серб. вијати; литер. вьюнъ, вьюга отъ того же корня, но съ другой глагольной основой; въ сл. вѣять—тотъ же корень въ сильномъ видѣ.

j (i̯) изъ *и* или *j*+ неударяемая гласная послѣ гласной, кромѣ *и* только въ нѣкоторыхъ словахъ, а именно: 1) въ сложныхъ съ имать и ити: заи̯ма́и̯ (*о*: ни̯ зама́j см. ниже), пайма́и̯, найма́и̯, ъбайму́ и пр.; заи̯ти́и̯, уи̯ти́и̯, пъдаи̯ти́и̯, ъбаи̯ти́и̯, зайду́, пъдайду́, уйду́, вы́йду и вы́и̯ти́и̯ (послѣднія два слова въ такомъ видѣ рѣдки). У Миши Байкова: уйтить, пойдешъ, пойдемъ, взойдетъ, но выдетъ (см. ниже). Рядомъ съ перечисленными сложными съ *-имать* употребительны и заимствованыя изъ литературнаго языка: нъни̯ма́и̯, пъни̯ма́и̯ (глг. несоверш. вида при соверш. пана́и̯, причемъ по́нъл почти=запомнилъ), въни̯ма́и̯ (=вынимать, см. ниже). Но въ сложныхъ съ играть и др. *и* остается слоговымъ: пръигра́и̯, пръигра́йш. 2) въ другихъ случаяхъ: аччаjнъj рядомъ съ ачча́йнъj, аччайны (i̯ изъ *и*=*ja*); де́лъi̯тй, бе́гъi̯тй—2 л. мн. indic. (только въ пѣсн.), што́ i̯тъ тако́йчь, гъде i̯тӑ, и т. п., (i̯тъ изъ это). Наоборотъ *и* слоговое вмѣсто i̯ встрѣч. въ одной пѣснѣ: „сам сел на скаме́ику“.

Почти всякое *и* (изъ *и*, *е* или ja) послѣ гласной при положеніи послѣ ударенія не на концѣ слова переходитъ въ i̯, составляющее съ предшествующей гласной долгій дифтонгъ: де́лъi̯ш, играi̯т, што́ i̯тъ, и др.; въ концѣ слова *и* остаётся слоговымъ въ имен.-вин. множ. существит. и прилаг.: сара́и, бе́лъи, зи̯ло́нъи и др.

и (или другая неударяемая гласная послѣ мягкой согласной или *j*)+*и* даетъ *и* (получающееся или путемъ стяженія изъ ѣ или черезъ отпаденіе i̯ изъ второго *и*): jицо́ (=яйцо), ни̯ду́, ни̯до́т (рѣже: ни̯i̯до́т), при̯ду́, при̯до́т, прима́и̯, мая́ гало́wушкӑ нъприма́лъз го́рюшкӑ, ни̯зме́нъj и др. У Миши Байкова: нипримаетъ.

ы+*и* даетъ *ъ* (изъ ы+i̯) въ сложныхъ съ *ити* и *имать*: вы́йду, вы́i̯дьт, выма́и̯т, выма́йт. Но говорятъ и: въни̯ма́и̯, заимствованное изъ литературнаго языка.

У Миши Байкова: выдетъ.

Старое *о*+*и* дало *ы* въ одномъ словѣ: пыма́и̯, пыма́йш; рядомъ съ этимъ говорятъ: пайма́и̯, пайма́йш и, какъ сдѣлка между этими двумя формами, пыjма́и̯, пыj-

ма́л, пыjма́йш. Въ другихъ сложныхъ съ имать и въ сложныхъ съ ити въ аналогичномъ положеніи *и* переходитъ въ j, и стяженія не происходитъ. У другихъ глаголовъ *и* сохраняется: пръигра́ѣ, пъигра́ѣ и пр. Тѣ-же гласныя (старое *о*+*и*) при стяженіи дали *и* въ сл. пр҃изъ́ве́с҃ѣ, пр҃изъвяла́. (Только въ пѣсняхъ). Хотя въ пѣсняхъ же я слышалъ и „пръизъвяла́“, но надо думать, что народная этимологія этого слова не про+извести, а при+извести. По смыслу (почти=довесть, ср. „Учиз го́ркаѣ суjба́, дъ чьво́ ты миня́ пр҃изъвяла́?“; „судьба призвяла любить козака“—Миша Байковъ) оно какъ будто сближается со словомъ привесть.

а+*и*=*ы* въ слов. ды́ убягла́ въ сказкѣ.

Неслоговыя j и j, w и γ.

Буквой *j* въ моихъ записяхъ изображается какъ согласная *j*, такъ и j въ тѣхъ случаяхъ, если дифтонгъ: гласная+j — краткій; гдѣ дифтонгъ: гласная+j — долгій (дяj, гляj-къ-с҃), я пишу j. Собственно *j* является только въ положеніи послѣ согласной и въ началѣ слова, а между гласными только передъ ударяемой гласной и въ послѣднемъ открытомъ слогѣ. При пѣніи всякое j, не составляющее съ предшествующей гласной долгаго дифтонга, переходитъ въ согласную *j*.

j послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которыхъ вполнѣ точно не могу опредѣлить, можетъ выпадать. Нприм. при: пла́ъjь, ъутише́ньj, жы҃ла́ньj, и т. п., также: пла́тьм (твор. п.), пла́ъ҃тйцъ, ъутише́ницъ, жыла́ницъ, канпа́нь, въскрисе́нъ, Савье́лйвъ, пъ Васильску, за дье́вйчьj (въ пѣ.) (отъ Савье́льj, Савье́лjь) и др. Аннушка Акимова пишетъ: желаници, страданица. При гармо́ньj, в гармо́нjу говорятъ также: „в гармо́ню“. Во всѣхъ отмѣченыхъ случаяхъ *j* выпалъ не въ ударяемомъ слогѣ. У Миши Байкова въ одной сказкѣ „сяицъ“. По всей вѣроятности,

это — описка, но можно читать и „сиѝц“, тогда отпаденіе *j* здѣсь будетъ аналогично съ *u* въ „ивѝлъс“, „илóвъj“.

Въ томъ же положеніи j можетъ ассимилироваться предшествующей согласной; по крайней мѣрѣ, такая ассимиляція — въ сл. плáтть; другихъ примѣровъ не знаю.

Въ словахъ тритóвъс и „ка Бажój цéркви (послѣднее только въ пѣснѣ) выпаденія *j* нѣтъ, ср. „трéтьjь нидéля“, „трéтью нóч“, а не „трéтjь“, „трéтjу“; точно также: в Бóжью цéркву“ рядомъ съ „в Бóжjу цéркву“. (т. обр. здѣсь имѣются разныя склоненія прилагательныхъ).

j (i) послѣ гласныхъ въ положеніи передъ согласной выпадаетъ въ слл. падѝ, поѝт, падóмти, падѝт, но: пajдý и пр., пójт или пójти (= пойте), ни замáj (но: зajмáт и пр.), пажáлустъ, набóс и нибóс, сичáс и чичáс (шьчáс). Въ пѣснѣ также: дéльти, абéдъти. У Миши Байкова: поди — нѣсколько разъ, но всегда: пойдемъ, взойдетъ и пр. Во всѣхъ перечисленыхъ словахъ *j* выпалъ благодаря особымъ условіямъ употребленія этихъ словъ: сейчасъ превратилось въ нарѣчіе, остальныя всѣ — повелит. наклон., причемъ „ни замáj“, по значенію — союзъ („ни замáj тáг бýдьт = ни трóк тáг бýдьт = пусть такъ будетъ), а „пажáлустъ“ — вводная частица.

Зіяніе, получающееся не подъ удареніемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ (см. выше) устраняется посредствомъ стяженія. Но зіяніе между гласными, изъ которыхъ на одной лежитъ удареніе, допускается. Случаи устраненія зіянія посредствомъ паразитныхъ согласныхъ по большей части всѣ старые. Такими паразитными согласными являлись въ различныя эпохи жизни языка и при разныхъ условіяхъ неслоговыя i, w и, б. м., γ (изъ h).

j такого происхожденія сохранился въ греч. имени ʾСѝмијóн (чаще, чѣмъ слитное ʾСимóн). Другое слово, гдѣ на мѣстѣ зіянія, имѣющагося въ литературномъ яз., является въ разбираемомъ говорѣ *j* — пъибаю́тка — вполнѣ

правильно отъ бамти, бають. Впрочемъ, въ другихъ влкр. говорахъ въ этомъ словѣ *j* зачастую нѣтъ, и являются другія паразитныя согласныя: Олон.: прибалу́тка, Калуж. Медын. прибаγу́тка, приγаγу́тка [1]). Тамб. Шацк.: приγу́тка—отъ другой основы.

Новое *j* въ сл. jиро́л, jиро́лйк, мож. б., въ сл. jищо́.

Вставное *j*, которое и въ настоящее время и въ старину было извѣстно многимъ говорамъ, кое-гдѣ встрѣчается только при пѣніи. Такъ наприм., это *j* извѣстно мнѣ изъ говора Рязан. у., Шацк. у. Тамб. губ. и др. То-же *j* отмѣчено и Филатовымъ въ двухъ деревняхъ Бобровскаго у. Ворон. губ. (т. 37, стр. 218). Филатовъ не говоритъ, слышится-ли это *j* въ разговорной рѣчи. Примѣры, приводимые имъ (кромѣ т. 37, еще т. 38, стр. 269), взяты только изъ пѣсенъ и пословицъ. Въ описываемомъ говорѣ такое *j* при пѣніи я слышалъ только у старухъ.

Дифтонгъ аi долгій отм. въ словахъ: дяi, jеi Бо́γу, гля́iкъе̑ (См. также выше). Первое изъ нихъ употребляется, какъ обращеніе, безъ имени; въ остальныхъ случаяхъ—только съ именемъ: „дяi, лъшъдéj гожъ ко́рмьш“, дяi Ива́н, у дяi По́три и пр. Для обозначенія степени родства: дя́дь.

в передъ гласной: 1) Ръдиво́н, сурав*е́*шкă, во́стръj, во́спă, во́сьм, васмо́j, винаходьц.

2) Въ род. пад. ед. ч. мѣстоименнаго склоненія: маво́, твано́, свано́, чаво́, jиво́, до́бръвă, зло́въ, тако́въ, мило́въ, трито́въе̑ и пр., никогда не γ. Миша Байковъ рядомъ съ орѳографическимъ: сегоднешній, у зеленого и пр. иногда пишетъ: милова, у мово, задругова, никово. Это—черта многихъ великорусскихъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говоровъ.

---

[1]) Впрочемъ, вѣрнѣе думать, что это слово не отъ бамти, п. ч. олон. *л* и калуж. γ указываютъ на болѣе раннее γ или *в*.

3) Въ словѣ кърáвот (кърáводу), имѣющемъ „в“ только въ сѣв.-влкр. и моск., но не въ ю.-влкр. (см. ниже). Въ случаяхъ перваго рода *в* — изъ стараго *w* паразитнаго передъ лабіальной гласной, кромѣ сурáвéшкă и винахóдьц, гдѣ *в*, по всей вѣроятности, явилось нефонетически. Въ род. же на *-ово* и т. п. и въ словѣ кърáвот *в* могло быть и такого происхожденія (если γ переходило въ *h* и затѣмъ выпадало), но могло явиться и другимъ путемъ, прямо изъ γ. Ср. сѣв.-влкр. ковды́, товды́, соотвѣтствующія ю.-влкр. каγды́. Если бы γ передъ *д* исчезло совсѣмъ, то звуку „в“ рѣшительно неоткуда было бы появиться. Чередованіе между γ и *в* въ такомъ случаѣ аналогично чередованію *x* и *ɸ* во многихъ русскихъ говорахъ [1]). Ср. латин. діалектическое *f* вмѣсто *h*.

w, т. е. *в* губное—довольно часто, преимущественно передъ лабіальными гласными (у, о, ӱ), иногда и въ другихъ случаяхъ. Но въ тѣхъ же положеніяхъ слышится и *в* губнозубное. Передъ лабіальной гласной и передъ группой зубныхъ это *w* можетъ выпадать. Прим.: вика́ушкă, гало́ушкă, жыу́, жыу́т (но: жывóт), каро́ушкă, дéушкă, *w*дóушкă; у няó, чаó, óзлй рядомъ съ вóзлй, óстръj (наприм., въ приб.: „Мнé даóстръвъ нажá), рѣдко: отъ, он, при: вот, вóн (wot, won), гатóут, згруснýццъ, здýмăт и пр. Въ томъ же положеніи *w* и *в* губнозубное могутъ сохраняться: wздywáj, трáвушку, дéвушк, голăву, пawójнйчьк и пр.

Къ сожалѣнію, въ моихъ записяхъ почти нигдѣ не отличается *w* и *в*.

w можетъ развиваться въ положеніи между гласными, гдѣ первоначально не было никакого неслогового звука: wóн (рѣдко), ywафсá, ywаврáга, у w аднój, у wакнá и др. Развитіе *w* послѣ *y* въ этихъ случаяхъ пове-

---

[1]) Ср. Шахм. Отч. о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 70—72.

ло къ образованію даже такихъ формъ, какъ: ywa фсѣх. Въ этомъ *wa* слѣдуетъ видѣть новое распространеніе предлога, аналогичное съ *обо* въ: ъба мнѣ, ъбарѣзъла вмѣсто: о(б)мнѣ, о(б)рѣзала.

Очень рѣдко вмѣсто w — ў неслоговое: ўро́с, тожѣ ў лапта́х, дро́ў буду лама́ѣ, ўафто́рник. Въ сл. тра́уля (= травленый лугъ) -ау- скорѣе два слога, чѣмъ дифтонгъ.

Особо стоятъ: и́ш=вижь, какъ нарѣчіе, и Аршáвъ. Въ 1-омъ изъ нихъ *w* или *в* утрачено еще очень давно, а второе—заимствовано.

Не передъ группами согласныхъ *w* (или *в*) отсутствуетъ въ слл. зор и дру́к. Сл. „зор“ встрѣчается только въ пѣсняхъ, такъ какъ здѣсь *w* никогда не слышится, то вѣрнѣе думать, что здѣсь слово „зор“ безъ приставки. Слово „вдругъ“ въ разговорномъ яз. можетъ являться и съ „в“.

У Миши Байкова: жиутъ, короушекъ, съ другой стороны: живу, живутъ, славушки, даже: овукнулась, а ву, аву. Въ послѣднихъ я никогда не слыхалъ между гласными никакого неслогового звука. Вѣроятно, здѣсь просто вставлено *в* по аналогіи съ такими случаями, какъ жыу́, вдо́ушка, гдѣ М. Б. не произноситъ *w* или *в* между гласными. Перед *о*: онъ, отъ, озли него круга (2 раза), но чаще съ *в*: вотъ, востру, возли него. Передъ зубными „в“ М. Б. всегда пишетъ, даже въ словѣ: взоръ.

Въ сочетаніяхъ w съ неударяемыми гласными происходятъ нѣкоторыя измѣненія. Гласныя рядомъ съ *w* (и даже *в*) болѣе или менѣе лабіализуются: прија́тнyw аниті́ту, гасті́нцъ'в да́м. При отпаденіи *w*: ут (=вотъ) рядомъ съ во́т и wо́т: цар ут увида́л, а то́ ўт ищо́, ўт е́тът и т. п. Изъ w + гласная *ъ* (изъ стараго *о* и др.) рѣже *у* послѣ гласной въ положеніи послѣ ударенія получается ў неслоговое, составляющее съ предыдущей гласной долгій дифтонгъ. Прим.: карóу (3 слога) и карóў (2 слога), до́бръў сло́ў, то́лстъў, с лéўj и пр., цалкóўва, „тибя э́дъ-

кѣwъ здарóувă тъ на тéм ѣвяту-тъ ни примýт“ и т. д. ў нeслоговое вм. ѣw очень рѣдко. Отм. гриўн (=гривенъ).

Приблизительно ту-же роль, что *j* и *w* между гласными, играетъ иногда γ. Эта согласная въ немногихъ случаяхъ можетъ переходить въ *h* и затѣмъ выпадать. Такое γ имѣется въ словах: таγдá, каγдá, фѣиγдá, γдé. Вмѣсто таγда, каγдá почти всегда говорятъ: кадá, тадá; б. м. сюда же слѣдуетъ отнести и нарѣчіе: анóдъѣ, если только оно одного происхожденія съ сѣв.-влкр. онолды́, оновды́ (подробнѣе объ этомъ см. въ морфол.). γдé и даже гдé такъ же часто, какъ: дé (= гдѣ). Въ словахъ фѣиγдá, зъфѣиγдá (также фѣиhдá,) звукъ γ обыкновенно не выпадаетъ; въ словѣ блъγдарúт и другъ всегда γ вполнѣ ясное. Въ другихъ южно-великорусск. говорахъ замѣчается то-же различіе въ устойчивости γ (г) въ словахъ когда, тогда съ одной стороны, и всегда—съ другой. Такъ наприм., по Рѣзанову, въ Кур. Обоян. всегда говорятъ: кадá, тады́, но—„завсегда“, причемъ „звукъ г.....“ „произносится крайне быстро, слабо, еле уловимо для уха“ (стр. 105; т. е. не какъ γ, а какъ h?). То же, по Филатову, въ Ворон. губ. (т. 38, стр. 383). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говорахъ γ сохранилось и въ этихъ словахъ. Такъ, оно слышится изрѣдка и въ описываемомъ говорѣ; въ произношеніи одной крестьянки Шацкаго у. Тамбовск. губ. я слышалъ кагдá и т. п. съ очень опредѣленымъ г взрывнымъ. Въ сѣв.-влкр. обыкновенно во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ *-вд-, -лд-*. Не стоитъ ли ю.-влкр. кадá въ какой-ниб. связи съ србск. кàда, ст.-слав. ни-къдѣ?

Благодаря выпаденію h изъ γ между гласными получается стяженіе по правиламъ, указ. выше: блъславлéнjь и даже бъславлéнjь, гдѣ *л*, б. м., выпало фонетически по диссимиляціи съ *л* слѣдующихъ слоговъ, а скорѣе всего,—нефонетически, п. ч. первая часть слова понята, какъ бого („богословленье“, п. ч. благословляютъ именемъ Божіимъ).

г изъ стараго h или б. м., вставленое по аналогіи

съ именемъ Григорій—въ имени Јагóр или Јигóр (=Георгій=Γεώργιος, г. е. Јеóрјіос).

Въ пѣніи между гласными, не подвергающимися стяженію, является вставное *х*, наприм. „Напајóмшы х угавáривала“; „Сняшкѝ вéлы.... вăпадáли х аѝе на марáˊ“ и мн. др.

ˀ*л* передъ *и* въ началѣ слова — въ имени Липáт = Ипатій.

СОГЛАСНЫЯ.

Кромѣ звуковъ, извѣстныхъ въ литературномъ языкѣ, отм.

р губное: пр̆ýсéˊн (этимъ именемъ подзываютъ телятъ. По происхожденію не родственно-ли съ порося, поросéне?), пр̆ýпрунда (междометія).

Твердость и мягкость согласныхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о смягченіи согласныхъ, замѣт., что въ положеніи передъ глухими согласными извѣстны только глухія, а передъ звонкими, кромѣ сонорныхъ, *в* и *j*,—только звонкія.

Разсмотримъ согласныя 1) въ положеніи передъ мягкой согласной, 2) передъ твердой, 3) передъ гласными и 4) въ концѣ слова.

Согласная передъ слѣдующей однородной мягкой согласной, если не диссимилируется ей, сливается съ ней въ одну усиленную согласную мягкую. Такая удвоенная согласная въ моихъ записяхъ изображается 2-мя одинаковыми согласными. Т. обр., получается: аѝѝиˊт, аѝѝирóзу, аѝѝéчку, ѝѝисˊти, анà ѝѝила, ффилатьѝа, аддéлъˊт, аддѝéри, аˊттяшкăj мýкы, ссéнъм, ѯѯилóнъм, ˀАѝѝи. Сочетаніе х+ˀх=ˀхˀх; сочетаній к+ˀк и г+ˀг не существуетъ. Впрочемъ, въ сочетаніи т+ˀт, получившееся изъ ˀк, первое *т* не

вполнѣ ассимилируется второму: кле́²тти, се́тги, хотя встрѣч. и кле́¹тти и т. п.

Согласныя шумныя и носовыя передъ согласной шумной и, частью, носовой того же мѣста образованія уподобляются ей по степени мягкости. Исключеніе составляетъ *j* (впрочемъ, въ этомъ положеніи только i), не измѣняющійся въ положеніи передъ твердой задне-небной и не ассимилирующій ее себѣ.

Прим. ло́хкии, ма́хкии, но: ло́хкъj. ма́хкъj и пр., сто́jка, чьjку́.

авве́сить, аввисти́т, ввит, ф не́чки, авязънъс, в ме́ру, ав'мини́т, вле́сти и пр., но: ф ногри́би, аб ва́с и пр.

пацсме́ивъит, ацсе́льва, пъд'зило́нъю, с тиле́ди, любава́лйз дивава́лйс, кости, вмести, визде́, гво́зди, свисте́т, Не́стър, с ним, сне́к, биз няво, антире́сна, андьл и андьл (если здѣсь д—давнее), пре́¹жди и пр., но: пацсабо́j, аццу́да, пъд'забо́ръм, стаи́т, пасто́j, сви́ст, ко́стъчка, ме́стъ, гвазло́чьк, и пр.; дириве́нскъj, Усне́нскъj и пр. Впрочемъ, въ сочетаніи цс первая часть можетъ быть твердой: пъцсирно́м. Передъ твердой шипящей (*ш*, *ж*) зубныя тш и дж тверды, но мягкій н сохраняется: ме́ншъ, надо́ншык, рядомъ съ надо́нщьк, гдѣ н — передъ мягкой шипящей. Шипящія *ш* и *ж* мягки только передъ зубной шумной (взрывной?), ср.: пре́ждди, но ве́²шньj, зде́²шньj. Въ сл. пре́¹жньj *е*¹ осталось по аналогіи съ пре́¹жди. Иногда встрѣчается *с* твердое передъ н: Бо́х с но́м, сни́зу и др.; также передъ т изъ к: кусти́, паро́нкъстих.

Губныя передъ мягкими средненебными обыкновенно смягчаются; точно также и передъ мягкими губными являются мягкія средненебныя. Но въ тѣхъ же положеніяхъ извѣстны и твердыя губныя и задненебныя.

вjу́, ijу, увjо́т, выпjьт, вjу́, завjа́йт, авjе́хът, авjиви́т, де́¹фки, но чаще: де́²фки (и де́²фти), гдѣ *е*² и *ф* изъ другихъ формъ; ще́¹ики, кре́¹ikии при кре́пкъj, с тифки, со́мкин, пато́мки но и убjу́т, симjа́, пjо́т, слифки, пато́мки.

к мі́лъму, ф це́рькви; кажется: г бе́рьгу, г вирó́зи, к Фи́лі́пу, и пр.

Зубныя передъ мягкими губными обыкновенно мягки: дзве́ри, сзве́т, свякро́ф, падз ве́ткај, дзви́нуть, падзмо́тки, мидзве́т и видзме́т, гзве́т, выззве́, с пятъим, ръззива́ли, ъсзвирка́ли, изминить, изме́ншыцă, спи́т, адзви́т, атзве́дъть, аг-ло́рлă, ръспява́ют, твирозъј, пъдзярну́лъс, спе́рвă. Шипящія *ш* и *ж* и аффрик. *ц* въ этомъ положеніи всегда тверды. Могутъ являться твердыми и другія зубныя. Нприм. ат миня́, ăтпира́ј, биз вяны́, спе́рва и др.

Губныя передъ мягкими зубными, кажется, тверды, по крайней мѣрѣ губныя билабіальныя, а губнозубныя передъ согласной другого слога (только н?): ас-ле²пньт, пълюбо́вньк (в назалир. твердое), дире²вня́, че²пчьк, копчьк, апто́р, абделъть. Но: взял, взя́ть, фсо́, фсе́, рядомъ съ взять, фсе́. Впрочемъ это правило еще требуетъ провѣрки.

Задненебныя *к*, *г*, *х*, *γ* всегда тверды въ положеніи передъ слѣдующей мягкой зубной: к сибе́, г зиме́, х гибе́, γ де́рьву, трахтир, ля́кти, не²γди и не²гди, Аксю́тка, по́кньт, пихнот, бло́кньт, дъмикниса.

Твердыя зубныя въ положеніи передъ слѣдующей мягкой средненебной к, г, х j не смягчаются: не² с ким, аткеда́, платки́, Парфо́нкъськи, кле²тки, ве²тки, ска́ски, мазги, са́нки, пе́нки, жырибо́нки, падје́хъл, атје́хъл, сје́л и пр. Но передъ мягкой средненебной того-же слога зубныя *с* и *з*, кажется, могутъ иногда смягчаться. Поэтому: ткот, но скинуть, згинуть, с кем (или только: стинуть, здинуть, с тем. но: скинуть, згинуть, с кем?), сје́здить, сјес при сје́с. Передъ j, кажется, могутъ иногда являться мягкія зубныя и въ другомъ положеніи. Рядомъ съ атје́хъл, падје́хъл, кажется, произносятъ и падјехъл, атје́хъл (?).

Мягкія зубныя передъ мягкими средненебными сохраняютъ свою мягкость: мурьиски (им. ед.: мурьиска), Васки, Петки, Фетки (при им. ед. Васка, Петка, Фетка), ступе́нки, де́нги, жытјо́, бытјо́, зјайт, касјо́.

j передъ зубными, какъ твердыми, такъ и мягкими остается безъ измѣненія.

Передъ л̓ смягчаются только зубныя, но и у тѣхъ смягченіе не совсѣмъ полное и не обязательно: ма́с̓линъj, во́з̓ли, ас̓ле́п, з̓ли́ццъ, пъни́с̓ли́, зътри́с̓ли́, но также: слизну́лъ и др. (о *т* и *д* передъ л̓ см. ниже). Согласныя губныя передъ л̓ — среднія или твердыя: пате́ʲпʲлилъ, ге́ʲпʲли и: те́²пли, гре́²бля́, (ср. гряб̓ли́); зе́²млю. Остальныя согласныя вполнѣ тверды: клю́ч, кл̓е́щ, кл̓е́тка̀, в э́дъкъм по́кл̓и.

Чередованіе л и л̓—устарѣлое. Въ настоящее время мягкость или твердость слѣдующей согласной сама по себѣ не вызываетъ смягченія или отвердѣнія л. Прим. малча́т̓, па́л̓ки, во́л̓ки, пал̓и́на̀, то́лщь и пр.

ма́л̓чьк, ба̀л̓шо́j, до́л̓шь, ме́л̓чь, ка̀л̓цо́, по̀л̓ка̀, стрѝл̓ба́, гу̀л̓ба́, а̀л̓ха́ и пр.

Передъ р̓ всѣ согласныя тверды: зафтр̓и, тр̓и, прихад̓и́т̓, кр̓е́пкъj, хр̓е́ст, гр̓е́с̓т̓, сря́ду, з̓р̓е́ю, др̓е́ва̀, с̓е́стр̓ин. „е“ въ послѣднемъ словѣ указываетъ на то, что отвердѣніе зубныхъ передъ р̓ сравнительно недавнее, хотя ср. по́тр̓ин. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между мягкой согласной и р̓—бѣглая гласная, при отсутствіи этой гласной предшествующая согласная можетъ еще сохранять свою мягкость: с̓р̓ид̓и́ (и ср̓ид̓и), чаще: с̓йр̓ид̓и, п̓р̓ид акно́м (вм. передъ окном), чаще: пйр̓д акно́м или пѐр̓ьд акно́м.

р передъ мягкими зубными и губными почти всегда мягокъ: нъ чир̓т̓е́ (при имен. ед. чирта́), че́р̓т̓и (им. ед.: чорт), чир̓т̓ин̓я́тъчьки, ар̓т̓и́ст, ше́р̓с̓, шыр̓с̓тяно́j (но: шырстабо́j), Ар̓с̓е́н̓т̓ьj, с̓ир̓д̓е́чкъ (ср. с̓е́рцъ), с̓ир̓д̓и́ццъ, ас̓е́р̓дисса̀; карм̓и́т̓, ко́р̓мьт (ср. корм), скар̓в̓е́т (ср. скорбнъj), т̓ир̓п̓е́т̓, т̓ир̓п̓и́ч (=кирпичъ), Пар̓ф̓о́нкъск̓и, чир̓во́нъj, в̓ир̓в̓и́вчка̀ (впрочемъ, въ этомъ словѣ *р* первоначально мягкое, ср. в̓и́р̓о́фка̀), ръзар̓в̓и́, ръзар̓в̓о́ш; съмава́р̓чьк, фто́р̓н̓йк; дво́р̓н̓йк, го́р̓н̓йца̀, чо́р̓н̓й̓н̓ка̀j и пр. Но очень рѣдко, и въ этомъ положеніи слышится *р* твердое: асирди́лсъ, пьрнима́т̓.

Передъ мягкими средненебными *р* твердый не смяг-

чается: парк҃и, кор҃ки, Гор҃ки, тарги́, кур҃ки, Чур҃кӣн и пр., но р҃ сохраняетъ свою мягкость: ˀСир҃е́j, ˀсе́р҃ˀи, церк҃ви и пр. Ср. ˀСир҃ога́, ˀсир҃о́шка; старослав. црькъı.

р остается твердымъ и передъ т҃ и д҃, происшедшими изъ к҃ и г҃. Поэтому при чир҃те́, ˀсир҃д҃иццъ: Го́р҃ти, ку́р҃ти, апо́р҃ти, тард҃и́, но, конечно, ˀСир҃де́j и пр.

Шипящія аффрикаты *ч* и *щ* (ж҃(д҃)ж҃ послѣ согласныхъ не встрѣчается) смягчаютъ предшествующую зубную носовую *н* и шипящія *ш* и *ж*. Остальныя зубныя передъ шипящими вообще неизвѣстны, такъ какъ тоже переходятъ въ шипящія (*т* и *д* въ аффрикаты, а *с* и *з* во фрикативныя).

Согласныя передъ слѣдующей твердой согласной.

Мягкія губныя и средненебныя въ положеніи передъ твердой согласной вовсе неизвѣстны: зе́²мскъj, кро́внъj, то́мнъj, и пр. Что касается j, то у меня въ такомъ положеніи это только условное написаніе вм. і҃.

Мягкія зубныя, какъ шумныя, такъ и сонорныя сохраняютъ свою мягкость передъ твердыми губными (только билабіальными?) и задненебными:

ˀФе́ˀтка, ˀПе́ˀтка, Ва́ска, муры́ска, ˀпи́смо́, ˀри́зба́, ˀсва́ˀдба (и ˀсва́р҃ба), ка́зба́, Ку́зма́, ва́зму́, но: изба́, шу́тка, кы́ска, пасмо́т҃рьм, изма́йлса и пр.

н҃: ду́ш҃нка, Пара́ш҃нка, но́же҃нка, ми́лӣ҃нкаj, ко́сы҃нка, къра́те҃нка, ма́мӣ҃нка, мъла́де҃нка, jа́блъ҃нка, за́и҃нка, за чо́р҃нӣ҃нку, чирна́бро́ви҃нкая, ки́съ҃нка, ма́хъ҃нкъj, Ка́т҃ь҃нка, бир҃о́зъ҃нка, ран҃о́хъ҃нка, сва́ш҃нка, де́҃нгъми, Са́҃нка, Со́҃нка, Про́҃нка и пр. (большая часть примѣровъ взята изъ пѣсенъ). Но: ас҃и́нка, лаха́нка (при неуменьш. лаха́҃н), са́҃нки (неуменьш. са́ни), ˀле́с҃нка (при: ˀле́с҃нь), ле́сьнку, ре́пьнку, мана́ш҃нка, дал҃и́нка. бы́л҃и́нка, ав҃е́д҃и́нка, ми́лъс҃т҃и́нка (см. выше), гу́линка, за кра́си́нку (=красненьку), мали́нку (сказк.) и пр.

л̓: па́лка, по́лбъ, сталбо́, талпа́, но: О́лгъ, Олкъ, Ма́лкъ, По́лкъ, а̓лха́, пал̓бо́, стр̓и̓лбо́ и пр.

р̓ и *р*: с̓е́¹р̓п, с̓и̓р̓па́ и пр., че́¹р̓пъ̀т, пъчир̓пну́т, ве́¹р̓бъ, в̓е́р̓бъвъj, вир̓бли́т (ругат.: ацта́н̓ вир̓бли́т), с̓те́р̓въ, ве́р̓х, нъвир̓ху́, св̓е́р̓ху, го́р̓къj, зъсвир̓ка́ли, пан̓и́р̓къ, чи-тв̓е́р̓к (и чичв̓е́р̓к), з̓е́р̓къ̀лъ (и з̓е́р̓тьлъ), це́р̓квъ, це́р̓къф, пе́р̓въj, спе́р̓въ, но и: спе́²рва: „я ни зна́ю, как дијо́ (т. е. пѣсню) спе́рва“. Несовсѣмъ понятное исключеніе: царко́внъj и д̓о́р̓гъ̀т. Ср. д̓е́¹р̓гъ̀т въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ. По мнѣнію Шахматова, здѣсь -о̓р- вм. -ер- заимствовано изъ глг. дёрнуть (Шахм. Изсл. 80).

Мягкія зубныя передъ твердыми зубными же по большей части отвердѣли. Фонетически сохраняютъ свою мягкость л̓ при всякомъ положеніи и н̓ — передъ шипящими.

изме́н̓шыцъ, т̓ин̓жа́л, ме́н̓шъ и пр.

пал̓то́, и т̓ду́, по́л̓зъ, бал̓шо́j и пр.

мо́ртвъj, замъртвъ, чо́рнъj, д̓е́²рскъj, т̓е́²рцу, т̓ирши́т, аржано́j и пр. Неясно р̓ въ сл. с̓ир̓ту́к въ одной прибауткѣ, при обычномъ: с̓ирту́к. Далѣе р̓ не успѣлъ отвердѣть передъ твердой согласной, если между ними выпала гласная (изъ стараго *ѣ*): пир̓тамѣ́т, пир̓дакно́м, пир̓сади́т, чи̓р̓з акно́, т̓ирнас̓и́т и пр. Въ этомъ случаѣ иногда вмѣсто р̓ слышится р̥ слоговое.

Изложенныя здѣсь правила смягченія и отвердѣнія согласныхъ передъ слѣдующей согласной касаются только согласныхъ въ серединѣ слова или въ концѣ предлога. При встрѣчѣ согласной въ концѣ одного слова съ согласной въ началѣ другого дѣйствуютъ тѣ же правила, но не такъ послѣдовательно.

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова.

Губныя мягкія въ концѣ слова (такъ же, какъ и передъ j и другими мягкими согласными), иногда твердѣютъ: го́лу̓ˀ, ру́п̓, кара́ˀ, жура́ф̓, кро́ф̓, любо́ф̓ и: го́луп,

ру́п, кара́п, про́луп, жура́ф, кро́ф [1]), любо́ф; се́²м, рѣже: се́¹м. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ сказокъ:

wо́сьм ане́ ле́т, се́мьсьо̀ се́м, кро́в вы́пьл, „аста́w, rwа̀р̣т, аста́ф“. Ср. передъ j: ф сафјанъх сапо́шкъх, пјанскьми и пјанскьми, симја, убју́т, пјо́т и уѣ̀јут и пр. Миша Байковъ въ этихъ словахъ обыкновенно пишетъ *ъ*: голубъ, свекровъ, семъ дорогъ, поставъ насъ, вцерковъ, но также: въ церковь. Впрочемъ, онъ несовсѣмъ ясно различаетъ значеніе *ъ* и *ь* и нѣсколько разъ пишетъ *ъ* послѣ мягкой согласной, а именно: теперъ, царъ, денъ, опятъ, почитатъ, читатъ, преобщитъ (infin.), незнаетъ (вмѣсто: не знаете), иговорить (3 л. един.); въ остальныхъ случаяхъ *ъ* и *ь* употребляется правильно.

н̀ и *н:* о́чьн̀ и о́чьн. Миша Байковъ пишетъ и очень и оченъ.

дйриве́н̀ и пр., но са́жьн (род. множ.), пе́сьн, ба́сьн или даже пе́сь^{н}, ба́сь^{н} съ *ъ* носовымъ на концѣ и съ очень слабымъ согласнымъ *н* (см. между прочимъ Шахм. Лекціи, стр. 151).

л̀ и *л:* о́къл̀ и о́къл̀, также: о́кълъ. Прим.: о́къл̀ о́зьра и пр. Въ предположеніи Будде, объясняющаго *л̀* въ этомъ словѣ аналогіей съ откуля, нѣтъ необходимости (Будде, Къ исторіи, стр. 101—102). Вѣроятно здѣсь предлогъ *о* съ мѣстнымъ, а не винит. пад.

а́н̀дйл̀ при а́н̀дьл, но всегда: а́н̀дьла̀.

Окончаніе 3 л. глагол. всегда *т* твердое, какъ въ московскомъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Но Бо́знът̀ (при Бо́ɣ знаjт), Бо́знъч̀ што́, на́дът̀, jе́с^{т} (=есть, но jе́²ст=ѣстъ).

з̀ и *с̀* — въ предлогахъ: чѐ̀рйз̀, рѣдко: чѐ̀рйз̀ (чйрйз), бли́с̀ (=близь — совершенно правильно; литературное на-

---

[1]) Одинъ разъ мнѣ пришлось говорить о произношеніи словъ съ одной бабой нашей деревни (Анной Акимовой) 24 лѣтъ и ея младшей сестрой, тоже изъ Парфенокъ, дѣвушкой лѣтъ 16. Младшая сестра говорила: „кроф^{а}“. На это старшая замѣтила: „этана́ та́г бре́шът; ф̀со́ кро́*ф*“.

писаніе „близъ“ вызвано какими то посторонними соображеніями); въ нарѣчіи пакáмисʲ(т). Примѣры: чéрьзʲ грáтку, чéрьзʲ пóль и др. У Миши Байкова: черезь годъ.

Мягкость согласныхъ передъ слѣдующей гласной.

р̓: чиряпът̓, ăчиряпъццъ, чиряпкъцă (=литер. царапать, царапаться; ср. Рязан., Тул. и др. карáбъцца, кóшкăкарябъла), стрючкúй, крипúвă, чаще: крапúвă, трúсняк, рядомъ съ трáсняк, но: трóстъчкă; кумаря́, кумарóнък, кумарúй, рядомъ съ кумарá, кумарóчьк, камáр; абря́щьк; р̓ибя́ты, чаще, чѣмъ рабя́ты, но правильно: рабóнък, зáфтрикът̓ и зáфтръкът̓ (у Миши Байкова только: завтракать, позавтрокаемъ), др̓игáццъ и дрягáццъ (ср. литер. дрыгать); Матрóнă; зáфтри, и, кажется, брикáццъ.

Чередованіе *р* и р̓ во многихъ словахъ неяснаго происхожденія. А. И. Соболевскій приводитъ цѣлый рядъ словъ, извѣстныхъ какъ съ твердымъ, такъ и съ мягкимъ *р* (Лекціи, стр. 120—122). Въ нѣкоторыхъ словахъ это чередованіе, несомнѣнно, общеславянское. Къ такимъ случаямъ, б. м., можно отнести корябать и чернать при царапать (3 родственныхъ, но разныхъ корня), крепива (изъ крьпива?) при кропива, трестнякъ или трестникъ (отъ трьсть) при тростникъ (отъ тръсть), и, пожалуй, дрегаться (дрыгатися?) при дрыгаться. Въ сл. абря́щьк р̓, вѣроятно, вызвано дѣйствіемъ аналогіи и не стоитъ ни въ какой связи съ р̓ вм. *р* въ только что приведенныхъ словахъ. Слово „образчикъ“ — книжное. Вѣроятно, здѣсь — смѣшеніе двухъ основъ, нерѣдкихъ въ церковнослав. яз.: **обрaщ-** и **обрaщ-** (хотя само по себѣ это слово не заключаетъ въ себѣ ни той, ни другой основы). Въ современномъ церковномъ пѣніи и чтеніи мнѣ нерѣдко и притомъ у многихъ лицъ приходилось слышать произношеніе: обрящся, обрящ вм. обращся и т. п. и даже: приобря́щся вм. преображся. Въ связь съ этимъ произноше-

ніемъ я бы поставилъ встрѣчающееся въ древнерусскихъ памятникахъ написаніе тѣхъ же словъ черезъ *я*, ср. ѡбращься вмѣсто „обращься“ въ сп. повѣсти объ Акирѣ XV в. б-ки Общ. Ист. и Древн. Росс. № 189, л. 95 об., стр. 9. Слово „р҃ибя́ты“, вѣроятно, заимствовано изъ Москвы. Откуда здѣсь р҃ (ср. литер. ребёнокъ), неясно. Въ другихъ, какъ сѣв.-влкр., такъ и ю.-влкр. говорахъ правильно: робя, робята и пр. Не знаю, почему Филатовъ здѣсь, какъ и въ словѣ попелъ (ср. древнерусское попелъ при русскомъ-же и ст.-слав. пепелъ), *ждалъ* звука *е* (т. 37, стр. 205). Въ сл. „за҃фтри“ окончаніе -р҃и (въ другихъ говорахъ -ря) могло быть заимствовано изъ нарѣчія утр҃и=утрѣ. Шахм. въ Изслѣд. выводитъ завтря изъ заоутрие (стр. 68—69), а заўтри изъ заоутрии (Ельн. 81). Въ словѣ зафтр҃и́къ҃т р҃ изъ зафтри.

р: гры́п, грыбы́, нры́нц, кры́нкъ; рѣже: ры́гъ, скры́пе́т при р҃и́гъ, скр҃ипе́т. Всегда скр҃и́пкъ. бръли́нтъвъј (народн. этимол.?), угру́мъй рядомъ съ угрю́мъй.

л҃ и *л:* па́кла҃ (ср. литер. пакля).

н҃ и *н:* набо́с҃, нябо́с҃ и н҃ибо́с҃ (первое и второе только, какъ союзъ; третье — какъ союзъ, но иногда сохраняетъ старое значеніе: не бойся); кра́јнеј и кра́јньј, да́л҃нъј и да́л҃ньј, давны́шнъј, пазны́м паз҃но́хъ҃нкъ, та҃пе́р҃ьшнъј, и́хнъј, но: сиво́дн҃ьшн҃ьј; бу́бь҃н. У Миши Байкова: крайной и крайнёй, дальный и вдальній, далнею, таперешный, ихный, сегоднешній. Въ сл. набо́с҃ отвердѣніе *н* можно сопоставить съ Ворон. што набуть (Филат., т. 38, стр. 318). Въ словахъ на -нъј и -ньј мы имѣемъ различные суффиксы. Ср. у Будде, Къ исторіи, стр. 197 и въ другихъ говорахъ. То-же и въ сл. давны́шнъј, которое произведено не отъ да́вньј, а отъ да́внъј, ср.: давно́ давны́м (въ такомъ порядкѣ словъ это выраженіе извѣстно описываемому говору) и пр. *н* твердое въ ихнъј ср. съ чешскимъ ny въ словѣ wšechny, первоначально = общій, принадлежащій всѣмъ.

н҃ въ търаканн҃и (пѣ.) см. въ Морфологіи.

к и *г*. Старыя сочетанія кы, гы перешли въ ќи, ѓи, но въ глаголахъ на -кывать, -гывать твердыя задненебныя сохранились, причемъ *ы* частью сохранилось, частью перешло въ *и*: патта́лкъвъ̀т, падда́ргъвъ̀т и др. Въ сл. кы́ска̀, м. б., сохранилось первоначальное кы, а, б. м., уже возстановлено потомъ. Рядомъ съ этимъ произношеніемъ — также: ќи́ска̀, се́ра̀ ќи́са̀нка̀ (пѣ.) (кыска, кыш отм. также у Филат. Ворон. т. 38, стр. 274; у Будде, Къ діалектологіи, 61 и др.).

Твердыя задненебныя въ сл. Гара́сѝм, къраси́н (къраси́нъј=керосиновый), лъгаря́ и лъгари́. Всѣ перечисленныя слова — заимствованы. Отвердѣніе *к* и *г* въ нихъ — различнаго происхожденія. О „Гара́сим“ см. Шахм. Изсл. 24; остальныя два слова — недавнія.

се́ргъв де́н при се́рѓъј (имя святого), Сирде́ј. Ср. *г* въ Сиро́га.

ќ: зе́рти́ла̀ изъ зе́рќъла̀, при зе́рќъла̀. *к* здѣсь смягчается, хотя необязательно, подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука (или предшествующихъ мягкихъ звуковъ?). Но въ другихъ словахъ такого смягченія не бываетъ: ма́льќъј, де́ќгъми, папи́рка̀ и пр.

ќистиќти́н, но чаще: къстиќти́н. ќ въ этомъ имени слышится въ очень многихъ великор. говорахъ и, вѣроятно, вызывается мягкостью слѣдующихъ согласныхъ.

Губныя. Смягченіе губныхъ посредствомъ л̀ распространеннѣе, чѣмъ въ литерат.: блъславле́нјь, успле́нјь, усплињо́, приплавле́нјь, заржа́влина̀ј и др. Такое же л̀ въ глг. купля́т̀, купля́ю при пъкупа́т̀, пъкупа́ю (см. въ Морфол.). Въ глаголахъ на -плю, -блю, -млю, -влю это л̀ въ 1-мъ л. ед. сохраняется: куплю́, таплю́, люблю́, кармлю́, гото́влю, ста́влю и пр.; формъ 1 л. ед. отъ такихъ глаголовъ безъ л̀ нѣтъ. Вѣроятно, по аналогіи съ этими глаголами л̀ выпалъ во 2-мъ л. глаг. тре́ьссѝ при 1 л.: трипло́с, но: ме́рьн трawу́ сѝпльт и т. п. Въ концѣ словъ это л̀ отпало: руп, карáп, журáф или ру́п, карáп.

Мягкія губныя: чирво́нъј, пръмихну́лъс, мьргану́т̀ (ср. литер. моргнуть), Нифо́т (род. Нифо́да), пъздаро́вицъ (=по-

здороваться), рѣдко: Висили́са при обычномъ: Въсили́сѣ. Но правильно: высо́кѣй, высако́ и др. Въ сл. чи҃рво́нъй звуки *р* и *в* смягчились, п. ч. стали производить это слово отъ „червь“. Въ сл. Висили́са, извѣстномъ въ такомъ видѣ во многихъ великор. говорахъ, можетъ быть, дѣйствовала аналогія со сл. веселиться, поддержанная и мягкостью слѣдующихъ слоговъ. Шахматовъ (Мосал., стр. 185) видитъ здѣсь только ассимиляцію гласной гласнымъ послѣдующихъ слоговъ. Въ сл. „пъздаро́вицѣ“ — другой суфф. Ср. тотъ же глаголъ, но въ другомъ значеніи въ литер. языкѣ.

Твердыя губныя. Пъладе́й (см. Шахм. Изслѣд., 24), бълабо́кѣ („саро́кѣ бълабо́кѣ“ въ одной прибаюткѣ), вы́шнй, графы́н, графы́нй. Обычное названіе сороки — „бѣлобока“, но здѣсь, очевидно, другое слово, ср. балаболка“. Въ „графы́нй“ тотъ же суфф., что въ барыня, сударыня, боярыня, княгиня, гусыня и пр.

Зубныя: дю́жъ — „авъ́з дю́жъ харо́ш“ и пр., Не҃сть҃р (см. Шахм. Изсл. 28), ми́лъс҃т҃и́нкѣ („ми́лъс҃т҃и́нку Христа́ ра́ди“), наоборотъ: студо́нъй, студяно́, хотя, кажется: с҃тю́дьн҃; дыра́; тапе́р҃, тапе́р҃ьчь, тапе́р҃ьшнъй и пр., рядомъ съ т҃ипе́р҃, т҃ипе́рй и пр. У Миши Байкова: теперь (нѣсколько разъ) и типерича, но одинъ разъ: таперешный часъ. Въ сл. „м҃и́лъс҃т҃и́нкѣ“ — суфф. -ин- (ср. Шахм. Мосал. 208). О „дюжъ“ и „студо́нъй“ см. Собол. Лекціи, 121; о „та҃ле́р҃“ и „т҃ипе́р҃“ — тамъ-же, стр. 93.

с твердо въ окончаніи возвратн. глаголовъ *-с* и *-ся*. Прим. пя҃тила́са, бря́кнуласа, раста́нца, абн҃има́юс, ганю́са, го́ница, н҃и жын҃и́са, же́н҃исса, н҃и дакли́калас, казал҃са и пр. (Примѣры взяты изъ пѣсенъ, но то-же и въ сказкахъ и разговорномъ языкѣ). с҃ мягкое сохранилось только въ выраженіи н҃ибо́с҃ и набо́с҃, почти утратившемъ первоначальное значеніе. Но въ 5 в. къ востоку отъ Парфенокъ, въ дер. Мазиловѣ въ этомъ случаѣ — с҃, ся.

Въ другихъ влкр. говорахъ чаще -с҃, -с҃и, -ся, также -се́ (послѣднее преимущественно въ сѣв.-влкр.) (см. Шахм. Изсл., 209) и -со, но нерѣдко встрѣчается и окончаніе

-с, -са, -сы съ твердымъ *с*. Повидимому, послѣднія формы чаще въ сѣв.-влкр. говорахъ (ср. Матеріалы 21, 35, 36, 37, 38, 39, 40 -са; 22, 41 -сэ; 28 -сы), чѣмъ въ ю.-влкр. Впрочемъ, *-с* и *-са* отм. у Филатова (т. 38, стр. 319), а *-с* и *-сы* у Будде въ Тул. губ. (Изв. II Отд., т. III, кн. 3 и 4) и пр. По мнѣнію А. И. Соболевскаго, твердое *с* здѣсь изъ фф. на -ца, -цы въ 3-мъ л. ед. и мн. и неопр. накл. (Лекціи, 120).

суда́ и суды́. Миша Байковъ пишетъ: „иди суда“. Ср. старослав. сѫдоу (см. Соболевск. Лекціи, стр. 120).

Лабіализація согласныхъ.

Нѣкоторыя твердыя согласныя въ положеніи въ неударяемомъ слогѣ могутъ получать лабіализацію передъ *у, ъ, ъ* (т. е. глухая открытая гласная) или послѣ этихъ гласныхъ. Такой лабіализаціи подвергаются главнымъ образомъ губныя согласныя и *л*, нѣсколько менѣе — заднеязычныя. Зубныя согласныя тоже иногда лабіализуются передъ *у* или если въ сосѣднемъ слогѣ являются губныя. Гласныя въ положеніи послѣ и передъ такими лабіализованными согласными, находясь не въ ударяемомъ и не въ непосредственно предшествующемъ ударяемому слогѣ, болѣе или менѣе лабіализуются, но можетъ происходить и обратное явленіе, т. е. лабіальная гласная, диссимилируясь съ сосѣдней лабіализованной согласной, переходитъ въ гласную нелабіальную. Примѣры [1]): ᵒпъᵘлсапо́шки, ᵒпъмура́вицъ („че́м ьт ана́ јамᵘ ᵒпъмура́вилъс?“ = понравилась), буɣачо́wу; штᵘп паспе́ли, шшъᵘбъ wо́лк ни утащи́л, думавни́чът, тубаре́ткъ; ъкълубине́лъ земля́; кузначе́йствъ; мажучо́к, дабавы́и (послѣдніе два случая только въ пѣ.). Къ сожалѣнію не могу теперь привести примѣ-

---

[1]) Лабіализація согласныхъ, если гдѣ подмѣчена мной въ записяхъ, обозначается черезъ ° надъ буквой; въ остальныхъ случаяхъ объ ней можно догадываться по измѣненію гласной.

ровъ на всѣ извѣстные мнѣ случаи лабіализаціи. *у* въ положеніи послѣ лабіализованныхъ согласныхъ выговаривается нѣсколько болѣе открыто, чѣмъ послѣ нелабіализованныхъ согласныхъ. Странный случай лабіализаціи — въ сл. ко́кўф = како́въ въ одной пѣснѣ.

Переходъ глухихъ въ звонкія и обратно.

Правила перехода этого — тѣ-же, что и въ литературномъ языкѣ, т. е. звонкія шумныя въ положеніи передъ глухой шумной переходятъ въ соотвѣтствующія глухія; глухія же шумныя въ положеніи передъ слѣдующей звонкой шумной, но не передъ *в*, за которымъ слѣдуетъ гласная, и не передъ *j* переходятъ въ соотвѣтствующія звонкія, а передъ *в* съ послѣдующей гласной и передъ *j* остаются безъ измѣненія. Но передъ *в*, которое само — передъ звонкой согласной шумной, глухая переходитъ въ звонкую. Поэтому: ни тро́к во́зйт, но: ни тро́г в дире́вни пъжывъ́от. На концѣ слова всѣ звонкія переходятъ въ глухія, если за ними не слѣдуетъ такая согласная, передъ которой по правиламъ глухая должна перейти въ звонкую. Поэтому: Бох мој, уш вы збо́ры (въ пѣснѣ), дру́к мој, во́с ује́хъл, го́луп улите́л (или: го́лўпйўлите́л) и пр., но: во́з балшо́j и т. п. Что касается предлоговъ, то они, за немногими исключеніями, такъ тѣсно примыкаютъ къ слѣдующему слову, что не подчиняются правиламъ конца слова. Поэтому: пъд акно́м, чйриз ре́ку, надна́ми, бъз ръзгаво́ру, биз мина́ и пр. Исключеніе составляютъ нарѣчія въ роли предлоговъ, ср. близ акна́, супрати́ф мина́ и пр.

Передъ сонорными согласными, передъ *в* съ послѣдующей гласной, передъ *j* и передъ гласными степень звонкости или глухости согласныхъ остается та-же. Предшествующая согласная тоже сама по себѣ не вліяетъ на степень звонкости или глухости послѣдующей согласной. Но въ единичныхъ случаяхъ являются звонкія согласныя вмѣсто глухихъ.

э́дък, э́дъкъj вм. э-так, э-такой. ну дък wо́т, но также: и: та́к, ну тък што́жъ и т. п. Ср. Рѣзан. Курск. Обоянск. 105.

чирн̀и́гă, брусн̀и́гă и пр., рядомъ съ: чирни́кă и т. п. (ср. Будде, Къ исторіи, 185; Колосовъ, Замѣтки, 299 и др.), к ълшнягу́ (имен. алшня́к. Ср. у Будде, Къ исторіи: „дубнягу́“ — стр. 348), га́нтък, грыжо́вник (ср. у Чернышева, Краткія свѣдѣнія о нѣк. говв. Дмитров., Богород. и Егорьев. у., 2). Въ дѣтской игрѣ въ макъ макъ называется: магави́стаj и макави́стаj.

ачуди́лъс (=очутилась. Сказк.). Можетъ быть, здѣсь — другой корень. Ср. у Даля и у Подвысоцк. очуди́ть въ знач. изумить.

У Дуни Максимовой въ одной пѣснѣ: лендай. М. б., такъ иногда и произносятъ (ср. Рѣзан. Курск. Обоянск. 105: „ленда“ и др.), но я обыкновенно слышалъ: ле́нтъчкă.

Союзъ „если“ произносится: jе́с̀ли, jе́ж̀ли и: jе́з̀ли (также — jе́ли).

жинтари́чкă (въ пѣ., Курово) = непонятому шинкарічка.

ма́ґък по аналогіи съ л̀о́ґък (и сва́дьп? Впрочемъ, ф. сва́дьп и сва́дьпкă мной не подмѣчены. Прилагат. — сва́дбишнъj; род. множ. можетъ быть сва́рп и сва̀тп).

Ли́зъ, Лизаве́тъ, =греч. Ἐλισαβέθ. Въ такой формѣ это имя извѣстно во всемъ русскомъ языкѣ. Вѣроятно, оно попало въ русскій языкъ откуда-нибудь съ запада, потому-что съ греческ. мы получили бы Олисаве́фь (ср. въ Остр. ев. Єлисаєѳь) или что-нибудь въ этомъ родѣ. Впрочемъ, при заимствованіи этого имени съ запада, несовсѣмъ яснымъ было бы здѣсь *в* вмѣсто *б*. Рядомъ съ этимъ обычнымъ произношеніемъ отмѣтимъ полуцерковное: Лиса̀фе́т (с. Васильевское), гдѣ, наоборотъ, звонкая *в* перешла въ глухую *ф*.

Въ 9 верст. къ сѣв. отъ Парфёнокъ въ дер. Поповкѣ Клинск. у. Спасъ-Нудальской вол. существуетъ произношеніе: ле^{a}ю́̀жьчки, но: карто́шьчки. Въ говорѣ Пар-

фёнокъ въ обоихъ случаяхъ — *ш* (ср. у Филат. Ворон. мальчижычкя, т. 38, стр. 273).

Глухія вмѣсто звонкихъ: парáтнъj (парáтнъjь крыл̀цó), вóтъчкă, на кóръп̀и (имен. ед. кóръп = коробъ. Загадк.), нимнóшьчкă (Васильевское). Произношеніе вóтъчка, гдѣ *т* заимствовано изъ вóтка, очень распространено въ великор. говорахъ. Ср. у Филат. Ворон. т. 38, стр. 272—273 и у мн. др. Филатовъ, кромѣ вотачки, приводитъ еще лотачкя и два заимств. слова: лиманату и скыпитаръ. Какъ произносятся эти слова въ Парфёнкахъ, мнѣ неизвѣстно.

в передъ глухими и въ концѣ слова правильно переходитъ въ *ф*.

Переходъ взрывныхъ во фрикативныя.

г передъ гласными обыкновенно = латин. g. Фрикат. γ постоянно — въ слѣдующихъ словахъ: Бóγă, γаспóт̀, γóспъди, аргáн, γъспажá, мáγък, л̀óγък, пăляγóнĕчку, γаγóчьт, баγáт [1]), и-го-γó (междом.) и производныхъ отъ тѣхъ же основъ; рѣже: пираγáми. Въ легендѣ о Николаѣ угодникѣ: γγóдник (нѣсколько разъ): здѣсь — церковное произношеніе церковнаго слова. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною со словъ Дарьи Арсеньевой: аргáн, цыγáнкă и одинъ разъ: маγúлу, но чаще: мади́лу.

Отсюда и въ концѣ словъ то *к*, то *х*: запрóк, увóк, вĕрьк, парóк, но: Бох и т. д. У Миши Байкова въ сказкахъ: запрегъ, запрекъ двѣ лошади, запрехъ лошадь.

Передъ согласн. отм.: γлижý, лигла́, γрусна́ (и грусна́. Всѣ три примѣра изъ пѣсенъ). Обычно здѣсь *г*: лигла́, глижý.

---

[1]) Ср. Брандтъ, Лекціи, 112. То-же различіе существуетъ и въ другихъ говорахъ. Ср. у Будде, Къ исторіи, стр. 181, примѣры изъ дер. Акулова.

Сравнительно рѣдкое произношеніе *г*, какъ *ɣ*, роднитъ описываемый говоръ съ московскимъ и сѣв.-влкр. Впрочемъ, надо замѣтить, что и среди ю.-влкр. встрѣчаются такіе, гдѣ *г*—взрывное. Ср. Будде, Тул. и др. Быть можетъ, эти говоры смѣшанные.

Задненебныя взрывныя *к* и *г* переходятъ во фрикативныя *х* и *ɣ* передъ задненебными и зубными взрывными, т. е. передъ *к*, *г*, *т*, *д*:

лóхкъj, мáхкъj, х камý, х кáмню, х кýму и пр.; хтó, ничтó, трахтúр, нъдихтáнти, ф трахтúри, карáхтьр, х тибé, дóхтур.

ɣ горъду, ɣ гáду и пр.; ɣдé, ɣ дóму, ɣ дéрйву, ɣ дýбу, фсиɣдá, никаɣды́ и пр.

Этотъ переходъ обязателенъ передъ задненебными, но передъ зубными могутъ сохраняться и *к* и *г* взрывныя, хотя не во всѣхъ словахъ: к тúгри (сказк.), лякти (не: ляхти!), лóкти (и: лóхти), гдé (ср. выше), г другóму и пр., но всегда, наприм., — трахтúр, карáхтьр и пр, съ *х*.

Кажется, вмѣсто *х* изъ *к* въ такомъ положеніи могутъ являться придыхательныя: kh, gh. По крайней мѣрѣ мнѣ слышалось иногда произношеніе: khтó, ghдé и др. Примѣры: khтó, khтó-тă, khтó-жъ—нѣск. разъ, gh дóму—въ пѣсняхъ; khтó там и ghдé бъ — въ сказкахъ. Быть можетъ, эти аспиранты явились подъ вліяніемъ чередованія взрывныхъ и фрикативныхъ въ такомъ положеніи; въ такомъ случаѣ, аспираты можно ждать только передъ *т* и *д*, а не передъ *к* и *г* (т. е. нельзя сказать: gh горъду, kh камý?).

Миша Байковъ передъ *т* пишетъ орѳографическое *к*: кто, некто, въ трактиръ, трактиршикъ, по трактирамъ и др.

х въ соотвѣтствіи съ литерат. *к*: хрóснъj, хрéснык, христúт, хрищóнъj, христjáнскъj, ахристúл, хрéс[т]. Но также: крéс[т], христúццъ, пирхристúлса, нéкрис(т). У Миши Байкова: хрестъ, крестьянка. Въ другихъ говорахъ въ этихъ словахъ — и *х* и *к*.

х=*к* другихъ говоровъ: х'wéлъj и х'wи́лъj=слабый, болѣзненный, хилый. Въ другихъ говорахъ въ томъ же значеніи мнѣ извѣстно kwéлъj (Тамб. губ., Козловск. у.) и кво́лăj (Тульск. губ., Веневск. у. Косяевск. вол.). Ср. у Соболевск. Лекціи, стр. 31 и 126 и у Ляпунова, Ж. М. Н. Пр. 1900, ноябрь. Переходъ *к* въ *х* въ этомъ словѣ могъ быть фонетич. Ср. у Будде, Къ исторіи, 187, такіе прим. какъ цэрьхвéй, хвартéра; Тул. Кал. хвятóкъ (стр. 895).

Старое *к* сохраняется въ сл. мя́кчй (сравн. ст.), но также и мя́хчй при положит. ст. мя́хкъj, мя́гъкъ.

к=литературному *х:* кара́хтър, къравóт, клéф (ф кливé и пр.). Въ первомъ словѣ *к*, вѣроятно, — для диссимиляціи съ послѣдующимъ *х* фонетич. происхожденія или восходитъ къ нѣмецкому (и французскому) произношенію этого слова; во второмъ *к* общерусское; литературное: хороводъ обязано своимъ *х* ложной этимологіи этого слова [1]). Отмѣтимъ, что *в* въ этомъ словѣ служитъ признакомъ сѣв.-влкр. или московск. говора, такъ какъ въ южновлкр. говорахъ, даже тамъ, гдѣ въ окончаніи род. пад. муж. р. прилагат. и мѣстоим. — *в*, въ словѣ корогодъ γ или *г* сохраняется. Ср. *Будде*, Къ діалектол., стр. 165, 172, 177 и т. д., Тул. Калуж. 833, Тул. 1300, 1305, 1311 и др.; *Рѣзановъ*, Курск., Обоянск., стр. 104; *Филатовъ*, Ворон. 281 и др. и мн. др. По происхожденію же это *в* восходитъ къ γ и, слѣдовательно, аналогично съ влкр. *в* въ оконч. род. пад. един. ч. муж. р. прилаг. и мѣстоим. Старое γ, не *г*, предполагаетъ въ этомъ словѣ и А. И. Соболевскій (Лекціи, стр. 113). Въ словѣ клéф (клéвъ) *к*,

---

[1]) Впрочемъ, у Даля есть и *хороводъ*, довольно подозрительное, потому-что фонетическій переходъ *к* въ *х* въ русскомъ языкѣ существуетъ только передъ согласными, слово-же хоръ въ простомъ народѣ мало извѣстно. Вообще, этимологія слова *корогодъ* неясна. Отмѣтимъ, что въ сѣв.-влкр. говорахъ рядомъ съ коровóд и корогóд чуть ли не чаще слышится каравóд, каревóд и т. п.

можетъ быть, старое. Мѣну *к* и *х* въ этомъ словѣ въ разныхъ говорахъ ср. съ подобнымъ же чередованіемъ въ сл. хло́поты, хлопотать при старорусск. клопоты, всклопотить; клобукъ и нахлобучить и т. п. (см. Соболевск. Лекціи, стр. 127).

Губныя. *п* вм. *ф:* Осип, Стипа́н, шкап, Капка́с. Въ первомъ словѣ замѣчу чередованіе *п* и *ф* въ легендѣ о Николаѣ Чудотв.: „въ Осипъвъм мънъстырѣ“, „О́сйпъф мънастыр“ — это обычное, народное названіе, вполнѣ установившееся, но О́сйф и даже Ио́сйф — книжное имя, п. ч. говорится не о простомъ Осипѣ, а объ святомъ. Здѣсь *п* въ имени, б. м., уже было получено такимъ если не отъ грековъ (ср. Ιωσηπ, Ιωσηππου и т. п. написанія въ ср.-греч. ркп.), то отъ южныхъ славянъ [1]).

Капкас съ *п* извѣстно и въ другихъ говорахъ. Ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 291; я слышалъ такое произношеніе у жителей Пронск. у. Рязанск. губ.

б вм. *в:* Абра́м, губярна́нка (= гувернантка) и губярна́тка. Послѣднее въ пѣ. „Саушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ“, въ такомъ стихѣ: „взял ба́ губярна́тку,— та ма́тка́ мая́“. Такимъ образомъ „губярна́тка́“ здѣсь названіе какой-то птицы (?), но по происхожденію, б. м., = гувернантка. *б* здѣсь изъ болѣе знакомаго крестьянамъ: губернаторъ. Ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 291 и у др. Въ имени же Абра́м *б* вм. *в* очень старинное, являвшееся въ древнемъ русскомъ (и въ ю.-славянскихъ) яз. во многихъ именахъ, взятыхъ у грековъ. Подобно тому, какъ изъ Ιοσήφ, Ευστάφιος, (Ἀραφαρ, Σιναριφ въ пов. объ Аки-

---

[1]) Ср. у Лаврова, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго яз., стр. 91; въ Вукановомъ ев. начала XIII в. (Кульбакинъ, Изв. Отд. русск. яз. и сл. III, 1162); въ сборн. Срѣковиѣа XIII—XIV в. по текстамъ, напечатаннымъ у М. И. Соколова въ Матер. и Зам. I—V: пилософь, Леопирій, Рапаилъ. Епрѣмъ и др.; въ пов. объ Акирѣ по сп. Общ. Ист. и Древн. № 189, XV в.: Синагрипъ и Арапаръ. Послѣднему въ семитскихъ текстахъ соотвѣтствуютъ имена на -far, у Bar-Bahlul'a — 'Arâfar.

рѣ?) являлось: Осип, Остап (Аранар, Синагрип въ пов. объ Акирѣ), такъ и изъ Αβραάμιος являлось Абрáм. Впрочемъ, возможно, что Абрамъ явилось по аналогіи со сходнымъ именемъ: Абрáм или Амбрáм = греч. Ἀμβράμ и Ἀμράμ, и другими именами на Аб-, какъ наприм. Аббакýм или Амбакýм (въ такомъ видѣ это имя извѣстно въ современныхъ говорахъ и въ древнихъ памятникахъ русской письменности), имѣвшими *-б-* еще въ діалектахъ греч. языка даже въ концѣ Византійской эпохи [1]). Ср. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгар. яз., стр. 92; Соболевскій, Статьи по славяно-русскому яз., стр. 24; его-же: „Изъ исторіи...“ (Ж. М. Н. Пр. 1897, т. 314, ноябрь), стр. 64—65 (зам. XV).

ф вм. *п* въ сл. Ăграфéнă—обще-влкр. Ср. сѣв.-влкр. Огрофéна, но млр. γορπίνα съ *п*.

в вм. *б*? бáушкă при бáбă, бáбŭ позволяетъ предположить переходное бáwушкă. Условіемъ для такого перехода взрывной во фрикативную могло быть ласкательное произношеніе этого слова съ усиленной лабіализаціей всѣхъ согласныхъ (причемъ такому переходу способствовало *б* сосѣдняго слога и *у*, слѣдовавшее за вторымъ *б*, которое такимъ образомъ ассимилировалось слѣдующему *у*, диссимилируясь съ *б* перваго слога).

Шипящія согласныя.

Шипящія *ш* и *ж* мягки только передъ *т̀* и *д̀*; мягко также ж̀ въ сл. прéж̀ньj; передъ *е́* звуки *ж* и *ш* — средніе, въ остальныхъ случаяхъ — тверды.

Одной изъ особенностей разбираемаго говора является его шепелявость, но эта шепелявость сильно отличается отъ шепелявости сѣв.-влкр. говоровъ и нѣкоторыхъ

---

[1]) Такого-же происхожденія въ пов. объ Акирѣ имена Анабугилъ и Абекамъ или Амбекамъ, въ которыхъ *б* и *мб* восходятъ къ греч. ββ или μβ.

изъ ю.-влкр. Сложныя аффрикаты *щ* и *ж͡(д)ж* у большинства лицъ въ описываемомъ говорѣ произносятся, какъ *с̑с̑* (и *с̑*) и *з̑з̑* (и *з̑*) съ шепелявымъ оттѣнкомъ; рѣже слышится шепелявое *ц́* мягкое вмѣсто *ч*; *с* и *з* вмѣсто *ш* я совсѣмъ не слыхалъ. Наоборотъ, *с̑* и *з̑* у нѣкоторыхъ лицъ произносятся съ шепелявымъ оттѣнкомъ. Въ Куровѣ, подсмѣиваясь надъ парфенковцами, говорятъ, что въ Парфёнкахъ нѣкоторые выговариваютъ даже „глажóк“ и т. п., но я слышалъ *с* и *з* твердые шепелявые только у одной старухи, у которой такое произношеніе могло быть просто физическимъ недостаткомъ.

Шепелявое произношеніе шипящихъ и, отчасти, свистящихъ согласныхъ въ разбираемомъ говорѣ — явленіе не всеобщее и распространено въ разной степени только на нѣкоторыя семьи, но можно думать, что прежде оно было болѣе распространено. Незамѣтно шепелявое произношеніе именно въ тѣхъ семьяхъ, члены которыхъ часто бывали въ Москвѣ, ходили въ школу и пр. или же тамъ, гдѣ бабы, взятыя не изъ шепелявящихъ деревень, могли оказать вліяніе на говоръ другихъ членовъ семьи. Наоборотъ, въ наиболѣе консервативныхъ и, если такъ можно выразиться, наиболѣе туземныхъ семьяхъ, какова напримѣръ семья Опенковыхъ, произношеніе сильно шепелявое.

Примѣры изъ крестьянскихъ записей: 1) У Аннушки Акимовой: дозикъ, уизяитъ (2 раза), присисливай, прасяйти. Въ написаніи „уизаитъ“ (одинъ разъ) могло быть просто пропущено *ж* по ошибкѣ. Въ остальныхъ случаяхъ пишетъ правильно.

2) Миша Байковъ, равно какъ и Дарья Арсеньева, обыкновенно произноситъ всѣ шипящія и свистящія вполнѣ чисто; тѣмъ не менѣе въ правописаніи шипящихъ у М. Б. находятся такія особенности, которыя указываютъ на шепелявость. Именно, онъ пишетъ (не во всѣхъ своихъ записяхъ) вмѣсто *ща* обыкновенно *щя* и *сця*, какъ наприм.: сциплетъ, просцяй, сцеголь, сципалъ, пусцяй

и др.; разъ прощается, прощай, ни прощю и т. д., и наконецъ: скази, вещь за коптелый.

Пѣсни онъ записывалъ со словъ своей бабушки, произношеніе которой, какъ и всего старшаго поколѣнія нашей деревни,—шепелявое.

Примѣры изъ моихъ записей:

а) Нешепеляв. 1) Миша Байковъ (сказки, записанныя съ его словъ): ѝнихр̀ищóнъjь, jищó, к свѝщéннику, свѝщéнниг гъвари́т, пъjиж̂ж̂а́j̀ти, пъjиж̂ж̂а́j. 2) Дарья Арсеньева: праща́j̀ти, праща́j, щисл̀и́ва́j, ѝнища́снаѝ, мало́ччьк и пр. У одного мальчика: пато́щьм, и др. Произношеніе шипящихъ у этихъ лицъ слѣдующее (о *ш* и *ж* см. выше): *ч*—очень мягкое; *щ*=$\widehat{ш+ч}$ мягкія, причемъ взрывный элементъ (т) въ *ч* довольно слабъ; $\widehat{ж(д)ж}$ = ž = ǧ слитныя, очень мягкія, причемъ вторая часть этого сочетанія (ǧ) почти=простому ж̀ очень мягкому. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ вм. *щ* и $\widehat{ж(д)ж}$ является *ш* неудвоенное твердое, о чемъ см. ниже. ѝш мягкое можетъ являться въ словѣ ѝшьча́с (см. ниже).

б) *Шепеляв.*: ц́ вмѣсто *ч* рѣдко: а́ц́ива́, нипаро́ц́наj, крича́лаѝ и крицялаѝ (всѣ примѣры изъ пѣсенъ) и др., но: паѝ плича́м, кале́чѝк, уро́чнаj, о́пчиѝ, чаwо́, и пр. Почти всегда въ пѣніи: ты̀с̀ица́: ты̀с̀ица́ю (въ одной новогодней пѣснѣ), ты̀с̀ица́ф („Въ чистомъ полѣ посѣмъ“). Послѣднее при мнѣ пѣли всегда (разъ двадцать или больше) одинаково съ ц́. Разговорное только: ты̀с̀ся или ты̀щаѝ. Кажется, въ сл. ты̀с̀ица́ зв. ц́ слѣдуетъ отличать отъ ц́ вмѣсто *ч* въ другихъ случаяхъ и видѣть въ немъ вторую часть разложеннаго дифтонга с̀с̀, такъ какъ *с* + *щ* = *сс*, а с̀ + ц́ = с̀с̀ (см. ниже). Что условія для перехода *ч* въ ц́ въ этомъ словѣ болѣе удобныя, чѣмъ въ другихъ, видно изъ нѣкоторыхъ говоровъ, не смѣшивающихъ *ч* и и *щ*, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ тысяца (ср. у Собол. Діалект., стр. 36 — Владим. губ. Ковров. у.). Ср. ниже о шьча́с и чижало́.

щ = с̀с̀: с̀ся̀jйм, с̀ᵉо́гъл̀наѝ, тъпари́с̀ся, ро́с̀ю, ис̀с̀о, э́тъ му́с̀с̀ина̀, же́н̀с̀ѝнъ, с̀ᵉяко́лды (у дверей), тава́рис̀ и др.,

мѣ́рьн trawy сѝпльт. Ср. также въ пѣснях: и͡с͡со́, раса́лис, ро́с͡си, рапс͡и́, ни͡сса́снъвъ, са́с͡ица, с͡ситаи́т, иссипа́ли и даже: иссына́ли (=исцапа́ли?: „мали́навы атро́стачти и͡с͡сипа́ли или иссыпа́ли маје́ ко́стъчти“) и пр.

ж(д)ж = з͡з: приизза́j, до́з͡зик и др.

У нѣкоторыхъ лицъ, напр. у Опенковыхъ, Анны Акимовой и др. въ произношеніи *щ* и ждж очень послѣдовательно замѣняется свистящими.

с шепелявое: с͡ш'о́ = всё и т. п. я слышалъ у очень немногихъ. Такое шепелявое произношеніе передаетъ и написаніе „вещь“ вмѣсто „весь“ у Миши Байкова.

с = литерат. *ш:* сипи́т. У М. Б. сипитъ (въ пѣ.) про змѣю, ср. литерат. шипитъ. Вѣроятно, здѣсь другое слово. Ср. литературное: сипота, оси́пъ, сиплый и пр. („сипить“ = литерат. шипитъ также у Филат. Ворон., т. 38, стр. 308 и др.).

Твердыя шипящія и свистящія никогда ни у кого не произносятся шепеляво; *ж*, *ш* и *ц* всегда чисты.

Явленія въ области шипящихъ, не стоящія въ связи съ шепелявостью.

Русское *ч* (изъ о.-слав. tj) = литер. *щ:* о́пчьj и производн.: ванче́, сапча́, о́пчьствъ и апчиство́; с͡вичо́нъj, по́мъч, паху́чьj, дража́чьj (въ одной пѣ.: дража́чью руко́ю) и т. д. Въ заимствованныхъ книжныхъ словахъ встрѣчается *щ:* с͡ви͡с͡се́нъj (только въ пѣ.: „вакру́к с͡ви͡с͡сенъвъ нало́ю“ и т. п.), с͡вище́нни́к, ни рапс͡и́ (только въ пѣ.).

зря́щьj (— тотъ, кто дѣлаетъ зря, т. е. кое-какъ) не стоитъ въ связи съ причастіями на -чій (ср. зря́чьj = не слѣпой), ст.-слав. -щии, а имѣетъ *щ* другого происхожденія.

Русское *щ* само по себѣ, если не переходитъ въ с͡с, остается безъ измѣненій: щи (не: шти!), кладби́ща́, тъпари́с͡сй, пу́с͡и (= пу́ще) и пр.

ж общерусское = *жд* литер. или другихъ говоровъ: Ръжаство́, дапре́ш, прамéш, ражáт, уражáj, áбижáт, чужój, сажáт, ръзбужý, угажý, гóжъ, адóжă и пр. Но: мижду (энкл.) или мéжду, Ръждиство́, раждéньj, адéждă, Надéждă, пръбуждáццă, нъслаждáлйс (въ пѣснѣ), пръклаждацца. Въ записи у Миши Байкова отм. одежу и по раженью. Въ другихъ русскихъ говорахъ извѣстны также и другія слова съ *жд* вм. *ж* (абиждать, постраждай, ураждай, досаждать, пригождаться и др.). Появленіе *д* въ этихъ словахъ объясняется различно. Въ такихъ словахъ, какъ: между, Рождество, одежда, Надежда — *жд*, несомнѣнно, книжное. Но въ остальныхъ случаяхъ, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, *жд* можетъ быть самородное. Ср. Лекціи, стр. 21 и 126—127. Мнѣніе Соболевскаго усвоено Р. Ѳ. Брандтомъ (Лекціи, стр. 125), затѣмъ повторяется почти безъ оговорокъ Филатовымъ (т. 38, стр. 300). Это мнѣніе Соболевскаго весьма вѣроятно, п. ч. въ говорахъ замѣтна тенденція провести *д* по всѣмъ формамъ словъ, имѣющихъ въ большинствѣ формъ это *д;* такія слова, какъ: урождай, проклаждаться и проч. совершенно неизвѣстны современному литературному языку и не встрѣчаются въ старинныхъ памятникахъ. Но А. А. Шахматовъ въ Лекціяхъ (стр. 42) проводитъ совсѣмъ другое толкованіе этого явленія. Въ виду неизвѣстности такихъ народныхъ словъ, какъ обиждать, урождай, литературному языку не только современному, но и старинному, Шахм. думаетъ, что этими словами русскій яз. обязанъ не только литературѣ и болгарскому духовенству, но и менѣе культурнымъ элементамъ болгарскаго народа, нахлынувшимъ на Русь въ X и слл. вѣкахъ (стр. 41—42). Противъ такого объясненія образованій съ -жд- можно сказать, что 1) литературный яз. былъ подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ болгарскаго яз., чѣмъ народный, однако до XV вѣка строго отстаивалъ русское *ж* и не усвоилъ старослав. *шт;* 2) въ современномъ народномъ языкѣ мы тогда должны бы были ждать широкаго употребленія звуковъ *щ* и *шт* вм. русскаго *ч*, однако *шт* въ такомъ зна-

ченіи вовсе неизвѣстно (*шт* вм. русскаго *щ* есть), а употребленіе *щ* (вм. *ч*) ограничивается нѣсколькими новообразованіями, гдѣ его не совсѣмъ удобно возводить къ старослав. *шт*. Изъ перечисленныхъ мною словъ въ описываемомъ говорѣ *жд* такого происхожденія только въ пръбуждáццъ и пръклаждáццъ, а слово нăслаждáлис — книжное.

Общерусское ж͡д͡ж, если не переходитъ въ з͡з, сохраняется безъ измѣненій, какъ мягкая шипящая. Прим.: даж(д)жя́ или даззя́, дъж(д)жавój, дóз͡зьк (ср. дозикъ у Аннушки Акимовой), jéж(д)жю, уjиз͡зя́йш (или: уиз͡зя́йш), вож(д)жи, забрéж(д)жьлă, пóж(д)жй, важ(д)жя́ццъ и пр. Тотъ же звукъ и въ сл.: иж(д)жóга (= изжога) и т. п. жд вмѣсто этого сочетанія, являющееся въ нѣкоторыхъ говорахъ (ср. аналогичное шти вм. щи), въ описываемомъ говорѣ неизвѣстно.

с͡с вм. ж(д)ж (?): брéс͡ът въ одной дѣтской считалкѣ.

Твердое *ш* въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ *щ*, какъ первоначальное, такъ и изъ ж(д)ж въ концѣ слова. Это же *ш* имѣется въ суфф. -шык вм. употребл. въ литер. -щикъ, нприм.: jимшы́к, изм͡е́шица и др. У Миши Байкова: емшикъ, трактиршикъ, что можно читать, какъ: трахт͡и́ршык. У него-же: „набаршину“. Произношеніе этого послѣдняго слова на живомъ говорѣ мнѣ не удалось провѣрить. Въ концѣ слова: тава́р͡йш, до́ш и даже: тава́р͡йшы (им. мн.), но также и: тава́рис; остальные косв. падежи: тава́р͡йща, тава́р͡йщю или тава́р͡йс́я, тава́р͡йс́ю, даж(д)жа́, даззя́, доз͡зьк и пр. Миша Байковъ въ словѣ товарищъ во всѣхъ случаяхъ пишетъ правильно *щ*.

Иногда у нѣкоторыхъ лицъ слышится твердое *жж*: дро́жжи, вожжи, но у большинства выговоръ этого звука мягкій.

Въ твердомъ *ш* (и *жж*) вм. *щ* (и ж͡д͡ж) можно усматривать слѣды твердаго произношенія этихъ шипящихъ, т. е. *ш* и *щ* въ описываемомъ говорѣ, вѣроятно, восходятъ къ различнымъ діалектамъ.

ч передъ *т* переходитъ въ *ш*, кажется, только въ мѣстоим. што́ и сложныхъ съ нимъ: не́што, што́ и пр., но: по́чтй, пачта́р, паччи́ (изъ почьти).

ч передъ *н* перешло въ *ш*: кума́шнъј, клю́шнйк, разлу́шнйк, памо́шнйк, ску́шнъј, скушня́ю (глг. скушня́т), писо́шнъј, разлу́шнъј, пишно́ј, запе́шнъј, сирде́шнъј, пълуно́шнъј, каше́шнй, нашно́ј и пр. Но: начну́, качну́ и пр., а также (книжныя?): нипаро́чнъј, ве́чнй, уро́чнъј (всѣ 3 въ пѣснѣ), начно́ј сто́ръш; всегда: то́чнъ. У Миши Байкова: нопишной столбъ, клюшникъ, но: точно.

шн изъ *щн*: то́шнъ, ташно́, ташни́т, ср. таска́, тъскава́т.

ш вм. *ч* (нефонетически) также въ словахъ: кре́пшъ и ле́хшъ (и: ле́хчй, также: ле́кшъ), но: шы́пчь, мя́хчь или мя́кчь и пр. *ш* въ этихъ словахъ ср. съ *ш* въ шы́ршъ, дли́ншъ, да́лшъ или до́лшъ, вы́шъ и пр.; *ж* въ глы́бжъ при полож. ст.: кре́пък, ло́гък, шыро́к, да́ло́к, до́лък (долгій), высо́к, глубо́к и пр.

Наоборотъ *ч* = литер. *ш*: лу́ччь рядомъ съ лу́чшь.

Шипящія въ чередованіи со свистящими.

ч = литер. *ц* въ сл. ачиря́път, чиря́пкъццъ. Въ другихъ говорахъ на мѣстѣ *ч* — *ц* и *к*. По всей вѣроятности, всѣ три основы: царап-, каряб-, черяп(б)- были уже въ общерусск. языкѣ.

ч вмѣсто *с*: чьча́с, па́чпърт.

ц вм. *ч*: ты́сйця (см. выше).

ш вм. *с*: шьшна́ццът, шьшна́цътъј, но: шасто́ј; страшна́јь нидела́; шпито́нък — шпита́ты; шьча́с (рядомъ съ: сича́с, чьча́с, щча́с и т. п.).

ж вм. *з*: дражни́т (ср. Соболевск. Древн. прк.-слав. яз., стр. 117). Наоборотъ: друзја́, какъ и въ литер. (вмѣсто: дружја́, существующаго и до сихъ поръ въ русскихъ говорахъ. Ср. дружја́ въ нешепел. говорѣ дер. Окулова

Пронск. у. Рязан. губ.; у Филат. Ворон. т. 38, стр. 302 и во мн. др.).

ѐ вм. *ш:* сипи́т (см. выше).

ѕ̀ въ чередованіи съ *ж:* же́ѕ̀чук, же́ѕ̀чьк и ѕ̀е́ѕ̀чук, ѕ̀е́ѕ̀чьк, но всегда: жыле́зъ и пр., какъ въ литерат.

Изъ приведенныхъ примѣровъ въ сл.: страшна́јь *ш*, вѣроятно, не изъ *с*, но вмѣсто неупотребительнаго страсно́ј (страстной) поставлено другое прилагательное: страшно́ј = литер. страшный. Слово страшной въ послѣднемъ значеніи и съ удареніемъ на концѣ извѣстно во многихъ говорахъ. Отм., что самое слово: стра́ѕ̀т, стра́ѕ̀ти въ описываемъ говорѣ обозначаетъ то, что страшно, а не страданія. Въ словѣ „друѕ̀ја“ ѕ̀ вм. *ж* нефонетич.; оно возникло діалектически въ общевеликор. яз. еще въ ту эпоху, когда говорили: нозѣ, друзѣ, друзи и т. п. (См. Собол. Лекц., стр. 129. Шахм. Энц. Слов., полутомъ 55, стр. 577 и др.). Въ словѣ жеѕ̀чук, ѕ̀е́ѕ̀чук и т. д. ж и з одинаково стары. См. Собол. Лекціи, стр. 129. Въ словахъ ѭьча́с, чьча́с, ты́с̀иця, шьшнаццъ̀т шипящія вмѣсто свистящихъ и ч́ вм. *ч* явились по ассимиляціи съ сосѣдними шипящими и с̀. При этомъ въ ѭьча́с ассимиляція 1-го слога согласной 2-го слога та-же, какая явилась бы при отсутствіи гласной 1-го слога: с + ч = щ = ш̀ + ч̀, слившимся въ одно цѣлое; так. обр. въ ѭьча́с имѣется какъ бы разложившійся звукъ *щ*. Аналогичная, но только прогрессивная ассимиляція согласныхъ въ ты́с̀иця и шьшна́ццъ̀т (при отсутствіи гласной между ассимилирующимися согласными прогрессивная ассимиляція невозможна). Впрочемъ ты́с̀иця удобнѣе объяснять, какъ разложеніе по требованіямъ ритма разговорнаго ты́сся; другая форма: ты́щѧ дала бы: ты́ѭичя. Слово шпито́нък—изъ взпитонокъ (взпитомокъ)—спито́нок. Почему *с* перешло въ *ш*, неясно. Ср. нѣм. sp=*шп*: Spiegel, spielen и пр., но русскій яз. этого перехода не знаетъ.

Въ положеніи передъ слѣдующимъ *с* (не другого слова) шипящая *ш* ассимилируется этому *с*: ѭи нахо́дйсса,

ѣни намо́йсса, же́нйсса, пйриме́нйсса и пр. Это *сс* можетъ упрощаться въ одно: варо́тйсѣ и т. д.

ц изъ *ш*+*с*—Калу́цкъj, муцку́ю а́до́жу. Вм. муцку́ю также: муску́ю или мусѝнскъю. Здѣсь *ц* непосредственно изъ *сс* передъ *к*, ср. пло́цкѣ.

Остальные случаи появленія шипящихъ.

ч изъ *т*: чижо́лъj, чйжало́, чиже́лщъ при тя́ш, тя́шкѣ, тя́шкъj. Въ говорахъ въ этомъ словѣ *ч* очень распространено, хотя не повсемѣстно. чичвѐ́рк, чйчвирта́к, но также (и, кажется, чаще) читвѐ́рк, чйтвярта́к; паччи́. *ч* во всѣхъ этихъ случаяхъ—по ассимиляціи съ сосѣдней шипящей. О сл. чижо́лъj см. зам. Булича въ Р. Фил. Вѣстн. 1889, т. XXI, стр. 241, и у Шахм. Отч. о присужд. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 42.

прачкну́лѣ (о нарывѣ и т. п.)=по значенію: проткнула. Но здѣсь *ч* не изъ *т*. Слово прачкну́т восходитъ къ корню чьк—чик. Отсюда глг. „прочкнуться“, употребляемый въ Арханг. нарѣчіи о листьяхъ на деревьяхъ и о травѣ: начать распускаться, пустить ростокъ; „прочика“—тамъ-же: первый лйстокъ, ростокъ (Подвысоцкій. Словарь обл. Арханг. нарѣчія). Отъ того-же корня, вѣроятно: почка (на деревѣ). У Даля въ томъ же значеніи, какъ и у насъ: „нарывъ прочкнулся“. Ср. сербск. прочкати, прочачкати—прокалывать, протыкать и др.

т и т въ положеніи передъ *ч* ассимилируется ему, и такимъ обр. получается одно усиленное *ч*.

щ—*ск*: пуща́j, пуща́т, и: пуска́j, пуска́т, причемъ ффф. съ „*ск*“, вѣроятно, заимствованы изъ литер. языка. У М. Б. „непускаетъ“.

г—*жс*. Всегда: пуга́т, испуга́ццъ; также: бягу́, бягу́т (при бижы́ш и пр.) съ *г*, а не *жс*.

Въ глаголахъ тку́, жгу́, во всѣхъ формахъ *к* и *г* сохраняются: тко́т, жго́т, (рѣже: ж(д)жо́т), тки́, жги́ и пр. Отъ другихъ глаголовъ съ *к* и *г*: пико́т, тико́т, сико́т ря-

домъ съ ничо́т, тичо́т, сичо́т. При этомъ, кажется, различается: „ана́ ни́ко́т (и ничо́т) ираги́“, но „со́нцъ ничо́т“. Всегда: ники́, тики́, сики́ и пр.

т вм. *ч* въ сравн. степ. баγа́ти=богаче.

Согласныя назалированныя и склонныя къ *л*.

Назалированными являются, какъ и въ литературномъ говорѣ, согласныя зубныя взрывныя передъ *н*, т. е. такія сочетанія, какъ т+н, д+н, т+н, д+н, и губная взрывная *б* (губная *п* въ такомъ положеніи мнѣ неизвѣстна) передъ *м*, какъ наприм. въ сл. авме́н. Рѣже является *б* назалированное передъ *н*, но, кажется, только передъ *н* твердымъ и притомъ въ слогѣ, удаленномъ отъ ударенія. Именно, такое *б* мнѣ извѣстно въ сл. на́дъбᵐнъ, гдѣ это бᵐ можетъ переходить и по большей части переходитъ въ *м* (ср. надамна у Рѣзанова, Курск. Обоянск., стр. 108 и др.). Наконецъ бᵐ или *м* слышится не передъ носовой въ выраженіи: должно́бᵐъ̃т и должно́мъ̃т=должнобыть.

Всѣ перечисленные случаи извѣстны и литературному говору. Особенностью, неизвѣстною литературному говору, является *в* назалированное передъ *н*, на мѣстѣ котораго въ литер. говорѣ — *м* или *в* чистыя. Именно, *м* передъ *н* обыкновенно переходитъ въ *в* назалированное, а *в* чистое въ томъ же положеніи становится назалированнымъ. Впрочемъ, въ произношеніи нѣкоторыхъ лицъ *м* и *в* передъ *н* могутъ сохранять свой первоначальный видъ. Очень рѣдко *в* назалированное переходитъ въ *м* (можетъ быть, *м*, склонное къ *в*), но такое произношеніе я подмѣтилъ только у двухъ лицъ; наоборотъ, чаще *в* назалированное можетъ терять носовой оттѣнокъ.

Прим.: вᵐно́гă, гувᵐно́ (въ этихъ двухъ словахъ почти никогда не слышится *м*), по́вᵐни, папо́вᵐни, нъда вᵐно́j

и др. Въ пѣсняхъ: т̀ом^{в}наю но́ч, уны́в̀нāj, ком^{в}нъты, т̀овнъ но́чи, са м^{в}но́j, т̀ом^{в}нā т̀ом^{в}нā т̀им^{в}ната́, па wно́гу. Ср. Будде, Къ исторіи, 159—160.

м вм. *в* только въ сл.: мну́чъ, кро́мнъj = кровной и ро́мнъ = ровно, съ *м* близкимъ къ переходу въ назалированное *в*. Въ Куровѣ это явленіе рѣдко, и тамъ смѣются надъ Парфенковскимъ произношеніемъ: „кро́мнъй мајé“. Переходъ *м* въ *в* и обратно передъ *н* извѣстенъ въ различныхъ, какъ сѣв.-влкр., такъ и ю.-влкр. говорахъ.

Интересно отмѣтить сл. „загу́в̀ьнj̀ь“; гдѣ *в* изъ положенія передъ *н* перешло и въ такія формы, гдѣ оно фонетически не могло развиться.

Другого, нефонетическаго происхожденія *в* вм. *м* въ сл. афша́нйк вм. омшаникъ. Быть можетъ, здѣсь играла какую-нибудь роль аналогія со сл. овесъ или овца.

Тоже нефонетическія причастія на *-мши*. Это—морфологическія новообразованія, объясняемыя А. И. Соболевскимъ, а вслѣдъ за нимъ и другими учеными аналогіей съ такими образованіями, какъ вземши и т. п. Дѣепричастія на *-мши* извѣстны главнымъ образомъ ю.-влкр. говорамъ, а изъ нихъ проникли также и въ сѣв.-влкр. и бѣлор. (см. Шахм., Энциклопед. Словарь, полутом. 55, стр. 579). См. также выше, 19. Изъ того, что дѣеприч. на *-мши* образуются нерѣдко отъ другой основы, чѣмъ дѣепричастія на *-вши* и притомъ во многихъ говорахъ существуютъ рядомъ съ послѣдними, не смѣшиваясь съ ними, ясно видно, что они являются чисто морфологическими новообразованіями, и что въ звукѣ *м* никакъ нельзя видѣть простую замѣну *в*.

Подобно тому, какъ передъ *н* мягкимъ и твердымъ являются *т* и *д* мягкія и твердыя назалированныя (но не *н*!), такъ и передъ *л* мягкимъ и твердымъ являются *т*, *д* и *н* твердыя неполнаго образованія, склонныя къ *л* (л). Прим.: ад^{н}на́, ад^{н}н̀е́, ат^{н}ня́т ат^{н}нису́, ат^{н}нас, д^{л}лѝминя́, по́д^{л}ли, ът^{л}лами́т, ат^{л}ли́т, над^{л}ло́мют, прѝгля̀д^{л}ливā̀й, тала́н^{л}ливā̀й (пѣ.).

Въ записяхъ назализація согласныхъ и склонность

ихъ къ *л* (*ļ*), но большей части не обозначена, п. ч. зубныя передъ *н* всегда назалированы, а передъ *л* всегда склонны къ *л*.

ПЕРЕХОДЪ СОГЛАСНЫХЪ.

А. Такъ называемое переходное смягченіе.

Переходъ мягкихъ средненебныхъ въ зубныя взрывныя.

Переходъ этотъ необязателенъ. Чаще всего сохраняется ̓к и ̓г тамъ, гдѣ оно поддерживается аналогіей другихъ формъ, такъ наприм., въ окончаніи -̓ки чаще слышится именно -̓ки, не -̓ти. Иногда вмѣсто ̓ки, ̓ке слышится переходный звукъ: ̓к′и, ̓к′е. Въ моей транскрипціи я обозначаю такой звукъ черезъ ̓к или ̓т. Замѣчу, что при ̓т, ̓д вм. ̓к, ̓г мнѣ ни разу не слышалось ̓к, ̓г вмѣсто ̓т, ̓д, кромѣ заимствованнаго слова: ̓кія́тры. Переходомъ ̓к въ ̓т вызывается употребленіе имени ̓Китáj, ̓Китájьф вмѣсто и рядомъ съ ̓Ти́т, ̓Тито́ф (не: ̓Кит!). Переходъ средненебныхъ мягкихъ въ зубныя взрывныя встрѣчается, какъ въ ю.-влкр., такъ и въ сѣв.-влкр. говорахъ. Объ исторіи этого перехода см. А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русскаго яз. III (— Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 48—49); Погодинъ, Къ вопросу о смягченіи гортанныхъ и пр. Послѣдній приводитъ примѣры аналогичнаго перехода изъ другихъ индоевроп. яз. Добавлю, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ соврем. греч. яз. тоже слышится t′ вм. k′: t′é[2] вм. χαί, при t°é = τὲ.

Прим.: Ă̓вда̓ти́м, ̓Ми̓ти́ткӑ (рѣже: ̓Мики́ткӑ), ̓тирпи́ч, ̓Ми̓ти́фър (и ̓Мики́фър), мади́лй, зади́бушки (пирожки съ творогомъ) Јивдéньj, Пъладéјь, с̓ти́ну̓т, с̓ти́н картýс, „с̓ти́н парки́, заткни́ акно́“ (поговорка); „Ни́т̓ти јéс?“—̓Ни́так? Ка̓ти́х ни́тък?—„Пъдни́бе́снъвъ цвéту“ (разговоръ въ мѣлочной лавкѣ въ Покоевѣ). Окончаніе -̓ти вм. -̓ки: „̓Ли-

сав́ик, лисав́ик, у твайе́й жыне́ ти́ть ти как наду́шти“, хло́пълти (трава), жырив́о́нти, де́цтих (Савельево), ба́тюшти, ма́тушти и пр., но рядомъ: ма́хънких и пр.

Прим. изъ сказокъ (М. Б. и Дарья Арсеньева): тати́м ро́дъм, пирити́н, в ру́ти, но: у де́душки, ма́хънки брати́шки.

Изъ пѣсенъ: мади́ла́, а́нъдьл, тинжа́л; тиле́ницъ́; сирде́йву, Сирде́я, но: де́ушки, дали́нушки, палти́нушки; высо́тии, но: ба́тюшки, ма́тушки; андил, андьл, к мади́ли, тирко́й, на ру́чти, нади́бнут, ф ка́тъ́рди, но: го́ркйми; ва свито́лачти, в бы́стръй ре́чти; у галу́пти, но: на јимшы́цких; ф кабачте́ мужучти́, но: гу́лки, лю́лки, и пр. (Слова разбиты на группы по пѣснямъ). Тамъ-же: тисе́л, тисиля́, де́нди; с тиле́ди; вы́тинула; кул мути́, зе́ртйлъ; тида́йт; не[2] с ким, ки́санкъ́.

Въ записяхъ самихъ крестьянъ:

1) У Дарьи Арсеньевой: дароди, китайти; мадилу; мадила; нестимъ (=не съ кѣмъ), съ тѣмъ (вопр.: „съ тѣмъ ты ночку прогуляла“); цвѣточти; въ остальныхъ случаяхъ — *напр.* лавки, неубытки и пр.

2) У Миши Байкова. Обыкновенно правильно: дѣдушки, тетки, печки, дѣвки, старики, мужеки, веревки, скуки, руки, рекѣ, денги, помоги, по волгѣ, домогилки, и пр., но: латея и тидалса.

Б. м., сюда же слѣдуетъ относить и сл.: тве́т съ производными = русск. литерат. и ю.-слав. цвѣтъ, зап.-слав. квѣтъ. Въ описываемомъ говорѣ слово тве́т употребляется въ значеніи цвѣтка, = ἄνθος, flos; въ значеніи же χρῶμα, color говорятъ: цве́т (но: „тве́тнъ́й платъ́ь“). Послѣднее могло быть заимствовано, какъ мнѣ указалъ Р. Ѳ. Брандтъ, у торговцевъ, такъ какъ употреблять это слово въ такомъ значеніи приходится почти исключительно при сношеніяхъ съ торговцами.

Прим.: тве́т, твято́к, тваты́, твито́т, тве́тнъ́й платъ́ь, но: „нитти пъдниве́снъвъ цве́ту“. Очень рѣдко въ этомъ словѣ слышится с: мой све́тнъ́й платъ́ь. Въ одной пѣснѣ: ди-

тя „свéту áлáвá“. Рядомъ съ раствóл, ръствитáт чаще: „рассвóл“, рассвéс.

Въ крестьянскихъ записяхъ:

1) Анн. Аким. При болѣе частомъ написаніи: цветъ цветокъ и пр. съ орѳографическимъ *ц*, два раза: твитёть (ъ здѣсь ошибочно), тветочикъ.

2) Миша Байк.: тветочекъ, тветъ.

Слово твѣтъ извѣстно съ *т*, а не *ц*, чуть ли не большинству влкр. говоровъ и тѣмъ изъ бѣлор., въ которыхъ *ц* не является вмѣсто всякаго т. Въ чакающихъ говорахъ говорятъ чвѣт; попадается произношеніе свѣт и даже квѣт.

По аналогіи съ тѣми случаями, гдѣ въ говорахъ русскаго языка имѣется т вмѣсто к, можно бы думать, что и въ словѣ твѣт т такого же происхожденія. Это мнѣніе и было высказано нѣкоторыми учеными [1]). Другіе изслѣдователи, наоборотъ, выводятъ это т изъ *ц* [2]). Мнѣ кажется, что говоря о словѣ цвѣтъ, нельзя отдѣлять его судьбу отъ судьбы словъ квѣлый, квѣлить. Сохраненіе задненебнаго или средненебнаго звука въ этихъ послѣднихъ во всѣхъ говорахъ русскаго языка съ одной стороны говоритъ за то, что русскимъ языкомъ было получено изъ общеслав. сочетаніе *жвѣ*, вопреки мнѣнію, высказанному акад. Шахматовымъ въ Отч. о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., съ другой стороны за то, что твѣт врядъ ли восходитъ непосредственно къ квѣт, потому-что *к* въ такомъ положеніи въ русскомъ языкѣ или сохранялось или переходило въ *х*. Поэтому я вслѣдъ за Соболевскимъ, Шахма-

---

[1]) Колосовымъ, акад. Шахматовымъ (Лекціи, 121) и др.; того же мнѣнія придерживается и акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій (Лекціи, 118), ак. Шахматовъ (Отч. о прис. Ломон. пр. въ 1897 г.), Ляпуновъ (Живая Стар. 1894, стр. 159). Шахм. и Ляпун. объясняютъ переходъ *ц* въ этомъ словѣ тѣмъ, что ц здѣсь въ эпоху отвердѣнія *ц* въ большинствѣ говоровъ не могло сохраняться въ такомъ видѣ передъ в и упрощалось въ т въ однихъ и въ с въ другихъ говорахъ.

товымъ и Ляпуновымъ возвожу твѣт къ старому цвѣтъ. Существованіе же рядомъ съ цвѣт, твѣт и пр. словъ квѣлый, хвѣлый и т. д., я думаю, слѣдуетъ объяснять или тѣмъ, что слово квѣлый было заимствовано русскимъ языкомъ изъ другого слав. языка еще въ общерусскую эпоху, или тѣмъ, что русскимъ языкомъ были получены эти слова съ двоякимъ произношеніемъ, т. е. квѣтъ и цвѣтъ и цвисти (безъ параллельной формы квисти, не существовавшей уже въ общеслав. яз. [1]); квѣлыи и цвѣлыи, квѣлити и цвѣлити (форма цвилѣти, вѣроятно, русскимъ языкомъ совсѣмъ не была получена). Затѣмъ, въ послѣднихъ двухъ словахъ формы съ *к* вытѣснили другую форму. Въ словахъ же цвѣтъ и цвисти, благодаря тому, что при цвисти не было парной формы съ *к*, а при квѣтъ была парная форма съ *ц*, возобладали формы съ *ц*, которыя почти вытѣснили форму съ *к* [2]). Въ западнославянск. языкахъ наоборотъ *к* изъ квѣтъ (полученнаго тамъ только съ *к*) перешло и въ другія образованія отъ того-же кор- Ср. польск. kwitnąć.

Параллельная квѣлить форма цвѣлити, повидимому, существовала еще въ древнерусскомъ языкѣ, ср. Слово о полку Игоревѣ; съ другой стороны и форма квѣт сохранилась еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ (частью съ переходомъ *к* въ *х*), гдѣ ее не совсѣмъ удобно объяснять польскимъ вліяніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что при формахъ съ *квѣ* въ русскомъ языкѣ почти неизвѣстны формы съ *гвѣ*: гвя́зда въ Олон., вѣроятно, заимствовано съ польскаго [3]).

---

[1]) Принимая гипотезу акад. Ф. Ѳ. Фортунатова объ измѣненіи звуковыхъ сочетаній *кв, хв, гв* въ общеслав. яз передъ старыми мягкими гласными и передъ *ъ* изъ стараго *оі*.

[2]) Приблизительно такое-же объясненіе даетъ и акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Онъ предполагаетъ, что нѣкоторые говоры русскаго языка получили изъ общеслав. въ этихъ словахъ сочетаніе *квѣ*, которое въ словѣ квѣтъ было замѣнено сочетаніемъ *цвѣ* подъ вліяніемъ глагола цвисти.

[3]) Несовсѣмъ ясно *х* въ русскомъ діалектич. хвилый, хви-

Въ раꙁꙁвóлъ ꙁ непосредственно изъ ц. Форма раꙁтвóл образовалась по аналогіи съ твéт, твóл и пр.

Б. Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ.

Ассимиляція согласныхъ выражается: 1) въ смягченіи согласной передъ слѣдующей мягкой и отвердѣніи ея передъ твердой согласной, 2) въ переходѣ звонкой въ глухую передъ глухой и обратно, 3) въ переходѣ полномъ или неполномъ согласной шумной въ сонорную передъ слѣдующей сонорной (*н*, *л*), 4) въ переходѣ зубной несвистящей (шипящей или взрывной) въ свистящую передъ свистящей и зубной нешипящей въ шипящую передъ шипящей, и 5) въ нѣкоторыхъ другихъ, не такихъ общихъ явленіяхъ. Первые 3 вида ассимиляціи разсмотрѣны выше. Что касается 4-го вида ассимиляціи, то онъ сводится къ появленію усиленныхъ *ш*, *ж*, *ч*, *с*, *ц* и простыхъ аффрикатовъ т͡ш (*ч* твердое), дж и ц. Именно, сочетаніе *ш*+*с* въ серединѣ словъ даетъ *сс:* диꙁóсса, ꙁмијóсса, но то-же сочетаніе сохраняется въ видѣ *шс*, если обѣ согласныя принадлежатъ двумъ словамъ; *ж* въ концѣ одного слова + *з* въ началѣ другого сохраняется тоже въ видѣ *жз*. *т*+*ц* при всякомъ положеніи даетъ усиленное *ц* (*цц*). Сочетанія *з*+*ж* и *с*+*ш* при всякомъ положеніи даютъ *жж* и *шш*; *т* и *д* передъ *ш* и *ж* переходятъ въ слитныя аффрикаты т͡ш и д͡ж, т. е. т + ш и д + ж = т͡ш + ш и д͡ж + ж = т͡шш, д͡жж (какъ бы čš и ǧž) твердыя. *т* передъ *с* переходитъ въ *ц*, твердое передъ *с* и мягкое передъ ꙁ. Прим.: ацса́дă, ацсу́дă, ацсу́л, пъцсаꙁи́т, аꙁ͡ꙁе́ливă, пъꙁ͡ꙁирпо́м и пр. Съ своей стороны *цс* мо-

---

ля, хвилин и (правда, очень рѣдкомъ) хвист, ср. чешск. chvístati. Нельзя ли предположить, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеслав. яз. сочетанія глухая задненебн. + *з* передъ мягкой сохранялись безъ измѣненія задненебной въ свистящую? Тогда и въ польскомъ kwitnąć, kwiść зв. *k* можетъ быть старый.

жетъ переходить въ усиленное *ц*, какъ напр. ацце́дă (не ацсе́да!). Того-же происхожденія формы возвратныхъ глаголовъ: баи́ццă, см̀ијо́ццă, дѝро́ццă, нѝ спицца̀ и пр., баи́ццъ, ката́ццъ, дра́ццъ и пр., гдѣ *цц* по указанному правилу—изъ *цс. цц* въ этихъ формахъ является и въ другихъ влкр. говорахъ, и притомъ, даже въ ю.-влкр., гдѣ форма 3 л. кончается на т̀, а возвр. мѣстоим. въ возвр. глаголахъ звучитъ: с̀и и ся, — *цц* часто — твердое. Въ этомъ *цц* изъ *цс* мы имѣемъ ассимиляцію прогрессивную, явленіе сравнительно рѣдкое. *д* передъ *з* переходитъ въ аффрикату д͡з, которую я для сокращенія изображаю славянской буквой ѕ (зѣло), напр. паѕза́йшнйк (грибъ), пъѕ забо́ръм и пр.

т + *ч* даютъ *чч* (т. е. само *т* переходитъ въ *ч* и затѣмъ сливается съ послѣдующимъ *ч*); *с* + *ч* само по себѣ = *щ* (т. е. *с* переходитъ въ ш̀...), которое въ описываемомъ говорѣ можетъ являться въ видѣ сс̀. Въ сочетаніи *с* + *ц* является прогрессивная ассимиляція, т. е. *ц*, ассимилируясь предшествующему *с*, переходитъ въ *с* (т. е. между двумя *с* выпадаетъ *т*), причемъ *с* такого происхожденія остается твердымъ при всякомъ положеніи. Прим.: с сыпо́м (= с цѣпо́м), ис сэ̀ркви и пр., inf. не́ссă (= несться) и пр. Кажется, при этомъ иногда какъ будто сохраняется очень слабое *т* между двумя *с*.

т передъ *щ* переходитъ въ *ч*; *с* + *щ* = *щщ* (или ш̀щ).

Случаи ассимиляціи согласныхъ 5-го изъ перечисленныхъ мною видовъ частью указаны выше. Это — такіе случаи, когда согласная ассимилируется не съ непосредственно слѣдующей согласной, а съ предыдущей (прогрессивная ассимиляція) или отдѣленной отъ нея какой-нибудь гласной, причемъ опять таки ассимиляція можетъ быть регрессивной и прогрессивной, и нѣк. др. Кромѣ перечисленныхъ раньше примѣровъ, сюда относится н̀ вм. *м* въ сл. жѐнчьк и нѣкоторые случаи ассимиляціи плавныхъ.

Диссимиляція согласныхъ — явленіе очень рѣдкое; кромѣ перехода взрывныхъ задненебныхъ во фрикативныя передъ слѣдующими задненебными и зубными взрыв-

ными и случаевъ диссимиляціи плавныхъ сюда можно отнесть:

н вм. *м* передъ губными:

анба́р, канпа̀ний, ку́нпъл (и ку́мпъл = литерат.: куполъ), ла́нпъчкѣ и пр. Но при встрѣчѣ *м* съ *б* и *п* въ незаимствованныхъ словахъ *м* остается: на́м бѣ, ты там бу́дьш?, сѐм падру́к и пр. Не непосредственно передъ губной: ˀНифо́т (род. ˀНифо́дъ, т. е. Μεθοδίη).

Быть можетъ, диссимиляціей вызвано р̀ въ сл. свар̀бѣ (= свадьба). Что касается сл. слабо́дьн, ѐслъбан̀ит и т. д., то здѣсь *л*, кажется, старое.

Ассимиляція и диссимиляція плавныхъ.

н ассимилируется предыдущему л̀ въ сл. а̀л̀лянój.

Наоборотъ, *н* рядомъ съ носовымъ, диссимилируясь съ нимъ, перешелъ въ л̀ въ сл.: ле́съл̀нйк, сил̀ни́к, со́тъл̀нъj, сумлява́ццъ, пъсумлява́лсѣ, рѣдко: но́мл̀йш (Васильевское; чаще: по́мнйш), но: свѝще́нйк (и: свѝще́нн̀йк).

л̀ вм. н̀ другого, нефонетическаго происхожденія въ сл. щевь̀л̀, ще́вь̀л̀ь (= щебень). Ср. Будде, Къ исторіи: присталéй (194).

Диссимиляція *р* и *л*: пръл̀убо́к, про́л̀уй̀, стълав̀е́р, къл̀идо́р, ф̀л̀и́г̀ър̀, ф̀ивра̀л̀. У Миши Байкова: упралупку, изъ леворвѣрта.

н̀ вм. *р*: я́рмънкѣ, н̀икрута́, не́крут, — частью, б. м., по диссимиляціи съ *р* слѣдующаго слога, частью по народной этимологіи. Фонетическая диссимиляція сама по себѣ могла произойти только въ ф. рекрута́, такъ какъ въ ф. ре́крут *р*, находящійся въ ударяемомъ слогѣ передъ ударяемой гласной, долженъ былъ быть устойчивѣе второго *р*. См. А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русск. яз., V (Ж. М. Н. Пр. 1897, май, 50—51).

В. Остальные случаи перехода согласныхъ.

ф всегда произносится чисто и не переходитъ обыкновенно въ другіе звуки, кромѣ: ˀХи́мкă, ˀХиму́хă, уменьш. отъ Аˀфи́мjă (= Евфимія). Также: Григо́рйjъˀухре́мъч. Но правильно: Афре́м, ˀФо́дър, Фаˀде́j, ˀФиˀлип, сърафа́н.

Наконецъ, сочетанія *хв*, *хв* и т. п. никогда не переходятъ въ *ф*. Говорятъ: кваˀрˀте́рă.

Новое ˀл изъ j послѣ губной: муравˀли́ и муравˀjи́ (и то и другое сравн. рѣдко), но: ˀъравˀjи́, сълавˀjи́ и пр. всегда съ *j*, а не ˀл.

л изъ *в* въ сл.: слабо́ˀдьн, ăслъбани́ˀт и пр., б. м., еще діалектически общеслав. Ср. серб. слободан, слобода, слободити; болгар. сло́боден, слободия, слободник. Впрочемъ, *л* могло развиться изъ *в* и на русской почвѣ (по диссимиляціи со слѣдующей губной), ср. сѣв.-влкр. *л* въ въ колды, толды непосредственно изъ *в* (а послѣднее восходитъ къ γ). Въ описываемомъ говорѣ въ сочетаніяхъ γд и *вд* согласныя γ и *в* сохраняются безъ перехода въ *л*: Ăвдаˀти́м, Ивˀде́ньj, фˀсиγда́ и пр.

Наоборотъ, *в* вм. *л* — хвъстану́ˀт рядомъ съ хлъстану́ˀт: Ты ˀминˀя́ хвъстану́лă = устегнула, хлестнула.

н передъ *б* и *п* см. выше; *н* въ сл. же́ˀнчьк, ˀзе́ˀнчьк (-чу́к) — см. выше. Кромѣ этихъ случаевъ *н* вм. *м*: ˀНиˀфо́т (род.: ˀНиˀфо́дъ; т. е. Меѳодій). Наоборотъ, *м* вм. *н*: ˀМико́лă, ˀМйкала́j, Мики́ˀфър, ˀМики́ˀта и производн. Впрочемъ, извѣстно и произношеніе ˀНйкала́j, преимущественно о святомъ.

см изъ *скн* и *згн?* въ словахъ туˀсме́ˀт, пътуˀсме́лъ и пр., змуздаˀт рядомъ со: згнуздаˀт.

н въ иностранныхъ словахъ также въ шланбо́j (изъ γ) и ˀинжа́к (изъ *д*). Въ послѣднемъ *ж*, б. м., нефонетич. Впрочемъ, ср. бѣлор. *н* изъ *т* передъ *ц*, болгар. пендеса́т и др. (см. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. XV. Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь, стр. 64—65).

ц вм. литер. *с*: плóцка (=плоска, техн. терм. о положеніи брошенной бабки бокомъ, т. е. когда бабка лежитъ на землѣ своей плоской стороной), ср. выше муцкój, Калýцкъj; царáj. Впрочемъ, послѣднее произношеніе я слышалъ отъ прикащика, уроженца Тамб. губ. Мѣстные уроженцы говорятъ: сарáj.

Суфф. *-ик-* = литерат. *-иц-*: чьчивúкă (= чечевица). Ср. вúкă—кормовой или мышиный горошекъ. Въ другихъ словахъ, гдѣ въ литер. яз. суфф. *-иц-*, въ описываемомъ говорѣ тоже *-иц-*.

р въ сл.: скрóс, ййрйсáдньк или присáдньк, свáрбă рядомъ со свáдбă. Въ первомъ изъ нихъ—*р* старое, еще общеслав. Ср. срб. скроз. Быть можетъ, это слово даже и не родственно литер. сквозь, ст.-слав. сквозѣ. Въ сл. „пирисáдник“ *р* нефонетич., а благодаря народной этимологіи; значеніе слова: небольшой садикъ при домѣ или передъ домомъ и т. п. Въ свáрбă, вѣроятно, р фонетическое, но причины его появленія неясны. дб въ другихъ случаяхъ сохраняется: судбá, клядба и пр. Быть можетъ, здѣсь сочетаніе дб диссимилировалось со сходнымъ сочетаніемъ *св* въ началѣ слова.

г вмѣсто *б* (?) въ словѣ: чургáшкă въ пѣ: „тéла мóртвăя валялса, кáк чургáшка нă зимлé“ — нефонет.

Въ сл. стълавéр, отмѣч. выше, *л* могло быть и нефонетич.

Перестановка звуковъ.

Перестановка согласныхъ: видмéт, видмéдь (очень рѣдко), при обычномъ: мидвéт, мидвéдь; пръстъwакáшъ (=простокваша). Въ заимствованномъ словѣ: трухмáлнъи варóтъı. Въ 5 верст. къ ю.-вост. отъ Парфенокъ, въ дер. Семенковѣ той же вол. говорятъ: тварýшкă=ватрушка [1])

[1]) Объ этомъ словѣ см. между прочимъ замѣтки А. И. Соболевскаго въ Русск. Фил. Вѣст. т. XIV и XV, стр. 364.

(лепешка, намазанная сверху творогомъ, тертымъ картофелемъ или творогомъ съ крупой), вѣроятно, подъ вліяніемъ слова творогъ. Въ Парфенкахъ въ этомъ смыслѣ употребляется только слово липо́шка.

Перестановка гласной: баркую́, бъркава́ть (слово заимствованное), синдиру́шка (снигирюшка; пѣ.).

Удвоеніе согласной.

Удвоенныя или вѣрнѣе усиленныя согласныя вообще рѣдки и являются по большей части отъ сліянія двухъ одинаковыхъ или ассимилировавшихся согласныхъ, между которыми выпало *ъ* или *ь*. Но есть нѣсколько случаевъ, гдѣ произошло вторичное удвоеніе.

Въ сочетаніяхъ съ предлогами *из, вз, без, роз, от, об* согласная предлога возстановлена, чѣмъ и объясняются ффф.: аттваря́ть, аттво́р (ср. зътвари́ть, притво́р и т. п.), о́п пъл, ап пе́чку, аб ба́тки, бижжала́нъj, рашшы́п и пр.; также: ръззари́ть (вмѣсто: роз-орить). Ср. Соболевск. Лекціи, стр. 131. Но ишо́л, если только оно изъ: из-шьлъ, а не другого происхожденія (см. выше), рази́нуть, разиня́, ръзява́j ро́т.

У Миши Байкова въ записяхъ являются такія начертанія, которыя какъ бы указываютъ на двойное *л* и *ц* вмѣсто простыхъ: польлилъ, нальлилъ (нѣск. разъ), зальлила; постоянно пишется: литцо, девитца, дѣвитца, львитца, царитца, темнитца, улитца, водитцею, медвѣдитцу, птитца и т. д. Такое произношеніе дѣйствительно существуетъ въ другихъ говорахъ, но въ Парфенкахъ самъ Миша Байковъ въ этихъ словахъ произноситъ всегда простыя (неудвоенныя) *л* и *ц*: на́лйл, де́вйцă, пти́цă, и его написанія — только искусственная орѳографія.

Другого происхожденія *цц* въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ. Здѣсь *цц* не изъ *ц*, а изъ *цс*, которое и въ другихъ случаяхъ въ положеніи между гласными можетъ переходить въ *цц* (см. выше).

Усиленіе согласной иногда бываетъ очень слабое, такъ что при записываніи нерѣдко затруднительно бываетъ рѣшить, писать ли двѣ согласныхъ или вѣрнѣе будетъ поставить одну.

Въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ на -цца въ положеніи не непосредственно послѣ ударенія можетъ слышаться *ц* простое: -ца: ката́ица, ду́мъиць мне́, тру́дьць и пр. Говорятъ иногда: аца́, ацу́ рядомъ съ аццá, ацц́у. Согл. *ш* и *с* (*ж* и *з*) въ положеніи передъ согласной въ началѣ слова не удвояются: свайе́й (= съ своей), чаще: съ свайе́й, но: с сабо́ю. Отм. также въ одной пѣснѣ (записанной не съ голоса): „вдрук шу́мъм дъве́ри ръствъри́лйс“ и др.

При пѣніи усиленная согласная можетъ сокращаться послѣ сильнаго ударенія, связаннаго съ удлиненіемъ гласной.

Въ написаніяхъ Анн. Акимов.: „натабой“ и Миши Байкова: „одахнуть“ слѣдуетъ видѣть простыя ошибки. Но „своей родины бѣжалъ“ (М. Б.) соотвѣтствуетъ выговору.

Въ прич. на -нъj правильно слышится одно *н* простое, но это простое *н* перешло и въ нѣкоторыя образованія, въ которыхъ получалось *н* удвоенное. Ср. плато́чьк имяно́j, ка́минаj (въ пѣ.), часто: пъли́мя́ньк и пр. Наоборотъ, одинъ разъ я слышалъ: стикля́ннъj (гдѣ первоначальное только одно *н*). Въ сл. „свище́ньк“ можетъ слышаться усиленное *н* вмѣсто простого (и рядомъ съ нимъ,) п. ч. это слово получено съ *-жн-* изъ литературнаго говора. Ср. священьник другихъ говоровъ.

Вставка согласныхъ.

д: ндра́ф, пандра́вицць, при но́ръф, снаро́фкă. У Миши Байкова: непонравилось и пондравилса. Но Миша Байковъ пишетъ *д* въ словахъ: кузднецъ, кузднецы, вокуздцы, любездный, гроздный и пр. Этого *д* въ произноше-

нін нѣтъ, и оно, вѣроятно, заимствовано имъ изъ орѳографическихъ написаній такихъ словъ, какъ: праздникъ, поздно, наѣздникъ (у М. Б.: ноездникъ, поздно, попраздничкамъ), гдѣ *д* тоже не выговаривается.

Въ сл. пъднамáр вставка *д* нефонетич. Такъ какъ пономарь — одна изъ нижшихъ должностей, то нашли болѣе удобнымъ первый слогъ осмыслить, какъ предлогъ *под*. Быть можетъ, даже слово пъднамáр получилось непосредственно не изъ пономарь, а изъ парномарь (греч. παραμονάριος). Въ влкр. говорахъ существуетъ также произношеніе: подомарь.

т: стрáм, стражáццъ, истрýп (=срубъ), но: срубúт, срéзът и пр.

плант, крант: на плáнту, ис пат крáнту; у Миши Байкова: изъ леворвѣрта.

Арсéнтьj, вѣроятно, по аналогіи съ болѣе частыми именами на *-нтій:* Терентій, Иннокéнтій... Но: Ливéньj.

ъкалéтлъj. У Миши Байкова: акалетлую собаку. Здѣсь *т* — нефонетич. Въ говорахъ рядомъ съ: околѣлый извѣстно и околѣтый (акалетăй).

зънавéстъчкă, рънавéстъчки или пъднавéстъчки (у сереґъ). Вставка *т* нефонет.; объясняется тѣмъ, что обычно слова на -ска имѣютъ основу на -стă (рѣже: -здă, -знă), уменьш. -стъчка (рѣже: -здъчка и др.): нивéска — нивéстушкă, вéскă — вéстъчка, капýскă — капýста — капýстъчкă; ластъчкă, кóстъчкă... Такія слова, какъ крáскă, кúскă, пáскă (какъ бы производн. отъ пасă; = литератур. пасха) [1]), съ основой на *с* (ср. пáсъчкă) — рѣже.

к въ сл. здарóфкъцъ (=здоровкаться=здороваться)— не вставное, а принадлежитъ суфф. -ка- производныхъ глаголовъ.

---

[1]) Произношеніе „паска“ довольно распространено. Появленіе здѣсь *к* легче всего объясняется сближеніемъ съ многочисленными словами на *-ска*. Впрочемъ, возможно и первонач. паска. То же въ болгарск. Ср. Лавровъ, Обзоръ, стр. 94. Въ греч. яз. φάσκα, πάσχα.

г: згнуздáт (рядомъ со змуздáт).

с въ прилаг. на *-тъj*: крылáстъj, бърадáстъj, въласáстъj и пр. принадлежитъ суфф. *-ст-* (*-а-ст-*). Ср. также: гарлáстъj, шыгáстъj и пр.

х: стрiпихнýццъ, трiпихтáт, умаряхнут, ачхнýццъ, прачхнýццă, — вѣроятно, во всѣхъ случаяхъ не вставное. Въ ачхнýццъ и прачхнýццъ сохранилось старое коренное *х*, выпавшее въ литерат. языкѣ (см. Соболевск. Лекціи, стр. 103). Въ трiпихтáт и стрiпихнýццъ *х* могло быть вставлено по аналогіи съ тѣми глаголами, гдѣ это *х* — коренное (рихнýццă, пархнýт, скълыхнýццъ, ʾихáт и пр.), но, скорѣе всего, тоже коренное (ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 313: стрипыхнулся. Существуетъ глг. стрепёхывать). Въ сл. умаряхнуццъ зв. *х* принадлежитъ суфф. *-ях-*.

j: кójнйчьк. Здѣсь, вѣроятно, *j* не вставное, а изъ *н*, диссимилировавшагося со слѣдующимъ *н* (изъ кóннйк).

Въ сл. плутáт, зъплутáццъ *л*, конечно, коренное; тотъ-же корень – въ сл. плýт (=литер. плутъ). Ср. греч. πλανάω — блуждаю, плутаю. (Отм. эти сл. потому, что Рѣзановъ — Курск. Обоян., стр. 108 — видитъ въ нихъ вставку *л*).

в возстановлено послѣ предлога *об* въ сл. ăввязáт, аввязънъj, аввязънъсʾт, не только въ непереносномъ, но и въ переносномъ значеніи: „Мужýкй кóсют нóнчй у γаспóт паввязънъсʾти“ (см. Соболевск. Лекціи, стр. 131).

н (изъ *м*): кýнпъл. Не было-ли это слово заимствовано откуда-нибудь съ *мп* или двойнымъ *п*? (ср. удвоенное *р* въ нѣм. Kuppel). Тогда литер. куполъ — вторичное заимствованіе.

р: щьрлушыт (орѣхи), шьрлушóнй или щьрлýшъны, ср. литер. шелушить.

Въ сл. тыркът, тырчкй и пръздравлят, праздрáвйт — *р* — не вставное. О первыхъ см. выше, стр. 23, а въ праздрáвйт имѣется предложная приставка *про*.

О выраженіяхъ: в éфтйм, с éсʾтйм, па éсʾтих пóр и

т. п. см. въ Морфологіи, равно какъ и о мѣстоим. указат. э́нтъ̀т (=ille, ἐκεῖνος).

Сл. спака́йццъ (= покаяться), спако́j, спъ̀кида́йт, спъ̀дыма́т — сложныя съ предлогомъ *с* (съ).

Цѣлый слогъ приставленъ въ сл.: мйлю̀сти́н = люстринъ. Здѣсь дѣйствовала какая-нибудь народная этимологія.

Выпаденіе согласныхъ.

т послѣ *с* выпадаетъ въ концѣ словъ передъ паузой и передъ начальной согласной слѣдующаго слова, кромѣ *р*, *в* и, кажется, *л*, но передъ гласной и этими согласными сохраняется. Впрочемъ, отпаденіе *т* при указанныхъ условіяхъ въ концѣ слова, кажется, не вполнѣ обязательно. Прим.: гара́с (=гораздъ), хво́с, кр̀е́с сѝре́бр̀инъj; „он был гърма̀ни́ст, и...“, „и пѝрѝтѝн хре́с т. Ну пр̀их̀о́дьт...», „пѝрѝти́нул на нѝjо̀ хре́ст. Ана́...“ и пр.

т и *д* послѣ *с* и *з* въ серединѣ слова выпадаютъ передъ всѣми согласными кромѣ *р* и *в* (слѣдовательно, передъ *л*, *н*, *с* и *з* тоже выпадаютъ). Прим.: капу́ска̀, изво́ска̀, ве́ска̀, нѝве́ска̀, γру́сна̀, вѝссо̀йснъj, че́сна̀, ни ра́дъсна̀, „хажу̀ хо́л̀ас ни жана́т“ (отм. выше); загво́ска̀, изба́ (изъ: истъба́ = istŭba), и пр. Но при пѣни, если появляется вторичный глухой, *т* возстановляется: „капу́стъку“ (въ одной пѣснѣ: „Я къпу́стъку сажу́“). Вѣроятно, такого же происхожденія и до́стка у Рѣзанова, Кур. Обоян. (ср. 110), такъ какъ едва-ли въ Обоянскомъ говорѣ въ этомъ словѣ является *т*, но въ пѣснѣ записыватель могъ слышать до́ст^{ъ}ка.

Сюда-же слѣдуетъ отнести: по́зна̀ при по́зда̀ (употребляются обѣ формы). Въ первомъ случаѣ — правильное фонетическое выпаденіе *д*, а во второмъ — не выпаденіе *н*, а отсутствіе суфф. То-же отсутствіе суфф. въ ка́ждъj, рядомъ съ ка́жнъj, въ которомъ фонетически выпало *д* послѣ *ж* передъ суфф. *н* (*жд* здѣсь не книжное

и не вторичное, а изъ общеслав. *жьд*, которое по-русски должно было сохраниться). Объясненіе Будде, будто мы имѣемъ здѣсь переходъ *д* въ *н* (Къ исторіи, стр. 145), мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, п. ч. рѣшительно никакихъ фонетическихъ причинъ для такого перехода не было (ср., напр., выждать и пр.). Это слово въ ф. ка́ждъj преобладаетъ въ Куровѣ, въ Парфенкахъ же чаще: ка́жнъj. У Миши Байкова: во каждноимъ, поздно, но онъ пишетъ *д* и въ сл. гроздный.

т̀ послѣ с̀, какъ и д̀ послѣ з̀ отпадаетъ передъ паузой и передъ всѣми согласными (въ томъ числѣ и передъ *j* и въ концѣ слова передъ *р*, *в* и *л* мягкими и твердыми), но можетъ сохраняться при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и *т* послѣ *с*. Прим.: шёс̀ л̀ёт, у́чьс̀ маю́, пу̀с̀ папла́чьт, ра́дъз̀ да̀рага́я̆, мо́л̀ӑдъз̀ гул̀бу́, гру̀с̀ в̀ил̀и́кӑ, у́чиз̀ го́р̀кӑя̆ и пр. (всѣ прим. изъ пѣсенъ); передъ паузой: ра́да̀с̀, п̀и́р̀ин̀ёс̀, кали́нушку jёс̀, нит̀т̀и jёс̀? и пр. Иногда даже передъ гласной: jёс̀ и та́м. Но: jёс̀т̀ у бра́ццъ, кhто тӑ jёс̀т̀ у акна́, пу̀с̀т̀ умру́ (всѣ прим. изъ пѣсенъ) и даже передъ согласной: ра́дъс̀т̀ мая́.

У Миши Байкова: „почесь ксвоей“ (почесь=пачёс̀—infin. въ знач. нарѣчія), „запась туда“ (запа́с̀=запасти). Но обыкновенно М. Б. въ этихъ случаяхъ пишетъ орѳографическое *т*. У Аннушки Акимов.: „прасяй жисъ радасъ мая“.

Въ серединѣ слова т̀ и д̀ послѣ с̀ и з̀ выпадаютъ передъ всѣми согласными, передъ которыми они могутъ являться; наприм.:

На́с̀кӑ, Ко́с̀кӑ; пра́з̀н̀ик, тр̀ис̀ня́к, наjе́з̀н̀ик; щис̀л̀и́въj, м̀и́лъс̀л̀и́въj; ща́с̀jь, н̀ина́с̀jь, хр̀ис̀jа́нкӑ, хр̀ис̀jа́нскъj и др. (Отм., что приведенное у Филатова, Ворон., т. 38, стр. 300: ляслиф объясняется тоже выпаденіемъ *т* передъ л̀; причемъ послѣднее является суфф., какъ въ счаслив).

т послѣ *р* (и т̀ послѣ р̀) выпадаетъ передъ *к* (и другими согласными?): парке́й, па́п̀и́ркӑ, чирка́ццъ (отъ сл. че́о̀т̀и) и пр.

Въ сл. тала́н҃ивъј *т*, вѣроятно, никогда не было. Ср. тала́н вм. талантъ.

т между двумя *с* выпадаетъ (см. выше). Выпаденіе это позднее и относится къ тому времени, когда *ц* уже отвердѣло.

д послѣ гласной выпало въ: дваю́рънъј (*ъ* здѣсь стало бѣглымъ, а затѣмъ въ ф. дваю́рднъвъ *д* выпадало фонетически).

Выпаденіе *д* (и *т*) въ приставкѣ *пред* въ такихъ словахъ, какъ пр҃иста́ѓ҃т, пр҃иста́н҃ и пр. — нефонетическое и объясняется другимъ пониманіемъ приставки.

д отпало передъ *м* съ послѣдующей гласной въ словахъ: ᾽Ми́тр҃ьј, ᾽Ми́т҃кă и произв.; сямо́ј или с҃имо́ј (рѣже: с҃идмо́ј съ сохраненіемъ д҃). Въ послѣднемъ выпаденіе *д* нефонетич., а подъ вліяніемъ ф. сѣ́м или же еще діалектич. обще-славянское, восходящее къ обще-индоевроп. чередованію sa°bdma°s и sa°pt̯ma°s (см. Фортунат. Лекціи по фонетикѣ ст.-слав. яз.). Ср. въ Остром. Ев. семьмь.

Въ сл.: матр҃и́, матря́ј, рядомъ со: сматря́ј, ко́л҃кă рядомъ со: ско́л҃кă *с* не отпало, а, вѣроятно, никогда не было. Въ другихъ формахъ глаг. смотрѣть обыкновенно является съ приставкой *с*. Ср. серб. яз., гдѣ этотъ глаголъ употребляется и безъ приставки: смотрити и мотрити, мотритељ.

в или *ф* выпадаетъ въ началѣ слова передъ *з* или *с* + согласная шумная, но необязательно. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется это выпаденіе, не всегда можно рѣшить, есть ли здѣсь *с* изъ *вс* (въз) или первоначальное (-съ): настр҃е́чу, спо́м҃ни, стр҃е́нут, стр҃ича́йт, „скачи́л ме́с҃ьц нă гряда́“, згнуздá҃т, здýмъ҃т, згруснýццъ, спо́м҃ни́҃т, скълыхнýццъ, стр҃ипихнуццъ и пр. Если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть въ началѣ слова или предложную приставку *с*, а не въз, или отсутствіе приставки. У Миши Байкова въ этихъ случаяхъ обыкновенно ορθογρ. *в:* всталъ, встрѣчаласа и пр., но иногда *в* не пишется: здумалъ, здумали, згруснулса.

Сюда же можно отнести и шпитóнък, шпитáты изъ вспитонокъ (вспитомокъ?).

Въ серединѣ слова *в* (ф) обязательно выпадаетъ въ окончаніи прилагательныхъ на „-вской“: Ăликсáндрăскй, Парфóнкъскă, Кýръскăj, Савéлискй рибáты, Пятрóскăя загвóскă и пр. У Анны Аким.: ва иванаскимъ садочки. Кажется, *в* выпадаетъ и передъ другими группами согласныхъ, начинающимися съ *с*, нприм.: бъластвó.

Передъ однимъ *с* *в* можетъ выпадать въ словѣ: фсó, фсиво́ и т. д., но можетъ и оставаться (въ видѣ *ф*); напр. „Любйл минй мйлинкăj дă ни дóлгă, ни дóлгă, ни мáлă, сиво́ три гадóчка“ (пѣ.), „со бă, со бă ничавó“ (приб.), „у тибй май Марjáнкă, со падвйтаи глазá“ (пѣ.) и проч.; всегда: сóтъки (=все-таки). У Миши Байкова: повсемъ, а все недаехали, и проч., но: „а конъ (чит.: конь) се выше“.

в (ф) передъ *ш*: кушúн. То-же — въ другихъ ю.-влкр. говорахъ (ср. Рѣзан. Курск. Обоян. 104; Филат., Ворон. т. 38, 313; Чернышевъ, Матер. 41[1] и др.). Въ сѣв.-влкр. чаще въ этомъ словѣ является *к*: кукшúн.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ на -нýть послѣдняя согласная корня не возстановлена передъ *н*; а именно: стрéньт, стрéнут (3 мн.); кáньт (= капнет; inf. кáнуть); зги́нуть, но заимствов.: падúбнуть (пѣ.); глáнуть, глáнул (= глотнулъ); тóрнуццъ („нóсъм тóрнйццă“ при тóркъть). Ср. утáнуть (извѣстное и въ литер.) при утóп (прош.). Въ сѣв.-влкр., частью въ ю.-влкр. такихъ глаголовъ извѣстно больше, но въ описываемомъ говорѣ они, по большей части, замѣнены новообразованіями на -анýть.

Здѣсь же отм. еще нѣкоторые глаголы, съ *н* вм. послѣдней согласной корня: з'инáть (= сгибать), ăслъбаньúть (=освободить). Оба слова извѣстны во многихъ другихъ влкр. говорахъ. Къ слову з'инáть аналогіей могло служить сагнýть.

л фонетически можетъ выпадать при какихъ то условіяхъ передъ *н*: астáнинкăj — уменьш. отъ астáлнъj. Въ

другихъ случаяхъ л̓н̓ или сохраняется или переходитъ въ л̓л̓. См. выше, стр. 97.

р выпало въ сл. патр̓е́т. У Миши Байкова: на потретѣ.

т въ концѣ сл. не произносится въ сл. шыкала́ (въ пѣснѣ), но род. шы̀кала́ду, кан̓е́тка̀ шыкала́днъjь.

н̓ въ концѣ слова послѣ *з* выпадаетъ, причемъ звонкая з̓, очутившись сама въ концѣ слова, переходитъ въ глухую, въ сл. жыс̓, бал̓е́с̓, род.: жы́з̓ни (не: жыс̓ти), бал̓е́з̓ни.

н послѣ *с* (изъ *з*) передъ согласной: бал̓е́ска̀ (= балезнка?), при прилагат. бале́знъj.

н̓ послѣ гласной передъ группой согл. отпало въ сл. Къс̓тин̓ти́н (или ˀКис̓тин̓ти́н), Ко́ска̀ изъ Костянти́н (ср. рязанск. Кыс̓тян̓ти́н и ˀКис̓тян̓ти́н). Но этого *н* нѣтъ и въ ю.-слав. язз., ср. серб. Коста, Костадин; болгар. Костадин, Костандина. Вѣроятно, русскимъ яз. это имя было получено безъ *н* еще отъ ю. славянъ.

Здѣсь же отм. отсутствіе *н* послѣ предлоговъ въ косв. падд. мѣстоим. 3 л.: jиво́, jаму́ и т. д. и въ сложныхъ отъ „имать“. Впрочемъ, у мѣстоименій 3 л. употребительны формы какъ съ н̓, такъ и безъ него (прим. см. въ Морфологіи). Сложн. съ имать: а̀тыма́т̓, прима́т̓, выма́т̓, пъдыма́т̓, сыма́т̓, зajма́т̓, пыма́т̓, и пajма́т̓ (послѣднія два — въ знач. соверш. вида), но: у̀нима́т̓, дъ̀нима́т̓ и пр. (см. выше, стр. 55). Но отъ сложныхъ съ -я̀т̓ (ати) въ inf. н̓ — во всѣхъ сложныхъ: атня́т̓, падня́т̓, сня́т̓, пр̓иня́т̓, заня́т̓, паня́т̓, уня́т̓ и пр.

к отпало: „неженетская“ (Миша Байковъ). Здѣсь М. Б. или его бабушка не поняли слова и отожествили его по смыслу со словомъ холостецкая и т. п.

та̀ выпало въ выраженіи: ну к што́ ш = ну такъ что жъ. По смыслу выраженіе почти = все ровно, безразлично. Отм. интересное употребленіе этого выраженія во фразѣ: „Он jиjо̀ лю́бйт, ана́ jиво̀ ну к што́ ш“, т. е. — а она къ нему совершенно равнодушна, ей до

его любви и дѣла нѣтъ. Ср. у Филат. Ворон.: кщóшъ (т. 38, стр. 312), и у Чернышева, Мещов. 82 (Мат. 41[1]).

Другія сокращенія:

мóжбът̀ = можетъ быть (рѣже: мóжъд бът̀).

хóццă=хочется. Въ пѣсняхъ есть и: хóчьцă. У Миши Байкова въ сказкахъ: хотьца, хотца по нѣск. разъ.

ты́щй, ты́щю, но въ пѣснѣ также и ты́с̀ица и пр.

jéли при jéс̀ли, jéз̀ли и jéжъли = если.

Въ словѣ штó, штóбъ звукъ *т* иногда переходитъ въ *ш* или совсѣмъ выпадаетъ: с̀тириди́ дитéj шшъубъ wóлк ни утащи́л; шъб арéшки щóлкъли (приб.), шó ш вы дéфт̀и дéлъти (приб.), ну к шó ш и т. д.

д̀ между гласными иногда выпадаетъ (при какихъ условіяхъ?): лóшъи, глии́т, дя́д̀. Наприм.: „а он глии́д, глии́т, мякýд̀т, мякýд̀т“. Слово „дя́д̀“ только въ обращеніи или при собств. именахъ (см. выше). Ср. итал. fra. Для обозначенія родства употребляется несокращенное: дя́дь, наприм.: „э̀тъ мój дя́д̀ь“.

ма́ = мать, зв. пад., но также и ма́т̀.

балé — съ нѣсколько растянутымъ, но не долгимъ *е* = балéскă, только въ обращеніи: дáj къ балé папи́т̀ и т. п.

Въ такихъ случаяхъ, какъ: ну к штó ш, мóжбът̀, дя́д̀, ма́, балé и т. п. сокращеніе слова вызвано условіями его употребленія: это—вводныя слова или частицы. Ср. у Ляпунова, Жив. Стар. 1894 г. и у Потебни—Отзывъ о сочин. А. И. Соболевск., Изв. Отд. русск. яз. и слов., т. I (1896), кн. 4, стр. 814 слл.

УДАРЕНІЯ.

Проклитическое удареніе предлоговъ.

пó въду, на́ стъръну, на́ с̀пину, кýчь на́ кучу, пóд руку, за́ руку, за́ вирсту, на́ скъвъръду, на́ въс (= на возъ), на́ лъшът̀, на́ нъч, говорить „прó щи“, на́ пълдни́, пó пълу, пó кругу, пó пълю, пó мйру, пó льсу, пó лбу,

по́ гри̑зи, о́т ръ̑ду, и́спѣлу, ис по́т пѣлу, и́здѣли, по́д бѣ̑кѣм; въ 5 в. отъ Парфёнокъ къ сѣв.-зап., въ дер. Чудцевѣ той же волости я слышалъ: за́ лъ̑шъ̑дjу̑...

из гро́бу, ис пат кра́нту, за са́дъ̑м, за ле́съ̑м, пад до́мъ̑м, пад у́тра̑, за де́лъ̑м, у де́ла̑, на мо́ри (загадк.) [1]) и друг.

Чередуются ударенія: бе́з гъ̑ду и биз го́ду̑, ме́сьц со́ дн̑ьм и са дно́м и др.; отм.; по́д гъ̑ру̑, но: пад го́рку; на́ с̑тӣну, но: на с̑те́нку и т. п.; на́ в̑ърх (=кверху) и на ве́рх (слово ве́рх здѣсь въ значеніи: верхній этажъ).

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ ударѐніе перенесено на предлогъ съ 1-го слога слова. При этомъ ударѐніе на предлогѣ сохранилось преимущественно въ стереотипныхъ выраженіяхъ, частью уже получившихъ значѐніе нарѣчій, ср. чередованіе ударѐній въ выраженіи на́ в̑ърх и на ве́рх, также выраженія по́д гъ̑ру̑, на́ гъ̑ру̑, гдѣ понатіе горы почти утрачено. Въ формѣ испо́тпѣлу̑ вторая часть предлога настолько тѣсно слилась со слѣдующимъ словомъ, что образовалось новое существ. по́тпѣл. Различіе въ ударѐніяхъ по́д гъ̑ру̑ и пад го́рку, на́ с̑тину и на с̑те́нку, вѣроятно, восходитъ еще къ общеслав. различію въ характерѣ ударѐній этихъ словъ (общесл. гърх и го́рък?).

Тамъ, гдѣ ударѐніе въ словѣ не было на 1-омъ слогѣ, оно не переносѝтся на предлогъ.

нъ палу́̑, нъ кругу́̑, нъ баку́̑, нъ миру́̑, нъ виду́̑, на лбу́̑, нъ зимле́, нъ с̑пине́, нъ с̑тине́, нъ стърѣне́, нъ гаре́, нъ лъ̑шъ̑ди́, зъ вадо́j, пъд руко́j, нъ пала́х, нъ людя́х, пъпала́м, пъ дяло́м, пъ свамý; издали́ (пѣ.), пъ палу́̑ (пѣ.), зъ садо́м (пѣ.), биз вятру́̑ (пѣ.), на́ расу́̑ (пѣ.), и т. д.

Съ мѣстоименій ударѐніе на предлогъ не переносѝтся: у на́с, за на́ми и т. д., но въ пѣ. ударѐніе съ мѣсто-

---

[1]) Слова: „пѣ.“, „заг.“, „ск.“ и т. п., поставленныя въ скобкахъ послѣ какого-нибудь примѣра, указываютъ, что этотъ примѣръ съ такимъ ударѐніемъ я слышалъ только въ пѣснѣ, загадкѣ, сказкѣ и т. п., но не въ разговорной рѣчи.

имена́ можетъ переноситься на предлогъ для́: я́ ни для́ тибя́ сади́ла, ни для́ па́ливала.

Предлогъ че́рьс имѣетъ самостоятельное удареніе: че́рьз го́т, че́рьз до́м, че́рьс са́т, ср. за́ гът, на́ дьм, за са́т. При этомъ предлогъ че́рьс можетъ отдѣляться отъ того слова, къ которому относится, другимъ словомъ и даже употребляться безъ имени, какъ нарѣчіе.

Ударе́ніе на предложной приставкѣ: вы́нул, вы́гнул, вы́пьл, вы́шъл, и мн. др. На этой приставкѣ ударе́ніе очень устойчиво и переносится на нее даже не съ перваго слога корня: вырвътъ̀т, вы́кусил, вы́тъщил, вы́съдит̀, вы́гъню, вы́мълъчу, вы́хъдит̀ и т. д., но въ глаголахъ несовершеннаго вида (съ сильнымъ видомъ корня) ударе́ніе на корнѣ: выта́скъвът̀, выганя́т̀ или въганя́т̀, въмала́чива́ла́ и пр. На другія предложныя приставки ударе́ніе съ перваго слога переносится только въ немногихъ словахъ и не во всѣхъ формахъ, да и тамъ, гдѣ оно переносится на приставку, по большей части существуютъ тѣ же формы съ ударе́ніемъ на корнѣ.

Примм. по́мьр, у́мьр, за́мьр (ударе́ніе всегда на приставкѣ; ро́зда́л [1]), про́да́л, за́да́л, о́ддъл, по́дъл, ни до́да́л; ро́здъмъ, про́дъмъ, но прида́нъјь; у́ня́л, за́ня́л, ни при́ня́л, ...до́ньл, по́ньл, по́дньл и падня́лса̀..., за́ньт, при́ньт...; за́пьр, о́т̀ьр, ро́с̀ьртъ̀, о́т̀ьртъ̀, прѝьрт; на́ча́л, уча́л, пача́л, за́ча́л, на́чьт; про́кля́л, про́кльт; за́гна́ты, загна́л, прагна́л и пр.; про́рвълъ, изо́рвън, ато́рвън, но нарва́л, ътарва́л и пр.; про́жыл, за́жы́л, о́джыл и пр., но: пажы́тки; за́пи́л, про́пил, на́пи́лса́ и т. п.

при́гъвър (чаще: пригаво́р), за́ръбътки и т. д.

Существительныя.

а. Ударе́ніе на корнѣ: же́н̀чьк, ле́дн̀ик, ту́чъ̀, па́шня̀, сва́дьбъ̀, кля́дьбъ̀ и пр., ве́рбъ̀, ро́дин̀ъ̀, ко́ршун, варо́ты̀, и пр.

---

[1]) Т. е. ро́здъл и разда́л и т. п.

б. Ударе́ніе на суфф. или оконча́ніи: ухо́, нѣ́ плима́, дина́га, сасна́, с҃ина́, слъ́бада́, алха́, руче́й, кабе́л, бале́с҃ (с҃ изъ зн҃; слово бо́лес҃ другихъ говоровъ — изъ бо́лесть), случа́й—случа́ю, сил҃ни́к, рача́к (ср. ро́чьх въ Тул., Тамб., Ряз. и др.), т҃иро́м (пѣ́.), ф т҃ириму́ (ф тирему́) (пѣ́.), суд҃би́на, дълина́ (=длина).

в. Слова съ двоякимъ удареніемъ: згове́р (ср. при́гъвър)—згаво́р, ръзгаво́р; ве́чьр (ве́чьра, в҃е́чьръм и пр.)—в҃ичо́р (только въ знач. нарѣ́чія), вичо́рс҃, вичаро́м (пѣ́.); тво́рък (тво́ръгу и пр., обыкнов.)—тваро́к (твъраго́ и пр., рѣ́дко); мо́л҃дьц (мо́лъцца́ и пр.) — мъла҃де́ц (мълацца́ и пр.); мо́л҃н҃jь—мъла҃н҃já (пѣ́.); тро́плъ — тряпло́; успле́н҃jь, успле́н҃jьв де́н҃ — успли́н҃jо́; асо́та́ — ъсака́; сло́вьчкъ—славе́чкъ; о́пчьства́—апчиство́ [1]; ко́лйса́м (пѣ́.)—къ́лисо́; по́лнъч—ф пално́ч (пѣ́.); дали́на́ — дълина́ (въ пѣ́.: Шо́л Ва́ню́ша далино́ю) [2]); кла҃дбищь—кладби́щь; де́въчка́—дявочка́; се́мьны (только въ выраженіи: на с҃е́мьны́ дъ на jе́мьны́) — с҃имяна́, с҃е́мьн — с҃имя́н, с҃имяно́ф (въ един. числѣ обыкнов.: нъ симя́, но: а҃лля́но́jь се́мь); и́мь—имя́ (пѣ́.).

Отмѣ́чу ударе́ніе въ суфф. -ота, -овин(а): рабо́та́, забо́та́, но сирата́, бидната́, тимната́, мъгута́ и пр. (безъ переноса ударе́нія въ вин. ед. ч.); штуко́вина́, хряно́вина́, но: дъмави́на́ (=гробъ), бъкави́нка́.

Подвижное ударе́ніе въ падежныхъ формахъ.

Переносъ ударе́нія въ словахъ съ односложными (съ общеслав. точки зрѣ́нія) основами въ извѣ́стныхъ падежныхъ формахъ съ оконча́нія на основу въ разбираемомъ

---

[1]) Ударе́ніе на концѣ́, кажется, древнѣе. Ср. въ Лѣ́чебникѣ русской ред. XVII в. (1665 г.), б-ки Пискарева № 631, л. 79 об.: к҃ послушеству҃, хорошество́ и др. (Языкъ этого лѣ́чебника — сѣв.-великорусскій).

[2]) Объ этомъ словѣ́ см. акад. Корш. О русскомъ народн. стихосл. II — Изв. Отд. русск. яз. и сл. II, 2. 498. Ср. слово дълина́ въ другомъ значе́ніи.

говорѣ соблюдается приблизительно съ той же послѣдовательностью, какъ и въ литературномъ языкѣ. Поэтому отмѣчу только нѣкоторыя особенности сравнительно съ литературнымъ произношеніемъ:

со́сну, во́сну, до́ску, тра́ву, о́фцу, гу́бу (и губу́?), и́збу, и др. (въ остальныхъ падд. един. удареніе на падежной флексіи); бо́дjу отъ имен. бадjа́. Вѣроятно, болѣе старое удареніе въ этомъ словѣ было бадью́; переносъ ударенія произошелъ уже въ акающемъ говорѣ.

Родит. множ.: до́сък, чаще: дасо́к, аве́ц, и́сп (=избъ), со́сьн и т. д.

скъвърада́, -ы́, -е́, -о́ю; вин. ед. ско́върѣду, множ. ско́върѣды и пр.

стърана́, дат. ед. стране́, но: къ сто́рьни; обыкновенно удареніе съ окончанія на основу въ дат. пад. ед. не переносится; вин. сто́рьну.

къчирга́, -и́, -е́, -у́ и пр.; множ. ко́чьрги (между прочимъ въ значеніи: игра въ чехарду).

Косв. падд. множ.: со́стръми чаще, чѣмъ сястра́ми (послѣднее между прочимъ въ пѣ.: с сястра́ми свае́ми; иногда въ разговорѣ); з дѣ́нгъми, но чаще: з динга́ми; со́снъм, о́фцъм, но, кажется, и: афца́м и т. д.

wо́лк, род. ед. валка́; ко́л, кала́, -у́, твор. ед. ко́лъм и кало́м, множ. ко́лjа; подъ вліяніемъ мѣстн. на -у́ (нъ палу́, на те́м святу́, ф саду́, нъ дубу́ и пр.) явилась форма мѣстн. нъ дубе́ съ удареніемъ на концѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно въ мѣстн. на -ъ удареніе совпадаетъ съ удареніями другихъ косв. падд. един. Обычное склоненіе слова ду́п: ду́бу (род.-дат.), дубу́ (мѣстн.) и т. д.

мы́ш — муж. р., род. мыша́ и т. д.

Отъ существ. пиро́т твор. един.: пирядо́м (употребляется между прочимъ въ значеніи нарѣчія: ити́т пирядо́м = итти первымъ, впереди); път пирядо́м = подъ образами въ переднемъ углу (ср. пътпиро́т—передній уголъ). Но всегда: за́дъм.

мазо́л, род. мазо́ли, множ.: мъзали́, мъзале́j. Отъ слова гъсуда́р имен. множ.: гъсудари́.

нъ людя́хъ, w людя́хъ, людя́м и лю́дьм, людя́ми и лю́дми. де́тьм и дитя́м, дитя́ми. у́ши, ушя́м, ушми́ и пр.

жиле́й (загадка: ме́жду дву́х жиле́й висѝт Пъ̀нтиле́й.—ушатъ); въласте́й, ра́дасте́й (са вили́ких ра́дасте́й—пѣ.).

кро́ф, род. кро́wи, мѣ. ф крawи́.

Въ пѣсня́хъ уда́ренія нѣсколько отли́чаются отъ разговорныхъ. Между прочимъ встрѣ́чаются слѣ́дующіе слу́чаи: по́ въ́ду ваду́, на́ чужу́ю ста́рану́, на́ быстру́ ря́ку́, ру̀су кусу́, на́ расу́, бѝз ве́тру́ (род. пад.), к су́ду придала́ (ср. род. су́ду въ выраженіи: су́ду не́т), пъ палу́ (дат. пад.!), за́ садо́м, ва са́ди (уда́реніе для этой формы совершенно правильное, но въ разговорной рѣ́чи употребителенъ лишь мѣ. ф саду́), издали́. Впрочемъ, послѣ́днее сло́во, кажется, возможно и въ разговорномъ языкѣ́ рядомъ съ и́здъли по аналогіи съ правильнымъ вдали́ (мѣ. пад.).

Подвижное ударе́ніе прилага́тельныхъ.

дубо́въj — да́бавы́и сундуки (пѣ.); зѝло́нъj — зилянój (пѣ.); ми́лъj — мило́j (пѣ.); мо́днъj — мадны́х (скорогов.), ни́скъj — ниско́j паклон, но́въj — на́ новы́м (пѣ.), ро́днъj (пѣ.) — родно́j, ста́ршъj — старшо́j; стра́шнъj — страшно́j (страшна́я́ неде́ля́); тре́тъj—сам трѝте́й, трѝто́въс̀; ча́стъj—часто́j; че́снъj — ма́ч часна́я́.

шо́лкъвъj — шалко́въj (пѣ.).

гря́знъj, гу́стъj, жа́ркъj, ка́минаj, ме́лкъj, пе́рвъj, пухо́въj, т̀о́мнъj, то́лстъj, т̀е́снъj и т. д.

ба̀лшо́j, мѝншо́j, мъладо́j, плахо́j и т. д.

Причастія: пракля́тъj—пръклято́j (приб.).

нико́шънъj — никашо́нъj, сло́мътъj — слама́тъj, упло́чьны—уплачо́ны, щьрлу́шънъи — щьрлушо́нъи; а̀тпо́рты—зъпърта́, то́птънъ — тъптана́, нали́тъ — нълита́, приуби́та́ (пѣ.) — прибита́ (пѣ.), ули́та́ (пѣ.) — улита́ (пѣ.).

нагна́тъ, ни убра́та́ (пѣ.), зна́тъ и пр.

Иногда является различіе по уда́ренію между членными и безчленными формами прилагательныхъ: вили́къj—

вили́к, вилика́; вис҃о́лъj — ве́с҃ьл, висяла́; да҃ло́къj — да҃ло́к, дълякá; ҃ло́хкъj — ҃ло́γък, ляхка́; налѝтъj — на́лѝт, нълита́; прокля́тъj и пръклятój, но только: про́кл҃ьт, пръклята́; ро́внъj — равна́, но: ро́вьн и фс҃о ро́вна̀, ре́же равно́ (литерат. всё равно́); то́птънъj — тъптана́; чижо́лъj — чижо́л, чижала́; шыро́къj — шыро́к, шырака́ и т. п.

Ударенія въ наре҃чіяхъ.

ве́с҃ьла̀ — висяло́, высо́ка̀ — высако́, глубо́ка̀ — глубако́, (да҃ло́ка̀) — дъли᷄ко́, зе́льна̀ — зиляно́, ҃ло́хка̀ — ляхко́, ҃то́мна̀ — тямно́, ҃то́пла̀ — тяпло́, сравн. степ. те́пли, хо́лъдна̀ — хъладно́ и т. д.

во́з҃ли, зафс҃о́γдъ и зафся́γды—зъфсяγда́ (чаще), кро́ми — ъкрамя́, апо́с҃ли — ъпасля́, про́ти, насу́прѣти — (нъ)супрати́ф, с҃пе́рва и др.

Ударенія въ глаголахъ.

до́йт, по́йт, прид҃е́лѝт к ме́сту; ид҃о́т, идут́ и и́дут; при́д҃ьт и прид҃о́т; прапа́д҃ьт и пръпад҃о́т; уго́с҃ти҃ти — уга-с҃ти́҃ти; с҃ло́тъj (пѣ.) — с҃лята́j; ды́шьт — дышы́т; прикати́т, катя́т и пр. Переносомъ ударенія въ формахъ глаголовъ вызывается переходъ а̀ въ *о*: пато́щьт, пако́тьт и пр.

падня́лса̀ — пъднялса́, у́вили (пѣ.) — увили́ (пѣ.); нача́лѣ — нъчала́; патеплила̀ (стало теплѣе), зържала́ и т. д.

два́ дн҃и, три́ дн҃и и три дня́.

Дополненія и поправки къ фонетикѣ.

Дополненія и поправки дѣлаются на основаніи матеріала, собраннаго лѣтомъ 1900 г. Часть ихъ была внесена въ статью при печатаніи.

Т. 44, стр. 158—160 (отд. отт. 6—8).

бо́дjу (вин. отъ бадjа́), сида́к, а́тьрта.

нама́тьна, взва́жьна и др. причастія немногократн. вида страд. зал. при формахъ многокр. вида съ а́.

разра́вньwъ̀т (при прилаг. ро́wнъj) и др., но также: ньр̥раб о́тъwy (1 л. един.).

Въ словѣ сида́к звукъ а́ принадлежитъ старому суфф. *-ак*. То же слово и нѣсколько другихъ, имѣющихъ въ литерат. суфф. *-о́к*, встрѣчаются въ говорахъ русскаго языка и въ нѣкоторыхъ славв. язз. (наприм. въ польск.) съ суфф. *ак*, какъ наприм. ходя́к, ѣда́к и др. Ср. также литер. суда́к при діалектич. и старорусскомъ суд о́к. Не знаю, почему ак. Шахматовъ видитъ здѣсь фонетическій переходъ *о* въ *а* подъ вліяніемъ переноса ударенія (Мосал., стр. 191). Вѣдь въ имен. пад. един. удареніе всегда было на суфф.

Въ фф. нама́тьна, взва́жьна, ака́пнъта при ако́пнъта, ср. рязанск. ла́маный, зака́панъ (=закопанъ), во́жжы зама́таны (Будде, Къ діал., 21), касим. дака́ньцына (Будде, Къ истор., 47—48) и др. а́, конечно, взято изъ фф. несоверш. вида тѣхъ же глаголовъ, образованныхъ отъ сильнаго вида корня или по аналогіи съ ними. Ср. въ нашемъ говорѣ: нама́тъwъ̀т, выла́влйвъ̀т, выла́мъwъ̀т, зака́пъwъ̀т, зака́шъвъ̀т, дака́нчьвъ̀т и др. [1]), причемъ такія фф., какъ ньр̥раб о́тъwy, рѣдки. Вліяніе такихъ фф. глаголовъ на образованіе причастій соверш. вида особинно легко уже потому, что эти причастія по ударенію совпадаютъ съ такими фф. несовершеннаго вида, не всегда совпадая съ формами соверш. вида (ср. нама́тана при нама́тывать, но мота́ть).

Эти случаи даютъ возможность дополнить и поправить сказанное нами о причинахъ появленія *о́* вмѣсто *а* и *а́* вмѣсто *о́* въ глагольныхъ формахъ. Несомнѣнно, тѣ

---

[1]) Причемъ, конечно, *а́* въ дака́нчйвъ̀т, абраба́тъwъ̀т и нѣк. др. вторичное, по аналогіи съ такими глаголами, какъ нама́тъwъ̀т, выла́влйвъ̀т и пр.

глаголы, гдѣ имѣется *о́* вмѣсто *а*, имѣли первоначально, если не всѣ, то въ большинствѣ случаевъ неподвижное удареніе не на корнѣ и получили *о́* вмѣсто *а* неудар., конечно, не безъ вліянія аналогіи со стороны глаголовъ съ переноснымъ удареніемъ. Если эти глаголы имѣли переносное удареніе искони, то почему при давлю́, травлю́ не получилось до́виш, тро́виш? Странно, что на этотъ фактъ не обращаетъ вниманія ак. Шахматовъ въ Мосал. (стр. 191—192).

Извѣстныя въ говорахъ формы ла́виш, ла́миш (ср. польск. łamić) нельзя объяснять такъ же, какъ во́риш, то́щит и т. п., а слѣдуетъ предполагать вліяніе со стороны образованій отъ тѣхъ же глагольныхъ корней въ ихъ сильномъ видѣ, причемъ это явленіе могло быть очень старымъ. Такъ, лавить, ламить съ *а* могло явиться еще до появленія аканья подъ вліяніемъ аналогіи со стороны лавля́ти, ла́вливати и пр. [1]) съ одной стороны, и давити, травити и т. п. — съ другой. Ср. обратное явленіе въ нашемъ правописаніи и въ сѣв.-влкр. говорахъ, гдѣ помогать и т. п. формы съ *о* вмѣсто *а* нерѣдки [2]). Замѣна сильнаго вида корня слабымъ и обратно могла перейти даже туда, гдѣ такого чередованія не было. Такимъ путемъ можно объяснять нѣкоторые глаголы, гдѣ *о́* замѣнило не *а* безударное, а *а́*, какъ напр. плотиш.

Въ словахъ натра́пиѣ, притра́пицца и пр. при тро́пъчкѣ имѣется сильный видъ корня.

Стр. 162 вверху (отд. отт. 10): зафся́ʏды (у одной старухи) рядомъ съ зафсо́ʏды при обычномъ зъфсиʏда́. Здѣсь *а́* вм. *о́* вызвано переносомъ ударенія.

Стр. 163 (о. о. 11), абзацъ 5-й, добав. аттэ́л. *э́* того же происхожденія въ аткэ́дя, аткэ́львя. Это *э́*, повидимому, не изъ стараго *е* и не изъ *ѣ*.

---

[1]) Могло быть и старое лавити при ловити.

[2]) Замѣчу, что въ старорусскихъ богослужебныхъ ркп. XV—XVI в. даже съ очень невыдержаннымъ правописаніемъ различіе между сильнымъ и слабымъ видами корня въ глаголахъ обыкновенно строго соблюдается.

Стр. 164 (12), стрк. 6. Также: с э́тим.

стрк. 24, добав. Јифи́м.

Стр. 165 (13), стрк. 3. Послѣ „Малка“ точка съ запятой лишнія.

стрк. 7. Добав. Въ имени Јизо́т или Изо́т слогъ *ји* или *и* приставной (=Зотикъ); чѣмъ вызвана эта приставка, неясно.

стрк. 11. Добав. мунде́р (ср. Будде, Къ ист. 96, Колосовъ, Замѣтки 320, Обзор 118 и др.).

стрк. 14—16. Произносятъ јиі́ц и я́ід. Вѣроятно, написаніе яец у М. Б. передаетъ второй выговоръ.

стрк. 17—18. Въ тихаме́рнъј *е́*, вѣроятно, изъ стараго *ъ*. Въ см́ирнъј *и* не старое, а взято изъ словъ мир, ми́рнъј. Ср. обратное явленіе: ме́р, ме́рной въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Колосовъ, Обзоръ 117 и др.) и еще въ древнихъ русскихъ памятникахъ, наприм. въ Галицк. еванг. 1266—1301 г. (Соболевск., Очерки, 24 и 100). Съ этой мѣной *ъ* и *и* въ этихъ словахъ быть можетъ въ связи слово *мира* вмѣсто мѣра, встрѣчающееся иногда въ тѣхъ сѣв.-влкр. и смѣшанныхъ влкр. говорахъ, которые не знаютъ *и* вмѣсто *ъ* передъ слѣдующей твердой согласной (такое произношеніе я лично слышалъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ Рязанской губ. не знаю, какого уѣзда).

стрк. 18—19. Ср. форму прош. плате́л въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (матеріалы).

Стр. 166 (14), стрк. 1-я. Добав.: Одинъ разъ въ одной сказкѣ даже: аде́жу, но рядомъ въ той же сказкѣ постоянно: ад́о́жу.

Абзацъ послѣдній. Добав.: Но въ Куровѣ я также слышалъ: нидал́о́чкă, гдѣ *о́* такого же происхожденія, какъ въ кул́о́чйк, друже́чйк при куле́чйк, друже́чйк (*нидал́о́чй и т. п. и тамъ не скажутъ).

Стр. 167 (15), стрк. 2—3. Слово „ве́щă“ (не „ве́щ“!) употребительно и въ разговорномъ языкѣ.

стрк. 6. Въ большей части влкр. говоровъ *щ* произносится, какъ *шш* твердое. Если допустить, что въ нѣ-

которыхъ діалектахъ отвердѣніе *щ* почти такъ же старо, какъ и отвердѣніе *ш*, то *о* въ ѣо́щѫ въ средневлкр. говорахъ можно считать взятымъ изъ тѣхъ говоровъ, гдѣ оно являлось фонетически въ ѣо́шша.

стрк. 5 снизу. Добав.: бисѣсмо́ртнъј, но: такаѧ ры́жьѣнка ше́²рс⁴ка.

Къ тому же и къ слѣдующему абзацу: wъддале́ннъсти (разговорн.).

168 (16), стрк. 2. Къ слову нивъо́снъј добав.: (ср. род. множ.: нивъо́с — погов., загад.).

стрк. 15. Послѣ „одновременно“ добав.: „если не раньше“.

стрк. 17. „13 сл. Григорія Богосл. XI в.“ Ссылка невѣрна. Въ Лекціяхъ А. И. Соболевскаго приводится это выраженіе изъ Словъ Кирилла Іерусал. XI—XII в., л. 117 об. Въ послѣднихъ въ сл. беседьла между *д* и *л* стоитъ буква, наполовину стертая, которую можно прочесть за *ъ*, но, пожалуй, также и за *ѣ* (*ъ* въ этой ркп. пишется съ небольшой горизонтальной черточкой вверху слѣва; та-же черточка — и въ другихъ буквахъ; въ *б. ѣ* эта черточка немного длиннѣе и по большей части заканчивается крючкомъ). Впрочемъ, это написаніе не имѣетъ особаго значенія, п. ч. ркп. списана съ оригинала (южнослав.), гдѣ *ѣ* и *ъ* смѣшивались, ср. на л. 118: языкъ гоугьнивыихъ.

стрк. 4 снизу. Добав.: пажѣ́сси (=пожеще).

Стр. 169 (17), стрк. 9. Добав.: маѧло́ньчкѧ, хотя всегда: маѧле́нкѧ, палне́нкѧ (между прочимъ, въ произношеніи той же дѣвушки, отъ которой запис. маѧло́ньчкѧ). Въ ѧо́рјй звукъ *о* изъ ѧо́рушкѧ (во многихъ сѣв.-влкр. говорахъ наоборотъ: пе́рышко, неясно, по какимъ причинамъ, какъ и ре́брышко), въ ѧло́нкѧ — изъ Аѧло́хѧ.

стрк. 19, добав.: но: ацсе́кли (вѣроятно, говорятъ и ацсе́к, но мнѣ не приходилось слышать. При муж. един. ацъо́к въ фф. жен. р. и множ. ч. удареніе было бы на концѣ). При вѣ́к, бягла́ прилаг.: бе́глъј, забе́глъј.

Стр. 170 (18), стрк. 8. Въ шéст звукъ *е* неяснаго происхожденія.

стрк. 20. Странное ни в дамéк извѣстно и въ другихъ говорахъ, ср. рязан. — Будде, Къ діал. 50.

стрк. 22. Къ слову нóбă добав. примѣръ изъ разговора: „Вы штó?—нóбъ каптúть, жывóтй“.

Стр. 171 (19), стрк. 7—10, добав.: с̀лóхъwѣ̀тй, патн̀óхъwѣ̀т. Здѣсь *о* не фонетическаго, а морфологическаго происхожденія, а именно, въ этомъ глаголѣ форма несоверш. вида образована отъ корня н$^{ъ}/_{ы}$х въ его слабомъ видѣ. Эти формы, вѣроятно, вызваны аналогіей съ другими образованіями отъ слабаго вида того же корня. Но какія это образованія? Корень *пъх* являлся въ пьхáти, пьхнѫ̀ти (пьнѫ̀ти), но въ обѣихъ удареніе не на корнѣ (и, слѣдовательно, *ъ* выпадалъ). Любопытно, что какъ разъ эти послѣдніе глаголы нашему говору извѣстны только съ сильнымъ видомъ корня: пихáт, пихнýт.

Стр. 172 (20), стрк. 1. Добав. примм.: а júм нòб знакóмъj, о^{ъ}н ијó..., ѝчкъ, ирawój, двух jилéj (примм. изъ сказокъ и загадокъ) и др.

Пъслѣ, абзаца 2-го добав:: *и* вмѣсто *ъ*: xwѝлъj и xwéлъj = квѣлый. Вѣроятно, въ первомъ случаѣ имѣется корень въ его несильномъ видѣ, а *х* вмѣсто *ц* взято изъ ф: хвѣ́лой [1]). Въ другихъ говорахъ это слово мнѣ лично извѣстно въ видѣ: kwéлъj (Тамбовск. Козловск.), квóлăj (Тульск. Венёв.) и квóлыj (Калуж. Медынск.). См. также Словарь Даля. *ъо* вмѣсто *е* въ этомъ словѣ (въ сѣв.-влкр. и ю.-влкр. говорахъ) аналогично съ *ъо* въ гнёзда, вёдра и пр. Сходное *и* вмѣсто *ъ*, но не старое,—въ словѣ с̀мúрнъj (см. выше).

Стр. 173 (21). Къ буквѣ *о* добав.: трóжжи=литер. трижды. Объ этомъ словѣ см. Морфологію.

---

[1]) Впрочемъ см. выше. Намъ неизвѣстно ни одного слова, начинавшагося въ о.-слав. съ глухой задненебн. + *в* передъ старой мягкой гласной, которое бы во всѣхъ славв. язз. имѣло вмѣсто этой глухой свистящую.

Стр. 174 (22). Послѣ стрк. 6: ў = литер. ы въ сл. Кабушкѣ (=кубышка? Прозвище).

стрк. 12. „глъбък“. Чит.: „глъбокъ“ (Болон. псалт. и др.). Съ влкр. глы́пкѣ и пр., ср. млр. глибокий.

стрк. 1 снизу. Добав.: графы́н. Въ словѣ графы́ня *ы* другого происхожденія. Со словомъ давны́шнъj ср. давно́шнъj въ одной мѣстности Венёв. у. Тульск. губ.

175 (23), 3 снизу: „србск.“, слѣдуетъ читать: „исконное србск.“

176 (24), стрк. 7—14 и примѣч. Кромѣ адн҃ъjо́ не въ самихъ Парфёнкахъ, но по сосѣдству съ ними (верстахъ въ 5 къ сѣв.-зап.) встрѣчается и ф. т҃ъjо́, см. ниже, стр. 193 (41). стрк. 4—9. Надо думать, что этотъ глухой звукъ тотъ же, что въ Ворон. адные, тые, и что онъ получился изъ того звука, который подъ удареніемъ теперь произносится въ бѣлор. и нѣкоторыхъ влкр. (сѣв. и южн.) говорахъ, какъ *э*, т. е. *е*, несмягчающее предыдущей согласной, рѣже, какъ ӧ или звукъ, который я, между прочимъ, слышалъ въ произношеніи одного Рославльскаго уроженца, и качество котораго я затрудняюсь опредѣлить (что-то среднее между *ы* и *э*).

Стр. 178 (26). Вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ (начиная съ „такъ какъ“) — „или ӓ“.

Стр. 180 (28), стрк. 9. Одна дѣвка (та-же, отъ которой я слышалъ и адн҃ъjо́) произносила: пъцы°лу́ю, но надъ этимъ произношеніемъ, занесеннымъ изъ Москвы, другія дѣвки смѣялись.

П. 5-й, добав.: нъ шасткѐ.

Стр. 181 (29), стрк. 14. Предлогъ че́р҃ъ̀ почти всегда имѣетъ на себѣ удареніе и употребляется довольно самостоятельно, отдѣляясь иногда отъ управляемаго имъ слова другимъ.

Стр. 182 (30), стрк. 2. Относительно аканья слѣдуетъ добавить. Въ говорѣ самихъ Парфёнокъ въ предударномъ слогѣ — большее разнообразіе гласныхъ, чѣмъ я указалъ на стр. 176—182 (24—30). Именно, кромѣ *а* и *и* изъ *а*, *о*, *е* являются также звуки e^{i} или i^{e} между

двумя мягкими (такимъ образомъ, предударныя *е* и *'а* передъ мягкимъ звукомъ не всегда совпадаютъ въ произношеніи съ *и*) звуки e^{i} (i^{e}) и ä [1]) передъ твердымъ звукомъ изъ *'а* или *е* и, наконецъ, глухіе звуки (*ъ*, *ь* и т. п.) въ нѣкоторыхъ словахъ (преимущественно въ положеніи между двумя шипящими).

Съ такимъ характеромъ аканья является говоръ коренныхъ жителей Парфёнокъ. Но въ говорахъ сосѣднихъ деревень бываютъ иногда крупныя отличія въ характерѣ аканья; тѣ-же отличія приносятъ съ собой и молодыя бабы, взятыя оттуда, или мужики, только недавно приписавшіеся къ обществу дер. Парфёнокъ.

Въ Ку́ровѣ (1 в. отъ Парф. на востокъ) нѣсколько менѣе половины дворовъ въ общемъ говорятъ такъ-же, какъ въ Парфёнкахъ. Другая, бо́льшая половина происходитъ отъ крестьянъ, вывезенныхъ лѣтъ 40 или больше тому назадъ изъ Орловской губ. (отъ того времени осталось только 4—5 мужиковъ да столько же старухъ, остальные родились уже послѣ). Говоръ ихъ отличается болѣе умѣреннымъ аканьемъ, ближе къ Московскому, и въ остальномъ замѣтныхъ отличій отъ говора Парфёнокъ не представляетъ.

Дер. Го́рки и с. Васи́льевское (см. стр. 155, отд. отт. 3) прежде принадлежали одному помѣщику. Говорятъ тамъ приблизительно такъ-же, какъ въ Парфёнкахъ.

Въ дер. Семёнковѣ (б. помѣщич., 5 верстъ къ востоку отъ Парф., той же вол., Савельевск. прихода) аканье сильнѣе. *Примм.*: ра̀шчашу́, рябя́ты (постоянно), нябо́с̀, ляжу́, но: лижа́т, биз го́ду, ни зна́ю.

Алексѣйково, Клинск. у. Спасъ-Ну́дальской вол.: зъпряжо́ны, но: ни зна́ю и пр.

Дер. Попо́вка, Клинск. у., Спасъ-Ну́дальской вол.

---

[1]) ä — звукъ, болѣе открытый, чѣмъ e^{2}. Обыкновенныя *е* открытое и закрытое въ предударномъ слогѣ вообще не встрѣчаются.

(10 верстъ къ сѣв. отъ Парф.): пъвáжáл, ла́ложьчки, типятóк, картóшьчки, нá знáю, но: бизéц.

Хохлáтчина или Украи́нскія Слобóдки, Клинск. у., Спасъ-Нудальск. вол. (около Поповки). Жители ея лѣтъ 40—50 тому назадъ переселены сюда изъ Малороссіи. Теперь по-млр. говорятъ почти только старики, но и въ говорѣ молодёжи сохранились малорусскія слова (напр.: моторный, нехай и др.) и гортанный характеръ произношенія.

Въ дер. Тили́хтинѣ, Клинск. у., Спасъ-Нудальской вол., Поджи́городскаго прихода, въ 8 в. къ сѣв.-вост. отъ Парфёнокъ ($1^1/_2$ в. отъ Ака́товскаго дѣвичья монастыря), заселенной экономическими крестьянами, жители окаютъ.

Стр. 182 (30), послѣ стрк. 2 добав.: *а (я)* вмѣсто *и* въ одной пѣснѣ въ словѣ биз вяны́ и въ одной шуто́чной дѣтской частушкѣ: нá пяру́: „хто не́ бáл нá пяру́, съмаво́ аддяру́“. Но въ остальныхъ случаяхъ въ словѣ пир *и* сохраняется какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ него. Для этого слова можно указать на имен. пер въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Колосовъ, Обзоръ, 117 со ссылкой на Онежскія былины Гильфердинга; Матеріалы, 30, Олон. Петрозав.).

стрк. 4. Между двумя w въ предударномъ слогѣ можетъ слышаться *о* открытое или *а*°.

стрк. 11 снизу, добав.: Ива́н Бъγусло́ф.

стрк. послѣдн., добав.: бруслéты=браслеты. Здѣсь *у*, можетъ быть, нефонетич.

183 (31), стрк. 18, добав.; сусéт.

Въ концѣ этого отдѣла добавить:

а вм. *у*. страга́ат и струга́ат при существит. стру́к, струга́. Въ этихъ словахъ *а* и *у* изъ старыхъ *ъ* и *у*; вѣроятно, страга́ат — нефонетич. при inf. страга́т (= старому, обще-слав. стръгати, ср. србск. стргати, старорусск. строгати) по аналогіи со струга́ат при струга́т (=о.-сл. стругати, ср. србск. стругати).

тубаре́тка, кабушка.

ъ вмѣсто *а*: прымыка́ит (=промакаетъ; мы ошибочно пишемъ: промокаетъ, внося сюда *о* изъ слабаго вида корня). Здѣсь ъ нефонетич. по аналогіи со словами, имѣющими въ слабомъ видѣ корня *о* изъ стараго *ъ* и въ сильномъ — ъ, напр. сохнуть — засыхать и т. п.

184 (32), стрк. послѣдн. и слѣдд. Кажется, вѣрнѣе будетъ признать, что въ разбираемомъ говорѣ гласныя *а* и *е (о)* въ концѣ словъ въ положеніи послѣ мягкой согласной, кромѣ j (или i̯), фонетически переходятъ въ *и* глухое открытое. Поэтому: да́йти, идо́ти, мища́ни, бо́ли изъ о.-русск. даи̯тӑ, идетӑ и пр. Въ тѣхъ влкр. говорахъ, гдѣ изъ *е* въ концѣ словъ имѣется *а*, говорятъ: да́йтя, идо́тя, мища́ня, пабо́ля и т. д. Въ такомъ случаѣ, въ такихъ словахъ, какъ по́ля, мо́ря, въ нашемъ говорѣ *а* нефонетич., а по аналогіи съ параллельными формами именъ средн. рода съ основой на твердую согласную (и на j, i̯?), какъ наприм. се́нӑ, салӑ и т. д., а болѣе открытое произношеніе этого *а*, чѣмъ въ се́нӑ, вызвано уже фонетическими причинами.

184—185 (32—33) *а* вполнѣ ясное послѣ твердыхъ согласныхъ изъ старыхъ *а, о* въ концѣ словъ встрѣчается рѣдко, подъ вліяніемъ реторическихъ условій, преимущественно на концѣ фразы, рѣже въ серединѣ ея во всякихъ словахъ. Чаще всего чистое *а* на концѣ словъ слышится въ коротенькихъ вопросныхъ и отвѣтныхъ фразахъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ словъ.

Стр. 186 (34), стрк. 5, добав.: изъ бе́лах ру́к.

Стр. 187 (35), стрк. 8 снизу, добав: „взы́скаваит“.

Къ стр. 186—188 (34—36). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что звуки, которые у меня изображаются буквами *ъ* и *ь*, слабѣе другихъ неударяемыхъ звуковъ. Слабость ихъ состоитъ не только въ глухомъ (полушопотномъ) [1]) произношеніи, но и въ томъ, что они короче

---

[1]) Названіемъ „глухой гласный звукъ“ я обозначаю, вопервыхъ, не только шопотное произношеніе, но и другія качества, придающія звуку характеръ неопредѣленности, неясности.

другихъ неударяемыхъ гласныхъ. Степень шопотности и количество такихъ звуковъ неодинаковы и зависятъ, между прочимъ, отъ положенія ихъ относительно ударенія и отъ качества сосѣднихъ звуковъ; такъ что въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ шипящими и съ плавными глухіе гласные бываютъ короче такихъ шипящихъ и плавныхъ и могутъ терять слоговой характеръ.

Стр. 190 (38), стрк. 2—1 снизу. мя́кушкă при мя́кйш позволяетъ думать, что смѣшеніе суфф. *-ушк-* и *-ышк-* началось еще до окончательнаго перехода сочетаній *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи*. Съ этимъ переходомъ ср. переходъ *-ыш-* въ *-уш-* въ косв. падд. от чалы́ш. Подъ удареніемъ -ы́шк- сохраняется, ср. маклы́шкă.

Стр. 191 (39), стрк. 5—4 снизу, начиная со слова „вы́гнуть слѣдуетъ выдѣлить въ особый абзацъ.

стрк. 3 снизу, добав.: чи́жёк (съ *е* глухимъ) — въ дѣтской частушкѣ.

195 (43), стрк. 18, добав.: глы́пкă при глубо́кă или глыбо́кă. Здѣсь суфф. *-ок-* замѣненъ болѣе употребительнымъ суфф. *-зк-*.

стрк. 11 снизу, добав.: ще́бьӆя̆ (род. отъ ще́бьӆ = литерат. щебень); ăтпяру́, стяру́, тяру́, напр. „тири́ Катк там“ (т. е. три...), при infin. тире́ть, ăтпире́ть и пр. Эти формы, между прочимъ, очень распространены какъ въ сѣв.-влкр., такъ и въ ю.-влкр., но встрѣчается и обратное явленіе. Ср. въ Рязан. infin. вы́трѐть — Будде, Къ діал., 47.

195, стрк. 2 вн. — 196—стрк. 8 вн. (43—44). См. ниже, въ Морфол. (о глагольныхъ основахъ).

196, стрк. 6 снизу. Въ глану́ть отмѣт. отсутствіе *т*; вѣроятно, ф. безъ *т* древнѣе, чѣмъ литератур. глотнуть, гдѣ *т* возстановлено изъ другихъ формъ. Въ такомъ случаѣ, въ прачхну́ццъ, прачну́ть звуки *х* и *ч*, быть можетъ, возстановлены, хотя и давно, а не сохранены.

198 (46), стрк. 13—22, добав.: владать, плато́к, пре́жди (ср. древнерусское переже, нынѣшн. Венёв. пере́ш).

стрк. 9—4 снизу. Добав.: по́лъмя̆ и др.

Стр. 200—201 (48—49). Объ словѣ ишóл. Второе изъ приведенныхъ мною объясненій принадлежитъ, кажется, Даничичу (Rad, VI, 65) и раздѣляется Р. Ѳ. Брандтомъ (см. Миклош., Сравн. Морфол., перев. Н. Шлякова, стр. 311) и др. Миклошичъ самъ думаетъ, что *и* здѣсь изъ *ш*, что мало вѣроятно. Быть можетъ, употребленіе формы ишьлъ въ значеніи = шьлъ восходитъ даже къ діалектамъ общеслав. языка, ср. кромѣ сербск. и польск. малор. ішóў, словен. išel и išal, чешск. (словацк.?) išel (у Миклош. со ссылкой на Sušil. Moravské národní písně. Обыкнов. просто šel), верхнелужицк. zajšoł при šoł.

Мои замѣчанія по поводу гипотезы акад. А. И. Соболевскаго (ишол = из + шьлъ, раздѣляемой также акад. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ) невѣрны. Общеслав. ишьлъ = из + шьлъ имѣло ударéніе, вѣроятно, на корнѣ. Но предложная приставка *из* вносила въ глаголъ значеніе совершеннаго вида и, кромѣ, еще два свойственныхъ ей значенія (одно изъ этихъ значеній сохранилось въ южнослав. язз., а другое, между прочимъ, — въ русскомъ языкѣ).

201 (49), послѣдн. абзацъ. Отсутствіе *и* въ мйнйнйник и *в* въ сложныхъ съ предлогомъ в(ъ)з, вѣроятно, — въ связи съ общеслав. подвижностью *и* и *вз* въ основахъ имен-, игра- и др. и въ предлогѣ въз.

202 (50), стрк. 6 снизу. „но“, чит. „Но“.

203 (51), пунктъ 6. Прибав. примѣры: йи зам ана стайт; къ*т* тибя ръзарвалă.

204 (52), стрк. 5 слл. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ сказокъ: нахóтникъ, Гришапя̀т, толкадну́, закáзий (=за оказія), надúн лицó, стéрвана, вымьлăна́.

На *ъ* + *у* прим.: я услыхáлутибя (=я услыхала у тебя).

стрк. 9 снизу, добав. Впрочемъ, также: нядда́ш-ли (*а* послѣ й долгое).

205 (53), стрк. 1, исправ.: вымюфсéх

стрк. 6: „по сваму́“, чит. „пъ сваму́“.

206 (54), стрк. 15, поправ. анапя̀т

207 (55), абзацъ 3. Прибав.: при йт (прийтúт и

прит҃т҃и́т҃); вы́гън҃т҃ијо́ (хотя здѣсь, быть можетъ, изъ вы́гън҃т҃ијо́). Рѣдко въ такихъ случаяхъ й: Го́спъдйсу́сй.

208 (56), стрк. 13, добав. примм.: то́лкъщь пашу́, wзашо́л в эту́збу́шку.

209 (57), стрк. 6—11. Винит. тре́тю, быть можетъ, изъ тре́т҃ју, но можетъ быть также безчленной формой.

стрк. 13, добав.: паj҃до́ш, мы паj҃до́м. Отсюда видно, что выпаденіе j въ пад҃о́мти и т. п. обусловливается не только мягкостью д҃, но и особымъ положеніемъ формъ повел. наклоненія въ рѣчи, хотя, конечно, мягкость согласной способствуетъ этому выпаденію.

210 (58), стрк. 4. Вмѣсто „Тамб. Шацк.“ слѣдуетъ читать „Ряз. Ряз.“

стрк. 10 снизу, добав.: Ливо́нъвă.

211 (59), стрк. 20. Вмѣсто „группой зубныхъ“ слѣдуетъ читать: „группой согласныхъ, начинающейся съ зубной, преимущ. *зг*, *зд*, *зм* и т. п.

21—22, добав.: па wно́гу (=по многу).

24, добав.: згнуздá҃т или змуздá҃т.

25. Вмѣсто „де́вушк҃“ слѣдуетъ читать „де́вушки“.

Стр. 210—11 (58—59). Къ пункт. 2 и 3 добав.: Въ словѣ ве́р҃бъвъj҃=гербовый, звукъ *в* вмѣсто *г* не аналогиченъ съ *в* въ кърáво́т и въ род. пад. муж. р. ед. ч. мѣстоим. склоненія, а явился, вѣроятно, нефонетически по аналогіи съ „ве́р҃бъвъj҃“=вербовый (вѣрнѣе, вербный).

214 (62), стрк. 13—14. Отъ поросá҃ род. ед., конечно, былъ поросá҃те. Можно предполагать развѣ только родство пр҃у́се́н҃ съ основой поросен-, являющейся въ словѣ поросёнок. Съ другой стороны, по аналогіи съ другими словами, какими призываютъ животныхъ, здѣсь скорѣе всего слѣдуетъ видѣть звуковое подражаніе телячьему мычанью.

„пр҃у́пр҃унда“ слѣд. читать: „пр҃у, пр҃унда“.

МОРФОЛОГІЯ.

А. Склоненіе и спряженіе.

I. СКЛОНЕНІЕ.

Имена муж. рода съ основой на о.-слав. $^{ъ}/_{o}$, $^{ъ}/_{e}$ и $^{ъ}/_{y}$.

Род. и мн. ед. на -у. Формы род. и-мѣ. на *-у* стоятъ въ зависимости одна отъ другой, хотя встрѣчаются не въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Эти формы не образуются отъ названій отдѣльныхъ лицъ и животныхъ и, слѣдовательно, образуются только отъ nom. abstracta и concreta, обозначающихъ неодушевленные предметы или собирательные. Въ этомъ, между прочимъ, отличіе средневлкр. говоровъ отъ нѣкоторыхъ ю.-влкр., гдѣ встрѣчаются такія формы, какъ: ат жыниху (Караулов. Говор палѣх Жиздрин. у. Р. Ф. В., т. 43), при отцу, на Василью Ильичу (Чернышёвъ, Мещовск. 93) и др. Но при этомъ одни слова имѣютъ род. на *-у* при мѣ. на *-ѣ*, другія — мѣ. на *-ý* при род. на *-а* (хотя бóльшая часть словъ, имѣющихъ мѣ. на *-ý*, имѣетъ и род. на *-у*). Поэтому я разсматриваю обѣ формы отдѣльно.

Род. на -у: 1. Отъ словъ, обозначающихъ дѣлимое вещество, пространство, количество и т. п. и отъ словъ

собирательныхъ, независимо отъ качества (твердости или мягкости) послѣдней согласной основы и независимо отъ мѣста ударенія, особенно въ значеніи родит. раздѣлит.

Примм. са́хъру, со́лъду, тво́ръгу, во́ску, ве́су, до́лгу, ды́му, ква́су, по́ръху, тава́ру, ве́тру [1]) и мн. др.

ча́ю, ко́фию, хме́лю, у́глю, ка́мню (преимущ. въ собират. смыслѣ, рѣже въ мѣстн. знач.: у ка́мню и у камня́).

л̀ду́ [2]), и л̀ну́ или л̀ну́, щьвью́, пяску́, биз агню́, агню́, ъган̀ку́ и др.;

отъ собирательныхъ, обозначающихъ собраніе людей: лю́ду, наро́ду, ми́ру (с ми́ру, но у ми́ра?), и даже: палку́ (и палка́).

Но отъ ав̀о́с — афса́; отъ хле́п — хле́бъ. Такимъ образомъ, правило проведено не вполнѣ послѣдовательно.

2. Отъ односложныхъ словъ, обозначающихъ nomina abstracta или неодушевленные предметы, имѣющихъ удареніе въ падежныхъ формахъ ед. ч. (кромѣ мѣ. на -у́) на основѣ, кажется, независимо отъ качества послѣдней согласной основы [3]). Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ встрѣчается и родит. на -ъ́ [4]).

Изъ словъ съ основой на мягкую примм.: кра́ю, ла́ю, ра́ю, ро́ю и т. п. Слова: ча́ю, хме́лю и пр. имѣютъ род. на -*у* уже по первому правилу.

Отъ двусложныхъ и многосложныхъ словъ род. на -*у* рѣже; между прочимъ, употребляется отъ словъ, имѣю-

---

[1]) Въ свад. велич. пѣ. даже: биз вятру́, гдѣ у́, быть можетъ, перенесено изъ мѣстн. въ зависимости отъ предлога.

[2]) Въ одной плясовой припѣвкѣ сохранилась старая форма род. пад. отъ этого слова: л̀о́ду. См. выше, т. 44, стр. 195 (отд. отт. 43).

[3]) Перечислю нѣсколько употребительныхъ род. на -*у*: с̀ ви́ду, во́зу ни бу́дьт, с во́зу, ве́ку (до́ вику), биз гла́зу, бе́з гъду и биз то́ду, з ди́ву, и́з дъму, ис кру́гу, до́ льсу и да ле́су, и́з нъсу, и́спълу, о́т пълу, о́т ръду, но и: ъ̀т рада́, из за са́ду, до́ с̀виту, со́ с̀виту, сле́ду не́т и мн. др.

[4]) Наприм. у ду́бъ, о́къл̀ дубъ́, ис-над ду́бъ, но и: о́къл̀ ду́бу. вра́гъ, хле́бъ и др.

щихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ основы: расхóду, дахóду, ръзгавóру, Рýзъскъw уjéзду, прijéзду, савéту, привéту, длѧ фсякáвă случáю (пѣ.) и др., главнымъ образомъ въ значеніи род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени, но также и въ другихъ значеніяхъ. Сюда же можно отнести такое выраженіе, какъ: úзъ дню в деѝ, но подъ удареніемъ — днѝ.

3. Не подходитъ подъ эти правила „упралупку“ (Мин. Байк.). Другихъ подобныхъ случаевъ род. на -ý отъ словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ, если эти слова не собирательныя и не обозначаютъ количества, пространства, протяженія времени, вещества и пр., я не встрѣчалъ. Всегда: сáтка, пáлка, бúришка (у б—ка), канцá, рисцá и др.

лбá, ý ртă, снá...; óкъл э́тъў пня́, грыбá, жахá, калá, кустá, рубля́, сталá (отъ: стóл; слово: стýлă — средн. р.), халстá, шастá, куля́ и т. д.

Отъ двусложныхъ словъ, имѣющихъ и въ род. два слога съ удар. на основѣ, род. обыкновенно на -*а*: кóрня́.

Род. на -*у* въ указанныхъ положеніяхъ — очень древній. Въ русскихъ памятникахъ онъ попадается отъ основъ на ъ/о уже съ XI в. Въ другихъ славянскихъ языкахъ употребленіе его сходно. Въ словинскомъ род. на -*и́* — отъ односложныхъ словъ, притомъ кромѣ sinu и tatú въ остальныхъ случаяхъ — отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Въ польск. и чешск. — преимущественно отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Повидимому, тенденція распространить род. на -*у* на односложныя (такъ какъ *ъ* въ концѣ словъ еще въ о.-сл. = ъ) слова, обозначающія неодушевленные предметы (или, по крайней мѣрѣ, не лица), идетъ еще изъ діалектовъ общеслав. яз. Эта тенденція обусловливалась отчасти тѣмъ, что въ общеслав. слова съ основой на ъ/у всѣ были односложныя.

Мѣстный на -ý образуется только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ падежъ сохраняетъ значеніе мѣстнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ что, наприм., съ предлогомъ

об форма мѣстнаго на -ý обыкновенно не встрѣчается. Она употребляется:

1. Отъ односложныхъ словъ, имѣющихъ въ род. и дат. ед. *-у* съ удареніемъ на основѣ.

Примѣры: нъ вазý, на тéм ѣвятý, ф квасý и мн. др. чью́, на тéм краю́, ф хмилю́...

Сюда же можно отнести и: нъ вятрý, ср. род. вéтру; хотя въ имен. ед. это слово является тоже двусложнымъ, но нѣкогда звучало: вѣтръ.

Отъ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ встрѣчается и мѣстн. на *-ѣ*, наприм.: в дамý и в дóми, в радý, но ф такóм рóди (съ немѣстн. значен.), ва фсѣкъм рáзи (тоже), ф хлéби, ва врáги (см. ниже) [1]). Нѣсколько странны по удареню: ф кливé и нъ дубé (ск.), вмѣсто ожидаемыхъ: ф клéви, на дýби. Здѣсь, по всей вѣроятности, удареніе взято изъ другой употребительной формы мѣстн.: нъ дубý, ф кливý.

2. Отъ словъ (какъ односложныхъ, такъ и неодносложныхъ), имѣющихъ въ род. пад. ед. -ý, наприм.: на ѣдý, ва ѣнý, нъ пяскý (и: нъ пяскé), в агню́ (и: в агнé), нъ прълупкý, ф палкý. Такихъ словъ немного; большая часть словъ съ удареніемъ въ косвен. падд. на флексіи имѣетъ род. -á, мѣ. -é: в гаршкé, нъ пъталкé, нъ шасʼкé и проч.

3. Отъ нѣсколькихъ односложныхъ и двусложныхъ словъ при родит. не на -ý: ва лбý, в ратý (не было ли старыхъ формъ лѣбу или лóбу, рѣ́ту?), каѣрню́ (лошадь „ф каѣрню́“, хлѣбъ или лѣсъ „нъ каѣрню́“), в углý (рѣже: в углé; род. углá, быть можетъ, вмѣсто древняго:ýгъл, ýгъла), лактю́, нахтю́, нъ калý, на дню́ и, быть можетъ, нѣкоторыя другія, но: ва ѣнé, на пнé, кулé и пр.

4. Слова съ двусложной основой, представляющей полногласную форму, имѣютъ тѣ же чередованія удареніе въ падежныхъ формахъ, что́ и слова съ односложны-

---

[1]) Въ пѣ. также: как ва сáди сѣлавéj.

ми основами, и потому должны бы образовать формы аналогично съ ними. Ноэтому бе́рьк, род. бе́рьгу, мѣ. бирягу́; тво́рък, род. тво́рьгу, мѣ. твърагу́; кажется, такъ же образуются род. и мѣ. отъ слова во́ръх. Отъ слова чиро́т (дат. чир$^{я}/_{и}$ду́) мѣ. чир$^{я}/_{и}$ду́. Отъ словъ ве́рьт, во́рът и жо́лъп мѣ. мнѣ не встрѣчался. Отъ остальныхъ: во́лос, го́лос, го́род, ко́роб(п), мо́лот, по́рох, со́лод; моро́з, огоро́х, поро́г, поро́м и др. мѣстный образуется только на *-ъ*. Отъ слова те́рйм или тиро́м, употребляющагося только въ пѣ., мѣстн.: ф те́рими или ф тиряму́.

5. Отъ сложныхъ словъ (кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ и род. на *-у́*) мнѣ извѣстенъ мѣстн. на *-у́* только въ двухъ словахъ: нъ пъваду́, отъ слова по́вът, род. по́въду и ф пълагу́, отъ по́лък, род. по́лъгу. Здѣсь, вѣроятно, дѣйствовала аналогія съ полногласными словами въ родѣ бе́рьк и тво́рък.

Отъ остальныхъ сложныхъ словъ употребляется обыкновенно только мѣстн. на *-ѣ*. Наприм.: с҃је́ст—на с҃је́зди; схо́т, род. схо́ду, мѣ. на схо́ди (при неслож. хаду́), также: ује́зди, прије́зди, саве́ти и пр. Слово вра́к (= оврагъ) склоняется, какъ сложное: вра́га́, ва враги.

Слово с у д является съ двоякимъ удареніемъ и сообразно съ этимъ имѣетъ двоякія формы: су́т, су́ду не́т, дат. су́ду (въ пѣ.: ты миня́ згуби́ла́, к су́ду придала́), мѣ. нъ суду́; кажется, есть и твор. су́дъм. Съ другой стороны: су́т, суда́ (бйс суда́ и пр.), дат. суду́, мѣ. нъ суде́, твор. судо́м, вин. съ предлогомъ: на су́т, нац су́т (ср. на́ пъл, по́т пъл)

Распространеніе формы мѣстн. ед. на *-у* на склоненіе основъ на $^{ъ}/_{о}$ началось еще, быть можетъ, въ общеслав. яз., но въ какомъ направленіи оно шло, сказать трудно, потому что въ нынѣшнихъ славв. язз. условія, при которыхъ встрѣчаются мѣстн. на *-у* и мѣ. на *-ѣ*, неодинаковы. Въ памятникахъ русскаго языка XII—XIII в., судя по примѣрамъ, приводимымъ акад. Соболевскимъ въ Лекціяхъ, мѣстн. на *-у* употреблялся преимущественно отъ словъ со старой основой на $^{ъ}/_{у}$, т. е. правильно

(впрочемъ и отъ этихъ словъ уже въ памятникахъ XI—XII в. мѣстн. часто на *-ѣ*). Потомъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта ф. мѣстн. встрѣчается очень часто, какъ отъ именъ неодушевленныхъ предметовъ, такъ и отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, главнымъ образомъ послѣ гортанной, какъ и теперь въ малорусскомъ. Въ ю.-влкр. говорахъ мѣстн. на *-у* нерѣдокъ и тоже не зависитъ отъ тѣхъ условій, при какихъ онъ является въ средневлкр. (и сѣв.-влкр.?). Въ нынѣшнихъ средневеликор. говорахъ эта форма бываетъ только подъ удареніемъ и не отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, притомъ преимущественно отъ односложныхъ словъ. Имѣя въ виду, что слова съ основой на ъ/у въ общеслав. были односложныя и въ мѣстн. пад. един., вѣроятно, имѣли удареніе на концѣ, можно думать, что въ этомъ отношеніи средневлкр. говоры архаичнѣе тѣхъ ю.-влкр., въ которыхъ мѣстн. на *-у* отъ неодносложныхъ словъ нерѣдокъ и притомъ можетъ не имѣть на себѣ ударенія.

Зват. форма этого склоненія замѣтныхъ отличій отъ формы имен. не представляетъ (развѣ только по качеству ударенія). Зват. Бо́жѣ рѣдокъ и иногда понимается, какъ именительный. Въ пѣ. „Зачѣмъ ты, безумная, губишь“ вмѣсто „Богъ-же съ тобой“ поютъ: „Бо́жѣ с табо́j“. Встрѣчается также зват. γо́спъди, γо́спъди Ису́сй.

Двойств. Съ числит. два, три и четыре говорятъ: два рида́, два вала́ и т. д., но кромѣ этихъ двухъ словъ форма существ. при тѣхъ же числительныхъ всегда совпадаетъ по удареню съ формой род. един. на *-а:* два во́зѣ (множ. вза́), два го́дѣ, три до́мѣ и пр. Отъ слова ра́с (разъ) при всѣхъ числит. употребляется форма род. множ. (=имен. ед.) ра́с: два ра́с, три ра́с, какъ: пя́т ра́с, но также и: два́ ра́зѣ, три ра́зѣ (а въ одной вьюношной пѣ.: два раза́). Вѣроятно, остатокъ стараго имен. двойств. представляетъ слово рукава́, быть можетъ, также: бирята́, бака́, глаза́, жърнава́, ѣкърака́, рага́. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, именит. множ. именъ муж. рода на *-а́* и въ другихъ случаяхъ восходитъ къ старому имен. двойств.

Правильнѣе здѣсь видѣть результатъ разныхъ аналогій. Слѣдуетъ замѣтить, что форма на -а́ съ числит. совпадаетъ съ формой имен. множ. только въ одномъ словѣ рукава́, потому-что отъ словъ ряд, вал имен. множ. риды́, валы́.

два рубля́, рѣже: два рубли́; два́ дни, три́ дни и: два дня́, три дня́.

Множеств. число. Имен. на -а́ образуется въ общемъ отъ тѣхъ же словъ, какъ и въ литературномъ [1]). См. у Миклош., въ перев. Н. Шлякова и Р. Брандта, 409—410, у Ягича, Критич. зам. по ист. рус. яз., 115.

Къ перечисленнымъ внизу примѣрамъ добавлю. Отъ жо́рнъф кромѣ обычнаго жърнава́ въ одной сказкѣ записано: жо́рны; род. отъ титирива́ на -о́ф; отъ словъ бо́ръф, бура́ф, ве́рьт, ве́к, ку́зъф, мо́т, стру́к, фли́гъ̀р, кле́ф имен. множ. мнѣ неизвѣстенъ. При пъиса́ отмѣчу паяси, -ij — соломенные жгуты (свя́сла на южновеликор. нарѣчіи) для увязыванья сноповъ. Отъ сне́к имен. множ. только въ пѣ. сне́ги бе́лы или сн̀иги́. Отъ т̀ве́т имен. множ. т̀вяты́.

Изъ всѣхъ словъ, имѣющихъ въ именит. множ. -а́, только рукава́ имѣетъ то же удареніе въ един.; остальныя въ един. (кромѣ мѣстн. на -у́) имѣютъ удареніе на основѣ. Это — одно изъ условій образованія имен. множ. на -а́. Но чѣмъ объясняется, что слова съ одинаковыми

---

[1]) бирага́, бака́, вичара́, ваза́, въласа́ и во́лъсы, въраха́, глаза́, гада́, гъласа́, гърада́, граба́, дама́, дъхтара́, жълаба́, жърнава́, жаха́ и жах̀и́, кливяра́, къндала́ (пѣ.), кълкала́, кунпала́, кучара́, луга́, ляса́, мъ̀стяра́, никрута́, ѣбраза́, ѣкърака́, пъвара́, пъгряба́, пътраха́, пъиса́ (и паяси), пъязда́, приставá, пута́ и пут̀ја́, рага́, раза́, рукава́, стъляра́, стъража́, тирима́, титирива́, търмаза́, фиршала́, хляба́ и хле́бы, хълада́, јистриба́.

края́, виксиля́, с̀тибиля́... но: чий, слу́чьи пр.

лъгаря́ и лъгари́, писаря́ и писари́, јигаря́ (=егери), но: гъсудари́, сударь, (къпари́, сухари́...) и пр.

учителя́..., но: риндати́ли.

фонетическими и другими условіями образуютъ именит. множ. различно, выяснить трудно. Можно замѣтить, что этотъ имен. встрѣчается главнымъ образомъ отъ именъ съ непроизводными основами и отъ нѣкоторыхъ именъ съ суфф. ар (яр, быть можетъ, ер), ар̓, ал (ол), ел̓ и отъ иностранныхъ словъ со сходными окончаніями (т. е. по аналогіи съ учителя́, с̓тибиля́, также виксиля́; писаря́—лъгаря́, jигаря́; стъляра́ — мъс̓тяра́ и пр.) [1]. Отъ слова рукав сохранилось старое двойств.; кажется, и другія слова на -ав и -ов образуютъ имен. множ. на -а́.

Перечислю нѣкоторые имен. множ. на *-ы* и *-и:* валы́, вясы́, далги́, дубы́, духи́, круги́, насы́, палы́, ряды́, сады́, слядыи́, т̓вяты́, тарги́; ко̓рни, ка́мни и пр. Понятно: лъскуты́, л̓ны́, афсы́, халсты́ и пр. по общему правилу.

Множ. на -ja извѣстно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ литературномъ. Отмѣчу только пут̓ја́ при пута́ и друз̓ја́, какъ въ литерат., вмѣсто дружја́. Наоборотъ, лӑскуты́ въ плясовой припѣвкѣ: „...Атхади́ти лӑскуты́, к нам придут̓ арт̓и́сты“, при ласку́т̓ји не о людяхъ.

Множ. на *-и:* сасе́ди, че̓рти, паяси, родит.: сасе́диј, чир̓т̓е́ј, паясиј и т. д. — мягкость послѣдней согласной основы проведена по всѣмъ падд. множ. Въ пѣснѣ (частушечной): тӑрака́ни.

Существ. съ суфф. *-ин-*, обозначающимъ единичный предметъ, въ единств. числѣ, образуютъ множеств. не отъ этой основы, а отъ той основы, къ которой былъ присоединенъ суфф. *-ин*, какъ и въ литературномъ. Такъ, отъ мищини́н, хрис̓јанин, баяри́н, тата́рин множ. мища́ни (у Миши Байкова: месщане), хрис̓ја́ны, баяры́ (ср. у Миши Байкова: бояры), тата́ры. Отъ хазяи́н множ. хазяйва. Вмѣсто балга́рин говорятъ въ един. балга́р (между прочимъ, Балга́р—прозвище одного мальчика). Къ слову ба́-

---

[1]) Различіе въ образованіи имен. множ. между писаря́ и къпари́ вызывается тѣмъ, что въ послѣднемъ удареніе въ ед. числѣ — на окончаніи.

рин множ. служитъ γъспада́ или гъспада́, родит. гаспо́т (един. γъспади́н рѣдко).

Слова женск. р. съ тѣмъ же суфф. (напр. я́гъдина̀, кан̓фе́тина̀ и т. п.) могутъ образовать множ. и отъ той же основы (я́гъдины, кан̓фе́тины и пр. при я́гъды, кан̓фе́ты).

Имена на -ʾо́нък имѣютъ во множ. -ʾа́ты: тил̓о́нък — тиля́ты и пр., гълув̓о́нък — гълубя́тки и т. п. Конечно, это — множ. къ утраченному един.: теля́, порося́, голуб я́ и т. п. См. ниже.

Отъ щин̓о́нъчък, щин̓о́нък множ.: щиня́тъчки, щиня́ты. При щино́к соотвѣтств. множ. отъ основы щат- нѣтъ. При множ. чир̓тиня́ты, -я́тъчки един. только: чир̓т̓о́нък.

Къ слову рав̓о́нък или рив̓о́нък множ. можетъ служить: де́ти, ръв̓ит̓о́нки и т. п., а множ. риб я́ты обозначаетъ взрослую холостёжь и по значенію является множ. къ слову па́рин̓, род. па́рня̀ (множ. па́рни не употребляется).

Отъ слова ан̓о́нък, родит. ан̓о́нка̀, множ. ан я́ты и ан̓ʾо́нки.

По аналогіи со словами на -ʾо́нък образуется множ. отъ шпито́нък (=вспитомокъ), род. муж. и имен. жен. р. шпито́нка̀, — шпита́ты.

Встрѣчаются и образованія отъ словъ на -ʾо́нък по общему правилу: жырив̓о́нти — жырив̓о́нкъф, цып̓л̓о́нки, щинки́ и пр., также ан̓ʾо́нки, ан̓о́нкъф. Ср. множ. рив̓ит̓о́нки, въласо́нки, глаз̓о́нки и пр.

Родит. множ. — на -о́ф, рѣже = имен. ед.: сапо́к и съпаго́ф, чуло́к и чулко́ф и пр., вало́с („дл я́ я ийо̀ вало́с нъраст и́ла“), гла́с (биз гла́с и пр.), з у́п нет (у грабель, у человѣка) и зубо́ф, также р а́с: пя̀т рас, но не съ числит. и т. п.: р а з о́ ф. Отъ го́т, множ. гада́, род. гадо́ф (=лѣтъ, ср. сказки). Тѣ же родит. сохранились и въ ю.-влкр. говорахъ, несмотря на то, что тамъ род. на -овъ пріобрѣлъ большое распространеніе.

Отъ словъ съ основой на мягкую согласную родит. множ. — на -ej, ʾоф и -joф. Постоянно род. на -joф отъ

словъ, оканчивающихся въ имен. един. на j съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: крајóф, чьјóф, сълавјóф, върабјóф, сарáиф и т. п. Далѣе отмѣчу сынавјóф (Миша Байковъ пишетъ: сыновьевъ — ск. про Копченаго), пуѣјóф, зиѣјóф, браѣјóф, ýгълјьф, камéнјьф, карéнјьф и пр.

рублéј и рублóф. М. Байковъ всегда пишетъ: рублей.

Но обычно: камнéј, карнéј, лакѣéј, гасѣéј и пр.

гăрадéј — въ новогодной (подблюдной) пѣ.: „сидúт вăрабéј нă питѝ гăрадéј“. Это — не мѣстный, а родит. въ зависимости отъ числит. пять. Такое согласованіе разговорному языку не свойственно, да и самая форма гăрадéј въ разговорномъ языкѣ неизвѣстна.

Винит. множ. и двойств. отъ именъ животныхъ муж. и женск. рода иногда = имен.: загнáл два върабјá, купúл трú кабы́лы, двé лóшъди или двýх лъшъдéј.

Остальные падежи оканчиваются на -ам, -ами, -ах.

По этому же склоненію склоняются слова:

1. гóлуп, госѣ, зятѣ, лéбьѣ, лóкъѣ, лóсѣ (муж. р.), мидвéѣ, мазóл, мыш (родит. мышá), нóγъѣ и нѣкоторыя другія, имѣвшія въ общеслав. основу на ъ/и. О словахъ звер, пуѣ, лю́ди см. дальше.

2. кáмьн, кóрьн и, отчасти, ден, о которомъ см. ниже.

3. уменьшит. калéчик вмѣсто и рядомъ съ калéчкă и т. п., я́блък.

4. можетъ быть, статýј, извѣстное мнѣ изъ насмѣшливаго прозвища „папугáј лясно́ј, статýј глúнинај“. Ср. у Чернышева, Московск. у., стр. 29.

Слова средняго рода на *-о*, *-е*.

Эти слова въ большей части падежей склоняются такъ же, какъ и слова муж. р. съ тѣмъ отличіемъ, что родит. и мѣстн. един. на *-у* отъ нихъ совсѣмъ или почти не встрѣчаются, а род. множ. часто не имѣетъ окончанія (т. е. кончается на послѣднюю согласную основы), между тѣмъ какъ въ склоненіи словъ муж. р. такая фор-

ма родит. множ. рѣдка. Въ мѣстоименномъ склоненіи совпаденіе между формами муж. и средн. рода еще больше. Благодаря этому, явилось стремленіе еще больше сблизить склоненіе словъ средн. рода со склоненіемъ словъ муж. р., сходство въ остальныхъ падежахъ вызвало появленіе имен.-винит. множ. на *-ъи*, *-и* и родит. множ. на *-ов*, который и въ самихъ именахъ муж. рода по большей части вторичный. Сперва имен. множ. на *-ъи*, *-и* въ словахъ средн. рода явился отъ основъ съ суфф. *-ж* (*-ък*, *-ък* и т. п.), а род. множ. на *-ов* — отъ тѣхъ же основъ и, быть можетъ, также отъ нѣкоторыхъ основъ на j. Дальнѣйшее сближеніе склоненій словъ муж. и средн. рода могло привести къ переходу словъ средн. рода въ муж. Дѣйствительно, съ одной стороны мы видимъ такія формы, какъ я́блък, кале́чик, съ другой, — сохраненіе флексіи имен.-вин. пад. средн. р., но съ прилагат. и мѣстоим. въ муж. родѣ. Такъ, въ Парфёнкахъ говорятъ про яйцо (јицо́), что „он сыро́ј“; другіе примѣры: „тво́ј кал̑цо́ вы́скъчит“, „он няб̀о́с̀ ве́с̀ по́ль зъwали́л, и у миня́ јѐс̀ jaʷо́“ (про навозъ), на свој ме́стӑ, мо̀ј с̀ве́тнъј пла́т̑ј, на̄ди́н лицо́ (и: надно́ лицо́), „свой именной кольцо“ (въ сказкѣ, запис. Мишей Байковымъ), „я́ бъ у Ма́шки вѐс̀ се́нъ а̑дби́лӑ ба“, се́нъ ве́с̀ ако́пнътӑ, вѐс̀ лицо́ апцапа́ла. При этомъ сказуемое можетъ быть въ средн. родѣ: аказа́лас мо̀ј кале́чик. Ср. подобныя согласованія у Чернышева, Мещовск., 103—104 и др. [3]). Такое смѣшеніе родовъ, кажется, нельзя ставить въ связь съ аканьемъ.

Наоборотъ, въ тѣсной связи съ аканьемъ стоитъ вин. един. на *-у* отъ нѣкоторыхъ словъ средн. р. съ удареніемъ въ един. числѣ на основѣ, причемъ прилагательныя и мѣстоименія ставятся въ формѣ женск. рода: сваю́ во́јску, фсю̀ симе́јству, кало́сти ф кало́ску (отъ именит.

---

[1]) Совсѣмъ другого происхожденія средній родъ сказуемаго при подлежащемъ муж. рода въ такомъ выраженіи, какъ „у на́с и каза́к пахо́жъ нъ каза́к“. Здѣсь — явленіе чисто синтаксическое, восходящее еще къ общеиндоевроп. эпохѣ.

кал҃о́скѣ=колёско). Другіе примѣры мнѣ неизвѣстны. Смѣшеніемъ родовъ вызвано такое согласованіе: в адну́ прикра́снъjь вре́мь (ск.). Въ южновеликор. такое смѣшеніе формъ средн. рода съ формами мужск. и женск. родовъ повлекло за собой зачастую совершенное уничтоженіе средн. рода [1]). Въ разбираемомъ говорѣ, какъ и въ другихъ сѣв.-влкр. и средневлкр. средній родъ въ большинствѣ случаевъ сохраняется.

Во множ. — окончаніе -а́ только подъ удареніемъ; не подъ удареніемъ -ъ҃, послѣ мягкихъ и гортанныхъ -и и пр.; встрѣчается собирательное множ. на -ja. Отмѣтимъ отъ плич҃о́ имен.-вин. множ. плича́: плича́ ни прajду́т, нъ плича́ и пр., отъ се́нъ — сяна́ (другіе падежи множ. отъ этого слова не употребляются), отъ де́рьвѣ — дирява́, ди҃о́ф и дире́҃вjа; отъ пяро́ — ҃ио҃рjй, ҃ио҃рjйѳ.

ъ҃ и и҃ не подъ удареніемъ въ имен. множ. именъ средн. рода — не фонетич., а по аналогіи съ именами муж. и женск. рода.

Отъ именъ съ суфф. -ж- (ъкъ, ькъ и т. п.) имен. мн. — на и҃, даже подъ удареніемъ, какъ и въ литерат. (сюда не относятся такія слова, какъ я҃блака́, гдѣ нѣтъ суффикса -к).

Слово н҃о́бѣ (обыкновенно средн., рѣдко женск. рода) во множ.: нибяса́, ни҃во́с, впрочемъ, только въ поговор-

---

[1]) Ср. Чернышевъ, Мещовск., 103—104; Будде, Къ діалект., 103—104; Филатовъ, Ворон., т. 39, § 39. Насколько Будде и Филатовъ правы, трудно сказать. Дѣйствительно ли въ обслѣдованныхъ ими говорахъ слова средн. рода во всѣхъ косв. падежахъ един. сочиняются съ прилагат. и мѣстоим. въ женск. родѣ, или же только въ имен. и вин. падд. един., а въ остальныхъ падежахъ склоняются такъ же, какъ слова муж. рода и потому сочиняются съ прилаг. въ формахъ = формамъ муж. р.? Сколько я знаю изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ ю.-влкр. говорами, въ нихъ встрѣчается какъ полный переходъ словъ средн. рода въ женск., такъ и замѣна только нѣкоторыхъ падежныхъ формъ формами склоненія словъ женск. рода. Ср. также примѣры, приводимые Чернышевымъ изъ Мещовскаго говора.

кахъ и загадкахъ: „Ма̀т талста́, до́ч краснá, сы̀н хито́р, пъд нибясá ушóл“ (печь); „сѐ̀ вóрз дъ нибо́с, дъ фсѐ̀ лéсъм“, и др.; ср. также пѣсни. Въ разговорномъ это множественное не встрѣчается. слóва — имен. множ. славá и пр.; отъ имен. множ. калóсы един. кълясó и т. д.

Родит. множ. иногда оканчивается на *-ов*: дялóф, мястóф, зо́рнăф (ср. новогодн. пѣсню) и зо́рьн, ăблакóф, яблъ̀къф, калóскъф, сто́клушкъф, зо́рнушкъф и т. д.; отъ именъ съ суффиксомъ -к-, -ышк-, -ушк- и т. п. употребляется исключительно эта форма родит. множ.; точно также отъ основъ, кончающихся во множ. на j: карéньф, диревьф, плáтьф и плáтьф и т. п. Отъ остальныхъ словъ чаще старая форма родит. множ. Въ южновлкр. родит. множ. на *-ов* распространенъ значительно больше.

Старая форма дат. на -омъ удержалась, какъ и въ литерат., только въ выраженіи пъдялóм.

Остальные падежи не представляютъ особенностей. Отмѣчу нѣкоторыя отдѣльныя слова:

јицó, множ. яйцы, род. јиúц и яйц, яйцъм и пр.

ухó, множ. ýши. Объ остальныхъ падежахъ множ. отъ этого слова — ниже.

Такъ же, какъ остальныя слова средн. рода, склоняются и слова средн. р. на мя́, образуя только множ. отъ основы па -мен- (да и то не всѣ).

Слова съ основой на -ят- склоняются во множ., какъ и другія имена средн. и женск. рода.

Слова женск. рода на *-а (я)*.

Къ этому склоненію принадлежатъ, между прочимъ, и нѣкоторыя слова, принадлежащія въ литерат. къ другимъ склоненіямъ: вéщя, врядá (=вредъ), тигрă, иногда (рѣдко) плугá, кажется, халмá, ср. въ пѣ.: „и на вазвышанай халме“ (Анн. Аким.), и, частью, вóшă и рóш (въ нѣкоторыхъ падежахъ). Сюда же, быть можетъ, принадлежитъ и слово симéйствă.

Слово гъспада́ стало имен. множ. Быть можетъ, такого же происхожденія множ. стъража́; въ такомъ случаѣ въ этомъ словѣ удареніе на концѣ или же удареніе въ словѣ старо́жа́ женск. рода вторичное.

Въ звательной формѣ послѣдняя неударяемая гласная отпадаетъ: де́д'шк, Ва́нюшк, Ма́ш, Ка́т̓к, ба́ўшк, Ната́ш, Дуня́х, дя́д и т. д. Миша Байковъ обыкновенно пишетъ въ имен. пад. един. такихъ словъ *-а*, а въ зват. формѣ *-ъ*, рѣдко *-а*. Примѣры: батюшкъ (нѣсколько разъ; сказка про Капчён.), баткъ (тамъ же), машкъ, мамкъ, ванюшкъ (нѣсколько разъ), но въ имен. ванюшка и др. Въ сказкахъ, записанныхъ мною, иногда гласная въ концѣ словъ въ зват. формѣ слышалась, но рѣдко; изрѣдка встрѣчается именит. пад. безъ гласной на концѣ. Встрѣчается и другая звательная форма (при другихъ условіяхъ и гораздо рѣже) — на *а* чистое растянутое.

Родит. пад. единств. на -ъ очень употребителенъ, какъ отъ твердыхъ, такъ и отъ мягкихъ основъ, но почти исключительно съ предлогами *у*, о́къл и т. п.: у графе́ни Пawлъвнъj или Па́wлъвнй, у Пятро́вни, у вдаве́, у чиртé, у 'По́три, у твajéj жыне́ и т. п. Въ другихъ случаяхъ, а частью и послѣ этихъ предлоговъ, употребляется родит. на *-ы*, *-и*, такъ что, можетъ быть, форма род. пад. на *-ъ* послѣ предлоговъ (означающихъ мѣсто и время) частью сохранилась, частью образовалась вновь по аналогіи съ употребленіемъ формъ на *-ъ* послѣ другихъ предлоговъ, наприм. послѣ предлоговъ *в*, *к*, *на* (ср. смѣшеніе падежей послѣ предлоговъ въ мѣстоименномъ склоненіи).

Дат. пад. единств. отъ словъ этого склоненія, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими основами, всегда на *ъ*, т. е. *е́* подъ удареніемъ и *и* безъ ударенія.

Въ сѣв.-влкр. и ю.-влкр. говорахъ смѣшеніе родит. и дат. падежей един. ч. словъ женск. рода пошло еще дальше. Сохраненіе стараго родит. на *-ъ* и дат. на *-и* въ словахъ съ основой на мягкую согласную вызывало въ словахъ съ основой на твердую новообразованія —

род. на *-ъ* и дат. на *-ы*, и наоборотъ, въ словахъ съ основой на мягкую по аналогіи со словами съ основой на твердую согласную являлись родит. на *-и* и дат. на *-ъ*. Поэтому, съ одной стороны, встрѣчаются говоры, гдѣ род. един. отъ словъ на *-а (я)* — всегда на *-ъ*, а дат. — на *-ы*, *-и*. Таковы нѣкоторые сѣв.-влкр. говоры, а изъ ю.-влкр., можетъ быть, Мещовскій (изъ сообщенія Чернышева несомнѣнно только, что въ Мещовскомъ есть родит. на *-ъ* и дат. на *-ы*). Въ другихъ говорахъ употребляются формы на *-ъ* и *-ы*, *-и* безразлично для обоихъ падежей (хотя, можетъ быть, и существуетъ различіе въ употребленіи той или другой формы въ зависимости отъ предлоговъ или другихъ условій). Наконецъ, въ большей части говоровъ дат. на *-ы* совсѣмъ неизвѣстенъ, а родит. на *-ъ* употребляется только при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ винит. пад. большая часть словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ и съ односложной основой переносятъ ударе́ніе на основу: изба́, и́збу, на́ избу или нъ избу́. Нѣкоторыя слова, какъ слиза́ и др. сохраняютъ и въ винит. ударе́ніе на концѣ. Это различіе между такими словами, какъ изба́, душа́, нога́, рука́... съ одной стороны и слеза́ (игла́, игра́?)... — съ другой — еще общеславянское. Въ великорусскихъ говорахъ это различіе зачастую утрачено, и подвижное ударе́ніе замѣнено неподвижнымъ, ср. сѣв.-влкр. имен. со́сна, южновлкр. винит. сосну́, рякý. Средневлкр. говоры въ этомъ отношеніи консервативнѣе другихъ (впрочемъ, и здѣсь ср. па́шнѣ вмѣсто пашня́ и др.).

Творит. пад. оканчивается на *-оj* и *-ою* съ ихъ фонетическими измѣненіями не подъ удареніемъ. Форма на *-ою*, кажется, — только при ударе́ніи на о́: з гълавój и з гълавóю, с рукój и с рукóю, с кабылъj, съ диревньj. Также: ро́жъj (=рожью).

Двойств. число. Сохранилась архаическая форма творит. пад.: абе́ма́ рука́ма́, но обыкновенно говорятъ обе́ими рука́ми.

Въ зависимости отъ числительныхъ 2—4 въ им.-вин.

пад. ставится форма слова = формѣ родит. единств. При числит. абе́и или або́и употребляется множ. число.

Множеств. число. Имен.—на *-ы, -и* съ переносомъ ударенія съ конца слова (если оно въ единств. на концѣ) на основу. Въ остальныхъ падежахъ множ. ударе́ніе такихъ словъ частью — на основѣ, частью — на флексіи: рука́м, жана́м, слиза́м, диривня́ми, нъ ваззя́х и пр., но: ко́пнъм и др.

Въ одной свято́чной дѣтской пѣсенкѣ—винит. множ. женск. р. на *-а́*: „Каляда́, каляда́, Скачи́л ме́сьц нъ́ гряда́“. Этотъ винит., извѣстный, кажется, нѣкоторымъ сѣв.-влкр. говорамъ, у насъ встрѣчается только въ этой пѣснѣ.

Родит. множ. обыкновенно не имѣетъ окончанія (т. е. оканчивается на послѣднюю согласную основы): ка̓но́н, ка̓но́шък, кле́тък, па́лък, сло́с и пр. Отъ словъ на *-ня* въ родит. множ. — *-н̓*, если ударе́ніе въ этой формѣ на послѣднемъ слогѣ, и *н*, иногда очень слабое, въ другихъ случаяхъ: дириве́н̓, но ба́сьⁿ, пе́сьⁿ и пр. Встрѣчается родит. на *-ей*, наприм. ваззей (отъ важжя́) и др. Родит. на *-ов, -ев* встрѣчается отъ слѣдующихъ словъ: зво́здъ̆ф (пѣ.: Wно́гъ̆ зво́здъ̆ф, wно́гъ̆ ча́стых) и зво́ст, са́мъх кля́чьф (ск.), „затехъ дядѣвъ“ и „задядѣвъ“ — у Миши Байкова (ск.) и нѣк. др. Въ послѣднемъ случаѣ форма род. на *-ев*, вѣроятно, вызвана тѣмъ, что дядя — муж. р.

Творит. множ. на *-ми́* вмѣсто *-а́ми* — свичми́, слизми́ — пѣсни (не разговорн.!). Остальныя слова, имѣющія творит. на *-ми́*, не принадлежатъ къ этому склоненію.

Кромѣ перечисленныхъ выше, къ этому склоненію принадлежатъ также 1) такія слова, какъ ма̓чи́шкъ̆, ба́тюшкъ̆ и пр. (род.-дат.-мѣ. *-и* твор. *-ъ̓j*), 2) уменьшит. на *-я* и *-а*: Ва́ся̆, Ми́шӑ и пр., принадлежавшія прежде къ склоненію именъ на *-а*.

Имена съ общеславянской основой на ъ/и.

Слова муж. рода этого склоненія по большей части перешли въ склоненіе основъ на ъ/е муж. рода, въ томъ

числѣ и слова мышь и лебедь (ср. пѣсню: Либидинъ мой, либидинъ, лебедь белай маладой... Вабираj ка либидиха себе лебидя). Отъ мышь родит. един. мыша и пр., множ. мыши, мышей и пр.; отъ лебедь — лебядь, множ. лебеди, либедей и пр.; твор. множ. мышами, (либедями). Наоборотъ, слово голубь, голуби — женск. рода.

Отъ слова путь уцѣлѣли только нѣкоторыя формы этого склоненія: нъ пути, пъ пути, с пути, обыкновенно это слово склоняется, какъ и остальныя слова муж. рода на *-ъ:* путя, путю, путомъ; только мѣстн. всегда на -и (не на -ѣ или -ю!). Иногда слово путь переходитъ въ женскій родъ. Миша Байковъ пишетъ въ пѣ.: „широкая путь дороженка“ и „вдальній путь дороженку“. Любопытенъ творит. путой дорогъj, какъ бы отъ имен. путя (творит. путью не встрѣчается).

Во множ. числѣ отъ этого склоненія сохранился только творит. на -ми и то отъ очень немногихъ словъ: звирми, людми (един. не сохранилось; люд, люду — другого склоненія) рядомъ со звирями, людями. Слово „звѣрьми“ — у Миши Байкова (ск.). Отъ слова путь множ. число не встрѣчалось. Родит. множ. отъ словъ этого склоненія всегда на -ej.

Слова женскаго рода этого склоненія имѣютъ, какъ и въ литературномъ, родит.-дат.-мѣстн. *-и*, причемъ въ мѣстн. обыкновенно удареніе переходитъ на окончаніе, твор. *-ю*. Мѣстный на *-ѣ* (é) я слышалъ только отъ уроженцевъ другихъ губерній, живущихъ въ Парфёнкахъ. Твор. на *-ей* вмѣсто *-ью* очень рѣдокъ; я могу привести только одинъ примѣръ: рожъj = рожью. Другіе падежи этого слова: рожы и ржы, всегда: ва ржы. Слово вошь можетъ склоняться, какъ слова на *-а:* вошь, вошы, вошу, вошъj. Слово вещь: имен. вещь, вин. вещю (наприм. „я апять тибе зъгадаю вещю здѣлъть» — сказка). Слово кънапел встрѣчается только въ пѣсняхъ и загадкахъ: пук пучня, кънапел ручня, лучинъ палѣнъ, саломы бирѣмя, а въ разговорп. — кънапля.

Старинное окончаніе дат. и мѣстн. множ. на -ом,

-ъ́ох сохранилось только въ формахъ: лъшыдо́х, лъшыдо́м и сано́х, сано́м, но чаще: лъшыдя́х, саня́х [1]) и пр., которыя мало по малу вытѣсняютъ старыя формы; молодежь такъ уже почти не говоритъ.

Въ твор. множ. окончаніе -ми́ почти вездѣ замѣнено окончаніемъ -а́ми: дитьми́, двирьми́, лъшъдми́, людми́ и: двиря́ми, лъшыдя́ми, людя́ми; всегда: каста́ми, саня́ми и т. д. Творит. слизми́ встрѣчается въ записи Аннушки Акимовой: „заливалася панемъ слизми“ (пѣ.) и въ передѣлкѣ Пушкинскаго Узника: „слизми́ х аблита́“; въ разговорной рѣчи не употребляется. Эта форма отмѣчена во многихъ влкр. говорахъ и потому вызываетъ вопросъ, не было ли когда нибудь существ. слезь, отъ котораго и произведенъ этотъ твор. Ср. у Филатова Ворон. слезью — твор. един. (т. 39, стр. 183) [2]). Къ этому же склоненію принадлежитъ слово у́шы, родит. ушéj, дат. ушáм, твор. ушми́. Можно думать, что ушми́ — старая форма творит. множ. отъ слова уши, если только въ общеслав. существовали формы множ. числа отъ этого слова. Если эта форма не общеславянская, то во всякомъ случаѣ очень старинная. Въ малорусск. ушми́, очми́, ср. словинск. očmí. Изъ древнерусскаго языка форма ушми́ мнѣ извѣстна по рукописямъ съ XVI в., но, вѣроятно, существовала гораздо раньше этого времени. Быть можетъ, первоначально въ русскомъ языкѣ рядомъ съ очи́ма, ушима существовали формы очьма́, ушьма́ (въ памятникахъ незасвидѣтельствованныя), здѣсь -ь- по апалогіи съ другими сло-

---

[1]) Что са́ни принадлежатъ къ этому склоненію, а не къ склоненію основъ муж. рода на ъ/е, видно изъ влкр. твор. множ. санми́, ср. у Филатова, Ворон., Чернышева, Мещовск.; мнѣ извѣстно такое произношеніе въ Тульск. Венёвск. и др. По мнѣнію Р. Ѳ. Брандта, са́ни — множ. отъ сань, употребл. въ Паремейникѣ 1271 года въ значеніи *δρακών*, змій; ср. чешск. sáň — драконъ.

[2]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ встрѣчаются твор. на *-ми* и отъ другихъ словъ съ основой на *-а*, ср. душми́ — Будде, Къ діалект.; свѣчьми—Чернышевъ, Мещовск. и др.

вами родственныхъ склоненій, а эти творит. двойств. повліяли на образованіе твор. множ.

Отъ слова пр́олуп уменьш. — пръслубо́к, упралупку (Миша Байковъ), какъ бы отъ слова муж. рода.

Слово д е́ н склоняется подобно другимъ существит. муж. рода на *-ъ:* дня, дню, дно́м; мѣстн.: дне́ и дню́ (на дню́). Ме́сьц со́ дньм и са дно́м. Но: два́ дни, три́ дни, впрочемъ и: два дня́, три дня́ (и два́ дня). *Родит. множ.* до́н, дат. дня́м и пр. Слово по́лдьн, род. по́лдня и проч., употребляется обыкновенно во множ.: по́лдни, палдо́н, палдня́ми и пр. Отъ слова бу́дни родит. множ. будне́j, мѣстн.: нъ будня́х и т. д.

Слова съ общеслав. основой на *-ъв.*

Въ имен. един. только -оф или -оѳ: кроф, свякро́ѳ, марко́ѳ, любо́ѳ, це́ркъѳ и пр. Отъ кроф род.-дат. кро́ви, мѣстн. — ф кравѝ, творит. кро́вjу; въ словахъ свякро́ф и марко́ф *о* сохраняется во всѣхъ падежахъ. Въ словѣ любо́ф гласная правильно выпадаетъ въ род.-дат.-мѣстн. ед. (любвѝ), но въ пѣсняхъ также: к любо́ви я ijо́ скланял, биз любо́ви жыт ja ни бу́ду; рядомъ: балят но́ги ад даро́ги, бе́лы ру́ти ат любвѝ. Впрочемъ, и въ разговорномъ языкѣ — колебаніе.

Слово це́ркъѳ обыкновенно переходитъ въ склоненіе основъ на *-а:* це́ркваѝ, це́рквy, за це́ркvjу; це́ркvы, цыркваѝм и пр. Но родит. един. почти всегда це́ркви. Миша Байковъ пишетъ: въ церковь, вцерковъ, вцерквy (2 раза).

Склоненіе словъ *матѝ* и *доч.*

Имен. един. матѝ, до́ч. Въ *зват.* формѣ кромѣ матѝ также ма (см. сказки). *Родит.-дат.-мѣстн.*: ма́тьри, до́чьри; *творит.*: с ма́тиргю (сказк.), но также: ма́тирjу, до́чирjу. Во *множ.*: ма́тири, до́чири; въ остальныхъ падежахъ ударе́ніе на окончаніи.

Слова съ общеслав. основой на *-ен-*.

Мужескій родъ. Слова ка́мьнь и ко́рьнь склоняются, какъ и другія слова муж. рода (см. выше). Слово по́лъмя — средн. рода, склоняется, какъ вы́мя, бире́мя и т. п.

Средній родъ и́мя, се́мя, те́мя, пле́мя, вре́мя, бире́мя, вы́мя, по́лъмя и jéмьны (множ. число). Послѣднее извѣстно въ выраженіи: на се́мьны, дъ на jéмьны. Слово бире́мя извѣстно мнѣ только изъ загадки (см. выше, подъ словомъ кънапе́л). Слово племя—почти исключительно въ выраженіи: пустить, оставить, взять и т. д. „нъ плима́“. Остальныя въ единств. обыкновенно склоняются, какъ слова средн. рода на *-е:* имен.-вин.-родит. се́мя, дат. се́мю (мѣстн. се́ми), творит. се́мьм. Ср. у Миши Байкова: много время (ск.), восколько время (ск. про Копчён.), черезь годъ время (тамъ-же). Во множ. числѣ они принимаютъ наставку *-ён-* и склоняются, какъ слова средн. р. на *-о:* имяна́, симяна́, вримяна́ и т. д. съ удареніемъ во всѣхъ падежахъ на окончаніи. Также: се́мьны, jéмьны. Родит. множ.: и́мо́н (имяно́ф), ври́мо́н, а отъ се́мьны и симяна́ — симяно́ф, се́мьн, симя́н и рѣдко си́мо́н. Множ. отъ остальныхъ словъ этого склоненія мнѣ неизвѣстно.

Въ един. ч. старыя формы этого склоненія почти не сохранились. Я могу привести только: не́скълкъ пъгуля́ли вре́мьни — въ сказкѣ, и: па и́мьни (разговорн.; рѣдко).

Въ выраженіяхъ: нъ плима́ и нъ сима́ являются формы съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Это—или множ., образованное по аналогіи съ такими словами, какъ по́ля́ — пала́ и т. п., ср. се́ма́ въ значеніи множ. у Будде, Къ діалект., 105, или же — формы единств., ср. малорусск. іма́. Въ пѣснѣ: „Как на го́рки, на гаре́“ встрѣчается слово има́ въ един. ч.: „как твајо има́ зову́т“ и дат. па име́ню, но эти ударенія, вѣроятно, перенесены изъ малорусск. оригинала пѣсни (ср. Чубинск., т. 5, стр. 201, № 407 и стр. 917, № 485 и 486).

Слова съ основой на -ат.

Слово дитя́ обыкновенно является въ имен. падежѣ въ видѣ дито́, род. дитя́, вин. дито́ и дитю́, твор., кажется, дито́j, мѣстнаго не слыхалъ. Въ моихъ записяхъ это слово встрѣчается только въ пѣсняхъ: дитя́ і мајо́ ди́тятка, дито́ чада ми́лая. Миша Байковъ пишетъ: „дѣтель мое дитетка“, „дитю родила“. *Множ.*: де́ти, дите́j, дитя́м, дитми́ и дитя́ми и пр.

Остальныя уменьш. на -*я* (только собственныя имена) склоняются, какъ слова женск. рода на -*а (я)*: Ва́сьа, Ва́рьа, Ната́шьа, Пара́ньа, Гри́шьа и т. п. Уменьшительныя имена нарицательныя этого склоненія въ единств. ч. не употребляются. Мнѣ извѣстны только у́тя въ пѣсняхъ и пърася́ въ одной поговоркѣ. Въ поговоркѣ „Ласкавое теля...“ и пр. вмѣсто теля́ говорятъ: тиля́тка. При этомъ у́тя въ пѣ. — женск. р., наприм.: „Хади́ла у́тя па бало́ту, Иска́ла у́тя паклява́ї“ (приб.) и „Ма у́ть-т во́ду мути́т“ (Жилъ я у пана); пърася́ — средн. рода. Во *множ. ч.* жрибя́ты, пърася́ты, рибя́ты, утя́ты и проч. склоняются, какъ и другія слова средн. рода (наприм. варо́ты и т. п.). Можетъ быть, отъ уменьш. на -*а* образованы вторичныя уменьш. на -ятка, наприм. Васятка (въ говорѣ Парфенокъ очень рѣдко), но скорѣе всего послѣднія восходятъ не къ нимъ, а къ имена́мъ на -ята, ср. старорусскія Путята, Вышата и т. п.

МѢСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Родит.-винит. личныхъ мѣстоименій кончается на -*я́*: миня́, тибя́, сибя́; дат. — мне́, тибе́, сибе́; въ творит. ед. -*ю* въ концѣ сохраняется, хотя можетъ и отпадать. Въ одной пѣснѣ встрѣчается винит. мня́: „Што́п ана́ мня́ ни ждала́“. Дат. т и рѣдокъ: Сла́въ ти Христу́; што́ ти до́мъ гъваря́т (приб.), о́н ти зада́с[т], я́ ти да́м и пр. Изъ этихъ формъ род.-вин. личныхъ мѣстоименій на -*я́* составляетъ

принадлежность только сѣв.-влкрус. и средне-влкрус. говоровъ.

Въ мѣстоименіи 3-го л. (его и пр.) *н* послѣ предлоговъ необязательно: при јóм, за јóм, у и́х, у јавó, с јим, нъ јијó, въ ијó; с ѝнóм, за ни́м, у ни́х, у нивó и проч. Въ записяхъ крестьянъ: у Аннушки Акимовой: панемъ, из них, панемъ; у Миши Байкова: снихъ (ск. про Копч.), къ нему (тамъ-же), отнихъ, унихъ, наней, снимъ, ноего, (нѣсколько разъ), у ихъ, уихъ, къ ему, заей, по ей, къ ей, за ее, къ имъ (сказки) и др.

ј можетъ отпадать въ формѣ ијó, затѣмъ въ формахъ на *и*: их, им, и́ми рядомъ съ јих, јим, ји́ми, рѣже: ивó, имý при јавó, јамý и ји^{e}вó, ји^{e}мý.

Род.-вин. един. муж. рода въ склоненіи мѣстоименій всегда — на *-вó*: јавó, тавó, мавó, съмавó, ѫднавó, чавó, кавó и пр.

Творит. един. женск. рода — на *-ју*, кажется, чаще, чѣмъ на *-ј*: с нéю, свајéю, тóю, сéю или сию́, адноóю и пр. и за нéј, свајéј, аднóј, éтъј и пр. У Миши Байкова: „за ей“.

Родит.-винит. един. женск. рода отъ мѣстоим. 3 л.: ијó или јијó. Послѣ предлога *у* можетъ стоять общая для остальныхъ косвенныхъ падежей форма јеј: у нијó или у ијó и у нéј, у јéј.

Въ зависимости отъ предлоговъ вмѣсто формы твор. един. муж. рода нерѣдко ставится форма мѣстн. единств. муж. рода, наприм.: Бóх с ѝнóм, за ѝнóм, пад ѝнóм, пьрид ѝнóм и пр., хотя говорятъ также и: с ним, за ни́м и пр. Въ записяхъ крестьянъ, къ сожалѣнію, примѣровъ на смѣшеніе падежей послѣ предлоговъ почти нѣтъ. Только у Дарьи Арсеньевой: съ немъ; у Миши Байкова всегда правильно: снимъ, наднимъ; у Анн. Акимовой только панемъ (2 раза) — правильно.

Вин. пад. женск. рода един. ч. на -јо: тајó, фсијó, ѫднајó, съмајó, но рядомъ съ ними: ту́, фсю́, адну́. Всегда э́ту, э́нту и т. д. Интересны формы: адйъјó и тъјó. Послѣдней изъ нихъ я въ Парфёнкахъ не слыхалъ, а толь-

ко въ с. Пречистомъ въ 5 в. къ сѣв.-зап. отъ Парфёнокъ. Характерно, что всѣ эти формы на -jо́, по происхожденію род. пад. женск. рода, употребляются только въ значеніи винит., между тѣмъ какъ родит. совпадаетъ съ дат. Примѣры: у Миши Байкова: однае (ск.), натае (ск.) и друг., в адну́ прекра́снъjь вре́мь (ск.), толкадну́ и проч.

Въ формахъ род.-дат.-мѣстн. и твор. един. ч. женск. рода мѣстоименій, какъ и въ литерат., послѣ твердыхъ согласныхъ всегда о́. При винит. т̔jо́, адн̔jо́, отмѣченномъ выше, слѣдовало бы въ остальныхъ падежахъ ед. ч. женск. рода отъ этихъ мѣстоименій ждать ӧ или ӫ, ср. Мосальск., Мещовск., Ворон. и др., но, какъ сказано выше, эти два винит. собственно говору дер. Парфёнокъ не свойственны, а говоръ с. Пречистаго я не изучалъ.

Въ тѣхъ же формахъ другихъ мѣстоименій, послѣ мягкой согласной — всегда е́: фсе́j, свае́j, чjéj и пр.

Отъ мѣстоименія хто (кто, кѣто) въ зависимости отъ предлоговъ можетъ употребляться мѣстный вмѣсто творит.: с ко́м, за ко́м и с ке́м (также: с те́м), но всегда: на ко́м, ап ко́м и пр.

Въ мѣстоименіи тот, наоборотъ, въ зави́симости отъ предлоговъ форма мѣстн. пад. един. замѣняется формой творит.: на те́м свято́, на те́м бирягу́, на е́тим са́мъм ме́сти, на е́тим пя́ кале́чйки (пѣ.), в э́ѣтим и пр.

Въ мѣстоименіяхъ тот и весь, какъ и въ литерат., въ твор. един. муж. рода и во всѣхъ формахъ множ. ч. является звукъ е́; это е́ можетъ быть въ тѣхъ же формахъ притяжательныхъ мѣстоименій и числительнаго оди́н, въ имен. множ. ане́, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ кромѣ формъ мѣстоим. тот и весь можетъ быть и и́. Такого же происхожденія е́ въ творит. вопросит. мѣстоим. кем и чем и въ выраженіяхъ: с кех по́р, па кех по́р, па сех по́р, чаще: па jе́стих по́р. *Примѣры.* У Миши Байкова: онѣ (2 брата) прослужили (сказка про Копчён.) и затѣмъ тамъ же: онѣ не менѣе 7 разъ (про старика со старухой, солдата и чорта, лошадей и пр.), свое деньги

(3 раза), однемъ (ск.), весели моехъ при радости гостей (пѣ.) и: все свои деньги (ск.), подруженьки мои (пѣ.), они (3 кобылы) и др. У меня записано въ пѣсняхъ: нъд мајéм, вы сасéди, сасéди мајé, маје сóстры, маје кóстăчти и друг.

Отъ мѣстоименія што родит. чаwó или чивó, чимý, чем, чóм; въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ является *шо:* ну к шó ш, шшъ'бъ. Мнѣ кажется, что это *шо* и *што* нельзя сближать со *що* другихъ говоровъ; послѣднее, вѣроятно, родит. чьсо, между тѣмъ какъ *шо* могло явиться фонетически изъ *што*.

Въ родит. и дат. един. ч. муж. рода притяжательныхъ мѣстоименій являются слитныя формы: мавó, твавó, свавó, мамý, твамý, свамý; отмѣчу выраженіе: пъ мамý, пъ свамý и т. д. = по мóему, по свóему, срв. въ приб.: „дóчкă дéлът пъ свамý". Неслитныя формы притяжательныхъ мѣстоименій въ разговорной рѣчи почти не употребляются.

Мѣстоименія э́тът и э́нтът склоняются, какъ тот. О произношеніи начальнаго э́ см. выше, въ фонетикѣ, т. 44, стр. 164 (отд. отт. 12). Въ соединеніи съ предлогами *в, с, из* и *из-за* конечная согласная предлога можетъ повторяться послѣ частицы *э* въ мѣстоименіи этотъ: с э́стим, из за э́стъвъ, из э́стъвъ, из э́стих, в éфтим, в éфту и пр. Чаще, впрочемъ, тѣ же предлоги не повторяются: с éтим, в éтим, из éтъwъ и пр. Миша Байковъ, хотя при разговорѣ часто повторяетъ указанные предлоги, но пишетъ: въ этотъ и т. п. Въ письмѣ одного солдата изъ Парфёнокъ: „съ эстой маркой". Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: са jéстъj дабы́чьj, но: ва jéтъj ва клéтки (Узникъ); „од жы́с ни мила́, ф трахти́ри ни была́, была́ дъ ни в éфтим, гуля́лă дъ ни с éстим" и др. Смѣшенія предлоговъ, какъ это отмѣчено во многихъ другихъ говорахъ (ср. Филат., Ворон. и др.), не бываетъ. Только по аналогіи съ выраженіемъ: с éстих пóр говорятъ также: па éстих пóр, но это исключеніе вполнѣ понятное, такъ какъ éстих пóр здѣсь превратилось въ та-

кое неразрывное цѣлое, что даже не измѣняетъ падежа послѣ предлога *по*. Предлогъ *к* въ нашемъ говорѣ при мѣстоименіи э́тот не повторяется, что является нѣкоторой непослѣдовательностью. Впрочемъ, въ селѣ Солнечномъ Клинск. у. Московск. губ. у станціи Подсолнечной Николаевской жел. дор. я слышалъ и к е́хтъму. Что касается остальныхъ предлоговъ, то они находятся нѣсколько въ другомъ положеніи, чѣмъ предлоги *с*, *в*, *к*, *из*, составляя полный слогъ, между тѣмъ какъ *с*, *в*, *к* вовсе не составляютъ слога, а въ предлогѣ *из* начальная гласная часто бываетъ неслоговой. Послѣдовательность употребленія вставныхъ *ф* и *с* въ этихъ мѣстоименіяхъ тщательно провѣрена мною путемъ постоянныхъ наблюденій. Что касается тѣхъ говоровъ, гдѣ вставныя *ф (в)* и *с* являются и въ положеніи не послѣ предлога, то тамъ такія формы объясняются или вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе или совсѣмъ другимъ происхожденіемъ ихъ. Что касается мѣстоименія э́нтът, то оно, несомнѣнно, другого происхожденія и состоитъ изъ частицы э́н(а)+тотъ. Значеніе его опредѣляется значеніемъ начальной частицы, указывающей не на ближайшій предметъ, какъ частицы *э*, а на дальнѣйшій. Поэтому э́нтът не = ὅδε, hiссе и т. п., а = ille, ἐκεῖνος и т. п.; в е́нтъм = э́нъ ф то́м [1]).

Мѣстоименіе *тъ* употребляется въ роли постпозитивнаго члена, причемъ отъ него сохранились только формы: *-т*, *та*, *ту*, *ты*: дé грабли́ диситúны ты, на у́лицу-ту. Форма муж. рода члена сохранилась только въ плясовой пѣснѣ: „Мој-*ат* му́*шат* горкъј пја́ницă“, да и *ту* я слышалъ отъ молодыхъ бабъ, взятыхъ не изъ нашей деревни. Въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ деревень (Савельевскаго прихода, можетъ быть, и другихъ) употребленіе члена довольно послѣдовательно: *та* имен. женск. и ср.

---

[1]) См. Лекціи Соболевскаго, стр. 128 (приводимое имъ объясненіе принадлежитъ А. Х. Востокову) и Миклошича Сравн. Морфол. 438, Фортунатова Лекціи 260. И тѣ и другіе, повидимому, правы только наполовину.

рода и послѣ падежнаго окончанія -ă; *тыг* — имен.-вин. множ. и косвенные падежи един. ч. женск. р., *ту* — вин. един. ч. женск. р., но въ Парфёнкахъ такіе примѣры, какъ: дисити́ны ты, на у́лицу ту, — почти исключеніе; обыкновенно во всѣхъ случаяхъ *тъ* или *та:* на́с и то́ мно́гă мъладо́жы-та; исе́со́ каку́-тъ, и т. д.

Мѣстоименіе *съ* очень рѣдко. Отмѣчу выраженія: ни то́ ни се́́о́, ни с тавó ни с̀ сивó и т. д., па сех по́р (чаще: па је́стих по́р), сию́ мину́тью и въ нарѣчіи сича́с (чича́с, щча́с и т. д.). Въ послѣднемъ си = сей, а не сь. То же мѣстоименіе, какъ энклитика, послѣ слова сохранилась только въ нарѣчіяхъ: з̀де́с̀, фчара́с̀, вичо́рьс̀, ле́тьс̀, ано́дьс̀, авос̀. Въ нарѣчіяхъ времени оно указываетъ на ближайшее прошедшее.

Мѣстоименіе *чъ* въ формѣ чă употребляется, какъ энклитика, въ выраженіи: „што́ і̀ть тако́і̀чă, khто̀ тако́і̀чă и т. п. и въ образованіи сравнительной степени: у́трь rwp̊т мудрине́і̀чь (сказка) и т. п.

Отъ числит. ади́н всѣ остальныя формы образуются отъ основы адн- (одьн-). Но въ Савельевѣ я записалъ также: тро́я нӑди́нъва (= на одного).

Числительныя два, три, читы́ри въ твор. пад. — двуми́, трюми́, чйтырми́ и двумя́, тримя́ (трюмя́).

Отъ мѣстоименія *ко́j* имен. женск. р. един. ч. ко́я̆, имен.-вин. средн. ко́я̆, винит. женск. ко́ю. Очень употребительно выраженіе: ко́јь (или ко́і̀) ме́ста = гдѣ, куда. Во множ.: с ке́х по́р, па кех по́р и с ко́их по́р, па ке́их пор. У Миши Байкова: докехъ поръ (ск.) и др.

Отъ мѣстоименія *оба* единств. число не встрѣчается. Во множ.: о́би (и о́бă) для всѣхъ родовъ, чаще або́и, або́я и або́и. *Примѣры:* у Миши Байкова: въ обѣ сараи, онѣ сѣли застолъ обои (сказки); у Дарьи Арсеньевой: „Неабѣимъ (т. е. молодцамъ) явамъ достануся“ (пѣ.). У меня записано: (ана) або́и сара́й зака́шъwът палне́йкъ.

Такъ же, какъ або́я, склоняются дво́я, тро́я, но съ удареніемъ въ остальныхъ падежахъ на окончаніи.

По значенію относятся къ мѣстоименіямъ, но склоняются, какъ прилагательныя: какój, катóръj, сáмъj, úхнъj, фсякъj и др.

какój-та — aliquis, τις не вполнѣ совпадаетъ по значенію съ литературнымъ какой-то, а иногда = по значенію литерат. одинъ, нѣкій, см. сказки.

какój часто соединяется съ безчленной формой прилагательнаго, наприм.: какój харóш и т. п.

катóръj, кромѣ тѣхъ значеній, съ какими это слово извѣстно въ литерат. языкѣ, употребляется также въ значеніи соотносительнаго мѣстоименія: катóръj — катóръj = ἄλλος μέν — ἄλλος δέ, русск. литерат. одинъ — другой.

тол употребляется въ значеніи раздѣлительнаго союза: тол бýдьт, тол нéт и т. п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

Безчленныя формы прилагательныхъ употребляются только въ имен. пад. всѣхъ родовъ обоихъ чиселъ и въ винит. един. женск. рода. Условія употребленія въ этихъ падежахъ членныхъ и безчленныхъ формъ опредѣлить трудно. Въ качествѣ сказуемаго употребляются не только безчленныя, но и членныя формы. Можно отмѣтить употребленіе безчленныхъ формъ при какой: какój харóш, такáj рыжьнка шéрстка (ср. въ пѣ.: Какòj дýшъчкă харóш); въ другихъ случаяхъ: а другá rwaрт, купи́ мне сиребрйну карзи́нку и т. д. Чаще всего употребляются безчленныя формы имен. и вин. женск. рода. Можетъ быть, это — не безчленныя, а стяженныя формы. Въ пѣсняхъ безчленныя формы очень часты, причемъ употребляются и другіе падежи, а именно тѣ, формы которыхъ короче формъ членныхъ прилагательныхъ. У Мини Байкова: така разъ красутка, красна дѣвка, бѣлы руки, молода вдова, за серебрену решоточку, люту змѣю, чужу далнею и др.

Отъ названій городовъ употребляются часто членныя формы вмѣсто принятыхъ въ литературномъ языкѣ безчленныхъ въ творит. и мѣстн. падежахъ. Въскрисе́нск (рѣже: Въскрисе́нскă), творит. и мѣстн. Въскрисе́нским, также: Вълкала́мским и проч. (объ употребленіи формы твор. въ значеніи мѣстн. см. ниже).

Имен. множ. безчленной формы прилагат. на *-и* отъ словъ съ основой на твердую согласную: ра́ди; вѣроятно, есть и нѣсколько другихъ такихъ словъ, но немного.

Въ одной пѣсенкѣ встрѣчается форма во́йских: „Вы каро́ны, вы каро́ны мајѐ, Вы каро́ны, мы за ва́ми ишлѝ, Вы каро́ны, мы и с ва́ми ишлѝ; Мы и с ва́ми ваива́ли, внѐга во́йских растира́ли“. Въ разговорномъ языкѣ этой формы не слыхалъ. Слово войско по происхожденію—прилагательное и потому въ древнемъ русскомъ языкѣ склонялось иногда по сложному склоненію. См. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря древнерусскаго яз., столб. 288. Срв. въ спискѣ повѣсти объ Акирѣ Синод. библіотеки № 557 конца XVII в., л. 7: „акирь.... недоѣхавъ града со всѣ̑ своимъ воски̑ ста...“. Въ спискѣ Истор. Музея № 1174 (25604) начала XVIII в,, л. 61 (59), то же мѣсто: „недоѣхавъ града алевита ста с войски̑“, также и въ другихъ спискахъ.

Именит. пад. един. ч. муж. рода прилагательныхъ оканчивается на *-ъj*, при проясненіи *-ъ* — на *-ăj* (въ разговорѣ и въ пѣ.), подъ удареніемъ — *-о́j*. Прилагательн. съ основой на мягкую согласную — *-ӣj* или *-ьj*; подъ удареніемъ только: сам тритéj. Примѣры изъ записи крестьянъ:

Миша Байковъ пишетъ обыкновенно *-ый*, *-ій*: счастливый, несчастный, любездный, добрый, глупый, небесный, любимый, постылый, на четвертый, гроздный, разудалый, саратовый, перьвый и т. д.; вдальній и др. Но также: милай, добрай, за рижоной и друг. Послѣ *к*: миленькій, купеческій, но также: десятскый, кругloликый, гдѣ *ъ* указываетъ на твердость *к*, и: миленькой дружокъ, миленькай и др.

Это -ъj, -ăj и -йj (ĕj) не подъ удареніемъ — непосредственно изъ -ой; въ прилагательныхъ на -кій и -гій твердыя *к* и *г* сохранились потому, что въ эпоху перехода кы, гы, хы въ ки, ги, хи въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ эти формы въ разбираемомъ говорѣ, послѣ *к* и *г* звучали *о* (ясное или глухое) или какой-нибудь переходный звукъ отъ *о* къ *а*. Окончаніе -ой (изъ -ыи или -ъи) или его фонетическіе замѣстители существуютъ въ большей части великорусскихъ говоровъ, кромѣ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ сѣв.-влкр. и южновлкр., гдѣ извѣстны, большею частью не подъ удареніемъ, окончанія, восходящія непосредственно къ окончанію -ый (или -ъи) съ ы (ъ) особаго качества. См. Шахмат. Мосальск. и др.

Въ род. пад. ед. муж. рода подъ удареніемъ -о́в᷑ (вмѣсто -оγо́); отъ слова тритéj — трито́въс᷑; не подъ удареніемъ — -ъвă, -ьвă съ ихъ фонетическими измѣненіями (въ -ъў, -ьў при ослабленіи окончанія; въ -ywă изъ -въвă, наприм.: цалко́ywă, здаро́ўwa и т. н. См. выше, т. 43, стр. 210—213, отд. отт. 58—61).

Форма мѣстн. пад. един. ч. муж. рода можетъ замѣняться формой творит. пад., но не наоборотъ. Ср. то же въ мѣстоим. тот и обратное явленіе у мѣстоименій им и кѣм. Примѣры: в jиравы́м, Васи́лиским (= въ Васильевскомъ) и пр. Примѣры изъ записей крестьян: У Миши Байкова: въ зиленомъ, во-сыромъ бору, въ темномъ, въ чистомъ, но: вомоемъ сырымъ бару. У Аннушки Акимовой: ва иванаскимъ, взилянымъ, вчистымъ. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ между прочимъ: в зиляны́м саду́, нă златы́м пясо́чки и др.

Впрочемъ, не подъ удареніемъ, наоборотъ, можетъ даже и въ твор. пад. (но не послѣ *к* и *г*) слышаться глухой звукъ, склонный къ *а*, при пѣніи и нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ проясняющійся въ *а*. Ср. у Аннушки Акимовой: падракитавамъ кустомъ.

Въ един. числѣ женск. рода формы род., дат. и мѣст. падежей всегда совпадаютъ; даже въ пѣсняхъ полныя фор-

мы на -оѣ не встрѣчаются, но твор. на -ю употребителенъ не менѣе, чѣмъ укороченный творит. на -оj (=формѣ род.-дат.-мѣстн. пад.) не только въ пѣсняхъ, но и въ разговорѣ.

Винит. един. ч. женск. р. подъ удареніемъ всегда -у́ю (-ю́ю), не подъ удареніемъ — -ъю, -ăю, -йю. Примѣры: у Миши Байкова: въ теплую, солдатскую (ск. про Копчён.), нашерокую, любезную (пѣ.) и др. орѳографическія написанія, но также: всамою полночь (нѣсколько разъ), невлалою (чит.: не въ малую, пѣ.), незнакомою (пѣ.), шелковою то травушку (пѣ.), котораю (ск.), маленькою (ск.), на родимою (пѣ.), перво(я)ю (пѣ.); чужу далнею (пѣ.), нехорошею (пѣ.), прихожію (ск.). У Аннушки Акимовой: горькаю, шелковаю. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ не подъ удареніемъ вездѣ *-аю* и т. п. Объ этомъ винит. я говорилъ уже въ фонетикѣ (т. 44, стр. 189—190, отд. отт. 37—38).

Множ. число. Во множ. числѣ формы прилаг. однѣ и тѣ же для всѣхъ родовъ.

Имен. множ. -ăи, -ыи, -ии, иногда -ый, -ий; подъ удареніемъ -ы́и, -и́и; рѣдко въ пѣсняхъ -ы́й. При пѣніи: -аи, -ыя, -ия и рѣдко -ая не подъ удареніемъ, а подъ удареніемъ -ы́и, -и́и, рѣдко -ы́я, -и́я. У Аннушки Акимовой: все пуховаи маи падушки, сизаи. См. также выше, т. 44, стр. 185—186 (отд. отт. 33—34).

Остальные падежи множ. числа не подъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ (кромѣ г, к, х) имѣютъ гласную не *ъ*, а *ă*, проясняющееся въ *а* (ср. творит.-мѣстн. единств.). Поэтому при пѣніи: висо́лами гла́скăми, изъ бе́лăх ру́к и т. п. Но: саве́йскиγ дифчо́нăк, васи́лисках стару́х, сла́тким мо́лъцду ричам, ма́линких и т. д., а подъ удареніемъ во всѣхъ падежахъ—гласныя ы, и: злы́х, люцки́м, мълады́ми и т. д. Изъ этого видно, что окончаніе -ăх, -ăми, -ăм не есть остатокъ стараго безчленнаго склоненія прилагательныхъ, а позднее приспособленіе скло-

ненія прилагательныхъ къ склоненію существительныхъ причемъ уподобленіе произошло только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ падежныя окончанія прилагательныхъ представляли уже сами по себѣ наибольшее сходство съ падежными окончаніями существительныхъ, т. е. подъ удареніемъ, такъ какъ звуки ъ и ы близки другъ къ другу.

Прилагательныя, склоняющіяся по образцу мѣстоименія чej (лисій, заячій, коровій, телячій, поросячій и т. п.) въ общемъ придерживаются этого склоненія. Срв. дéвичjў (вин. един. жен. р.), дéвичjи (имен. множ.). Числительное трéтьj склоняется не по этому склоненію: женск. р. трéтья̆, род. трéтьвă, трéтьj и т. д., вин. един. женск. р. трéтю, трéтйю (и третью). Ср. нарѣчіе трióвъс̀. Возможно, что переходъ этого слова въ другое склоненіе совершился сравнительно поздно и вызванъ уподобленіемъ *j* предшествующему *m*, т. е. трéтьвă и т. д.— изъ трéттєго и т. п. Ср. плáтть, плáтицă. Тогда трéтю, быть можетъ,— не безчленная форма, а = трет̀тю = трéт̀jу (изъ третьюю). Отъ слова Бóжъj женск. р. Бóжъя̆, но род. муж. Бóжjъвă; вин. женск. р. Бóжju и Бóжью. Въ одной новогодней пѣснѣ есть дат. един. ж. р.: ка Бажój цѣр̀кви паткáтыwуцца (саночки).

Въ одной пѣснѣ: „понивой рекѣ“ (у Миши Байкова) = по Невѣ рѣкѣ.

О согласованіи прилагательныхъ см. выше и ниже въ синтаксисѣ.

Образованіе сравнительной степени.

бóли, дáли, падáли, тóни, мéни, зарáни, вы́шы, ни́жы, бли́жы, пусс̀и, пажéсс̀и (= пожеще, а не пожестче) и др. Примѣры: „прошло болѣ полчаса“ (Миша Байковъ), ф тúхъм мóри чирт̀éj бóли“ (послов.), „ступáj ат нáс падáли, штоп лю́ди ни видáли“, „клубóг дáли, дáли, дáли, нйткъ тóни, тони, тóни“ (вьюношная пѣсня) и т. д. Эти

сравнительныя степени восходятъ, вѣроятно, къ общеслав. формамъ средн. рода сравн. степ.: болѣ, далѣ, мьнѣ, тънѣ, раѣе, пуще, жеще [1]) (щ = štj) и т. п. Звукъ *и* вмѣсто ă на концѣ этихъ формъ — или подъ вліяніемъ сравнит. на -ѣе или фонетически (см. выше, дополненія и поправки къ фонетикѣ).

Отъ багáт сравнит. степень — багáйши. Звукомъ й въ этой формѣ замѣненъ звукъ *и* подъ вліяніемъ съ одной стороны формы сравн. богатѣје, съ другой — положит. степ. богатъ.

длиньшы, долшы, крепшы, чижелшы (рѣдко: чижéли) могутъ восходить къ общеслав. формамъ женск. р. сравн. степ.: дълиньши, крѣпльши, тажельши.

лýччи, мя́кчи, лéхшы, лéкшы и лéхчи, шы́пчи (у Миши Байкова: шибче) и др. При лýччи существуетъ и болѣе старое лýчшы.

Отъ нарѣчія хърашéнкъ сравнит. степ.—хърашéйчй, очень часто употребляется въ томъ же значеніи, какъ и положительная.

Отъ большей части прилагательныхъ сравнит. степ. образуется при помощи суфф. -ѣе (и -ѣй) съ его фонетическими измѣненіями. Изъ новообразованій съ этимъ суффикс. можно отмѣтить: жылчéј (приб.), гарчéј и т. д. (подъ ударéніемъ въ этой сравн. всегда — -éй или -éј, никогда — -я́ј и т. п.).

Иногда сравнит. степ. принимаетъ въ концѣ наставку -чă: мудринéичă, скарéдчă и т. п.

Членныя формы прилагат. въ сравн. степ. употребляются слѣдующія: балшóј, миньшóј, стáршъј или старшóј, млáтшъј, лýччьј, причемъ слово балшóј часто не имѣетъ значенія сравнит. степ.: балшòј брáт = старшій братъ въ семьѣ, но балшòј дóм — полож. степ.

---

[1]) Образованное, какъ и прочія сравнит. на *е*, непосредственно отъ корня жест-, а не отъ основы жестък-.

Объ представкахъ и суффиксахъ съ увеличительнымъ значеніемъ я буду говорить въ отдѣлѣ о словообразованіи, потому что такія слова, какъ ръзудáлъj, балшýщьj и т. п. не могутъ быть названы формами превосходной степени.

II. СПРЯЖЕНІЕ

3-е л. един. и множ. ч. наст. (и буд.) врем. всегда оканчивается на *т* твердое, и это *т* никогда не отпадаетъ (кромѣ, конечно, фонетическаго положенія послѣ *с* и т. п.). т̡ (мягкое) сохранилось только въ jесть = есть, въ выраженіи Бóзнъть и въ словѣ нáдъть (ср. у М. Б.: надать; въ ск., запис. мною: стáл ътаманý калцò давáт нáдъть и др.); очень рѣдко: Бóх вись, но: Бóγ знájт. Въ нáдъть окончаніе т̡ явилось тогда, когда окончаніе 3-го л. глаголовъ было еще мягко; почему эта мягкость сохранилась, трудно сказать. Въ бóзнъть, быть можетъ, мягкость *т* даже вторичная, благодаря выпаденію j. У Чернышева въ его описаніи средневеликор. говоровъ Моск. у. — „бóзнать“ (стр. 21) съ *т* твердымъ, зато отмѣчено еще „мóжить“ (стр. 27 и др.) въ значеніи „можетъ быть“, но надо думать, что эта форма получилась изъ „можетъ быть“ черезъ стяженіе. Въ Парфёнкахъ: мóжът. мóжъдбъть, можбъть и, иногда, мóжъть.

т твердое въ окончаніи 3-го л. представляетъ характерный признакъ всѣхъ сѣв.-влкр. и ср.-влкр. говоровъ. Среди окающихъ говоровъ т̡ отмѣчено только въ одной мѣстности. Олонецк. у. (Мâтер. 29), но этотъ говоръ вообще выдѣляется изъ сѣв.-влкр. и другими чертами: въ немъ послѣдовательно γ вмѣсто *г* (что, впрочемъ, кажется, нельзя считать совсѣмъ несвойственнымъ сѣв.-влкр.), въ нѣкоторыхъ словахъ странно *а* вмѣсто *о*, въ глаголахъ никогда не бываетъ стяженія... Изъ тѣхъ акающихъ говоровъ, которые имѣютъ *г* взрывное и дру-

гія сѣв.-влкр. черты, т̓ въ окончаніи 3-го л. отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ Псковск. губ., въ Тамб. Шацк. и нѣк. др. Формы 3-го л. безъ *т* въ ср.-влкр. говорахъ совсѣмъ не встрѣчаются, въ сѣв.-влкр. — преимущественно въ западныхъ (Новгор., Олон., Псков., Арханг.), а въ ю.-влкр. — почти повсемѣстно, кромѣ мѣщанскихъ говоровъ, но только въ един. ч.

Къ окончанію возвратныхъ глаголовъ въ 3-мъ л. *т* никогда не приставляется: б а и́ ц̓ а, с̓ п и́ ц̓ ъ, у́ ч у ц ъ и проч. [1]).

2-е л. множ. оканчивается всегда на *-ти* (безъ ударенія). Формы на *-тя* въ говорѣ самихъ Парфёнокъ, дер. Курова, с. Васильевскаго не встрѣчаются, но въ сосѣдней Спасъ-Нудальской волости Клинскаго у. (дер. Салькова—въ 5½ в. отъ Парф. и др.), а также къ югу отъ Парфёнокъ въ дер. Ивакинѣ (верстъ 10 отъ Парф.) составляютъ обычное явленіе. Ср. у Чернышева въ Моск. у. Въ ю.-влкр. почти вездѣ -тя (но возвр. -тися).

Такъ назыв. 1-ое и 2-ое спряженія, какъ и въ литературномъ и почти во всѣхъ ю.-влкр. говорахъ, различаются только подъ ударе́ніемъ. Въ глаголахъ 1-го спр. изъ е́ всегда—о̓: и д̓ о́ ш, н и с̓ о́ ш, в и д̓ о́ т и, ж ы в̓ о́ м и пр. е́ въ этихъ формахъ (а въ 1-мъ множ. частью о̓) извѣстно какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣв.-влкр. говорахъ, но въ ю.-влкр. это е́ — какъ то чересполосно: въ говорахъ смоленск. и мосальскаго типа и въ говорахъ преимущественно вольныхъ селъ Тульской, Рязан. и др. губ., Донской Обл. и пр.; въ сѣв.-влкр. такое произношеніе сосредоточено преимущественно въ западной части (именно въ Олон.), хотя, кажется, существуетъ и въ Волог. Кадник. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ ср.-влкр. нарѣчіе ближе къ восточнымъ сѣв.-влкр. говорамъ, чѣмъ къ западнымъ.

---

[1]) Кажется, это приставное *т* въ окончаніи 3-го л. возвр. глаголовъ рѣдко. Между прочимъ ср. въ Тихон. вол. Калужск. у.: у́чюцют̓, зыба́вля́юцют̓ и т. п.

Въ 3-мъ л. множ. ч. не подъ удареніемъ всегда *-ут* (или: -ўт послѣ мягкой), въ остальныхъ лицахъ, кромѣ 1-го един., гласная окончанія та, какая должна получиться фонетически изъ *е*, т. е. послѣ шипящихъ — ъ или ъ, проясняющійся при пѣніи въ *а*, послѣ мягкой согласной — *и* или ъ, а при положеніи послѣ (ударяемой) гласной + j изъ j + гласная личнаго суффикса получается j̇, составляющее съ предшествующей гласной долгій дифтонгъ (ср. т. 44, стр. 207). Такимъ образомъ глаголы съ удареніемъ на основѣ въ нашемъ говорѣ, какъ и въ другихъ ср.-влкр., ю.-влкр. и бѣлор., всѣ принадлежатъ фактически къ 1-му спряженію.

Примѣры на окончаніе 3-го л. множ. ч. Миша Байковъ пишетъ: ходютъ, ѣздютъ, приходютъ, гонютъ, видютъ, понадобются и гонятъ (4 раза); послѣднее написаніе — орѳографическое.

Въ моихъ записяхъ: ка́тюца, пъхаро́нёт, саску́чўцъ, заста́вёт, wо́дёт, стано́ўцца, хо́дют, що́рют, лю́бёт, падло́мёт, бе́гъj̇ўт, игра́ют, ду́муj̇ўт и пр.

Объ формахъ глаголовъ хочу, дышу́, бѣгу, могу́, лягу см. ниже. По ударенію можно отмѣтить: тащю́, та́щит или то́щит (пато́щит) и тащи́т, та́щют и тащя́т; и́дут и иду́т (но всегда: иj̇до́т); прикати́т, катя́т и ка́тюцца, ко́тют; упа́дьт и упаj̇до́т и т. п.

Стяжёныя личныя формы глаголовъ попадаются только не подъ удареніемъ, чаще всего въ глаголахъ съ суф. -ыва- или -ива- (-ова, -ева). Къ приведеннымъ выше (т. 44, стр. 205) примѣрамъ прибавлю еще: я ка́шлю, ана ка́шльт, фсю́ ты зъвалякъш рубаху, зграба́стът, зафся́ўды страмни́чъ²т, я ду́му, што́ ты ду́мъш и пр.; въ приб.: што́ ты де́лаш, я́ ти да́м и т. п., выгля́дыwӓт. Формы 1-го л. множ. со стяженіемъ мнѣ не встрѣчались. Въ глаголахъ на -ыва- при стяженіи самый суфф. -ыв- претерпѣваетъ нѣкоторыя фонетическія измѣненія, напр.: я бра́ту пажа́луwус, Ал́онъ имъ пака́зуwъ²т и пр. (если только пажа́луwус—изъ пожало(ы)ваюсь, а не сдѣлка между этой формой и ф. пожа́луюсь. Ср. также млр. ў вмѣсто j̇ въ та-

кихъ глаголахъ). Подобное стяженіе наблюдается и въ другихъ влкр., преимущественно сѣверныхъ и среднихъ, причемъ въ первыхъ, а также въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ—даже подъ удареніемъ. Ср. у Чернышева въ Свѣд. о нѣк. говв. Моск. у. стр. 11, 27, 35, 42, 31 и у Будде въ говорахъ средневлкр. типа Тульской губ. Въ ю.-влкр.— рѣдко, ср. впрочемъ у Филатова въ Вор. даже знаш.

Глаголы ѣсть и дать со сложными спрягаются, какъ и въ Московск.: jем, jеш, jесᵀ, jидúм, jидúти, jидя́т; дáм, дáш, дасᵀ, дадúм, дадúти, дадýт, причемъ формы отъ дам, какъ и въ Моск.,—въ значеніи буд. соверш. вида. Формы 2-го л. един. даш, jеш, вѣроятно,—не изъ повелит. дажь, ѣжь, а по аналогіи съ другими глаголами [1]). Какими причинами вызвано общерусское дадут вм. дадят, для меня неясно. Ср. мосал. и бѣлор. ядýть (Колосов. Обзор, 244). Отъ глаг. быть въ изъяв. наст. сохранилась только форма jесᵀ для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. Отъ глагола вѣмь извѣстна, да и то почти не встрѣчается форма 3 л. ед. вéсᵀ въ выраженіяхъ: Бóх вис̑ (вес̑) и нéвиш што́, нéвис̑ хто́. Энклитическое вит̑ или ит̑ (= вѣдь = вѣдѣ) употребляется исключительно, какъ частица. Можетъ быть, остатокъ нетематическаго спряженія имѣется и въ выраженіи Бóзнъ̑т̑ (гдѣ знъ̑т̑ тогда= знать или знаать), но скорѣе надо думать, что это знъ̑т̑ изъ зна́д̑т̑ или зна́jт.

Слово „говоритъ“, какъ вводное, для передачи чужой рѣчи, получаетъ форму гъвă̑ъ̑т или гwă̑р̑т (ᵒўă̑р̑т, причемъ слоговымъ является здѣсь скорѣе р̑, чѣмъ *а*), также гъў̑т, гыт и гът. Въ томъ же значеніи, но съ оттѣнкомъ несогласія говорящаго съ передаваемыми словами — дьскъ̑т.

---

[1]) Архаичныя формы даси́, ѣси́ теперь сохранились только въ малор., бѣлор. и части сѣв.-влкр. Надо думать, что исчезновеніе ихъ въ другихъ говорахъ сравнительно позднее.

Повелительное наклоненіе.

Конечное *и* неударяемое отпало вездѣ съ сохраненіемъ (по большей части) мягкости предшествующей согласной, а *и́* — только въ трехсложныхъ и многосложныхъ формахъ, причемъ ударе́ніе перенесено на основу. Къ примѣрамъ, приведеннымъ въ 44 т., стр. 202, добавлю: ни тро́ш, ни варо́ш; ты напо́j, нъкарми́; вы́нис̀ (= вынеси) и пр. Чаще, впрочемъ, это *и́* не отпадаетъ: нъкарми́, принеси́, пъкажы́, астънави́с̀ паслу́шъj и т. п. Въ двусложныхъ повелит. съ *и́* на концѣ это *и́* сохраняется: неси́, види́, лажы́с, скажы́, сади́с, глии́-глии́ и пр. Повел. по̀т (= подь), вѣроятно, изъ по́йди (ср. по́хороны, по́гребъ, по́нялъ и пр.), а въ пади́ или па̀йди ударе́ніе на концѣ вторичное. гля́̀-къ-с̀ не изъ гляди́-ко-сь, а изъ глянь-ко-сь. Впрочемъ, ср. у Чернышева въ Свѣд. о нѣк. говв. Моск. у. пой, дой (стр. 54). Я слышалъ только сложныя: напо́j, ни до́j и пр. (односложныя формы могли быть извлечены уже изъ этихъ сложныхъ). Отпаденіе гласной въ формахъ повел. накл. вызывается тѣмъ, что значеніе повел. требуетъ болѣе быстраго темпа рѣчи вмѣстѣ съ усиленіемъ ударенія. Кажется, такія сокращенныя формы повел. въ сѣв.-влкр. (гдѣ вообще гласныя выбрасываются не такъ охотно) рѣже, чѣмъ въ ю.-влкр. (ср. у Чернышева въ Свѣд. о Моск. у., стр. 54 и 61 и др.), но все-таки встрѣчаются, ср. Симб. (Мотовиловъ, Симб. молвь, 12): подь, положь, покажь, затворь и др.

j ѐт̀, п а̀ j е́̀т̀ (и п а j е́̀т̀), j е́̀т̀ти и т. п. — повел. отъ глаг. ѣхать, отъ основы наст. врем. То-же — и въ разныхъ другихъ говорахъ, какъ сѣв., такъ и южныхъ.

а̀ б а б р и́, п ъ д а б р и́с — повел. отъ ъбабри́т̀, пъдабри́ццъ̀.

л я к, л я́ к т и и (п р и) л я́ ш, (п р и) л я́ ш т и; н и т р о́ ш и н и т р о́ к — повел. отъ мя́гу и тро́ну (трогаю) [1]). Ср.

---

[1]) При ни тро́к и ни тро́ш (только съ отрицаніемъ!),

въ Мещов. ляжь, не трожь; Буйск. не трожь (Мат. 18) и др. Безъ ударенія только: трóгăj и трóй.

Союзы хош (хăш, хуш) и хоть (хăть, хуть) и частица иш по происхожденію — формы повел. наклоненія = старымъ хочь (отъ глаг. хóчешь, inf. хочи), хоть (отъ глаг. хотúшь и пр., inf. хотѣть) и вижь (отъ глаг. вижу).

ни зáм употребляется только, какъ союзъ; впрочемъ, чаще: ни замáj отъ глаг. зajмáть. Ср. выше, т. 44, с. 209.

Отъ глаголовъ ѣсть и дать повел., какъ въ литерат.— jеш (=ѣжь) и дaj (вмѣсто дажь).

Повелит. нерѣдко соединяется съ частицами -ка и -ка-сь: трóнкă, пакáшкă или пъкажúкă, дajкă или дáкъ, дáкъсь (наприм.: „дáкъ мнé писмóтъ“ ск.), глúкъсь, „пăлюбúкъ сь минь мúлинькăj“ (пѣ.). Въ записи Анны Аким.: паглядика (пѣ.). Ср. дакось у Колос. Зам., новг.; у Черныш. Моск. у., стр. 15) [1]. Такимъ употребленіемъ частицы ка вызвано повелительное (правда, рѣдкое): хърашéнъ при хърашéнкъ. Эта форма получилась изъ такихъ выраженій, какъ: хърашéнкъ дивó и т. п. (чаще въ сравн. степ.: хърашéнчь).

1-е л. буд. врем. безъ мѣстоименія 1-го лица употребляется въ значеніи adhortat., наприм.: пajдý къ я схажý к нямý. 1-е л. множ. такого futuri adhortativi употребляется въ обращеніи къ одному второму лицу и обозначаетъ предложеніе совершить извѣстное дѣйствіе (обозначенное основой глагола) совмѣстно съ предлагающимъ: пajдóм, кýпим; схóдим; пасмóтрим и пр., наприм. въ пѣ.: „Станимъ пити и гулúть“ (Как на гóр-

---

мнѣ кажется, слѣдуетъ предполагать несохранившуюся форму настоящ. трогý, трóжетъ при inf. трочú или трóчь, какъ лúгу при infin. лечь, могý—мочь. Тогда ни трóк — изъ не трогú, а послѣднее — вмѣсто не трозú.

[1]) Объ этихъ частицахъ см. акад. А. И. Соболевскаго: Изъ исторіи русскаго языка. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, октябрь, замѣтки VII и VIII.

ки) или: „Пайдо́м, Ду́ня, ва лясо́к..., сарво́м, Д.; лапушо́к.... сашйо́м, Д., сарафа́н...“ (здѣсь лицъ, отъ которыхъ исходитъ предложеніе, нѣсколько: „Во кузницѣ... молодые кузнецы; они... къ себѣ Дуню приговариваютъ“). Для обозначенія множественности вторыхъ лицъ, къ которымъ обращено предложеніе, употребляется та же форма съ присоединеніемъ окончанія 2-го л. множ. — *ти:* падо́мти, ста́нимти, ку́пимти, пъзаво́мти, сашйо́мти, спайо́мти и пр. Ср. въ величал. пѣ.: „Пайдо́мти мы де́ушки да фсѐ па дали́нушки, збиро́мтис мы де́ушки да фсѐ па палти́нушки“, и пр. [1]). Такимъ образомъ соотношеніе по значенію между пайдо́м и падо́мти=пойди : пойдите и т. п.; пайдёмъ со мною = иди со мною; пойдёмте со мной = идите со мной. Ср. ю.-вр. (Орлов. и др.) пашо́лтя : пашо́л = иди́тя : иди́ = пойдёмте : пойдёмъ.

Такъ же образуется множ. ч. и отъ частицъ, получившихъ значеніе повел.: ну́ — ну́ти, на́ (= бери) — на́ти (берите), напр. въ приб.: „нати ма́йчикă мавó, карми́ти с па́йчикă явó“.

Другіе способы выраженія повелит.: 1. формой прош. врем.; только: пашо́л, пашла́, пашли́ и, рѣдко, пайе́хъл, -ли; 2. формой infin.: малча́ть, назва́ть иво́ суды́ и пр.

Описательная форма adhortativi или 1-го л. повел.: дава́йи дава́йти съ формой 1-го л. будущ.: дава́й скажу́, дава́й пъсаве́тăим и пр. Рѣдко — дава́й съ формой 2-го л. един. повел., ср. у М. Б.: довай суши сухарей (ск.).

Форма повелит. можетъ сохраняться и въ придаточныхъ предложеніяхъ: зна́йш што зде́лăй и пр. У Анны Аким.: паслушай што скажи (пѣ.).

---

[1]). Въ пѣсняхъ иногда „ти“ не прибавляется, наприм. въ только что приведенной пѣснѣ дальше поется: „Накупим мы де́ушки духо́в да пама́душки“ и пр. См. мою замѣтку: „О нѣкоторыхъ новообразованіяхъ въ русскомъ яз.“ (Мелкія замѣтки... III, Ж. М. Н. Пр. 1902, іюнь).

Основы наст. врем. и повел.

О смягченіи согласныхъ передъ личными окончаніями глаголовъ см. выше, фонет., т. 45, стр. 234 и 251—252.

Въ глаголахъ съ основой 1-го л. един. ч. на старую смягченную согласную эта согласная сохраняется вездѣ въ 1-мъ л. един. ч., кромѣ немногихъ глаголовъ, перечисленныхъ ниже, наприм.: ста́влю, сы́плю, гра́блю, становлю́, куплю́, кормлю́, люблю́ и пр.; ношу́, кошу́, хожу́, грожу́, вожу́ (2-е л.: во́дит и во́зит), кра́шу, ви́жу, плачу́, пущю́, грущю́, пригвожжю́ и пр. Въ остальныхъ лицахъ въ глаго́лахъ 1-го спряженія съ основой на губную + л̀ это л̀ по большей части не сохраняется по аналогіи съ глаголами 2-го спряженія, наприм.: сы́плю, сы́пишь, сы́пют; трипл'ю́с, тре́пьсса̀, тре́пющца̀, но си́пльт (ср. т. 45, стр. 234). Но у глаголовъ ѣздить, лазить, елозить, полозить, пона́добиться (и др.?) и въ 1-мъ л. ед. ч. въ окончаніи основы является не старая смягченная согласная, а та же, что и въ остальныхъ лицахъ; при этомъ между этой согласной и окончаніемъ 1-го л. един. вставляется *ц̑*: је́здию, ла́зию, јило́зию, пана́дъбиюс. Вѣ́роятно, здѣсь дѣйствовала аналогія съ глаголами на *-ѣтъ*. (См. ниже). Отъ крихте́т̀ (кряхтѣть) 1-е л. един.: хрихчю́ и крихтю́.

Въ глаголахъ 1-го спряженія съ основой 1-го л. ед. на твердую задненебную въ тѣхъ формахъ, гдѣ общеславянскій и общерусскій языки имѣли свистящую согласную, являются исключительно средненебныя согласныя: бириги́, с̀тириги́, ни маги́, биги́ (о ф. бижы́ см. ниже), тики́, ники́, тки́, ляк (вмѣсто лягь изъ ля́ги, ср. црк.-слав. лазѫ) и пр., а въ тѣхъ формахъ, гдѣ въ общерусск. имѣлась шипящая, послѣдняя обыкновенно сохраняется, не поддаваясь аналогіи формъ съ основой на задненебную: мо́жъм, бирижо́м, с̀тирижо́м, ля́жъм и пр. (ср. то-же явленіе въ именномъ склоненіи). Но въ глаголѣ жгу и нѣкоторыхъ глаголахъ съ основой на *ж* звукъ *г* и *ж* можетъ

быть во всѣхъ формахъ настоящ.: ж҃жот, ж҃жоццѧ и, чаще, ж҃го́т, заж҃го́т; пичо́т и пи҃кот и т. д., причемъ эти г҃ и к҃ въ свою очередь могутъ переходить въ д҃ и т҃, откуда ждот = жечь и ждеть, пит҃о́т и пр. Въ глаг. тку —т҃кош, т҃кот и пр. и тачо́м (не тчош!). См. также выше, фонет., т. 45, стр. 251—252.

Съ другой стороны, личныя формы съ основой на шипящую повліяли на другія личныя формы, откуда — ля́жу, ля́жут, рядомъ съ ля́гу, ля́гут, повел. ляш; изрѣдка—3-е множ. мо́жут (но чаще: мо́гут). Что касается повел. биги́ и бижы́, то они — отъ разныхъ глаголовъ.

Какъ отмѣчено выше, 1-е л. един. ч. глаголовъ лазить, ѣздить, елозить, ползить, понадобиться образуются отъ распространенной основы (— на -ию); въ остальныхъ формахъ распространенная основа рѣже; обыкновенно: је҃здит, ялозит, палозит, анѣ панадъбюццѧ. Въ загадкѣ: „Ма́льнкъј Ъфана́сьј по́ пълу јило́зит, жо́пу ни зано́зит“. У М. Б. въ пѣ.: „много ходютъ ѣздютъ“. Отъ сложныхъ съ лазить повел.: слаз҃, выла́з҃. Но встрѣчаются отъ этихъ глаголовъ и образованія съ распространенной основой: ла́зиш или ла́зиш, је҃здиот, је҃здиют, ла́зиют, пало́зиют и пр., повел. је҃зди, с҃је҃зди (изъ: је҃здиј), ср. у М. Б.: съѣзди, съѣзди. Иногда встрѣчается повел. сла́зиј въ значеніи, нѣсколько отличномъ отъ слаз҃ (1-е — въ значеніи соверш. вида, обозначаетъ направленіе, куда, = полѣзай куда-ниб. и слѣзь обратно; рѣдко въ значеніи = слаз҃, а это послѣднее — несоверш. вида, = слѣзай) [1]. Аналогично съ этими глаголами образуютъ формы отъ распространенной основы на *ij* глаголы мучить, полегчить, саднить: му́чию, му́чиш, мучїоїот, повел. му́чиј или муч; пале́хчиот; ра́ну са́дниот. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь и старыя основы на *n*. Ср. литерат. му́чаю и му́чу (у Пуш-

[1]) Отъ лазить употребляются только сложныя слазить и вылазить = слѣзать, вылѣзать. Съ другими предлогами употребляются только сложныя съ -лѣзать: вляза́ј, пъляза́ј и пр.

кина въ „Черни“ — второе: „Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ“).

Глаголы тереть со сложн. и сложн. съ переть (отпереть, запереть и пр.) образуютъ формы настоящ. и повелит. отъ инфинитивной основы. См. выше, т. 46, с. 149. Эти формы — новообразованія, вызванныя стремленіемъ къ уравненію основъ.

Глагольныя основы на *ова* и *ыва*, *ева* и *ива*, если ударе́ніе не на этихъ суффиксахъ, не всегда различаются. Ср. завúдъwу, пажáлўwус, анé пóччьwут, прóбъwут, (А҃онъ јим) пакáзуwът и пр. (ср. выше, т. 44, стр. 189); отъ глаголовъ съ суфф. *ова* и *ева* (не ыва и ива) употребляются и формы на *ую*, *ою* и пр., напр. прóбуют, прáзнўют, с҃лéдуит (и: с҃лéдуwът) и пр.; *у* въ окончаніи основы можетъ переходить въ болѣе открытый гласный звукъ, можетъ быть, благодаря сближенію съ глаголами на *ать*. Ср.: дава́j пасавéтаим (приб.). Подъ ударе́ніемъ отъ глагол. на *овать*, *евать* всегда ýю, *ою* (не ываю и т. п.): барнýю, далýю, таргýю, дивýюс, дивýица, днюит и начуит, грустýитаскýит и т. п.

сава́т҃ (не: сут҃), сую́, сýjти, ср. кава́т҃, кую́, кýjти.

Глаголы на *-ава́ть* (съ общерусскимъ *а*): дава́ть, -става́ть, -знава́ть, скидава́ть (и др.) образуютъ настоящ. только на -аю́ (не: ава́ю!): даю́, фстаю́, дъстаю́, признаю́, скидаю́, дajóт, фстajóт, скидajóт и пр., повел.: дава́j, -става́j, скидава́j.

Точно также образуютъ формы настоящ. врем. безъ суфф. *-ва* глаголъ пъчива́т҃ (быть можетъ: подсѣва́ть въ шепелявомъ произношеніи? обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето) и нѣкоторые изъ глаголовъ на *-ъва́ть*: дява́т҃ со сложными, ръзява́т҃, ăдълява́т҃, пъс҃пава́т҃. *Примѣры:* я ни зна́ю, куда́ wон пýтъ дijóт; нъдию́, ăдию́с, ръзijóт, зъдijóш, миня́ с҃мéх ăдълijóт, я́гъды пъс҃пию́т, ана́ рóш пъчijóт (пъц҃ijот?) нъ гувнé. М. Б. пишетъ: одиюсъ (ск.). Но повел. дявáj, ръзявáj, ъдивájсъ и пр. Отъ другихъ гла-

головъ на *-ѣва́ть*, какъ -сѣва́ть, -пѣва́ть, -грѣва́ть и т. п. формы настоящ. — на *ва́ю*: высява́ѣти, зъпява́ѣт.

Отъ глаголовъ на *-ывáть* и *ивáть* (выпивать, выливать, вымывать, покрывать и пр.)- настоящее всегда — на *-ва́ю*.

Отъ глагола одолѣ́ть въ Васильевскомъ я слышалъ форму 3 множ.: клапы́ ѣдаля́т. Эта форма образована по аналогіи съ другими глаголами съ основой infin. и прош. на *-ль*, наприм.: сидѣть, висѣть, хотѣть, глядѣть и проч.

Объ глаголахъ трепать, стонать, щипать, махать и пр. см. ниже въ главѣ объ образованіи видовыхъ основъ.

Инфинитивъ.

Infin. почти всегда кончается на мягкую согласную (т̓, с̓ и ч), что вызывается отпаденіемъ конечнаго *и* (хотя бы и ударяемаго), а въ двухъ глаголахъ — вторичной наставкой т̓. Къ формамъ infin. возвратн. на -цѣ окончаніе т̓ не присоединяется (ср. подобныя окончанія въ Касим. и Калуж.). Отъ сложныхъ съ ити́ть встрѣчается иногда и infin. на -ти́. См. выше, т. 44, с. 202. Прибавлю нѣкоторые примѣры. Въ записяхъ Миши Байкова: запась (ск.), почесь (ск.), пройдти, идтить, уйтить (всѣ три примѣра изъ пѣсенъ). Отмѣчу infin. возвратн. найти́ццѣ.

Въ окончаніи ти послѣ гласной неударяемое *и* только въ пѣсняхъ, наприм.: „Мне па тра́wушки ни ха́жывати, мнѣ мила́ друшка̀ за ру́чиньку ни ва́жывати“ и т. п. Изъ другихъ великорусскихъ говоровъ это *и* сохранилось только въ части сѣв.-влкр., а именно, въ арханг., вятской, новгор. (ср. матер. 20) и тоболь. (ср. матер. 21) губ., см. у Колосова, Замѣтки, стр. 229 (Вят.).

Кромѣ ити́т̓ и и̓т̓ти̓т̓ отъ того же глагола встрѣчается и infin. иди́т̓, пайди́т̓ и пр., но рѣдко. Здѣсь *д* — изъ формъ наст. врем. (изъяв. и повел.). Ср. то-же въ Курск. (Колос. Обзор, 240), Мещовск. (Чернышевъ, Ме-

щовск. и Дополн. къ Мещовск.), Калужск., Медынск. и Перемышл. (по моимъ записямъ; въ этихъ 3-хъ уѣздахъ я слышалъ только такое произношеніе). Въ ср.-влкр., повидимому, infin. идить рѣдокъ, а въ сѣв. пока, кажется, совсѣмъ не отмѣченъ.

Отъ жму infin. — жа̀ть, прош. — жал.

Прошедшее время.

Прошедшее время выражается, какъ въ литер. и другихъ влкр. говорахъ, причастіемъ на *-л* безъ вспомогательнаго глагола. Тѣ-же причастія, но только совершеннаго вида, съ формой средн. рода прошедш. вспомогат. глагола: былъ (или был, гдѣ конечная гласная отпала) употребляются для обозначенія предпринятаго, но не совершеннаго дѣйствія: он был уби́лсă, он был пае́хăл. Средн. родъ прич. прош. вспомогат. глагола быва́лъ съ причастіями на *-л* несовершеннаго вида обозначаетъ дѣйствіе, обычно повторявшееся въ прошедшемъ: он быва́л ка́жын де́нь туды́ хади́л и т. п. (то же и въ литерат. яз.), а съ личными формами изъявительнаго наклоненія — одно изъ обычныхъ повтореній въ прошедшемъ извѣстнаго дѣйствія, разсматриваемое или въ его длительности (съ личными формами наст. врем.) или, какъ совершившееся (съ личными формами будущ. врем. соверш. вида). То же и въ литературномъ языкѣ.

Для обозначенія начатого въ прошедшемъ дѣйствія употребляются формы прошедш. стал или на́ча́л (согласов. въ родѣ и числѣ съ подлежащ.) съ infin. несоверш. вида безъ указанія на продолженіе начатого дѣйствія или частица ну́ съ infin. несоверш. вида, заключающая въ себѣ указаніе на послѣдующую продолжительность или интенсивность начатого дѣйствія: ну́ гъвари́ть = началъ усиленно или много говорить, говорилъ. Въ томъ же значеніи: *дава́j* съ infin. Ср. у Миши Байкова: „и давай попа ругать“ (ск.), и иногда: *пашо́л*, согласов. въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ.

О прошедш. и ш о́ л см. въ 46 т. стр. 150. ишо́л распространено въ малор., бѣлор. и ю.-влкр. говорахъ, встрѣчается, но, повидимому, рѣдко и въ сѣв.-влкр., наприм. Симбир. (Мотовиловъ, 10), новгор. (Колосов, Обзор, 126). и ш ь л ъ со значеніемъ близкимъ къ простому ш ь л ъ попадается уже въ Успенскомъ Сборникѣ XII в.

Глаголы выть, крыть, мыть, ныть, рыть спрягаются, какъ въ литер., т. е. наст. во́ю, кро́ю и пр., прош. выл, кры́л и пр., infin. вы́ть и т. д., но сложныя: вымэл, вырэл (см. т. 44, стр. 187). Одна старуха говорила также: „Гру́шкъ пришла́ тут, во́илъ, во́ила́...“, но молодежь надъ этимъ словомъ смѣется. Отъ бить, вить, лить, пить, шыть — вjу́, вjу́ и пр.; прош. бы́л, вил и пр. Отъ глаг. брить (ъбабри́ть, ъдабри́цца) — -брю, бре́ишь; брил.

Отъ глагола к л а д у́ употребляются сложные: укладу́, накладу́ и пр., ср. сущ. укла́тка = небольшой сундукъ.

Отъ глагола „бѣчь“ употребляются формы: бягу́, бягу́т, повел. беги́, прош. вок, бягла́ (ср. въ ск.: мать убягла́ дамо́j, а те́ убе'гли́ и пр.), infin. бе́ч. Чаще — формы отъ глагола „бѣжать“: бижы́ш и пр. (1-е л. един. бѣжу́ и 3-е множ. бѣжат неупотреб.), повел. бижы́ (чаще, чѣмъ беги́), прош. бижа́л и пр. (ср. у М. Б.: побежали — ск., и др.), infin. бижа́ть.

Отъ глагола дышать правильно: дышу́, дышы́ш... дыша́т, повел. дышы́, infin. дыша́ть, прош. дыша́л; рядомъ употребляется и глаголъ дыхать: ды́шъш, ды́шът,... ды́шут, рѣдко infin. дыха́ть (ср. Ягичъ, Критич. сам. 146).

Отъ глагола хотѣть употребляются только infin. хате́ть и прош. хате́л; повел. мнѣ не приходилось слышать; формы изъявительнаго: хати́ш и т. п. почти не употребляются и замѣняются формами глагола *хочи́: хо́чьш, хо́чьм, хо́чут. Въ другихъ говорахъ формы изъявительнаго наклоненія образуются отъ обоихъ глаголовъ, причемъ иногда въ един. ч. употребляется одинъ изъ нихъ, а во множ. — другой. Такъ въ литерат. формы един. ч. — по-

1-му спряж., множ. — по второму. Въ говорахъ Калужск. и Малоярослав. у. наоборотъ: хати́ш, хати́т, но хо́чьм, хо́чут. 3-е л. возвр.: хо́ца или хо́цца (см. т. 46, стр. 133), ср. южновеликор. хо́ца и хо́ца. Форма, по значенію — 2 л. изъявит. хош, наприм.: ты де́ хо́ш и пр., по происхожденію — быть можетъ, изъ хо́чеш или же изъ повел. хочь, ср. частицу хош (изъ хочь) и хо́т (изъ хоти́).

Изъ глаголевъ съ суфф. н$^{е}/_{о}$ — *ну* (въ различныхъ значеніяхъ этого суфф.) одни имѣютъ этотъ суфф., какъ въ основѣ настоящ., такъ и въ основахъ infin. и прош., другіе же — не во всѣхъ формахъ. Наприм.

1. сту́кну, сту́кнуть, сту́кнул; по́кну, по́кнуть, по́кнул, ру́хну, ру́хнуть, ру́хнул; дви́ну, дви́нуть, дви́нул; глану́, глану́ть, глану́л; то́рну, то́рнуть, то́рнул и т. д., между прочимъ у всѣхъ глаголовъ на *-ану* суфф. этотъ сохраняется во всѣхъ формахъ.

2. стре́ну (=встрѣчу), стре́нуть; увя́ну, увя́нуть; утану́т; со́хну, со́хнуть; мо́кну, мо́кнуть; гло́хну, гло́хнуть и т. п. со сложными, прош.: стре́л и стре́нул (см. ск.; между прочимъ въ возвр. всегда: стре́лса, стре́лас и пр.), увя́л, уто́п и утану́л (чаще: утапи́лсă), сох, мок, -глох (загло́х, агло́х и пр.) и т. д.

3. ста́ну, ста́ньш, повел. — стань, infin. стать, прош. стал; де́ну, деть, де́л; ръсвинёт, рассвёс, рассвёл.

Виды.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ суффиксахъ; имѣющихъ видовое значеніе, т. е. употребляющихся для обозначенія видовыхъ различій въ глаголахъ.

ова и *ева* со значеніемъ несоверш. вида. Во многихъ случаяхъ въ положеніи послѣ ударенія онъ совпалъ съ суфф. *ыва* и *ива* или замѣненъ имъ (примѣры см. выше), не смотря на то, что по происхожденію и по первоначальному значенію эти суффиксы отличаются другъ отъ друга. Суфф. *ова* и *ева* по преимуществу — суфф. оты-

менныхъ глаголовъ, а суфф. *ъва* и *ива* — отглагольныхъ. Суфф. *ова* и *ева* вносятъ въ основу значеніе несовершеннаго вида, а суфф. *ъва* и *ива* въ глагольныхъ образованіяхъ отъ глагольныхъ основъ несовершеннаго вида вносятъ кромѣ того понятіе кратности.

Замѣна суфф. *ова* и *ева* суффиксами *ъва* и *ива* происходитъ въ формахъ изъяв. настоящ. врем., между тѣмъ какъ въ формахъ infin. и прош. они совпадаютъ фонетически. Тамъ, гдѣ этой замѣны нѣтъ, окончанія личныхъ формъ глаголовъ на *-ую* и пр. смѣшались съ подобными окончаніями глаголовъ на *-аю*, причемъ передъ личными окончаніями и въ тѣхъ и въ другихъ глаголахъ могутъ являться звуки переходные отъ *а(ъ)* и *у*.

Въ глагольныхъ основахъ, образованныхъ отъ существ. на *-ство:* бѣдствовать, рабствовать (глаголъ заимств.) и т. п. суфф. *ов* въ infin. и прош. обыкновенно выпадаетъ, такъ что эти глаголы совпадаютъ съ глаголами на -ать, -аю; наприм.: „кáк ане бéцтвъли!“ „он Трáwйону рáпствъл“. Отъ глаг. савéтуюс и савéтъюс infin. савéтъццă, прош. савéтуwăл и савéтъл, напр. „уш анé з брáтъм пъгъwарúли, пъсавéтъли“. Также: абрáдуюс, infin. абрáдъццă, прош. абрáдуўлсă и „ўот он абрáдълъс, анá абрáдълъс“.

Въ положеніи подъ удареніемъ суфф. *-ова* и *-ева* сохраняются, не смѣшиваясь съ другими суффиксами.

Приведу нѣсколько глаголовъ съ суфф. *-ова*, неупотребительныхъ или мало употребительныхъ въ литературномъ языкѣ. „мáт óчиń грустýитаскýит, плáчит“, „пущáj пўгўладýют“ (глаг. голодовать, ср. существ. голодовка); „так картýзик и ни ѫъдарýити мне?“; „а он глúит, глúит, мякýит, мякýит“ (=смекаетъ; глаг. мековáть); „штó, къл пръвинýиссă“ (провиноваться=провиниться).

ава. Этотъ суфф. былъ очень распространенъ въ ст.-славян. языкѣ. Въ русскомъ яз. вмѣсто него употребляются суфф. *ъва* и *ива*. Въ разбираемомъ говорѣ съ суфф. *ава* мнѣ извѣстенъ только глаголъ скидавáть (см. выше),

вмѣсто котораго чаще употребляется глаголъ скида́ть. Въ глаголахъ дава́ть, -знава́ть и вставать суфф. *ва*, такъ какъ *а* передъ нимъ принадлежитъ корню. Образованіе формъ настоящ. врем. отъ этихъ глаголовъ отличается отъ старославянскихъ.

ва, приставляющійся къ основамъ на гласную, по большей части къ сложнымъ съ предлогами, потому что несложные глаголы съ основой на гласную по большей части сами — несоверш. вида: встать — вставать, дать — давать, знать — знава́ть, сѣять — высѣвать, пѣть — пѣвать, дѣть — дѣвать, одолѣть — одолѣвать, поспѣть — поспѣвать, покрыть — покрывать, налить — наливать и пр., какъ въ литературномъ. Отмѣчу отъ этихъ глаголовъ двоякое образованіе основъ настоящ. — на *ва́* и безъ него съ удареніемъ на окончаніи (такіе глаголы отличаются отъ своихъ непроизводныхъ въ формахъ настоящ. врем. только удареніемъ). Любопытенъ глаголъ нагнува́ть -цца́, гдѣ суф. *ва* приставленъ къ производной основѣ на *ну* (гну, гнёт — отъ гѣкъ-нж). Отъ того же гну употребляется и другое образованіе несовершеннаго вида: нагина́ть и пр.

ыва и *ива* присоединяются къ глагольнымъ основамъ несовершеннаго вида, внося въ нихъ понятіе кратности. Въ соединеніи съ глагольными основами, заключающими и безъ того это понятіе, эти суффиксы подчеркиваютъ раздѣльность отдѣльныхъ моментовъ повторяющагося дѣйствія. Можно думать, что такія формы, какъ хаживать, важивать и пр., употребляющіяся преимущественно въ пѣсняхъ и не во всѣхъ формахъ, извлечены изъ глаголовъ сложныхъ съ приставками, вносящими понятіе некратности, наприм. похаживать и пр.

Примѣры: Гуля̀j до́чка да бяла́, Я сама̀ така̀ была́, Сама̀ гу́ливала, Ф полно́ч ха́жавала, Друшко́в ва́жавала и пр. Обыкновенно съ отрицаніемъ: Я на у́лицу ни ха́жавала, Я с рибя́тыми ни и́грäвала. Infin. съ отриц.: Уш и мне́ ли та на тра̀вушки ни ха́жывати, мне́ мила́ друшка̀ за ру́чинку ни ва́жывати. Въ духовн. стихѣ про Ла-

зáря: крóшички надбúрывуют, гнаючúи рáнички залúзавуют и пр.

Въ глаголахъ на *-ывать* вмѣсто *ы* обыкновенно —*ъ*, проясняющееся при пѣніи въ *а*, или же *у* (yw изъ ъw). Это измѣненіе, быть можетъ, и нефонетическое, а вызвано смѣшеніемъ съ глаголами на -овать. Надо думать, что оно явилось еще до измѣненія кы, гы, хы въ ки, ги, хи, потому что въ глаголахъ на кывать, гывать, хывать остались твердыя задненебныя. Въ старославянск., частью въ чешск. и др. русскимъ глаголамъ на -ывать соотвѣтствуютъ глаголы на -авати безъ ударенія на суфф. Формы на -ывати, быть можетъ, еще общеслав., судя по польскимъ глаголамъ на -ywać (наприм. widywać и др.). Въ русскихъ памятникахъ они встрѣчаются еще въ XIV в., наприм. въ Лаврент. лѣтоп. (см. Некрасовъ. О яз. Лавр. лѣтоп. въ Изв. Отд. русск. яз. и слов.).

á (infin. -а́т̀, наст. -а́ю, непремѣнно съ удареніемъ на *а*) употребляется съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и *-ыва*. *Примѣры:* нъкладáт̀ нá въс, дéфки бáню вăкладáли (приб.), зъкладáт̀ (напр. лошадей), испъвядáт̀, вътрясáт̀, ръстрясáт̀ (сѣно), скидáт̀, атризáт̀, згинáт̀, нъгинáт̀ [1]), вынáт̀ [2]); наст. нъкладáю, въкладáю, зъкладáю, „ищь бáрину ни дъкладáют“ (ск.), испъвядáиця, вътрясáю..., скидáю (ср. скидаю́ отъ скидавáт̀), атризáю, нъгинáю, вынáю = накладываю, исповѣдываю, нагибаю, вынимáю и пр. Рядомъ съ вынáт̀ употребляется и глаголъ выня́т̀, -я́ю, -я́л (наприм.: „Къстинтúн Я́къвлиич платóк выня́ит“ и т. п.), свойственный сѣв.-влкрус. говорамъ, и вынимáт̀. Тотъ же суфф. у глаголовъ несложныхъ съ предлогами: капнáт̀, вяртáт̀, наст. капнáю, вяртáю = окапнываю, поворачиваю. Въ пѣ., записанной Мишей Байковымъ: „все про все спрашала“ =

---

[1]) Т. е. нагибать; образов. прямо отъ глагола -гнуть съ усиленіемъ корня по общему правилу, какъ жну—жинáю, мну—минáю, пну—пинáю, хотя infin. отъ этихъ глаголовъ долженъ былъ препятствовать этой аналогіи. Ср. т. 46, стр. 131.

[2]) Образов. прямо отъ вы́нут̀, какъ -гинáт̀ — отъ гнут̀.

выспрашивала. Этотъ суфф. — тотъ же, что въ глаголахъ слѣзаю, выбѣгаю, подгрѣбаю, сгибаю, стираю, ражáю и т. п. Въ старослав. этотъ суфф. съ такимъ значеніемъ былъ, повидимому, чаще, чѣмъ въ соврем. русскомъ языкѣ. Въ влкр. говорахъ не только въ приведенныхъ глаголахъ, но даже и въ тѣхъ, которые въ литерат. яз. извѣстны только съ суфф. á, этотъ суфф. нерѣдко замѣняется суфф. *ыва* и *ива*, какъ наприм. ю.-влкр. граживаить и т. п. Ср. у Будде, Къ діалект. и Къ ист., у Филат. Ворон. и др. Съ другой стороны, въ другихъ говорахъ извѣстны нѣкоторые глаголы съ суфф. á, вмѣсто которыхъ въ разбираемомъ говорѣ употребляются только глаголы съ суфф. *-ыва*, наприм. Калужское (Калуж., Медын., Перемышл., Малоярослав., Мещов., Боров. и др.) зäкусáт, повел. закусáйтя (у насъ: закýсывъ̀т, закýсывъйти или кýшъйти); Углич. замахáёсса [1]) = замáхиваешься (наст. время, слѣдовательно, значеніе суфф. á не совсѣмъ то, что въ нашемъ замахáешь — буд.). Для полноты приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ другихъ говоровъ: прикладáютца — Тул. Крапив. (Будде, Тул.), прикладáть, укладáть, исповѣдаться, складáть, починя́ть — Мещов. (Чернышевъ), управшáють, спрашáють — Ворон. (Филатовъ) и др.

Къ приведеннымъ глаголамъ съ суфф. -á, обозначающимъ кратность, можно указать параллели изъ древнихъ памятниковъ русскаго языка (нѣкоторыя изъ параллелей, быть можетъ, только старослав., а не русскія): въпрашати — Остр. ев. и др., испрашай — Минеи 1096 г. и др. богослуж. памм.; прашати со сложными нерѣдко въ Лавр. лѣт. Сложныя съ кладати: прикладаіеть — Нест. Жит. Ѳеод. 32 об^{б} и др., закладаше — Слово о полку Игор. и Псков. судн. грам. XIV—XV в., докладати — Новг. грам. 1325—26 г., зарѣзáти, зарѣзаема — поуч. Иліи архіеп. Новгор. по сп. XV в., закусати въ фактитивномъ значеніи, = кор-

---

[1]) Словарь русск. яз., издав. Вторымъ Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. II вып. 5. Слово сообщено Н. В. Шляковымъ.

мить — Жит. Іоанна Злат. по сп. XV в. Почти всѣ примѣры взяты изъ Матер. для Словаря Срезневскаго.

Тотъ же суфф., но безъ значенія кратности — въ глаг. владáт̀, -аю, хъладáт̀, -áит (безлично), приблизительно = литерат. владѣть и холодѣть. Глаголъ владáть въ томъ же неполногласномъ видѣ извѣстенъ и въ другихъ говорахъ, ср. Филатовъ, Ворон., т. 37, стр. 201, и, между прочимъ, въ литерат. яз. въ сложеніи съ предлогомъ *об-* (обладать). Встрѣчается и полногласная форма, ср. валадать въ Рязан. (Будде, Къ діалект.) и дер. Ивакинѣ Рузск. у. Литературное „владѣть“, какъ неполногласное, вѣроятно, книжное слово; въ древнерусскомъ ему соотвѣтствовало володѣти. Отношеніе между владать : владѣть = холодать : холодѣть = питать : питѣти (древнерусск.). Повидимому, форма владати въ древнерусскомъ яз. была мало употребительна. У Срезневскаго на этотъ глаголъ только одинъ примѣръ изъ Слова Ипполита объ Антихристѣ. Наоборотъ, на владѣти и володѣти (володати у Срезн. вовсе нѣтъ) примѣры взяты изъ чисто русскихъ памятниковъ XIV в.—изъ лѣтоп., грамотъ, Данилы Заточника.

Нѣкоторые глаголы съ основой infin. и прош. на *а* имѣютъ ту же основу и въ формахъ настоящ. (изъявит. и повелит.) вмѣсто основы на старую смягченную согласную по аналогіи съ другими глаголами, имѣющими основу на *а* во всѣхъ формахъ. Наприм.: тряпáт̀, триплю́, трéпьш и пр., но также: тряпáю и пр., „а то́ я тибѣ́ ръстрипáю“; щипáт̀ — щипáю и щиплю́, щипáит и щи́пльт; отъ станáт̀ всегда: станáю, станáит. Ср. Филатовъ, Ворон. 197; Будде, Къ діалект. 124 (не было ли еще общерусск. станáти, станáю при стонати, стоню?); махáт̀ — махáю и машу́, махáит и мáшът (наприм.: „дéвицъ и́щът у тро́γлавнуў змеjь и мáшът jиму“) [1]). Отъ глагола мяу́-

[1]) Значенія обѣихъ формъ нѣсколько различаются: мáшът — съ цѣлью обратить на себя вниманіе; махáит — безъ отношенія къ цѣли маханья.

къ́т настоящ. обыкнов. — „ко́шкъ мяу́чьт“, отъ паха́т всегда — пашу́, па́шът (ср. сѣв.-влкр. паха́ёт).

Суфф. *ја* (т. е. *ъ* съ общеслав. смягченіемъ предшествующей согласной) глаголовъ несовершеннаго вида (со значеніемъ близкимъ къ значенію суфф. *а*), между прочимъ, — въ слѣд. глаголахъ: сматря́т, сматря́ю или матря́ю, повел. матря́ј, сматря́ј; зътапля́т, зътапля́ю и пр. (наприм. печку); купля́т, купля́ю; пъццабля́т, пъццабля́ю и пр. Отношеніе этихъ глаголовъ къ сматре́т (т. е. смотрѣть вмѣсто болѣе стараго съмотрити [1]), тапи́т, купи́т, пъццаби́т = затварять : затворить = (у)лавлять : ловить = (прѣ)ламлять : ломить = укрѣплять : укрѣпить = сажать : садить = наряжать : нарядить и пр. Глаголъ *съматрѧти* — общеслав., нерѣдокъ въ церковныхъ и древнерусскихъ памятникахъ (ср. съмотрѧхоу — Нест. Жит. Ѳеод. по сп. XII в. л. 31 об.[а] и др.), извѣстенъ и въ нынѣшнихъ славянскихъ языкахъ, наприм. въ сербск., польск.; изъ русскихъ говоровъ между прочимъ отмѣчено въ Мещов. (Чернышевъ, Дополн. 26), Онеж. (матер. 41), Вятск. (матер. 2), Покров. (матер. 10), Буйск. (матер. 18) в друг.

Глаголъ *куплѧтъ* тоже старый. Ср. коупѧхоу (описка вмѣсто коуплѧхоу или вліяніе какого-нибудь южнослав. произношенія) — Нест. Жит. Ѳеод. 11[а] (Сборн. 36[а]), коуплѧхоу и коуплѧхомъ — Новгор. 1-я лѣтоп. Въ говорахъ: купля́ць — бѣлор. (Носовичъ, Бѣлор. послов.), коуплеють — Касим. (Будде, Къ діал. 124), купля́ть — Мещов. (Чернышевъ, Дополн. 27) и др. Ср. другіе подобные глаголы въ другихъ говорахъ, напр. рубля́ть (перерублялъ — Колос. Обзор, 241, нарубля́ть — Черныш. Дополн. къ Мещов.; оурублаѥмъ — Троицк. Мѣр. Прав. XIV в., л. 35, 18, въ изданіи: Древности, Труды Слав. ком. т. III, стр. 54), отступлять, поступлять (ср. у Черныш. въ Дополн. къ Мещ. 27). Отношеніе между этими глаголами и гла-

[1]) Ср. смотрить еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Матер. 25, 30, 35 38, 40 и др.).

голами: (по)купать, (от)рубать, отступать приблизительно = ламлять : ламать и т. п. Пермское (см. Колос. Обзор, 240), Орловское и пр.: звонять, звоняеть, вѣроятно, — новообразованіе.

Въ глаголѣ скушня́ю, скушня́ть (соверш. видъ отъ того же глагола скушни́цъ, ср. ску́чниться — Чернышевъ, Моск. у.) — суфф. тотъ же, но присоединенъ не къ корню, а къ именной основѣ (ср. обычное скучаю изъ skukjają).

Рядомъ со скуча́ть, скуча́ю употребляется глаголъ скучи́ть, скучу́, скучи́т, но исключительно о собакѣ = воетъ, визжитъ. скучать : скучить = сажать : садить = куплять : купить и пр.

Отъ глагола бодать — бада́ю, каро́въ бада́ицъ, infin. бада́ть, бада́цца и пр.; кромѣ того есть нѣкоторыя формы отъ глагола *бости (infin. неупотреб.) : забуд'о́т; „два быка́ бадýццъ, ўро́с ни ръзайдýццъ“ (загад.).

Къ сказанному объ образованіи основъ такъ назыв. многократнаго и несовершеннаго вида слѣдуетъ прибавить, что если въ образованіяхъ видовыхъ основъ одного и того же глагола чередуются усиленный и нормальный виды корня, то обыкновенно основы съ усиленнымъ видомъ корня или основы, образованныя по аналогіи съ ними, бываютъ въ образованіяхъ того вида извѣстнаго глагола, который является кратнымъ по отношенію къ другому некратному или несовершеннымъ по отношенію къ другому совершенному, причемъ глаголы несложные съ приставками съ такой усиленной основой обыкновенно бываютъ кратными. Но тѣ же сильныя основы, которыя являются въ этихъ образованіяхъ, могутъ быть и въ причастіяхъ страдат. прошедш. времени соотвѣтствующихъ некратныхъ глаголовъ или глаголовъ совершеннаго вида. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если въ личныхъ формахъ и въ infin. этихъ глаголовъ (т. е. имѣющихъ слабую основу) удареніе—не на корнѣ и, слѣдовательно, гласная корня для всякаго акающаго говора неизвѣстна. См. выше т. 44, стр. 160 и т. 46, стр. 140.

Такъ какъ различіе между усиленнымъ и нормальнымъ видомъ въ корняхъ, имѣющихъ въ неусиленномъ видѣ *о*, заключается въ томъ, что вмѣсто этого *о* (если оно=общеслав. *о*) въ усиленномъ видѣ корня является *а*, то по аналогіи съ глаголами съ кореннымъ *о*, представляющими дѣйствительное чередованіе двухъ видовъ корня, и въ другихъ глаголахъ съ *о* въ основѣ некратнаго вида, непредставляющихъ такого чередованія, въ кратныхъ основахъ это *о* подъ удареніемъ часто замѣняется звукомъ *а*. См. выше, стр. 8 и 116. Примѣровъ такого измѣненія другихъ гласныхъ корня (не *а*) по аналогіи въ образованіяхъ кратныхъ основъ очень мало. Могу отмѣтить только търъкáт (торыкать) по аналогіи съ засыхать и т. п. Точно также и въ словѣ пъмирéскаваит (померескываетъ) въ одной пѣснѣ é вмѣсто ѣ́ могло явиться не только изъ мерéщится и т. п., но и по аналогіи съ какими-нибудь другими глаголами, имѣющими *ъ* въ сильномъ видѣ корня въ кратныхъ основахъ. Въ глаголѣ пръмыкáт (вмѣсто промакать, отъ соверш. промокнуть), смыкáццă (наприм.: веревка „ни ссóхницă, ни смóкницă... Зачéм смыкáццă?“) *ы* явилось неправильно по по аналогіи съ глаголами представляющими чередованіе *ъ* и *ы* въ несильномъ и сильномъ видѣ корня, какъ напр. засыхать и т. п. (ср. у Черныш. Моск. у., стр. 39: ни прамыкáимыи). Неясно *ы* въ одной сказкѣ: „ръзмытáл јаò зá нъги и брóсил јаò тудú“. Впрочемъ, остается рядъ глаголовъ, гдѣ не только нѣтъ вторичной замѣны гласныхъ въ кратныхъ основахъ, но даже старый сильный видъ корня замѣненъ несильнымъ. Къ такимъ глаголамъ, наприм., относятся сложные съ ѣ́хъвăт вмѣсто — пúхывать (см. выше, стр. 120).

Глаголы совершеннаго вида изъ глаголовъ несовершеннаго вида образуются при помощи предложныхъ приставокъ или суффикса *ну*, но при этомъ не всякая предложная приставка и не во всѣ глаголы вноситъ значеніе вида совершеннаго и, кромѣ того, всякая приставка, какъ

и суфф. *ну*, вносятъ и свои невидовыя значенія, какъ и въ литературномъ.

Суффиксъ *ну* (т. е. н$^{е}/_{о}$—ну) придаетъ глагольнымъ основамъ два значенія: 1) начинательное; въ этомъ случаѣ суффиксъ *ну* самъ по себѣ не вноситъ въ основу значенія основы совершеннаго вида; поэтому могутъ быть основы на *ну* съ начинательнымъ значеніемъ какъ совершеннаго, такъ и несовершеннаго вида. 2) моментальное. Суффиксъ н$^{е}/_{о}$—ну придаетъ глагольной основѣ значеніе однократности. Глаголы съ этимъ суффиксомъ обозначаютъ одно изъ ряда послѣдовательныхъ короткихъ повтореній одного и того же дѣйствія, причемъ такое повтореніе такими основами обозначается, какъ законченное во времени. Примѣры: глану̀ть (=литер. глотнуть), зы́нуть (= зыкнуть), ср. дви́нуть какъ и въ литерат. (при ю.-влкр. дви́гнуть — Орлов. и др.); но: кы́ркнуть: уви́дит кы́ркнит (т. е. коршунъ), мътюгну̀ть: а я iwò мътюгну́ (выругаю одинъ разъ по-матерному), он и зъбаи́ца, прачхну́ца, прачкну̀ть (о нарывѣ и т. п.), стрипихну́ца (ср. встрепехнушесь — Никоновск. лѣтоп. VIII, 94. Срезн.), дътрану́ццà (= дотронуться) и др.

Глаголы на ану́ (съ удареніемъ во всѣхъ формахъ на окончаніи). См. выше, стр. 43—44. Добавлю еще примѣры: ча́шъчку хвъта́ний, ка́к ja трипану́лсъ аттэ́дà, шыпану̀ть (шепнуть) и т. п. Такіе глаголы распространены въ ю.-влкр., бѣлор. и ю.-малор. (см. Ogonowski. Studien, § 14, 2 и § 34, 2) [1]), причемъ въ послѣднемъ гласная передъ *ну*—не *а*, а, по большей части, *о*: гукону́ти. криконути́, рубону́ти, скубону́ти, стьобону́ти, посипону́ти, швиргону́ти. Въ сѣв.-влкр. они, по-

---

[1]) Замѣчу, что у Миклошича во II т. сравнит. грамм. и въ словарѣ Желеховського тоже есть подобные примѣры изъ малор., но Миклошичъ всѣ примѣры взялъ у Носовича, а Желеховський въ свою очередь—у Миклошича. Поэтому ихъ примѣры не свидѣтельствуютъ объ извѣстности такихъ глаголовъ въ малорусскомъ.

видимому, рѣдки. Могу отмѣтить только: литер. дава́ну́ть (акад. словарь), ливану́лъ—Покровск. у. Володимир. губ. (по указанію Чернышева—Моск. у. 35), стегонулъ и бачконулъ [1]) — Олон. Петрозав. (Матер. 30, стр. 260 и 265), колонѣтъ — Олон. Каргоп. (Колосовъ, Замѣтки, 195), сголзону́л — Олон. (Колосов, Обзор, 173), емконуть, кочконуть, но рѣзануть — Олон. (Куликовскій, Словарь); что касается „двигану́л“ въ Псков. (Колосов, Обзор, 240) и „мигануть“ тамъ же (Даль), то эти слова могли быть услышаны въ акающемъ говорѣ. Въ виду присутствія *о* въ основахъ такихъ глаголовъ въ Олон. и малор. приходится измѣнить высказанное мною выше (стр. 43—44) мнѣніе, что здѣсь имѣются новообразованія на *-ну* отъ производныхъ основъ на *а*, и думать, что здѣсь гласная *о* — изъ *ъ*, развившагося въ такихъ глаголахъ при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ (появленіе этого *ъ*, быть можетъ, еще въ общеслав. тогда можно относить къ тому времени, когда рядомъ съ двинути появилась форма двигнути съ возстановленной согласной; чтобы удержать это *ъ*, вставлялся паразитный гласный). Позднѣе въ бѣлор. и ю.-влкр. (а частью и сѣв.-влкр., ср. олонецкое рѣзануть, покровское ливану́лъ?) могло явиться сознаніе связи между такими глаголами и глаголами на *аю*, чѣмъ вызваны различія въ оттѣнкахъ значенія, напр. между махну́ и ма̀хану́ (1-е — повидимому, — болѣе мгновенное дѣйствіе, чѣмъ 2-е; по крайней мѣрѣ при зама̀хну́с нельзя сказать: зама̀хану́с). Есть и глаголъ на -ану́, несомнѣнно образованный отъ производной основы на *а*, именно: ка́шляну (ка́шлину), что̀ дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе объ образованіи и другихъ такихъ же глаголовъ. Характерно, что въ этомъ послѣднемъ глаголѣ въ великорусскомъ удареніе не на суфф., какъ въ другихъ глаголахъ на *ану* (ср. дьрган у́ при дво́рну), но въ ю.-малорус. этотъ глаголъ не составляетъ исключенія, изъ общаго правила и произносится съ удареніемъ на суфф.: кашля-

[1]) У Куликовскаго „ба́цкнуть“ — сильно ударить.

ну́ти (Ogonowski, § 34, 2). Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка въ такихъ глаголахъ пишется и *о* и *а:* въскопанувъ—Георг. Амарт. XIV—XV в. (Срезн.), копонѵвъ — Жит. Саввы XIII в. (Срезн.). Къ сожалѣнію, я не могъ провѣрить, насколько можно довѣрять показанію этихъ рукописей (можетъ быть, говоръ писца одной изъ нихъ или обѣихъ — акающій?).

Глаголы на *ну* отъ производныхъ основъ: умаря́хнулас (въ пѣ.: „Умарилас 2, умаряхнулас“ — припѣвъ; *ну* здѣсь не въ моментальномъ значеніи), въжжала́хнуцъ̆ӑ (= сжалиться).

Въ глаголѣ зъмануть̀ (=литер. заманить) *ну* — старое. Ср. поманоути — Супр. ркпсь, възманоу — Георг. Амарт. XIV—XV в. (Срезн.), възманоувъ — Прохор. житіе Іоанна Богосл. Въ соврем. говорахъ ср. между прочимъ Мещовскія: мануть, замануть, пермануть (Черныш., Дополн., стр. 26), а также академическій Словарь русск. языка, т. II, вып. 5.

Аналогіей съ глаголами на *ну*, вѣроятно, вызвано *у* въ глаголахъ: нъкланулъс и, быть можетъ, вы́гнуть̀, вы́гнул, вы́гнули (= выгнать и пр. См. выше, стр. 21 и 39).

Въ глаголѣ спътыкну́цъ̆ӑ — сильный видъ корня (тык) вмѣсто слабаго (тък), ср. литерат. споткнуться при спотыкаться. Конечно, *ы* занесено сюда изъ формы несоверш. вида спотыкаться (спътыка́цъ̆ӑ, ср. также глаголъ пътыка́ть̀ въ пѣ.).

При глаголѣ хвата́ть̀ въ сложеніи съ предлогомъ *с* въ значеніи совершенн. вида употребляется схвати́ть̀, какъ въ литерат., но также: схвата́ть̀ — въ пѣснѣ о бродягѣ: „јивò схвата́ли пъвили́“ (Курово).

Залоги.

Формы возвратнаго залога образуются посредствомъ прибавленія *-с* или *-ся* къ окончанію. Формы съ мягкимъ *с*

почти не употребляются и, если изрѣдка попадаются въ пѣсняхъ, должны быть объясняемы заимствованіемъ этихъ пѣсенъ у лицъ съ другимъ произношеніемъ или фонетическимъ положеніемъ слова. Впрочемъ мягко произносится *с* въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ въ говорѣ нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревень, наприм. Савельева ($3^1/_2$ в. къ ю.-в.), Мазилова (4 в. къ с.-в.), Салькова (5 в. къ с.), Попо́вки, Ивакина (около 10 в. къ ю.) и др. (см. также выше, стр. 72—73). Въ ю.-влкр. говорахъ, сколько мнѣ извѣстно, окончаніе сă довольно рѣдко, чаще с̀, ся, си (причемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ *си* и *сы* — послѣ согласной, *ся* и изрѣдка *сă* послѣ гласной, ср. Донск. Матер. 42[2] и нѣкоторые калужскіе говоры). Въ сѣв.-влкр. рядомъ съ *ся* и рѣдкимъ *си* часто — се, сэ, сё, со и са. Въ говорѣ Парфёнокъ *са* — не только послѣ согласныхъ, но и послѣ гласныхъ: баю́са и пр., наприм.: „я ни пайду́, я баю́са, я до́мъ бу́ду сиде́т̀“; „ани сабра́лиса фсѐ тро́я“ и т. п.; окончаніе *с* — только послѣ гласныхъ, а также: ни бо́с̀ при ни бо́йсă. На с̀ примѣры: сабра́лися и́дут (мальчикъ; мягкость с̀, вѣроятно, вызвана слѣдующимъ *и*); ăстънави́с̀ паслу́шăй (старуха; мягкость с̀, быть можетъ, вызвана предыдущимъ *и*? во всякомъ случаѣ — примѣръ исключительный), но ки́нулсъ, акри́книс сто́й (она же).

Отъ глаголовъ сложныхъ съ ити съ переходнымъ значеніемъ форма infin. возвратнаго залога образуется прибавленіемъ сă или къ infin. ити́ или къ новому inf. на -т̀, наприм. найти́ццӑ, прайти́ццӑ и пр.

Укажу нѣкоторые глаголы, интересные по значенію формы возвратнаго залога.

хва́стать (неперех. — про кого) — лгать, говорить неправду, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, хвастовства и безъ этого оттѣнка (въ этомъ значеніи „хвастать“ есть и у Даля): он фсо хва́стъіт (ему нельзя вѣрить); ну этъ ты сахва́стъл (совралъ, выдумалъ). Въ связи съ этимъ въ глаголѣ хва́статься возвратная форма обозначаетъ, что предметомъ хвастовства является самъ субъектъ, —

хвастать про себя, говорить про себя неправду (конечно, чтобы похвалиться). Такимъ образомъ отношеніе по значенію между „хвастать“ и „хвастаться“ въ разбираемомъ говорѣ близко къ отношенію между „смотрѣть“ и „смотрѣться“ (въ значеніи: смотрѣть на себя) и т. п., т. е. глаголы „хвастать“, „смотрѣть“ и т. п., будучи непереходными грамматически, являются такими по значенію и образуютъ возвратную форму, какъ переходные. Впрочемъ, глаголъ „смотрѣть“ можетъ быть переходнымъ и грамматически, ср. „смотрѣть невѣсту“ и т. п.

Глаголъ утопи́ться, имѣющій въ литературномъ только возвратное значеніе (= утопить себя, т. е. утонуть по собственной иниціативѣ), въ Парфёнкахъ употребляется въ страдательномъ значеніи безъ отношенія къ намѣренности дѣйствія, т. е. по значенію = утонуть (утапи́лсѧ = утоп, утану́л).

Глаголъ искать употребляется иногда въ техническомъ значеніи — искать вшей (гнидъ и пр.) въ головѣ съ винит. лица, у котораго ищутъ: „даj я тибя́ пъищю́“ = дай, я поищу у тебя (въ головѣ), или: „пъищи миня́“. Въ связи съ этимъ значеніемъ невозвратной формы стоитъ употребленіе возвратной формы со взаимнымъ значеніемъ: искаѫ, и́щюѫ = ищутъ другъ у друга въ головѣ.

Возвр. ругаться — не только въ значеніи дѣйствія, разсматриваемаго въ отвлеченіи отъ объекта дѣйствія, но и со взаимнымъ значеніемъ, наприм.: „стали жить хорошо и неругались“ (Миша Байковъ).

Часты образованія возвратной формы отъ переходныхъ глаголовъ со значеніемъ дѣйствія, разсматриваемаго безъ отношенія къ объекту дѣйствія, наприм.: „ане́ ищь ни пасе́илис“, ср. также: „ацсе́илис“, „атпахалис“ и др.

Изъ возвратныхъ формъ отъ непереходныхъ глаголовъ отмѣтимъ: „а мы зглупи́лис“ (=сглупили); „wод ба́бъ ищьт, шагну́лъс: Алонъ, што мне де́лъ̀т?“ (старуха). Впрочемъ, послѣдняя форма не можетъ быть разсматриваема, какъ возвратная къ „шагнула“, потому что значеніе

ея (шагнулась съ цѣлью просить другое лицо) не вносится формой возвратнаго залога (слѣдоват. „шагнуться“ — глаголъ общій).

Съ другой стороны можно указать нѣсколько глаголовъ съ отсутствіемъ формы возвратн.: „мы (вы) фсю дарóгу гнáли“ (sc.? лошадей?); поворáчивать, вертáть и т. п., „ут анѐ з брáтъм пъгъварúли, пъсавéтъли“ (=посовѣтовались); „умнóжълъ нарóду“ (т. е. стало больше народу, умножилось), „дъ мы дóмъ тъ пытáли (= пробовали, пытались) цит̀ (ср. у Черныш. Моск. у. 147) и др. Форма „умнóжълъ“, вѣроятно, не отъ „умнóжить“, а отъ „умнóжать“ съ „а“ изъ стараго „ѣ“; это: умнóжать : умножить = веселѣть : веселить = чернѣть : чернить и т. п.

Глаголы попадáться и попадáть кому навстрѣчу употребляются безразлично.

Причастія страдат. могутъ образовываться и отъ нѣкоторыхъ глаголовъ непереходныхъ, наприм.: „он (возъ) у вáс уш упáд̀ьн бы̀л“. Ср. прилагат. äкалéтлъj, нóтъj и др.

Причастія.

Причастія настоящ. врем. дѣйств. залога употребляются только, какъ прилагательныя: зрáчьj, хадáчьj, пътхадáчьj, сидячьj и др.; въ одной пѣснѣ: „дражáчью рукою званóчик пäдалá“. Прилагат. на -учій вмѣсто -ячій: литýчьj агóн̀ (=кропивная лихорадка), мыш̀, з̀мéj; гарю́чьj (=способный воспламениться) при гарáчьj (=литер. горячій). Ср. у Срезнев. въ Словарѣ: горячій (Сл. о п. Игор., Кир. Тур.), горящь (Iак. жит. Бор. и Гл., Влад. Мон.), горюща (Жит. Ниф., Козм. Инд. и др.), горжще и т. п. (Остр. ев., Нест. жит. Θеод.). Слѣдовательно, ф. горючій тоже старая.

щ вмѣсто *ч* — въ причастіяхъ: пьющій, непьющій, нестóющій (безъ дополн. = негодный). Вѣроятно,

здѣсь дѣйствовало съ одной стороны литературное и церковное произношеніе, съ другой — такія слова, какъ злющій, большущій, пущій, работящій, гуля́щій, лядащій, зрящій (тотъ, кто дѣлаетъ зря, см. выше, стр. 83; впрочемъ, въ этомъ значеніи говорятъ и: зря́чьj). См. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, май, замѣтку II, стр. 47.

Причастія прош. врем. дѣйств. залога совсѣмъ или почти совсѣмъ не употребляются. Вмѣсто нихъ употребляются относительныя предложенія съ мѣстоименіями: хто, каторъj, кој и пр.

Причастія наст. врем. страдат. сами по себѣ встрѣчаются рѣдко со значеніемъ отглагольныхъ прилагательныхъ, наприм.: люби́мъj, зна́мъj дѣ́лă, краса́вицъ такаj нипъвиди́мъй (=неповѣдимая) и пр. Слѣдъ ихъ, быть можетъ, остался въ дѣепричастіяхъ на *ши*.

Причастія прош. врем. страдат. оканчиваются на -нъj (непосредственно послѣ ударенія также, но не постоянно: -ннъj) и -тъj (безчленныя формы: -*н*, -*т*). При этомъ, причастія на *т* — не только отъ тѣхъ основъ, отъ какихъ въ литерат. (на плавныя согласныя и старыя ѧ, ѫ, и, ы, ѣ), но и отъ другихъ основъ на гласную, причемъ отъ послѣднихъ есть и причастія на *н*. Примѣры: а҃ꙗ҃ортă, вы҃ѣртă, на́ча́т, взят, зана́тъj, изма́т, наду́тъj, падви́нутă, бит, уби́тъj, вы́мът, шы́ты, наде́тъj, гре́тъj и т. п.; сло́ма́тъj, каро́wы загна́ты, пална́ ха́тъ гълубе́j нагна́тă (заг.), се́нъ убра́тъj, паст҃е́л ни убра́та (пѣ.), зна́тъj, γо́спъди, къбъ зна́тъ та, се́нъ вес҃ ако́пнътă, дата́, ко́лътъj (и ко́лънъj) са́хър, прико́лътă. Отмѣчу здѣсь же прилаг. но́тъj: „ане́ уш татѝи но́тъи“ (т. е. любятъ ныть, жаловаться), по происхожденію, быть можетъ, причастіе страд.; *о* вмѣсто *ъг* — изъ формъ настоящ. врем.: но́ю и пр. Причастіе страдат. отъ непереходнаго глагола не должно казаться очень страннымъ. Ср. выше упа́дьн и рязан. околѣтый (Будде, Къ діал.). Ср. у Миши Байкова: „околетлую собаку“. Причастія страд. на *т* распространены во многихъ

русскихъ говорахъ, кажется, больше въ южныхъ, какъ въ великорусскихъ, такъ и въ малор и бѣлор. Ср. угрорусск. загната корова, выбраты, выдаты, оддата и т. п.

Причастія на *н:* дан, у́бра́н, събрана́, ко́лѣна́, ко́лѣнѣj са́хър (отъ остальныхъ глаголовъ, образующихъ причастія на *т*, причастія на *н* отъ нераспространенной основы мнѣ не попадались); нама́тъна́, взва́жжьна́, ку́плина́ и мн. др. (причастія на *т* отъ этихъ глаголовъ не образуются). Примѣры см. также выше, стр. 19. Оригинально упомянутое выше причастіе упа́дьн. Въ сѣв.-влкр. говорахъ нерѣдки причастія на *н* отъ тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ въ разбираемомъ говорѣ и въ южновеликор. попадаются только причастія на *т* или же на *н* отъ распространенной основы. Ср. взяно—Колосов, Замѣтки 27 и мн. др.

Нѣсколько причастій на *н* образуются отъ распространенной основы: да́дьны, о́ддъдьны, взя́дьны, э́т ищь ни бра́дьна́. Отъ глагола „взять“ образуется также причастіе на *т*, а отъ „дать“ и „брать“ — на *т* и на *н* отъ нераспространенной основы. Въ причастіи „дадьнѣj“ распространенная основа могла быть взята изъ формъ множ. наст. врем., а въ остальныхъ образована по аналогіи съ ней и съ основами такихъ причастій, какъ пряденый, краденый, найденый, упаденъ и т. п.

Дѣепричастія.

Наст. врем. только на *я:* любя́, хо́дя́, по́хъдя́, и пр., „пад о́мти тапе̑р гóспъду маля́з в зе́млю ру́скъю“ (ск.) и пр. Только въ одной пѣ.: „адин ка́шничик ф пичи́ надарва́лса кипучи́“ (причастіе: кипу́чьj). Тамъ же: крикуча́, вѣроятно, вмѣсто крикучи́ по аналогіи съ крича́ и другими дѣепричастіями на *а*, а крикучи́ само представляло, быть можетъ, новообразованіе вмѣсто кричачи. Въ дер. Надеждинѣ, въ 7 верстахъ отъ Парфёнокъ, гдѣ

говоръ приблизительно тотъ же, одинъ старикъ говорилъ: „ф с т а в а́ ю ч и, л я г а́ ю ч и [1]), за ва́з Бо́уу мо́лим“.

Дѣепричастія на *я* отъ глаголовъ совершеннаго вида употребляются въ значеніи дѣепричастій прошедшаго времени, наприм.: н и н ъ п а я́, н и н ъ к а р м л я́, н и д а й д я́, п р ъ и ж ж я́, мале́ѣкъ п ъ г а д я́, н и с т и р п я́, быть можетъ, и п а д н я́ въ загадкѣ: „Литя́д грачи́, падня́ насти́, крича́т чикаты́, чикаты́“ и т. п.

Дѣепричастія прошедш. врем. (т. е. такія, которыя уже по самой формѣ, независимо отъ вида глагола, заключаютъ понятіе прошед. врем.) всегда оканчиваются на *шы*, а дѣепричастій на „въ“, что должно бы звучать—„ф“, нѣтъ. При этомъ слѣдуетъ различать слѣдующіе виды дѣепричастій на *ши*: 1. на *ши* послѣ согласной отъ основъ на согласную; 2. на *фшы* (вши) съ предыдущей гласной — отъ гласныхъ основъ и, по аналогіи съ ними, отъ нѣкоторыхъ согласныхъ основъ; 3. на *мшы* съ предыдущей гласной — отъ тѣхъ и другихъ. Первые два вида дѣеприч. образуются отъ тѣхъ же основъ, отъ которыхъ и причастія прошедш. врем. на *л* (т. е. отъ инфинитивныхъ основъ), а третій, повидимому, — отъ основъ причастій страд. залога. Примѣры:

1. прашо́ч уш три го́дъ, ни дашо́ччи в̀о́рсту, вле́шшы (= влѣзши) и т. п.

2. да́фшы, купи́фшы, заду́мъфшыс, ни је́фшы (или: јемшы вмѣсто ѣдши), с̀е́фшы и др.

3. „ни пајма́мшы, ни во́р, ни падня́мшы, ни бля́т̀“ (погов.); ни пимшы, ни јемшы; пришол разу́мшы, раз̀де́мшы; спилян̀а́мшы ни узна́л̀ă (молитва); савра́мшы; даж̀а́мшы; ката́мшы; „ни дагна́мшы к ручијо́чку... слы́шу, вижу...“; лита́мшы; въсплакну́мшы (пѣ.); с̀пишы́мшы, и др.

жын̀о́мшы; наj̀д̀о́мшы (пѣ.); пъмал̀о́мшы; пăкуро́мшы (приб.); падајо́мшы (пѣ.); нăцыжо́мшы (пѣ.); нăпајо́мшы

---

[1]) ляга́ючи, вѣроятно, — отъ глагола л̀ѣга́ю, ср. старосл. възлѣгаж, прилѣгаж, русское: налѣга́ю и проч. У Даля „легать“ — „юж“, примѣровъ не приведено.

(пѣ.); идомшы, жывомшы, хадомшы, ни прасомшы, и др. асидломшы (пѣ.).

У Миши Байкова: ни догнамши (пѣ.), незарывамши (ск.), вышемши (пѣ.), ниужинамши (ск.). У Анны Акимовой: слимши, растамши смилинкимъ дружечкамъ (2 раза). У Дарьи Арсеневой (Горки): не дапѣмше, не дажимши. У нихъ же попадаются и дѣепричастія на *вши:* простоявши, живши, покончивши — Миша Байковъ; дажившии Анн. Аким.

О дѣепричастіяхъ на *мши* см. Сравнит. Морфол. славянскихъ языковъ Фр. Миклошича, перев. Н. Шлякова подъ ред. Р. Брандта, стр. 372, 455—456 и 825; также у Буслаева, Истор. Грамм. II, 114; у Шахматова въ статьѣ „Русскій языкъ“ въ Энциклоп. Слов. Брокгауза, полут. 55; у Соболевскаго, Лекціи[2], стр. 234 и др. Попробно разсматривается вопросъ о происхожденіи и распространенности этихъ дѣепричастій въ моей статьѣ: „(Южно)великорусскія дѣепричастія на *мчи* и *мши*“ [1]). Тамъ приведены примѣры и изъ другихъ великорусскихъ говоровъ.

Дѣепричастія на *мши* въ говорѣ Парфёнокъ употребляются не только въ дѣйствительномъ, но и страдательномъ значеніи; дѣеприч. на *мши* отъ возвратныхъ глаголовъ никогда не принимаютъ окончаніе *с* или *ся*.

Б. Словообразованіе.

Имена существительныя.

Глагольный видъ корня съ „е“ вмѣсто именного съ „о“ — въ словѣ „выбьр“, „па выбьру“ = выборъ, по выбору. Это—новообразованіе подъ вліяніемъ глагола „беру“. Ср. Мещовское, Боровское, Владимирское и Московское „тёкъ“ и „стёкъ“ вмѣсто токъ, стокъ (Черныш. Моск. у. 46), Мещовское и Московское „зарёкъ“ вмѣсто зарокъ (Черныш. Мещовск. 66, Моск. у. 10) и т. п. при

[1]) Р. Ф. В. т. 48 (Сборникъ статей, поднесенныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову).

„теку“, „варекусь“. Въ другихъ словахъ обыкновенно коренное „о“ сохраняется: вы́ходъ, вы́носъ, зано́съ, вы́водъ, бродъ, гробъ, по́логъ, про́воды, обро́къ, оно́съ, вы́гонъ, заго́нъ, прого́нъ и пр. Въ нѣкоторыхъ словахъ еще въ общеславянскомъ могло быть „е“, наприм. въ словахъ „по́гребъ“ при „гробъ“, „омётъ“ или „обмётъ“ при „мото́къ“. Ср. еще старослав. „текъ“.

Суффиксы именъ существительныхъ.

ъ — сущ. непроизводныхъ именъ; примѣры: воз, сон, памо́л, спако́j и пр. Нѣкоторыя слова, имѣвшія первоначально суфф. „ь“, склоняются, какъ слова съ суфф. „ъ“, наприм.: мыш — мыша́ и пр.; зве́р — дат. зве́рю, „у го́лубa, у сизо́ва залата́я галава́„ (пѣ.) и: „у го́лубя̆“ и пр.

ъ—суфф. частью непроизводныхъ именъ, частью имёнъ образованныхъ отъ прилагательныхъ и причастій; производныя имена съ суфф. „ъ“ обозначаютъ отвлеченныя понятія и, иногда, неодушевленные предметы. Второе значеніе, вѣроятно, позднѣйшее. *Примѣры:* бля̑т (=meretrix; значеніе, вѣроятно, непервоначальное, но извѣстное изъ очень старыхъ памятниковъ русскаго яз.; въ старослав. бладь—отвлеч. понятіе. См. у Срезневск. словарь), гар̑, го́рьч, грут̑, гряс̑, дал̑, ду̑, яла́н̑ (открытое мѣсто около лѣса или въ лѣсу, ср. Потебня, К исторіи звуковъ, IV, 63), жу̑т (жу́ти нагна́л=испугалъ), за́льш (залежь), за́рьс̑ (заросль), знат̑ (собир.=знакомые), и́змъръс̑, кастер̑ (—трава), мо́ч, не́къс̑ (некошенное мѣсто), не́мьч, о́брьт̑ (оброть), о́буф, о́зим̑, о́дур̑, пе́рьгул̑ (трава, не скошенная во время и т. п.), по́мис̑, ф прогълът̑, про́сыр̑ (что-нибудь „с про́сы̆ju“ = не совсѣмъ спѣлое или не совсѣмъ сухое; слѣдовательно „просыр̑“ — недоспѣлость, отъ прилагат. сырой), рус̑ (свобода, открытое мѣсто), сту́дьн̑, тал̑ (почти = оттепель, отъ прилаг. талый), тварь, тем̑, у́жӑс̑ (множ. у́жъсти — страхъ), у́дъл̑ (удаль) и мн. др. Но: гры́жӑ (ср. ю.-влкр. грызь); также обыкновенно: „абу́жӑ“ или „абу́вӑ“ вмѣсто обувь, „за́ньвис“ муж. р. при „зънаве́ска“.

а: пандра́вă („ямý ни ф пандра́ву“), гры́жа, абýжă, вряда́ и пр.

ея́: вържыя́ (=ворожея), кълия́, тълчия́, вирия́ (только въ пѣ.). Уменьш.: въраже́йкă... Суфф. „ея́“ очень рѣдокъ. Миклошичъ неправильно относитъ большую часть словъ съ этимъ суфф. къ словамъ съ суфф. іја (стр. 69—72), хотя ниже въ сербскихъ (только?) названіяхъ лихорадокъ видитъ все-таки суфф. еја (стр. 84).

ия: баʒ̑ја́, мълаӈја́, свиӈја́, сва́ʒ̑ă, пъпаʒ̑ја́, спърыӈја́ и др. Между прочимъ, этотъ суфф. употребляется для образованія именъ лицъ женскаго пола, отъ существительныхъ, обозначающихъ лица мужеск. пола, напр. отъ существ. на -ун: балтýӈă, хвастýӈа и пр. Уменьш. на -ејка: бадéйкă и др.; вѣроятно, тотъ же суфф. въ шубéйкă („плису на шубéйку, атласу на шупку“. пѣ.), куцавéйка. По Беличу, суфф. ейка — только въ русск. языкѣ.

ајка: лазајкă.

ие (јо): сыʒ̑јó, каʒ̑јó (= ивнякъ и корьё), трицјó, вранʒ̑јó (собир.: вóроны)... Сложныя съ предлогами съ этимъ суффиксомъ обыкновенно обозначаютъ мѣсто, опредѣляемое сочетаніемъ предлога съ именемъ: залéʒ̑ь, загýвиӈь, зарéчь, пъдбирéʒ̑ь; но съ тѣмъ же значеніемъ употребляются и образованія безъ этого суфф.: пътпиʒ̑рóт (-дă; мѣсто на лавкѣ подъ образами), пóтпъл (мѣсто подъ поломъ, куда складываютъ провизію) и патпóл̑ь въ загадкѣ: „(ф) пóтпъли патпóл̑ји лижáт пираги́ с маркóвју“; зáдвърки (мѣсто за дворами), пъччиʒ̑рóвък (= подчеревокъ — matrix) и пр.

ак и *як;* суфф. первоначально, кажется, отыменный: сидáк (и: сядóк), хадáк, риндáк (или: риндáтил̑), рыбáк, дурáк, гусáк, русáк, судáк...; вирстáк, кулáк, пятáк, чурáк...; бидняк, зимляк, сваяк, паляк, чужáк, пустяк, чиʒ̑вяк и др. Ср. у Шахмат. Мосаль. 191 и Отч. о Ломон. прем. 38 и у меня выше, стр. 116. Всѣ слова съ этимъ суфф. въ косвенныхъ падежахъ имѣютъ удареніе на концѣ. Нѣкоторыя изъ словъ съ этимъ суфф. встрѣчаются

въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ также съ суфф. о́к (род.: -ока́), наприм. литерат. (и сѣв.-влкр.?) „сѣдо́къ“ (ср. у Колосова, Замѣтки: сѣдока — новг.), „ходо́къ“ (ср. жиздрин. „ходя́къ“); казан. и сѣв.-влкр. „судо́къ“ (то-же въ грамотахъ XV в.; см. Шахмат. Отч. о Ломон. пр. стр. 38). Ср. у Черныш. Моск. у. „прайда́къ“ (= пройдоха, стр. 6). Въ хада́к и „сѣдак“ (кромѣ Парф. также Мещов. и др.). вѣроятно- суфф. „ак“ явился вмѣсто болѣе стараго „ок“ по аналогіи съ другими словами.

о́к; въ остальныхъ падежахъ ударе́ніе на окончаніи; примѣры: сядо́к, игро́к, яздо́к. Въ литерат. яз. кромѣ этихъ словъ употребляются съ тѣмъ же суфф. слова: ѣдо́къ, ходо́къ; въ сѣв.-влкр.: судо́къ (= литер. суда́къ); ср. также поль. widok. Кажется, всѣ эти имена — отглагольныя.

а́ка и *я́ка*. По Миклошичу это — „Suffix, der die durch das Thema bezeichnete Handlung energisch oder oft oder in vorzüglichen Grade ausführt“. Примѣры: гуля́кă, зъбия́кă, писа́кă, ръскаря́кă и т. п. не вполнѣ соотвѣтствуютъ Миклошичеву опредѣленію. Скорѣе этотъ суфф. вноситъ ухужшительное значеніе (deteriorativbezeichnung нѣмецкихъ или „уничижительное значеніе“ русскихъ грамматикъ). То-же значеніе этотъ суфф. имѣетъ и въ малорусскомъ.

ня́к: трисня́к или трасня́к, -ника́ или -няка́; ивня́к, дубня́к и пр. Обыкновенно вмѣсто этого суфф. является суфф. ня́г, наприм. алшня́к, -га́ и др. См. ниже.

ик — ласк.-уменьш. суфф. Примѣры: гла́зик, гро́бик, дво́рик, до́мик, кане́чик, карма́шык, ло́мтик и ламо́тик, мо́стик, мы́шык, но́сик, пёсик, пру́тик, ро́тик, са́дик, ако́лик, сухарик, цвётик, хлю́пик, чи́жык; агуре́чик и мн. друг. Въ такихъ словахъ, какъ карма́шык суфф. -ик замѣнилъ болѣе старый -ек (изъ -ьк). Что теперь въ этихъ словахъ именно суфф. -ик, а не -ьк, видно изъ такихъ примѣровъ: „у них ниднаwо́ там мы́шыкă не́ту“, „пъ кане́чйку“; „ис карма́шыкă аре́шки“... Отъ многихъ изъ

слов̀ъ, имѣющихъ уменьшит. съ суфф. „-ик“, употребля̀ются также уменьш. съ суфф. „-ъкъ“ и „ькъ“, наприм. глазо́къ, дамо́къ, ис карма́шкѣ, масто́къ, мышкѣ (жен. р.), насо́къ, съкало́къ, тво́ятъ. Суфф. „-ик“ съ уменьшит. значеніемъ сохранился преимущественно въ западно-славян. языкахъ, а въ южныхъ въ этомъ значеніи почти неизвѣстенъ.

ник — отыменный суфф.; по происхожденію онъ разлагается на „-ьн“ — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ + „-ик“ — суфф. существительныхъ, но безъ уменьшит. значенія. Суфф. „-ник“ употребляется въ различныхъ значеніяхъ: а) для образованія именъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету: дво́рник, ма́итник (ма́ятникъ — тотъ, кто мается, наприм. очень хвораетъ или принужденъ много работать и т. п.: „набо́з ду́мът: wot ма́итник“), пло́тник, рабо́тник, я́бидник, у́мник и пр.; б) для образованія названій предметовъ, находящихся въ извѣстномъ отношеніи къ предметамъ, обозначеннымъ основой, къ которой присоединяется суффиксъ, наприм. названій вмѣстилищъ извѣстныхъ предметовъ, названій ягодныхъ растеній и пр. Примѣры: га́чишник, каснѝк (ленточка, которой перевязываютъ косу), приса́дник, рушнѝк (полотенце), чи́слинник (=календарь), афша́нник, павоjник, по́лдник (ѣда около 5 час. вечера), бала́сник, сила́ник; каро́вник, свиня́тник; куста́рник, брусни́шник, зимлини́шник, чирни́шник, мидуни́шник, бабо́вник; аре́шник, бире́зник, аси́нник, трисни́к (= тростникъ) и пр. в) для образованія отвлеченныхъ понятій: дъмавни́к (вечеринка, которую дѣвка устраиваетъ у себя въ отсутствіе родителей), пра́зник и пр.

ико: ли́чикѣ, кале́чикѣ; пле́чики...

ика: чичиви́кѣ, чимири́кѣ, но пъисни́цѣ. Названія ягодъ, имѣющія въ литер. и южно-великор. суфф. „ика“, въ говорѣ Парфёнокъ имѣютъ сѣв.-великор. суфф. -ига, см. ниже. Слово „чечевика“ съ тѣмъ же суфф. извѣстно и въ ю.-влкр., ср. медын. чучуви́кѣ. Вмѣсто суфф. „ика“ употребляется съ тѣмъ же значеніемъ и суфф. „ица“ (см. ниже), ср. литерат. чечевица, поясница. Обо всѣхъ

этихъ суфф. см. у Будде, Къ исторіи, стр. 185 и Тул.-Кал. 881 и у Шахмат. Отч. о прис. Ломон. прем., стр. 34—35.

ук и *юк* — уменьшит.; очень рѣдко; только б а р ч у́ к и б а р с у́ к (послѣднее неуменьшит.). Въ Калужской губ. „барчу́к“ — обычно и, кромѣ того, употребляется слово „прасу́к“ = поросёнокъ“. Очень употребительны суфф. „ук“ и „юк“ въ малор., часто, какъ суфф. nomінut patronym. Изъ другихъ славянскихъ языковъ у Белича указаны примѣры съ этими суфф. только въ польскомъ и чешскомъ (§ 41, 42).

ука и *юка:* зл'ю́кă. Змѣя гадюка подъ Волоколамскомъ называется „ме́дницă. Суфф. -ука и -юка часты въ малорусскомъ.

ък; суфф. уменьшит.; примѣры: гърадо́к, гадо́к, дамо́к, глазо́к (между проч. — ласкат. обращеніе къ человѣкр), витяро́к (вмѣсто: вѣтро́къ), къзило́к (въ свадебной пѣснѣ: „maiwó казилка́ думаро́ссинава“), рато́к (колыб. пѣ.), цылawо́к (поцѣлуй), кусо́к, пало́к, пято́к, хлябо́к и мн. др.

ък; уменьшит.: бычо́к, дружо́к, ку'ю́к, пърин'о́к, ца'ю́к, аре́шык и мн. др.

ъка; уменьш.: кры́нкă, кашо́лкă, го́ркă, де́фкă и мн. др.; собств. имена: Ве́ркă, Мико́лкă, Фяко́лкă и др.

ъка; уменьшит.: зиме́'лкă, нидé'лкă, по́'лкă (стричься подъ польку); Ва́'скă, Ва́'нкă, Пе́'ткă, Мико́'лкă, Гри́'нкă и мн. др.; тотъ же суфф. въ ш е й к ă, т р о́ й к ă, но есть и т р о́ д ц ă, напр. группа въ три бабки при игрѣ въ бабки.

ъчък и *ъчък* — уменьшит. Въ этомъ суфф. первое *ъ* и *ъ* всегда является въ видѣ „*о*“ и „*е*“, причемъ въ имен. пад. эти гласныя явились по аналогіи съ другими падежами. Суфф. „ъчък“ и „ьчък“ — сложные = ък + ък и ьк + ьк и приставляются только къ тѣмъ словамъ, отъ которыхъ есть уменьшит. съ простыми суфф. „ък“ и „ьк“ (не „ьц“!). Уменьшительныя съ суфф. „ьчък“ образуются только отъ именъ съ основою на задненебную или плавную. О произношеніи суфф. -ьчък см. выше, стр. 17.

Примѣры. 1. бантóчик, гвоздóчик, гадóчик, гърадóчик, листóчик, тватóчик, насóчик, кусóчик, въратóчик, хлябóчик и пр.; 2. гаршéчик, дружéчик, калéчик, кулéчик, мишéчик, пучéчки, къришóчик, цар̀óчик и пр.

ъчько и *ъчько* — уменьш.; эти суфф. тоже сложные = ък + ько и ък + ько, и при нихъ по большей части есть уменьшит. съ простымъ суфф. „ъко“, „ько“ или „ьце“. Примѣры: 1. вид̀óръчкъ̆...; 2. врéмьчкъ̆, лéтичкъ̆, лукóжьчка, мис̀тéчкъ̆, слóвичкъ̆ и славéчкъ̆, калéчкъ̆ и калéчик и пр.

ъчька и *ъчька* — уменьшит., = ък + ка и ък + ька; при нихъ есть уменьшит. съ простымъ суфф. „ъка“ или „ька“: 1. вóдъчкъ̆, гóръчкъ̆, дéвъчкъ̆ и дявóчкъ̆, пóлъчкъ̆, игóлъчкъ̆, дóстъчкъ̆ (только въ пѣ.; въ ю.-влкр. обычно разговорное: дастóчка) и пр. 2. дащéчкъ̆, дýшьчкъ̆, милáшьчкъ̆, трóичкъ̆.

ъчик — уменьш. = ък + ик. При словахъ съ этимъ суфф. есть уменьш. съ простымъ суфф. „ьц“. Уменьшительныя съ суфф. „ьчик“ образуются отъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ не образуются уменьш. съ суфф. „ьчък“ (см. выше). При этомъ „ь“ въ суфф. „ьчик“ фонетически выпадалъ еще въ общерусскомъ, но можетъ возстановляться въ видѣ „е“ по аналогіи съ формой именит. пад. един. соотвѣтствующихъ уменьш. съ простымъ суфф. „-ьц“. Примѣры: галýпчик, купчик, малóччик, мал̀чик, кóпчик, пал̀чик; канéчик (наприм. въ канéчьку), агурéчик (род.: агурéчикъ̆). Быть можетъ, въ послѣднихъ двухъ „е“ явилось не только подъ вліяніемъ имен. пад. канéц, агурéц, но и по аналогіи съ уменьш. на „ьчък“.

Уменьшит. съ суфф. „-ък“ могутъ образовываться ся и отъ словъ съ другими суффиксами.

ичька, уменьш.: вади́чкъ̆ (уменьш. отъ вадица) и пр.

ица. Этотъ суфф. по происхожденію тотъ же, что „ика“ (см. выше). Значенія его различны: а) уменьшит.: вади́цъ̆, падлáвицъ̆, ýлицъ̆; въ послѣднемъ словѣ уменьш. значеніе утратилось; б) этотъ суфф. употребляется для образованія именъ лицъ женскаго пола отъ именъ суще-

ствительныхъ и, частью, прилагательныхъ: дѐвицꙋ, мидꙋвѐдицꙋ, мъладѝцꙋ, царѝца; в) слова съ этимъ суфф., образованныя отъ прилагательныхъ, обозначаютъ людей обоихъ половъ, но преимущественно женскаго, обладающихъ признакомъ, обозначеннымъ основой прилагательнаго: красáвицꙋ (отъ прилаг. красавый; въ русскомъ яз. это прилагательное не употребляется, ср. сербск. красави, красава), любѝмицꙋ, пјáницꙋ, прикрасáвицꙋ, ꙋмницꙋ и др., ср. въ приб.: „У Вáси фáбрика свáя; фáбрика да кꙋзница, — какóј Васóнка ꙋ́мница“ и: „Я за пјáнава папала; напляваꙋ́т што пјáница, на лицо красáвица“; въ сказкѣ: „был прѝниц, прикрасáвицꙋ“. Въ большинствѣ случаевъ слова съ этимъ суфф. обозначаютъ только лицъ женскаго пола, а для лицъ муж. пола употребляются отъ тѣхъ же основъ прилагат. имена съ суфф. „ьц“ и „ик“: красáвиц, мирзáвиц, мóлъдиц и мъладéц; учинѝк, ꙋ́мник и пр.; мъладѝцꙋ, учинѝцꙋ и пр. — названія лицъ только женскаго пола. г) этимъ суфф. можетъ обозначаться единичный предметъ или одна изъ составныхъ частей цѣлаго: пълавѝцꙋ (доска въ полу), пълазнѝцꙋ (одинъ изъ полозьевъ у саней), тиснѝцꙋ; суфф. „ица здѣсь присоединенъ къ основѣ отыменныхъ прилагательныхъ. д) съ суфф. „ица“ образуются въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ названія ягодныхъ и нѣкоторыхъ другихъ растеній (см. выше о суфф. „ика“); въ парфёнковскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ — суфф. „ига“ (тоже сѣверный) или „ика“ (южный), а „ица“ — только въ „пјáницꙋ“ (= пьяника, голубика, гонобобель).

ница; по происхожденію и значенію — въ близкомъ родствѣ съ суфф. „ник“; разлагается на „ьн“ — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ + „ица“ съ неуменьш. значеніемъ; образуетъ: а) названія лицъ преимущественно женскаго пола, имѣющихъ отношеніе къ предмету, обозначенному основой, къ которой присоединенъ суфф.: пјáницꙋ, умницꙋ (см. выше), учинѝцꙋ (=ученица, но въ Мазиловѣ и: учительница), учи́тильницꙋ, рабóтницꙋ и пр.; между прочимъ, на „-ница“ образуется женскій родъ

отъ всѣхъ именъ на „тель“: ради́тиѣница, ръззари́тиѣница, пъгуби́тиѣница и др.; б) названія предметовъ, находящихся въ извѣстномъ отношеніи къ предметамъ, обозначеннымъ основой: брусѣни́ца (ящикъ для бруска, которымъ точатъ косы), жы́тница (амбаръ; помѣщеніе для хлѣба), мити́ѣница (помѣщеніе для мякины), су́дница (лавка, на которую ставятъ посуду, въ чуланѣ, около печки), и др.; в) отвлеченныя понятія: навóѣница (время, когда возятъ навозъ), тимни́ца — не только въ значеніи темнаго помѣщенія для преступниковъ, но и въ значеніи „темнота“ въ одной сказкѣ, записанной мною отъ старухи: „Jéхъли туд два бра́тă..., jéхъли дно́м и ѣдéлълъс тóмнъ, ни видаѣ слéду. Ане крича́д друγ дру́шку: бра́тьц ро́днъj, што́ дѣтъ тако́j случи́лъс?... што тако́j: тóмнъj тимни́цъ, ни вида́ѣ слéду?“

ище — уменьш.: ма́слица, здарóвjица, пла́тица и др.

ъи: аристáниц (род. -áнца; арестантъ), краса́виц, мирза́виц, мóлъдиц и мъладéц (род. мóлъца и мълацá), канéц, купéц, агурéц и мн. др. Тотъ же суфф. — въ словахъ: зáиц, род. зájца, и калóдиц, род. калóцца. Въ этихъ двухъ словахъ суфф. „ьц“ явился сравнительно поздно вмѣсто старыхъ „яц“ и „язь“ по аналогіи съ другими словами на „ец“. Отъ слова „калóдиц“ прилагат. — „калóдьшнъj“. Старое „колодязь“ сохранилось въ различныхъ русскихъ говорахъ, между прочимъ въ Туль. (см. Будде, Туль., стр. 1292, 1300 и 1325), Калуж. (по моимъ наблюденіямъ въ Калуж. и Медын. уу.), гдѣ оно звучитъ, какъ „калóдиѣ“ (и -дяѣ), род. „калóдиза“. Ср. ст.-слав. кладязь. У Срезневск. въ Матер. для словаря — только: кладязь и колодязь.

ъце — уменьшит.: вирiтóнцъ, зéрѣтилцá, винцó, карыццá, мисцó (мясцо), пифцó, писѣмицó, мы́лцá, силцó и мн. др. Беличъ сюда же относитъ слова: здоровьеце и платьеце (парф.: здаровjицá, пла́тица), въ которыхъ, можетъ быть, суфф. — не „ьце“, а „ице“ (см. выше).

ъца. Этотъ суфф. — въ словѣ „троjцá (о бабкахъ: группа въ три бабки). См. выше, суфф. „ька“.

г (?): чурга́шкъ (чурка, короткій обрубокъ толстой палки), наприм. „тела̀ мо́ртвая валя́лса, как чурга́шка на земле́“ (пѣ. про Ходынку) или: „иш ты, чурга́шъчкьмй гра́ит“, ср. чу́ркъ, чура́к и пр.

яг: бучя́к, род. бучага́ (глубокое мѣсто въ рѣчкѣ; небольшое вмѣстилище воды въ оврагѣ, низинѣ и т. п.).

няг: дубня́к, ивня́к, а̀лшня́к, род. дубнягу́, а̀лшнягу́; мѣ.: в ъ̀лшниге́ и пр. Этотъ суфф. — въ близкомъ родствѣ съ суфф. „няк“, ср. трисня́к, -ку и др. Повидимому, суфф. „няг“, какъ и суфф. „ига“ вмѣсто „ика“ — сѣверновлкр., ср. „ельнягомъ“ — Вологод. Кадник. См. также выше, стр. 75.

ага и *яга:* диля́гъ (кажется: мѣлочной человѣкъ, У Даля и Булича въ Изв. II Отд. кн. 1 наоборотъ: дѣловой человѣкъ), сѝзмя́гъ, вата́гъ, кула́гъ (кушанье), бидня́гъ, брадя́гъ, хъла̀стя́гъ (холостой человѣкъ, съ унизительнымъ оттѣнкомъ) и др. Суфф. „яга“ вноситъ унизительный оттѣнокъ значенія и стоитъ въ родствѣ по значенію съ суфф. „ака“ и „яка“. См. также уменьш. на „ашка“ и „яшка“.

яг-ус: лѝнтягу́с = лѣнтяй.

ига и *нига.* Съ этимъ суфф. образуются названія ягодъ: брусни́гъ, зимлини́га, жижыви́гъ, клубни́гъ, къстини́гъ, чирни́гъ, но: пя́ницъ (см. выше, суфф. ика и ица). Суфф. „ига“, кажется, болѣе свойственъ сѣв.-влкр. и, частью, средне-влкр. говорамъ. Ср. сѣв.-влкр. Муром. (Колосов, Зам. 299 и Обзор 173), Том. (Колосов, Обзор, 173), Владим. (Покров. и Киржач. у.—Черныш., Моск. у. 9, 13), Моск. у. (ibid.) и др. Въ другихъ сѣв.-влкр. въ этихъ словахъ—суфф. „ица“ (наприм. Яросл. Пошехон.), иногда въ чередованіи съ „ика“ (напр. Новгор., Устюж., матер. 28). Въ ю.-влкр. въ этихъ словахъ обыкновенно „ика“ (см. выше этотъ суфф.). Ср. чередованіе по говорамъ суфф. „няк“ и „няг“ въ названіяхъ кустарниковъ или группъ деревьевъ.

Тотъ же суфф. „ига“ — въ кули́га, уменьш.: кули́шка — небольшой уголъ земли подъ покосомъ, лужайка

(ср. у Черныш., Моск. у., въ словарѣ, гдѣ „кули́га“ показано съ другимъ значеніемъ — „бочагъ“).

ъга. См. ѣшка.

уга и *юга:* вйу́гъ, дирю́гъ. См. также „ушка“ и „ющка“.

ыга: маты́гъ, зъбулды́гъ. См также „ышка“.

аха и *яха*“ — суфф. собств. именъ: Ната́хъ, Пара́хъ; Дуня́хъ, Грушáхъ; Дамахъ (= Домна).

уха и *юха:* а) суфф. собств. именъ: Васю́хъ, Ваню́хъ, Гришу́хъ, Матю́хъ (Матвѣй), Пашу́хъ (муж. имя), Машу́хъ, Марфу́хъ, Настюхъ, Пятру́хъ, Палю́хъ (= Пелагея), Сашу́хъ, Сяму́хъ (Семёнъ), Филю́хъ, Химу́хъ и др.; б) нариц. именъ женскаго пола: мъладу́хъ, стару́ха, талсту́хъ; в) неличныхъ именъ: гуду́хъ, гъладу́хъ, сяму́хъ, асму́хъ, свину́хъ (грибъ), слипу́хъ (сырыя ягоды, нустоцвѣтъ, мужскія особи растеній), чиро́муха (вмѣсто: черемъха), „гарю́хи на́шъму Андрю́хи“ (поговорка) и пр. См. также суфф. „ушка“. Значеніе суфф. „уха“ не уменьшит., какъ думаетъ Беличъ, а скорѣе увеличительное, хотя послѣднее могло развиться потому, что при словахъ на „уха“ часты уменьшит. на „ушка“, въ которыхъ уменьшительное значеніе очень ослабло. Суффиксъ „уха“—изъ общеслав. „ūcha“, ср. поль. „usia“.

иха. Этотъ суфф. образуетъ а) имена лицъ и животныхъ женскаго пола: бъгачи́хъ, кърали́хъ, либиди́хъ, валчи́хъ, јистриби́хъ, зајчи́хъ, партни́хъ, купчи́хъ и пр.; въ одной свадебной фаллической пѣснѣ припѣвъ: „чумачи́ха, чумачи́ха, чумада́ниха мая́“ и т. д.; очень часто этотъ суфф. — при фамиліяхъ: Бу́рчихъ (Бурцева), Вракулихъ, Дими́дихъ, Каря́жыхъ (Карягина), Чучилихъ, Силичи́хъ (Селичова), Фи́шырихъ (m-me Фишеръ) и проч.; б) бали́ха или ъбали́хъ (ржаной кисель).

еха — суфф. собств. именъ, а также названій лицъ и предметовъ; значеніе, приблизительно, то-же, что суфф. „уха“: а) Матро́хъ, Надо́ха; б) но́хъ, нискладо́хъ, тито́хъ, дуро́хъ, ма́чьхъ; в) лино́ха. См. также суфф. ешка.

ша (ьша и ъша); этотъ суфф. образуетъ имена лицъ женскаго пола отъ именъ лицъ мужескаго пола, причемъ по большей части имена на „ша“ обозначаютъ женъ соотвѣтствующихъ лицъ мужескаго пола; впрочемъ, это значеніе не такъ послѣдовательно, какъ въ литературномъ: до́хтърша̀ (жена доктора или женщина-врачъ), ді̯а́кънша̀ (жена дьякона), игу́мі̯ньша̀ (— игуменья), учи́тъл̓ша̀ (жена учителя или учительница) и др.

яш: кудря́ш (кудрявый), кругля́ш (мѣлкія круглыя дрова).

аш: тарга́ш.

Въ косв. падд. имена съ суфф. „аш“ и „яш“ имѣютъ удареніе на концѣ.

ош: пу́стъш, множ.: пусташа́; ве́тъш — женск. рода; ю́нъш или в̓ју́нъш (юноша) муж. р.: „он ф сад гуля́т̓ ушо́л са в̓ју́нъшъм“; „wот и в̓ју́нъш тъ нъради́лсъ“ (ск., запис. отъ старухи).

ыш (всѣ слова на ыш — муж. рода): глупы́ш, крипы́ш, ди̯то́нуш, ку́киш, къраты́ш (короткій предметъ; бревно, не достигающее надлежащей длины), мя́киш, галы́ш (голый), наj̓до́нуш, wы̓ігра̀ш, камы́ш, патки́душ, прије́муш, пу́плыш, пупы́руш, с̓иро́дыш (середняя часть), малы́ш, чалы́ш, чи́руш; „прије́хъли нашы ку́пчики сафсе́м и нагишо́м“ (пѣ.) и пр. Въ большинствѣ случаевъ суфф. „ыш“ вноситъ понятіе объ очень небольшомъ размѣрѣ лица или предмета, обозначеннаго именемъ съ этимъ суффиксомъ. Кромѣ русскаго языка, суфф. „ыш“ извѣстенъ, кажется, только въ поль., наприм. gołysz и др. О произношеніи именъ съ суф. „ыш“ см. выше, стр. 38—39 и 125. См. также суфф. „ышык“, „ушык“, „ышка“ и „ушка“.

шък — уменьшит. отъ словъ на „н“: бара́шык, род. -шка̀, грибишо́к (род. -шка̀), ка́мушык, къришо́к (уменьш. отъ „ко́рень“), къчишо́к (отъ „кочан̓ъ“), куришо́к (отъ „куре́нь“ — группа деревьевъ среди полянки или въ сторонѣ отъ остального лѣса), карма́шык (род. не только: „карма́шка̀“, но и „карма́шыка̀“, ср. аре́шки и аре́шыки

и проч.). О произношеніи слова „камушык“ см. выше, стр. 38—39. По мнѣнію Белича, въ камышькъ суфф. -шькъ замѣнилъ болѣе старый -чькъ, но мнѣ кажется, что могъ быть и старый суфф. -шькъ, приставлявшійся прямо къ основѣ: камы-шькъ.

шъко и *шъка:* търаканшкă и пр.; другія уменьш. на „шка“, быть можетъ, произведены отъ именъ съ суфф. „-х-“, наприм. капóшка (изъ копна или копёха?), рибитóшки (ср. рибитóнки), чургáшкă (изъ чургáха?) и пр.

ашька, яшька и *ажька, яжька*— уменьш. Эти суфф. не всегда можно различить, потому что при словахъ съ этими суфф. не всегда сохранились ихъ основныя формы на -аш, аха, ага. То-же слѣдуетъ сказать и ниже о суфф. ишка, ёшка, ушка, ышка, ѣшка. Примѣры: Натáшка, Парáшка, Микалáшка (уменьш. отъ Натахă, Парахă, *Микалáхă, а не отъ ласкат. на -ша), Дуняшка, зъмарáшка, къялабáшкă, чургáшкă, двáяшкă, траяшкă, дурáшкă; милáшкă (ж. р. отъ милáй?); бидняшка (уменьш. отъ бѣдняга), кулáшкă (отъ кулагă), сатняшкă (отъ сатняга), пунáшкă (чуланчикъ; отъ „пунага“?) и пр.

ишъко, ишъка и *ижъка:* дамúшкă, бърадúшкă, братúшкă, малчишкă, трусúшкă, кулúшкă (отъ кулига), рибитúшки и пр.

ешъка и *ешъко:* капóшкă, рибитóшки; Матрóшкă, но Надéшкă или Надюшкă.

ушък: салóвушык или салóвјушык; слово варóбушык, вѣроятно, — изъ воробышекъ, а послѣднее — уменьш. отъ воробышъ — воробьиный дѣтёнышъ.

ушъка, юшъка: Пятрýшкă, Палюшкă, Ванюшкă, Сóмушкă (уменьш. отъ именъ на „уха“, а не отъ ласкат. на -уша), Кабýшка (жен. прозвище), малóдушка (ср. мъладýхă), мáтушка (ср. млр. матухна), жóнушкă, вдóвушкă, зятюшкă (собств.: зятюшко), дéдушкă, гáлубушкă, хлéбушкă, кладýшкă, избýшкă, ватрýшкă, балтýшкă, васмýшкă (ср. асмýхă), ратýшкă (то, что можно положить въ ротъ за одинъ пріемъ), касýшкă, свинýшкă, валнýшкă (ср. свинýхă, валнýхă), лягýшкă (ср. южное „люгáшка“),

сирдéчушкă, сирóтушкă (только въ пѣ.: „между вдовушык сирóтушык“), сиратúнушка, рибúнушкă и мн. друг. О произношеніи см. выше, стр. 38—93. Въ большинствѣ случаевъ формы на -ухă и т. п., отъ которыхъ производились первоначально уменьш. на -ушька, утрачены. Позднѣе уменьш. на -ушька стали образовываться прямо безъ посредствующихъ формъ на -уха и т. п.

южьк: пјиньчýшкă, дирюшкă. Благодаря употребительности уменьш. на ушка явилось „у“ въ „дéнюшки“ при дéньшки. См. выше, стр. 40.

ыгиьк: чúрушык, пушырушык, къртышóк, пýплушык, нóнушык, варóбушык. О произношеніи „у“ вмѣсто „ы“ см. выше, стр. 38—39. Слова съ суфф. -ышык всѣ — уменьшит. отъ именъ на „-ыш“.

ыгиько, *ыгишка* и *ыгжька*: рóбрушкă, нóрушкă, дóнушкă (если только здѣсь не старое ушко); мя́кушка (уменьшит. отъ „мякишъ“ съ измѣненіемъ рода), малúшкă (ж. р. отъ малúш); нъ шърамúшку (отъ „шарамыга“), зъмухрúшкă (отъ „замухрыга“?), ладúшкă (отъ „ладыга“, ср. фамилію Ладыженскій), маклúшкă (отъ „маклыга“?).

жька: суравéшкă (отъ суровѣга? ср. малор. суровика).

ежь — суфф. собират. именъ женск. рода, обозначающихъ лицъ, обладающихъ свойствомъ, выраженнымъ основой прилагательныхъ, къ которой присоединяется этотъ суфф.: мъладóш, хълаcтош.

ежъ — суфф. отвлеченныхъ именъ муж. рода, образованныхъ отъ глаголовъ: гравóш, падóш, мне ни фтинóш, дилóш и пр., ср. валóжник отъ *валёжь.

ище — отыменный суфф., образуетъ: а) имена увеличительныя: дамúщă, чаще: дамúнă; ручúщă, чýдищă, къбылúщă и пр.; слово дéтищă (ск.), можетъ быть, заимствовано (старослав. дѣтищь); б) имена предметовъ, связанныхъ по мѣсту съ предметами или дѣйствіями, обозначенными основой, къ которой присоединяется суфф., а именно: 1) названія мѣста, на которомъ происходитъ извѣстное дѣйствіе или находятся извѣстные предметы: пáзбищă (отъ *„пасьба“; мѣсто, гдѣ пасутъ скотъ), гýлбищă

(мѣсто, гдѣ происходитъ гулянье — „гульба“), пълдниви́щѫ̆ (мѣсто, гдѣ отдыхаетъ скотъ въ полдень, въ лѣсу), ѫ̆ржыни́щѫ̆ (мѣсто, гдѣ росла рожь), жниви́щѫ̆ (мѣсто, на которомъ жнутъ или съ котораго сжали хлѣбъ; отъ „жниво́“), пажа́рищѫ̆ (погорѣлое мѣсто) и пр. 2) названіе части предмета, за которую держатъ предметъ, обозначенный основой, къ которой присоединяется суфф.: грабилищѫ̆ (длинная палка у грабель), тъпари́щѫ̆ (ручка топора = калуж. руканя́ть), кнутави́щѫ̆ (суфф. -ов-ище; палка у кнута), уди́лищѫ̆ (прутъ, къ которому привязываютъ удочку), но: каc̀jо́ (деревяная палка у косы).

ищь — суфф. именъ муж. рода; только: тава́рищ или тава́риш.

щик — суфф. именъ муж. рода. О произношеніи см. выше, стр. 85. Примѣры: мълате́л̀шык, плате́л̀шык, луди́л̀щик, краси́л̀щик, пи́л̀шык, ните́л̀шык (= метельщикъ), къните́л̀шык, пад̀о́н̀щик, jимшы́к, изме́н̀шык (= измѣнникъ), ру́пщик или ру́пшык (=рубщикъ) и др. Съ ними нельзя смѣшивать именъ, гдѣ „щик“—изъ „счик“ и т. п.: прика́щик, во́щик и т. п.

ич — суфф. исключительно nominum patronymic. и притомъ почти только отъ собствен. именъ; несобствен. только: царе́вич, къралéвич и каро́ливич (пѣ.) и, рѣдко, папо́вич. Въ старорусскомъ и, частью, въ нынѣшнихъ говорахъ кое гдѣ, этотъ суфф. употребительнѣе. Такъ, въ старорусскомъ суфф. „ич“ носили названія родни: дядичъ, отчичъ, братаничъ, сестричъ и сестричичъ, прилаг. дѣдичъ, и названія народовъ: русичи, вятичи, дреговичи, радимичи и пр.

т — вставное, по аналогіи: плант, крант, „изъ леворвѣрта“ (М. Б.); Арсе́н̀тьj; зънаве́стъчкѫ̆, рзънаве́стъчки, пъднаве́стъчки; до́стъчкѫ̆ (только въ пѣ.), но: дасо́к или до́сък и, обыкновенно: дащечкѫ̆. См. выше, стр. 102.

от — гро́хът (рѣшето, черезъ которое просѣваютъ землю).

ота — первоначально суфф. именъ, обозначавшихъ отвлеченныя понятія; теперь въ Парфёнкахъ значеніе это-

го суфф. то же, что въ литерат., бидната́, высата́, лъмата́, мъгута́ („у“ изъ „о“?), па́хътъ, кръсната́, забо́тъ, рабо́та, тимната́, сухата́ и мн. друг. О словѣ мъгута́ см. выше, стр. 30. Можетъ быть, въ этомъ словѣ — суфф. „ута“. Объ удареніяхъ въ словахъ съ суфф. „ота“ см. выше, стр. 112 и у акад. Корша „О русск. нар. стихослож.“, 112—114.

отъ: хабо́т — ж. р. (количество сѣна, соломы, мякины и пр., какое укладывается въ крошню. Отъ этого слога слова — производный глаголъ: охаба́чивать. Корень — тотъ же, что въ хоботъ и охабка), щипо́ткă (отъ щепоть).

втъ: но́гът, ко́гът, ло́кът, ла́пти, ко́път, ламо́т и пр.; лахмо́тьи.

ута? мъгута́; ни в мъгуту́ и пр., ср. сѣв.-великор. прилаг. могутной. Отъ именъ лицъ съ суфф. „-ута“ сохранились только уменьшит.:

утка и *ютка:* Васю́ткă (только женск. имя), Мишу́ткă, Гришу́ткă, Машу́ткă, Марфу́ткă; малю́ткă и, можетъ быть, красутка, „разъ красутка“ (у Миши Байкова). См. выше, стр. 22. Въ бѣлорусск. суфф. „ут“ употребляется въ образованіи прилагательныхъ, какъ и въ западнославян. язз. По Беличу, въ общеслав. „ūt“ былъ суффиксомъ прилагательныхъ.

тух: пяту́х, пасту́х.

тель — отглагольный суфф. nominis agentis: ради́тиль, ринда́тиль (= арендаторъ, ср. Волог. Кадник., матер. 31), пъкупа́тиль, пъгуби́тиль; имена лицъ женскаго пола отъ именъ на „-тель“ образуются съ помощью суфф. „ниц“, ср. въ свадьбишной прибауткѣ дружка: „кра́снъи диви́цы (удареніе на „и́цы“ вызвано желаніемъ рифмовать слово съ „маѣстири́цы“), пиро́жнъи мъѣстири́цы, кала́шнъи зъдиба́тильницы, рибя́т прижыма́тильницы, к ѣстѐнки притыка́тильницы“ и т. д.

ость; суфф. именъ, обозначающихъ отвлеченныя понятія, произведенныхъ отъ именъ прилагательныхъ: бе́днъѣ, ду́рăѣ (дурость, дурачество), глу́пăѣ, го́рдъѣ, мо́лъдъѣ, ста́ръѣ, ъддале́ннъѣ (см. выше, стр. 119), притво́р-

нъ с̀ (притворство: „адне́ притво́рнъс̀ти“ = одно притворство), ско́ръс̀ (наприм.: па ско́ръс̀ти, ф ско́ръс̀ти) и др.; во́лъс̀ [1) волость; 2) волостная контора; первичное значеніе — „власть“ — не сохранилось].

есть: бо́лис̀ (= болесть).

л; суфф. причастій и отглагольныхъ прилагательныхъ, а также и отглагольныхъ существительныхъ, произведенныхъ отъ причастій:

л: нача́л: адда́т̀ пъд нача́л и пр., и нача́лă (=начало), сто́л.

(ла), *лъка:* пало́лкă, шывили́лачкă, с я в а́ л к ă (ж. р.; лукошко, изъ котораго се̑ютъ).

ло: вясло́, рукъмясло́, тр̀о́плъ или тряпло́ (ругат.), нача́лă, зъчищ̀а́лă (тотъ, кто зачищаетъ доски) и мн. др.

ял: масо́л, род. масла́.

ълъ: каз̀о́л, а̀рол, ка̀то́л.

ъла: па́клă (= пакля).

елъ (?): ве̑ртьл.

л̀ — суфф. именъ женск. рода, обозначающихъ, по большей части, отвлеченныя понятія и произведенныхъ отъ причастій и прилагательн. на „л“. Собственно суффиксомъ существ. здѣсь является только „ь“ (см. выше). Примѣры: за́ръс̀(л̀), п р и́ с т а̀ т̀ (=литер. пристань), па́дъл̀, тал̀, у́бы т̀, у́дал̀ и пр.

олъ: то́пъл̀, со́бъл̀, мазо́л̀, род. мазо́ли, множ. музали́. (Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ этомъ послѣднемъ словѣ суфф. „оль“ замѣненъ суффиксомъ „ъль).

елъ: каше́л̀ (род. къшыля́; уменьш. къшыло́к, с̀ т е́ б ь л̀, щ е́ б ь л̀ (литер. щебень). Что въ словѣ „с̀тебьл̀“ — суфф. „ель“, видно изъ примѣровъ: „мали́нъ ф̑ся ф̑ с̀тибиля́х̑“; „мно̑т ијо с̀тибиля́ми“ и пр.; въ литературномъ языкѣ въ этомъ словѣ — суфф. „ьль“. Отъ слова „щебьл̀“ родит.: „щебьлю“ и т. п. Въ другихъ говорахъ отмѣчены у Даля: щабли́на, щебло́, щебли́ть безъ гласной между „б“ и „л“.

ълъ — муж. рода: ка́шы̆л̀ и др.

ъль — отглагольный суфф. именъ женск. рода: мълад*е́*ль (молодой лѣсъ), капе́ль (дождевая вода), ги́бьль (=много), куде́ль, пича́ль, пасте́ль, чаще: пасте́ля́, каче́ли (вмѣсто кача́ли, или здѣсь е?), клубе́ль (уменьш. клубе́лка; только въ пѣ.; обыкнов. лю́лька), мите́ль (отсюда: мите́лица), щиве́ль, жыде́ль (что-ниб. жидкое); также: жыве́ль или жживе́ль — ж. р. (т. е. eau de javelle — составъ для стирки бѣлья; въ Петербургѣ: о́дживель. См. Буличъ, Матеріалы для русск. словаря. Изв. Отд. русск. яз. и слов. I, 312).

ыль; суфф. именъ муж. рода: гарбы́ль, род. -я́ (горбушка, остающаяся при распилкѣ кряжа на доски), кастыль, -я́.

уля: бару́ля́, ръзрагу́ля́, хаду́ли. Ср. свисту́лка. Этотъ суфф. нерѣдокъ въ малор., гдѣ употребляется, какъ ласкательный, напр. мамуля и пр.

ельник: брате́льникъ или брате́йник (двоюродный братъ).

ар и *яр* — отыменный суфф. именъ существ.: сталя́р..., кама́р (род. къмара́); тотъ же суфф. сознается и въ заимствованномъ: мастир, ср. множ. мѣстыра́. Слова съ суфф. ар и яр въ великор. мало употребительны, но распространены въ малор.

ър (?): ви́хър (вмѣсто: вихрь).

арь — суфф. по большей части личныхъ именъ: злата́рь, зна́хърь, капа́рь (землекопъ), гъсуда́рь, пе́къръ, пи́съръ, ле́къръ, пачта́рь (почтмейстеръ и почтальёнъ), сле́съръ, стала́рь, су́дарь; глуха́рь, писка́ръ; каса́рь (только ножъ), суха́рь. Тотъ же суфф. сознается и въ заимствованныхъ словахъ: је́гарь, ла́гъръ (множ. јигаря́, лъгари́). Отъ слова кама́р есть формы другихъ падежей съ „р“: къмаря́, къмари́. Отмѣтимъ удареніе въ „гъсударя́“, а также формы имен. множ. отъ словъ съ суфф. „арь“.

ыръ: пусты́ръ, валды́рь и друг., ср. также пупы́рушык (отъ: *пупырь), прилаг. къласты́рнъј.

ара — отыменный суфф.: чищара́ (отъ „чаща́“: мѣсто, заросшее очень густымъ лѣсомъ; „забра̄а̄ ф чищару́ ф са́мъю“), бухмара́, мушкара́ (собират.: мошки).

ура — отыменный суфф.: кънура́, къжура́, нимчура́, дачу́рка̀ (ср. поль. có'rka), пичу́рка̀ (небольшое углубленіе въ печи, куда кладутъ спички и т. п.), Шу́рка̀ и пр., ср. глаголъ „чипури́ца̀“.

ора: дитвара́.

ин — отыменный суфф., для обозначенія единичнаго предмета или лица: ба́рин, гъспади́н, двърини́н, либиди́н (пѣ.), мищини́н, тата́рин, хрисъ́ани́н и пр., но: балга́р, цыга́н. Во множ. числѣ суфф. „ин“ откидывается.

ина — отыменный суфф. 1) увеличит.: дами́на̀ (большой домъ: „экъю дами́ну вы́стръил“); тотъ-же оттѣнокъ слышится и въ „детина“ (М. Б.) и „мълаччи́на“, обозначающихъ единичныя лица; 2) отвлеченныхъ именъ: з а у́ т р и н а̀, м и́ л ъ с ъ́ т и н а̀ (см. выше, стр. 43; можетъ быть, здѣсь суфф. „ина“ — въ 3-мъ значеніи), но́вина̀ (впервые поднятое поле, отъ „новь“, ср. „сѣять на нови́“; какая ниб. новость; и здѣсь суфф. „ина“, быть можетъ, въ 3-мъ значеніи), тънина́, глубжына́, дълина́ (= длина), пасту́шына̀, дися́ччина̀ (исполненіе обязанностей десятскаго); сюда же можно отнести pluralia tantum на „ины“: иминины, христины, ради́ны; 3) суфф. вноситъ понятіе единичности: виршы́на̀, зано́зина̀, ка̀нфе́тина̀, ре́пина̀, сало́мина̀, скати́нина̀, тиси́на̀, трави́нка̀, штани́на̀, ще́пина̀, чиря́пина̀, я́гъдина̀ и т. п.; въ пѣсняхъ: ваззи́нка, гужы́нка, детина (М. Б.), кравина́чка (ласкат.: пайдо́м мая кравина́чка па ле́тниj па трапи́начти), малчи́на, сирати́на, слезина (М. Б.), судби́на, хмилина (М. Б.), частинушка и пр. Множествен. число отъ такихъ словъ (3-ей категоріи) съ сохраненіемъ суфф. „ина“ можетъ употребляться для обозначенія раздѣльной множественности, наприм. му́хины, сто скати́нин, ко́лкъ ка̀нфе́тин, две ре́пины, кати́и кру́пнъи я́гъдины и пр. При этомъ основныя существительныя безъ суфф. „ина“ употребляются 1) или какъ собирательныя только въ един. ч.: ре́па̀, скати́на̀ [1]), сало́ма̀, ъ́ос, трава́, щапа́ (или щипа́; но ще́пка̀—

[1]) Впрочемъ, изрѣдка и не въ собират. смыслѣ; между прочимъ, въ бранномъ значеніи.

не собират.), кроф, хмел҃; 2) или только во множ.: сл҃о́зы, во́ззи, штаны́; 3) или какъ собирательныя въ обоихъ числахъ: я́гъдă (ср. въ пѣ.: уради́лас си́л҃на я́гада в бару́) и, чаще, — я́гъды: па я́гъды и пр. Наконецъ, нѣкоторыя слова употребляются въ единств. не въ качествѣ собират., наприм. каѣфе́ткă (не: каѣфе́тă), му́хă, сирата́ (послѣднее слово нѣкогда въ един. ч. имѣло собират. значеніе, ср. теперь бидната́, нищата́ въ такомъ значеніи), суд҃ба́. Въ этихъ случаяхъ суфф. „ина“ усиливаетъ понятіе единичности.

от-ина: бливо́тинă (отъ блевота), живати́на (отъ животъ).

ов-ина для обозначенія единичныхъ предметовъ: бъкави́нкă, лугави́нкă (пѣ.), штуко́винă, хряно́винă, дъмави́на (= гробъ). См. выше, стр. 112.

щина: ба́ршынă, пад҃о́ѣшынă, дириве́ѣщинă, дъраф-щи́нкă (даровщинка), дися́ччинă (изъ: десятщина?).

ан: стриган́ (двухлѣтній жеребенокъ).

ун; суфф. nominum agentium: виртун́, варчу́н, быг дристу́н, капу́н, сапу́н, с҃висту́н, фарсу́н, хъхату́н, хвастун́ (тотъ, кто хвастаетъ, т. е. лжетъ), шалу́н и пр.

унья — суфф. именъ женск. рода, отъ именъ на ун: варчу́ѣ҃ă, фарсу́ѣ҃ă, хвастун́ѣ҃ă и пр.

ын: палы́н (полынь).

ынья: спърыѣ҃а́.

н҃: ру́гăѣ҃ и пр., но щебь҃л҃, при́стăл҃.

ынъ, суфф. именъ женск. рода: тяплы́ѣ҃, про́стыѣ҃ (и: пръстыня́), пу́стыѣ҃.

ен-ън-икъ: щи́бре́ник: „у нас нави́ни (на овинѣ) три сибре́никă“; „щибре́нити — эт у нас называ́юцъ мало́тют, с҃ ке́м мало́тити“ (сябре́нниками другъ другу приходятся хозяева одного овина; обыкновенно, на одномъ овинѣ молотятъ отъ 2 до 4 сябренниковъ, т. е. одинъ овинъ приходится на 2—4 двора. См. Потебню, К исторіи звуковъ IV, 28—29) и др.

ена; суфф. съ унизит. (?) значеніемъ: гул҃о́нă, слас҃то́нă. Отсюда — уменьш. на енъка съ унизит. значеніемъ.

енъкъ. Объ этомъ суфф. см. у Карскаго въ Русск. Филолог. Вѣстн. XXII, стр. 179. Карскій неправильно предполагаетъ, что е (ё) въ этомъ суфф. изъ „ъ“. Беличъ, не соглашаясь съ нимъ, связываетъ суфф. „ёнок“ съ суфф. „еньць“ другихъ славянскихъ языковъ. Суфф. „енък“ существуетъ только въ русскомъ языкѣ и образуетъ уменьшительныя, иногда съ унизительнымъ оттѣнкомъ, между тѣмъ какъ въ общеслав. имена на „еньць“, повидимому, обозначали только дѣтенышей. По мнѣнію Белича, суфф. „енък“ возникъ подъ вліяніемъ суфф. женск. р. „енька“, когда послѣдній утратилъ мягкость „н“ въ ударяемомъ слогѣ (ср. ручóнка при рýченька). Какъ бы то ни было, но суфф. „енъка“ и „енька“ въ русскомъ языкѣ имѣютъ различное значеніе; кромѣ того, есть основанія возводить уменьшительно-унизительныя на „ёнъка“ къ неуменьшительнымъ унизительнымъ на „ёна“, если только послѣднія не извлечены позднѣе изъ именъ на ёнъка. Если уменьш.-унизит. „ёнка“ не всегда изъ „енька“, то вопросъ о происхожденіи суфф. „енъкъ“ остается открытымъ. Примѣры: жырив̀óнък, тил̀óнък, ай̯дил̀óнък, мил̀óнък, гълув̀óнък, рив̀óнък, бачóнък и пр.; тотъ же суфф. присоединяется даже къ основамъ, уже имѣющимъ этотъ или родственный суфф.: щин̓óнък, бъжын̓óнък и бъжын̓óнъчик, рибит̀óнки. Множ. число отъ словъ съ этимъ суфф. обыкновенно, но не постоянно, замѣняется множественнымъ отъ именъ съ суфф. „ат“. См. выше, стр. 136.

Къ именамъ, уже имѣющимъ суфф. енък, охотно приставляется суфф. „ък“ для образованія ласкательныхъ: гълув̀óнъчик, бъжын̓óнъчик, мил̀óнъчик, щин̓óнъчик, ср. ай̯нóнъчик.

енъка. По мнѣнію Белича—фонетически изъ „енька“. См. выше. Суфф. „ёнка“ вноситъ уменьшит.-унизительное значеніе: гув̀óнки, изв̀óнкă, лъшыд̀óнкă, лафчóнкă, кърав̀óнкă, лыс̀óнкă, ручóнки, шув̀óнкă и мн. др. Ср. выше суфф. „ена“.

ня — суфф. ласкат.-уменьшит. собств. именъ: Гри́нй, Грунй, Ма́нй, Ната́нй, Пара́нй, Про́нй, Санй, Со́нй, Се́нй.

ѣнка — уменьш.: Гри́нкă, Ната́нкă, Пара́нкă, Про́нкă (только отъ Прокофій, а отъ Прохоръ — только Про́шкă) и проч.

ѣня — суфф. именъ неодушевл. или отвлеч.: гълавня́, квашня́, пучня́ (заг.), ручня́ (заг.; бѣлор. руцня́ — горсть вытрепанной и очищенной пеньки), заимств. у калужск. брихня́ (лганьё), Съкулня́ (прозв.) и пр.; ба́сня́, вы́шня́, на́шня́, пе́сня́ и пр. Объ удареніи см. у Корша.

от-ѣня: бигатня́, пискатня́, ругатня́, тълкатня́ и др.

ѣн-ѣка; уменьшит. отъ именъ на „-ѣня“. Въ этомъ суфф. „н̓“ не непосредственно послѣ ударенія отвердѣло: ба́сьнкă, ба́шънкă, ви́шънкă, пе́сьнкă и пр,; непосредственно послѣ ударенія: дириве́нкă, но квашо́нкă. Если думать вмѣстѣ съ Беличемъ, что нѣкогда „н̓“ передъ „к“ отвердѣвалъ непосредственно послѣ ударенія, сохраняя мягкость въ другихъ положеніяхъ, то придется допустить, что въ „деревенька“ ударніе перенесено.

ѣня. Только множ.: чиртиня́ты, щиня́ты.

ѣн-ѣка — ласк.-уменьш.: но́жѣнка (пѣ.), ру́чинки, Ва́синкă, Ка́тинкă и проч. „н̓“ въ этомъ суфф. сохранило мягкость, въ противоположность „н̓“ въ суфф. „ѣнька“. См. также выше, стр. 66.

оня: тихо́ня́.

анька: кы́сънкă и пр.

ѣня вмѣсто „ыни“, образуетъ: а) имена, обозначающія лицъ и животныхъ женскаго пола: ба́ры́ня́, баля́ры́ня́, графы́ня́, гусы́ня́, книги́ня́ и пр.; б) имена неодушевл. или отвлеч.: пръстыня́, ср. касы́нкă, но: ми́лъстинă.

еньц: мъладе́ньц, род. мъладе́нцă. Это слово, вѣроятно, заимствовано русскимъ языкомъ изъ южнослав.

а — суфф. уменьшительныхъ именъ и названій дѣтенышей. Имена нарицательныя съ этимъ суфф. сохранились только во множ. ч.: жырибя́ты, тиля́ты, гълубя́ты, рибя́ты, утя́ты и пр. См. также выше, стр. 136 и 148. Имена собств. съ этимъ суфф. склоняются, какъ имена на -а: Ваня́, Варя́, Ва́ся́, Мико́ля́, Поля́, Сиро́жă (уменьш. отъ Сирогă), Гриша, Сашă, Мишă и т. п., и имѣютъ зна-

ченіе ласкат.-уменьшит. Тотъ-же суфф., вѣроятно, въ именахъ на -ша, представляющихъ ласкат.-уменьшит. къ именамъ на -хă: Дуняшă, Натáшă, Парáшă, Матрóшă, Микалáшă, Мáшă и пр. Уменьшит. на „шька“ образованы не отъ этихъ ласкательныхъ, а прямо отъ именъ на „ха“. Уменьшит. на -атка: Вася́ткă (почти исключительно въ пѣ.), Грушáткă (ср. ю.-влкр. Варятка, Ванятка и проч.), вѣроятно, образованы тоже не отъ этихъ именъ, а отъ именъ на -ата, ср. съ одной стороны старорусскія Вышата, Жидята и пр., съ другой—имена на -утка=общеслав. „ūtъka“.

ятъка: Вася́тку, Грушáткă; гълубя́тки, чиртиня́тъчки и пр.

ово и *ево* — отглагольн.: вáрьвă, хлóбъвă.

овъ: дъраго́ѣ (=дороговизна), бирягóѣ (сбереженье): „де́ник ат этуў и не́т, штъ бирягów и им не́т; пре́жди их мáлъ бы́лъ, а бирягów была́ балшáя“ (т. е. ихъ берегли; Васильевское), и пр.

ов-ик и *ов-ник* — отъ прилагательныхъ съ суфф. „ов“: лисави́к (=лѣшій), пъравúк (паровозъ); дъмавни́к, бълавни́к и пр.

ивъ-чька: вирви́въчкă (= веревочка) — пѣ. и разговорн. (отъ „вервь“ — уменьш).

во: жниво́, малóзивă и пр.

тва: жáтвă, дрáтвă, но клядьбă и пр.

ьство: б ъ жы с т в о́ (религіозность; „въ божество удариться“ — сдѣлаться богомольнымъ), бъластво́, въраство́, купéчьствă (званіе, занятіе), *апчйство́*, ă з ъ р н а с т в о́ (ср. Черныш. Моск. у. 136), удалство́, христья́нствă (напр. заниматься крестьянствомъ, приписаться къ крестьянству), цигалство́, кавáлствă (коварство) и мн. др., но притво́рнъсти. Объ удареніи см. выше, стр. 112.

ьба — отглагольный суфф.; образуетъ б. ч. названія дѣйствій: бъранбá, гърадьбá (огораживанье), гудьбá, казбá, малбá, мъладьбá, ризбá, судьбá, хадьбá, въражбá, учбá (вмѣсто „ч“ слѣдуетъ читать соотвѣтствующую звонкую аффрикату; учба — ученье); вéрбă, дрýжбă, свáрбă (род. мн.

сва̀рбе́j), слу́жбъ̆, уса́дбъ̆. Суфф. -ьба присоединяется къ глагольной основѣ, но въ двухъ именахъ — къ формѣ infinit.: кля́дбъ̆ (=клятва) и жыни́дбъ̆. Послѣднее слово, повидимому, еще общеславянское, такъ какъ попадается въ старослав. и, кромѣ того, существуетъ въ южнославянскихъ языкахъ (сербск. жѐнидба, болг. жени́тба). Въ послѣднихъ извѣстны и другія образованія съ суфф. „ьба“ отъ infin., ср. сербск., болгар. и словен. коситба, сербск. резитба, словен. млатидба при млачба; у Миклошича (стр. 217—218) указаны старославянск. гоститьба, оратьба. Слово клятьба есть въ чешск. и малор. Объ удареніяхъ въ словахъ на „-ба“ см. у Корша, О русск. нар. стихосл. 90—92.

ешънъкъ — ласкат.-уменьш. суфф. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; но съ помощью этого суфф. можетъ образовываться также и ласкат.-уменьш. къ слову „день“: „вѐз дин̀о́шъньк“. По звуковой сторонѣ можно предполагать вліяніе аналогіи со стороны ѣдин̀о́шъньк (одинёшенекъ).

Суффиксы именъ прилагательныхъ.

j — суфф. именъ прилагат., образованныхъ отъ существит. и обозначающихъ принадлежность чего-нибудь предмету (лицу), обозначенному основой существит. (adjectiva possessiva). Сюда принадлежатъ прилагат. отъ именъ на ѧ, икъ, ица, ецъ и нѣк. др.: а) куря́чьj, свинячьj, питуша́чьj (отъ *„пѣтуша́“: „избу́шкъ нъ питуша́чйꙋ гало́фкѣхъ“), лигуша́чьj, пърася́чьj, риба́чьj и проч.; пти́чьj, за́ичьj, де́вичьj, ку́пчьj и пр.; сюда же можно относить и „прибли́жничьj сасе́т“ въ одной пѣснѣ (отъ ближникъ? впрочемъ, значеніе здѣсь не притяжательное); в) питу́шъj, ры́бьj и пр. Въ томъ же значеніи употребляются производныя съ суфф. „ин“ (см. ниже); г) дале́чьj: „ф пу̀д дале́чиj ми́лаj мо́j“ (пѣ.); это прилагат. образовано отъ прилагательнаго же, вѣроятно, по аналогіи съ нарѣчіемъ дале́че.

ак и *як;* этотъ суфф. образуетъ прилагательныя отъ мѣстоименій: ѣдинáкъj (= одинаковый), наприм.: „фсе в ѣдинáкйх плаѣjьх“ и т. п.; двaякъj, траякъj, фсякъj. Суфф. „ак“ или просто „к“, быть можетъ, является въ ф. „рыдакó“ въ приб.: „majò гóря рыдакó, уjéхал милaj далико́“. Это прилагательное — отглагольное.

ок и *ек* — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ: высóк, глубóк, далóк и пр.

еч (изъ ек): далéчьj. См. выше.

ик: суфф. прилагательныхъ отыменныхъ (образов. отъ прилагат.): вилúк, чаще съ отрицаніемъ: нивилúк.

ък: суфф. отыменныхъ прилагательныхъ: нискój и нúскъj, лóхкъj, мáхкъj, мéлкъj и пр.; также: глы́пкă (см. т. 46, стр. 149).

ък: гóрkъj,

нич (изъ ник): „прибли́жничьj сасéт“ (пѣ.). См. выше.

ьск: суфф. прилаг., образованныхъ отъ именъ и мѣстоименій; прилагат. съ этимъ суфф., образованныя отъ существит., означаютъ принадлежность предмету, обозначенному основой существ.: бáрскъj, гаспóцкъj, цáрскъj, хрисjáнскъj, люцкój, мирскój, дириве́нскъj, купéчьскъj; же́нскъj, мускój или муцкój, мусúнскъj (наприм. „мусúнскъю адóжу“) и пр.; фсячьскъj, нитакóскъj и проч. Часты образованія съ этимъ суфф. отъ прилагат. притяжательныхъ на „ов“:

ов-ьск; обыкновенно „в“ въ этомъ суфф. выпадаетъ: аццóскъj, питрóскъj и пр. (см. выше, стр. 43); на „овскій“ оканчиваются прилагат. отъ названій городовъ и деревень на „ово“ и „овское“. Интересно „Рузовскаго уѣзда“ (письмо), разговорное: „Рýзъскъj“ и пр. Интересно отсутствіе суфф. „ьск“ въ пѣ.: Саратовый: „былъ саратовый женатъ“ (Миша Байковъ). Ср. съ этимъ: „ф Пятрóвы́м дóми“ = въ домѣ Петрова.

ющ — суфф. увеличительныхъ именъ прилаг.: злю́щьj, балшýщьj“. См. выше, выше, стр. 160.

ящ — унизит. (?) суфф. отглагольныхъ прилагательн.: гуля́щьj, зря́щьj (и зря́чьj).

ащ: лядáщьj (суфф. унизит.?).

ѣющ — увелич. суфф.: бъγатéющьj. Ср. въ другихъ великорусскихъ говорахъ: малѣющій, первѣющій и др.

яч (ѧtj): — отыменный суфф. притяжательныхъ прилагательныхъ. См. выше, стр. 214.

ач (ѧtj), *уч* и *юч* (ѫtj и jѫtj) — суфф. отглагольныхъ прилагательныхъ и причастій: гарáчьj, зрáчьj, сидáчьj; гарю́чьj, лату́чьj, кипу́чьj, магу́чьj, пиву́чьj и пр. См. выше — о причастіяхъ.

т — суфф. отглагольныхъ прилагательныхъ и причастій: нѣжыто́j, пръклято́j, улито́j и пр. См. выше, о причастіяхъ.

ат; этотъ суфф. образуетъ отыменныя прилагательныя, означающія обладаніе предметомъ или качествомъ, обозначеннымъ основой существительнаго: баγа́т, брюха́тă, рага́тъj и пр. Сходное, но не тожественное съ этимъ суфф. значеніе имѣютъ суфф. „аст“ и „ист“.

ит: сирдúтъj, знъминúтъj; первоначальное значеніе этого суффикса, должно быть, то же, что и суфф. „ат“.

ов-ат и *ев-ат* — уменьшит. суфф. именъ прилагательныхъ образованныхъ отъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ: рибава́тă, късава́тă (т. е. нѣсколько рябой, косой; погов.), шылмава́тъj, кудрива́тъj (не отъ „кудрявый“, а отъ „кудри“?) и пр.

ов-ит: кръсави́тъj (довольно красивый, видный), дъмави́тъj. Ср. литерат. и церк.-слав. даровитый (въ литерат.— „богато одаренный отъ природы“, „получившій много даровъ“ отъ Бога, отъ природы и пр.; въ церк.-сл.— „подающій много даровъ“, наприм. „даровитыи Богъ“).

аст — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ, означающихъ обладаніе предметомъ или качествомъ, обозначеннымъ основой существительнаго, и притомъ — въ значительной степени: бърада́стъj (съ большой бородой), вихра́стъj (съ большими вихрами), въласа́стъj (обросшій длинными волосами), крыла́стъj (съ большими крыльями), рага́стъj (съ большими рогами, ср. Черныш., Моск. у. 100; между тѣмъ, какъ „рогатый“ — всякій имѣющій рога),

хайла́стъj (кто много хаетъ), шага́стъj (кто ходитъ большими шагами).

ист — приблизительно съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и „аст“: ками́ст (напр.: „э́кај по́люшка ками́с, ни̯зя́ иwo барнава́т̯“, т. е. на полѣ много большихъ комьевъ), кас̯ти́стъj, разбо́ристъj, пригаво́ристъj (пѣ.) и пр.

л — суфф. а) отлагольныхъ прилаг. и причастій: быва́лъj, лижа́лъj, пасты́лъj, уме́лъj и пр.; б) отыменныхъ прилаг. (ъл, ьл и пр.): по́длъj, све̯́тлъj и пр.

т(ъ)л: акалетлую собаку (Миша Байковъ).

н, ен и пр. — а) суфф. причастій: рва́нъj, кашо́нъj, привизо́нъj, с̯вичо́нъj, мачо́нъj, сало́нъj, жала́ннъj, бижжала́ннъj и пр.; б) суфф. отыменныхъ прилаг.: со́лънъj, сълана́ (общеслав. solnъ).

ън: и́хнъj. Ср. твердое „н“ въ чешскомъ všechen, -chna; „н“ твердое въ этомъ словѣ, между прочимъ, отмѣчено въ Олон. (Колос. Зам. 188, 329).

ън: суфф. прилагательныхъ, образованныхъ отъ именъ и, частью, отъ мѣстоименій и нарѣчій: бли́жнъj, дре́внъj („жы́ли были стари́г дъ стару́хъ, дре́внъи, ста́ръи“ — ск., запис. мною отъ старухи), гружо́виннъj, кажнъj (также: ка́жын ча́с), кало́дьшнъj (отъ „колодецъ“; „ш“ изъ „ч“ передъ „н“; кало́дьшнъ̆ вада́), ӑзимно́j, пре́жнъj и пре́жньj, аста̯́лнъj и ӑста̯́но́j и мн. др. См. выше, стр. 70. У Колосова въ Обзорѣ примѣры съ твердымъ „н“ въ тѣхъ прилаг., которыя въ литер. яз. имѣютъ „н̯“, приводятся почти исключительно изъ сѣв.-влкр. (Ирбит, Тотем,, Кадник,, Арханг., Новгор., Владим., Ярослав., Олон.), но одинъ примѣръ: „ближному“ — Мосаль. Въ Олон. есть и наоборотъ, формы на „нё“ отъ прилагат., имѣющихъ въ литер. „н“ твердое (Колосов, Обзор, 161—162). „н“ твердое въ такихъ прилаг. — и у Черныш. въ Моск. у. (стр. 15, 46).

См. также прилаг. на „чьн“, „шьн“ и т. п.

ьн̯: ве́шньj, пре́жньj, да̯́ньj и да̯́нъj, вичер̯́ньj и пр. См. выше, стр. 233.

ин; суфф. отыменныхъ прилагат. притяжательныхъ, образованныхъ отъ именъ (личныхъ) на „-а“: дя́дин, же́нин, се́стрин, Ро҃ткин, Ми́шкин, „я ни тя҃ткин, ни ма́мкин сын“ (пѣ.) и пр.

ян; суфф. прилагат., произведенныхъ отъ именъ существительныхъ, представляющихъ названія неодушевленныхъ предметовъ; этимъ суфф. предметъ, означенный основой существ., обозначается, какъ матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ предметъ, опредѣляемый прилагательнымъ: бир҃стяно́j (изъ бересты), вълсяно́j (изъ волосъ), дрьвяно́j, жыс҃тяно́j, къс҃тяно́j, крьвяно́j, липяно́j (липовый), лубяно́j, а҆фсяно́j и афся́нъj, а҆ллянój, а҆ржано́j, пръсяно́j (изъ проса), скъбяноj, търфяноj, шыр҃стяно́j и пр.; ко́жънăj, сире́бринăj и пр.; непосредственно послѣ ударенія „н“ можетъ удваиваться, не ясно, при какихъ условіяхъ: каля́нъj, афся́нъj, с҃тикля́нъj и с҃тикля́ннъj, дириня́ннъj и даже: шыр҃стянна́я҆.

мян: слухмя́нъj (съ хорошимъ слухомъ). Ср. у Чернышева, Доп. къ Мещов.: я слухмёна (25), у него же, Москов. у.: сухмяннаи (стр. 41), Орловское: сухме́ннай (сухой).

ошьн: ле́тъшнъj (бывшій въ прошлое лѣто, прошлогодній; ср. сербское летошњи = нынѣшняго лѣта). Ср. ю.-влкр. давно́шній съ „н҆“ мягкимъ.

ъшьн: вичо́ръшнъj (вчерашній). Ср. сербск. вечерашњи (этого вечера) съ „н“ мягкимъ.

ъшьн: за҆фтрьшнъj, тапе́ришнъj, сиво́днишнъj и пр., ср. старослав. дьньшьнии, сербск. данашњи. Въ другихъ русскихъ говорахъ тѣ же слова чаще съ „н҆“ мягкимъ. См. выше, стр. 70 и 72.

ъгшьн: давны́шнъj. Ср. литер. давнишній, ю.-влкрус. давно́шній, сербск. давнашњи (съ „а“ изъ „ъ“ или „ь“?).

ашьн: фчира́шнъj, тада́шнъj (тогдашній), фсиγда́шнъj; тѣ же прилаг. — и съ „н҆“ мягкимъ. Суфф. „ашьн“ образуетъ прилагат. отъ нарѣчій мѣста на -а.

ачьн: дама́шнъj. Что здѣсь суфф. „ачьн“ а не „ашьн“, можно думать на основаніи сербск. домаћи, домаћност.

Ср. домачнаи въ русскомъ Мѣрилѣ Праведн. XIV вѣка, л. 32, стрк. 13 (Древности. Труды Слав. Комм. и пр., т. III, стр. 49), но то же слово въ сербск. спискѣ Шестоднева Іоанна Ексарха — „домашнѣи“.

ичьн; суфф. родственъ съ суфф. „ачьн“: сва́дбишнъј или сва́рбишнъј (или здѣсь суфф. ишьн?).

На -шнъј оканчиваются также прилагательныя, образованныя отъ существительныхъ съ основой на задненебныя и свистящія.

а-л-ьн, и-л-ьн и т. п. отглаг. суфф. прилаг. распадаются на а-л, и-л и т. п. — суфф. отглагольныхъ именъ существ. + ьн — суфф. отыменныхъ прилагат.: аста́лнъј и ăстал̀но́ј, аха́лнъј, кава́лнъј, мълати́лнъј и мн. др.

ельн — отыменн. суфф.: ни́тьл̀нъј (ни́тьл̀нъи пе́тьлки), клю́квил̀нъј; здѣсь „ельн“ является вмѣсто „ян“ или „еньн“, причемъ „л̀“ могло явиться фонетически изъ „н̀“, ср. „сил̀ни́к“ и распространенное во многихъ говорахъ „священьникъ“. Впрочемъ, фонетическій переходъ „н̀“ въ „л̀“ передъ „н“ твердымъ допустить трудно, ср. ниже прилагат. на „е́ньн“.

еньн; увеличит. суфф.: бал̀ше́ннъј, высаче́ннъј, глубаче́ннъј, здъраве́ннъј, страше́ннъј, шырач̀е́ннъј, наприм. въ сказкѣ: „нашо́л сибе́ бирло́гу, я́му бал̀ше́ннъю“. Ср. у Черныш. въ Доп. къ Мещ. стр. 26; въ Новгор. (скупенный, зле́нный) и др. влкр. говорахъ, также въ бѣлор. (Матер. I, 4, Могил.). Это — не суфф. превосходной степ., потому что не показываетъ, что извѣстное качество принадлежитъ извѣстному предмету въ большей степени, чѣмъ всякому другому предмету, и не суфф. сравн. степени. По большей части суфф. этотъ присоединяется къ основамъ прилагат., обозначающихъ величину или силу.

оньк; суфф. (уменьшит. и) ласкат.: ма́хън̀къј, мя́кън̀къј, пло́хън̀къј, множ. пло́хън̀тия; ср. нарѣчія: ляго́нкă, тихо́нкă и пр.

еньк; суфф. (уменьшит. и) ласкат.: ма́льн̀къј, аччáјнин̀къј, мало́дьн̀къј (ж. р.: мъладе́нкă), каро́тьн̀къј (безчл. ф. ж. р.: кърате́нкă), харо́шън̀къј, дли́нни́н̀къј, ми́лин̀къј,

сла́тинькă (напр. вади́чкă) и пр. Эти суфф. присоединяются даже къ основамъ такихъ прилагат., которыя не заключаютъ понятія качества, способнаго уменьшаться или увеличиваться, наприм.: аста́нинькај дино́чик (пѣ.).

охоньк — ласкат. суфф., только въ двухъ подблюдныхъ пѣсняхъ: „Взашла́ пало́ска узо́ханка, сно́пикаф мнаго́ханка“ и: „Пало́ска шырако́хънька“...

ехоньк—ласкат. суфф.: паль́но́ханка (пѣ.), радо́хънькă, узо́ханка (пѣ.); ср. въ нарѣчіяхъ: мало́ханка, назно́хънькă, равно́хънкъ, и пр. Въ разговорной рѣчи образованія съ суфф. охоньк и ехоньк почти не встрѣчаются.

ошеньк — ласкат. суфф.; только нарѣчія въ пѣ.: высако́шънькă, дъліко́пшънькă.

ёшеньк—ласкат. суфф.: мало́шънькă, мило́шънькă (пѣ.), низошънькă, равно́шънькă, радо́шъньк, чижыло́шънькă (пѣ.); адино́шъньк (пѣ. и разгов.). Этотъ суфф. встрѣчается преимущественно въ пѣсняхъ, но употребляется и въ разговорной рѣчи, чаще при нарѣчіяхъ, чѣмъ прилагательныхъ. Отмѣчу также выраженіе „вéс тъ дино́шъньк“, гдѣ суфф. „ешеньк“ является въ образованіи уменьш.-ласкат. существительнаго (см. выше).

О суфф. охоньк—ешеньк см. также у Потебни, К исторіи звуковъ, III, 107—108. Онъ сопоставляетъ эти суфф. съ сербск. „-ахан“, влкр. (?) „яхный“, поль. „achny“ и литов. суфф. сравн. степ. „ésni-s“, откуда выводитъ, что „о“ и „е“ послѣ „х“ („ш“) — вставка уже на русской почвѣ (или изъ общеслав. „ъ“, „ь“). Значеніе этого суфф. безъ „-ьк‘, по мнѣнію Потебни — увеличительное.

в — суфф. отглагольн. прилагат.: жыво́j и пр.

ов и *ев* — суфф. прилагат., образованныхъ отъ существ.: бирóзъвăj (сдѣланный изъ березы, состоящій изъ березъ или имѣющій какое-нибудь отношеніе къ б., напр. б., чаще „пъдбирóзъвъj“ грибъ), вирхаво́j (тотъ, кто сидитъ верхомъ на лошади, также: вѣтеръ верховой, низово́й), гърдаво́j, двъраво́j (относящійся ко двору), дъмаво́j (=домашній), биздамо́въj (бездомный), „дăбавы́и сандуки“ (пѣ.), но дубо́въj (разгов. и пѣ.), ялóвъj (еловый), зима-

во́j (=зимній), клянóвъj, ключавój, кърмавój, „кѣрнява́я“ лошадь (запряженная въ корню), лисавój (=лѣсной, напр. „лисавы́и я́блъки“, чаще, чѣмъ „лясны́и“), аси́нъвъj, пъдаси́нъвъj (напр. грибъ), съдавój (наприм. „мали́нъ съдава́ѫ̆), снигавój, тисóвъj (пѣ. и разг., а въ пѣ. также и тисавój), лугавój (наприм. лугавóя сенă), пълявój, гърявój (гърявóя жы̀jó или го́рkъя̆ ж.) и мн. др.

ав и *яв;* отыменн. суфф.: крава́въj (рѣдко; обычно: кръвянój), лука́въj (почти исключительно = дьяволъ), ла́скъвъj (ср. малор. ласкавий, поль. łaskawy); гуня́въj, дыря́въj, кудря́въj, ку̀рчавъj, мълажавъj; ср. краса́вьц или краса́вицă (при малор. и частью ю.-влкр. краса́ва). Рядомъ съ ласкавый, можетъ быть, въ русскомъ было и образованіе на „овый“ — ласковый, ср. сѣв.-влкр. „ласковой“, если только здѣсь „о“ не возникло фонетически изъ „а“ вслѣдствіе положенія послѣ твердой гортанной, передъ „в“ и послѣ слога съ „а“.

ляв: вѝртлявъj, кас̀(т̀)ля́въj, писклявъj (=писклявый), трухля́въj и др.

ив; отыменный суфф.: красивъj, лини́въj, плакси́въj. плишы́въj, фшы́въj.

лив; отыменный суфф.; значеніе — то же, что суфф. „ив“: блудли́въj, гъва̀рли́въj, жа́лъс̀ливъj, жы̀лли́въj (жалостливый), ми́лъс̀ливъj, малчли́въj (молчаливый), пригля́дливая (пѣ.), приве́тливъj, нитѝрпли́въj (ср. сербское трпљив), тала́нливъj, трус̀ли́въj, щис̀ли́въj, нищис̀ли́въj и др. Въ славянскихъ языкахъ этотъ суфф. чередуется съ суфф. „ив“. Въ *сербскомъ:* бодљив, говорљив, крадљив, трпљив, но: жалостив, милостив, ластив. Въ нарѣчіяхъ русскаго языка „лив“ преобладаетъ, ср. *бѣлор.* благочес̀ливый (Носовичъ, Дополн.) и мн. др., *малор.* бодлив, забитлив и пр., *ю.-влкр.* рязан. жа́ласливай, миласливай (Будде, Къ діал., 72); ворон. ляслифъ, миласливай и миластивай (послѣднее — книжн.? Филат. § 32) и др.; *съв.-влкр.* олон. жалослив, охваслив (Колос., Обзор, 198) и др. Въ старослав. памятникахъ — чаще суфф. „-ив“, чѣмъ „лив“: блѫдивъıи и бладивъıи, милостивъıи, крадивъ

и пр.; отсюда происходитъ колебаніе между „ив“ и „лив“ въ старорусскихъ памятникахъ: гладивъıи (Слова Григор. Богосл. XI в. и др.), забытьлива (ib.), блудливи (Мѣр. Прав. конца XIV в., л. 32; то-же слово въ сербск. спискѣ Шестоднева Іоанна Экс. 1263 г.—блоудиви), дативъı (Богосл. Іоанна Экс. 318), жалостивыи (Никон. Панд. сл. 32), немилостивіи и нежалостивіи (Грам. Алексія митроп. 1356 г.) рабоу крадивоу (Акиръ, XV в.), говорливъ (Георг. Амарт. 347) и проч. (большая часть примѣровъ взята изъ Матер. для словаря Срезневскаго).

(и)м — суфф. отглагольныхъ прилагат. и причастій: вистúмъj, любúмъj, нипъвидúмъj, радúмъj.

Отъ именъ существ. иногда образуются ласкательныя въ формѣ прилагат., произведенныхъ отъ основы существит., обозначающихъ ласкаемый предметъ: „У ты мој пътапéшъчкин“, сабáчкин ты мој, „Диáнъчкин“ (собакѣ, которую зовутъ Діянкой), „звáнчúшкин“ („Звонокъ“—имя собаки). Ср. происхожденіе нашихъ уменьш. на „ьк“ = общеиндоевроп. суфф. отыменныхъ прилагат. „-ik-“, ср. греч. прилаг. на „ικός“. Греческія уменьшит. на „ιον“ тоже, вѣроятно, по происхожденію — средній родъ отыменныхъ прилагательныхъ.

Уменьшительныя и ласкательныя въ парфёнковскомъ говорѣ очень употребительны.

Суффиксы глагольныхъ основъ.

Суффиксы, имѣющіе видовое значеніе, приведены выше. Здѣсь остановлюсь только на очень немногихъ глагольныхъ образованіяхъ.

n—nj (Микл. III, 1); суфф. непроизводныхъ и отыменныхъ глаголовъ. Между прочимъ: гладéт̑ (становиться гладкимъ, т. е. полнымъ), танéт̑ (худѣть, т. е. становиться тоньше), мадéт̑ (быть вялымъ, чувствовать недомоганіе, ср. у Будде, Тул.-Кал., у Даля и въ бѣлор.), отсюда прилаг. мадéлъj (вялый), зъкълинéт̑ (о землѣ: стать каляной, т. е. твердой, промёрзнуть), зъкълубинéт̑, нъвъ-

дапе́ѣ̀ (разбухнуть отъ воды), владе́ѣ̀, но чаще: владя́ѣ̀. Глаголы съ этимъ суфф., производные отъ прилагат., по большей части имѣютъ начинательное значеніе.

ъ—j (Миклош. III, 2): дыша́ѣ̀, — 2-е един. дышы́ш, 3-е множ. дыша́т, ср. также ниже.

а—aj (Микл. V, 1): владя́ѣ̀, жадя́ѣ̀ (быть жаднымъ, ср. древнерусское „жядати“ — жаждать у Срезн.), ѣбрата́ѣ̀ (надѣть оброть на лошадь), вирта́ѣ̀ (поворачивать), (в)здыха́ѣ̀; сюда же относятся: стана́ѣ̀, щипа́ѣ̀ и нѣк. др. См. выше.

а (Микл. V, 3): дыха́ѣ̀ (дышу́, ды́шъш) и пр.

и (Микл. IV): здаро́вицца̀ (2-е единств.: здаровиссѣ̀, прош. пъздаро́вилсѣ̀ и пр.), притра́пицца̀.

н-и (по второй части суфф.—Микл. IV): ѣслъбани́ѣ̀. Въ глаголѣ скушни́цца̀ звукъ „н“, вѣроятно, изъ прилаг. ску́шнъj.

Нѣсколько глаголовъ съ именными суффиксами, но безъ соотвѣтствующихъ имъ именъ съ тѣми же суффиксами:

к: здаро́ѳкъцца̀, здаро́ѳкъюс, пъздаро́ѳкълсѣ̀ и пр.

ак и *як:* дума́къѣ̀ (=думать), пъдума́къwъш; фсю́ ты руба́ху зъвала́къш.

юг: мътюга́ѣ̀, -а́ю; мътюгну́ѣ̀ (ср. діал. матю́га).

ух: плитуха́ѣ̀, -а́ю (отъ плету́ха, откуда плету́шка = корзинка?) = сплетничать; отсюда существ. плитуха́н и плитуха́лѣ̀.

ях: умаря́хнула (шѣ.).

ах: жжала́хнуцца̀ (сжалиться). Съ этими глаголами ср. стрепехнуться и пр.

Отмѣчу глаголъ: стънави́ѣ̀ (= ставить), пъстнавиѣ̀.

Нарѣчія.

1. *Нарѣчія, произведенныя отъ именъ прилагательныхъ.*

Форма этихъ нарѣчій совпадаетъ съ безчленной формой средн. рода прилаг., но иногда отличается отъ нея

по ударенію: бо́ѵнѣ (=очень, ср. Вытегор., Олон. и др.), бе́ткѣ (жалко, обидно), висяло́, за́биткѣ (обидно), за́виткѣ (завидно), давно́, давно́ давны́м, ло́хкѣ и ляхко́, ро́внѣ (также и въ значеніи союза: ро́внъ как), фсо ро́внѣ, хи́трѣ, нихи́тра и хитро́, чижало́ и пр.

Отъ этихъ нарѣчій могутъ образоваться производныя: сравнительныя, уменьшит., ласкат. и увеличит. Суффиксы производныхъ нарѣчій частью — тѣ же, что у прилагательныхъ, частью другіе.

Суфф. сравн. степ.: зара́ни, те́пли, бо́ли, ме́ни и пр.; иногда эти суфф. не вносятъ значенія сравн. степ.: дале́чи (ср. форму „далеко“, прилаг. „дале́чьj“, вѣроятно, вторичное, изъ „далече“), нивдале́чи, и́нъчи (ср. инакій, одинакій и пр.) и ина́чи, пъи́нъчи, хърашѐ́нчи (=хорошенько).

ък; уменьш. суфф.: хърашѐ́нкъ (ср. прилаг. харо́шънкъj), малѐ́нкъ (прилаг. ма́льнкъj, но въ загад. и малѐ́нкѣ — ж. р.), давнѐ́нкъ, равнѐ́нкъ и пр.

ъч-ък; уменьшит. суфф. именъ существ.; уменьш. отъ прилагат. съ этимъ суфф. не образуются: нимно́шъчкѣ, мно́шъчкѣ и пр., ср. то́лъчкѣ, сто́лъчкѣ и пр.

оньчък; уменьшит.-ласкат. суфф. только нарѣчій: пъляго́нёчку, пътихо́нёчку въ ск.

еньчък; уменьш.-ласкат. суфф. только нарѣчій: мало́ньчкѣ, хърашѐ́ньчкѣ и пр.

ехоньк; суфф. прилагат.: пазно́хънкѣ и т. п.

ешеньк; суфф. прилагат.; примѣръ: „уш мы со́jдимса близо́шынка, мы сравня́имса равно́шынка, мы накло́нимса низо́шынка, пацалу́имса мило́шынка (вьюн. пѣ.); чижыло́шынкѣ и пр.

2. *Отъ именъ существительныхъ.*

Твор. пад.: вичаро́м и ве́чьрам, вясно́j, го́рми („серди го́рми гаря́т“ — вьюн. пѣ.), грамко́м („и свиснул я грамко́м“—пѣ.), пирядо́м (напр. ити́т пирядо́м, т. е. впереди), ле́тъм, наси́лкъм (=силкъмъ, насильно), нипуто́м (непра-

вильно, черезчуръ, не такъ, какъ слѣдуетъ), пъражнóм (наприм. ѣхать порожнём), силком и пр.

Мѣстн. пад.: у́три, вичéри, также: домá и пр.

Дат. пад. (?): дамój, далój.

Родит. пад.: прáвды, сяwóдни (сáнни) и пр.

Винит. пяд.: вичóр, вóсну (= весной); также съ мѣстоим. „сь“ въ началѣ или въ концѣ: сичáс, вичóръс и пр., см. ниже.

Съ предлогами: взат-назáт (= взадъ и впередъ, ср. Томск. „взадь-назадь“ — Ж. Ст. 1895, стр. 416 и др.), ф канéц (окончательно: ръззарю тибá ф канéц и т. п.), нъпирóт (сперва, впереди, впередъ), зазáди, назáт (позадь = сзади), паýтру, зáфтри и пр.

3. *Отъ мѣстоименій.*

Числительныя нарѣчія: аднáжди и аднáжды, двóжжи, трóжжи и двóжди, трóжди = одинъ, два, три раза. Ср. двожды у Будде, Къ діал. и Къ ист., ср. Шахмат., Отч. о прис. Ломон. прем. въ 1897 г., стр. 38.

Сложныя съ мѣстоим. „сь“. Въ началѣ слова: сичáс (чичáс, шичáс и т. п.), сию́ минýтью, здéс, сяwóдни или сáдни. Въ концѣ слова: а) въ нарѣчіяхъ времени: ýтръс и ýтрьс (сегодня утромъ), вичóръс (вчера вечеромъ), фчарáс (вчера), тритóвъс (третьяго дни; чаще: недавно, на дняхъ), анóдъс (недавно, на дняхъ), лéтъс (прошлымъ лѣтомъ), ср. въ другихъ влкр. говорахъ: осенесь, зимусь и т. п.; частица „сь“ указываетъ на ближайшій прошедшій срокъ времени; б) въ нарѣчіяхъ мѣста: здесь; въ указат. óус (эвось). То-же „сь“ — въ авось.

Нарѣчія на „чá“: тапéричá или типéричá, дáичá, нóничи и нóничá.

Вообще, всѣ нарѣчія, образованныя съ собственно нарѣчными суффиксами, нарѣчія вопросительныя и рядъ другихъ образованы отъ мѣстоименныхъ основъ. Приведу примѣры нарѣчій, образованныхъ отъ мѣстоименій безъ помощи нарѣчныхъ суффиксовъ (да, ды, де, лѣ): ф тé пър (=въ тѣ поры, тогда), па éстих пор, па сéх пóр, тапе-

рѧ, типе́рѧ и проч., зате́м, пато́м и пѣтаму (= потомъ; только старуха: „атправля́ит с̀пе́рва ба̀лшо́у бра́тъ ниве́сту, пѣтаму́ фтару́ю, друго́у бра́тъ, пѣтаму́ тре́т̀ју, сваю́ ниве́сту“. „Потому“ съ тѣмъ же значеніемъ извѣстно мнѣ и изъ говора Козловск. у. Тамб. и др.), ко́ѝ ме́стѣ (гдѣ: „ане ко́ѝ ме́стъ жыу́т?“) и пр.

Нарѣчія времени.

тапе́р̀(ѧ) и типе́р̀(ѧ), тапе́ричѣ и типе́ричѣ, да́ичѣ (давеча), ужо́ткѣ и ужо́; пре́жди, пре́жъ, дапре́ш, нъпиро́т („ты нъпиро́т скажы́, а пато́м де́лăj), спе́рвă (с̀пе́рвă и пр.), пато́м и пѣтаму́ (см. выше), зате́м, по́с̀ли, апо́с̀ли и а̀пас̀ля́ (ср. у Миши Байкова: „опосля“, „апосля“); ф т̀е́ пър, ны́н̀чи, ся́wодни и ся́дни, фчара́с̀, вичо́р (вчера вечеромъ), вичо́ръс̀, фчара́, пъзафчара́ (третьяго дни), трит̀овъс̀ (недавно), ано́дъс̀ (см. ниже), утръс̀ (нынче утромъ); виче́ри (ужо вечеромъ и вчера вечеромъ), у́три (завтра утромъ), пау́тру, за́фтри, пас̀ля́ за́фтри; ле́тъс̀; сича́с, чича́с, шьча́с, щча́с, сию́ мину́тью, пака́, пака́мис̀ (покамѣстъ) и пр. О нарѣчіяхъ на „да“ и пр. см. ниже. О произношеніи „типер̀“ и пр. см. выше, стр. 72.

Нарѣчія мѣста

ко́ѝ ме́стă, з̀де́сѧ и з̀де́с̀, ту́тă и тут, та́мă и там, близ̀, дале́чă, нивдале́чи, пада́ли (сравн. ст.), во́з̀ли (но „о́къл̀“—всегда предлогъ), взат-наза́т, пъзади́, наза́т̀, ря́дъм, ря́душкъм, с̀пириди́, пирядо́м и пр.

Указательныя нарѣчія: эwă или э́у, энӑ, wо́, вот, э́ут (=эвотъ). Нарѣчіе „вот“ фонетически переходитъ въ „ут“ и „у́т̀“ (см. выше, стр. 61). Интересно, что это „у́т̀“ или „ут“ можетъ настолько тѣсно примыкать къ мѣстоименію „этотъ“, что образуетъ съ нимъ какъ бы одно слово, такъ что при немъ можетъ опять являться нарѣчіе „вот“: вот утéтът или утэ́тът, наприм.: „вот утéту бири́“ и пр. Нарѣчіе „эwă“ казалось очень страннымъ одному

живущему въ имѣньѣ при Парфенкахъ крестьянину Кирсан. у. Тамб. губ., привыкшему, чтобы указывающіе на какое нибудь мѣсто говорили: „wонана́“.

Суффиксы нарѣчій мѣста и времени.

гда и *гды;* суфф. только временныхъ нарѣчій: када́, тада́ и кады́, тады́, ф̀сяγда́ (или ф̀сиγда́), зъф̀сяγда́, нъф̀сяγда́ и заф̀ся́γды, наф̀ся́γды, заф̀с̀о́γды, инаγда́, кој-када́, ано́дъс̀. Въ произношеніи нарѣчій када́, тада́ и ано́дъс̀ (см. выше, стр. 22) средне-великорусскіе говоры примыкаютъ къ южновеликор. (када́, тада́, надыс̀), тогда какъ въ сѣв.-влкр. „γ“ (общерусское „γ“, а не „г“) не выпало, а частью сохранилось (Олон., Арханг.), но большей же части перешло въ „в“ или „л“ (колды́, толды, нолды и пр.). Нарѣчіе „ано́дъс̀“ = „оноγдысь“. 1-я часть его, вѣроятно, — мѣстоименіе „онъ“ со значеніемъ „тотъ, другой“, какъ и въ нарѣчіи „наме́дни“ (изъ ономь-дьни, откуда въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ ономня́сь); вторая часть — „γды“, конечно, то-же, что въ коγды, тоγды, иноγды, вьсеγды (въ Парф. во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ въ концѣ -а); наконецъ, „сь“ — окончаніе, обозначающее близость времени, указываемаго нарѣчіемъ, ко времени рѣчи (первоначально, — мѣстоим. „сь“ *или* ср. р. „се“). Въ сѣв.-влкрус. то-же нарѣчіе употребляется въ формѣ: нолды́, онолды, оногды́сь (напр. Арханг.), онегдась (Арханг.); въ ю.-влкр.: надыс̀ь (Туль., Калуж., Рязан., Тамб., Орлов. и др.). Въ сѣв.-влкр. „онегдась“, звукъ „е“, вѣроятно, родственъ съ „э“ въ нарѣчіяхъ мѣста, гдѣ это „э“ чередуется съ „ы“ и „у“. Польск. onegdaj. См. также выше, стр. 61.

да и *ды;* суфф. мѣстныхъ нарѣчій, но нѣкоторыя изъ такихъ нарѣчій имѣютъ и временное значеніе: куда́, туда́, суда́ и куды́, тудыс̀, судыс̀, кој-куда́; паку́дă (врем.), пакáдă (врем.). аткуда́, дакуда́ (врем. и мѣ.), аттуда́, аццуда́ (или: ацсуда́) и пр.; тѣ-же нарѣчія съ звукомъ „е“: аткéдă, пакéдă, аттэдă, аццéдă (и: ацсэдă) и пр. Въ на-

рѣчіи „пака́дă“ (ср. ниже: пака́ѵ) „а“ — нефонетическій, по аналогіи съ пака́, пака́миѣ. Объ „е“ несмягчающемъ. предшествующей зубной вмѣсто „у“ (общеслав. ж) см. ниже, подъ суфф. „ль“. Нарѣчіе „куды“, кромѣ мѣстнаго значенія, иногда употребляется въ значеніи нарѣчія причины, = зачѣмъ, наприм., „а е́нти крича́ли: куды́ нам жда́ѣ? мы са́ми спуга́лиса“.

На „ду“ нарѣчій нѣтъ (ср. литер. всю́ду, повсюду).

де; суфф. мѣстныхъ нарѣчій: ɣде́, де́, рѣдко иде́ (= гдѣ́; въ ю.-влкр. „иде́“ — повсемѣстно), виз̌де́, ниɣде́.

мъ; суфф. мѣстныхъ нарѣчій, но нѣкоторыя изъ нарѣчій имѣютъ и временное значеніе: аткуѵ̀, аткоѵ̀, аттуѵ̀, ацсуѵ̀, пакуѵ̀, пакаѵ̀ (врем.) и: аткеѵ̀(ă), аттэѵ̀(ă), ацсэѵ̀ и аццэѵ̀. Въ нарѣчіи „пака́ѵ̀“ „а́“ такого же происхожденія. какъ и въ „пака́дă“.

„э́“ несмягчающее предшествующей согласной (въ Парфенк. говорѣ — только зубной) вмѣсто „у“ (изъ ж) является только подъ удареніемъ, поэтому въ нарѣчіяхъ на „да“, „ды“ только сложныхъ. Это „э“ въ нарѣчіяхъ мѣста распространено въ большей части великорусскихъ говоровъ, причемъ обыкновенно „к“ въ такихъ нарѣчіяхъ въ другихъ говорахъ не смягчается (ср. Калуж.; у Черныш. Моск. у. 14 и 43. а также, по моимъ наблюденіямъ, и въ Рузск. у.: аткэ́дă, аткэ́ѵ̀). Иногда вмѣсто „у“ или „э“ въ тѣхъ же нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ бываетъ „ы“, ср. Мосал. и Мещов.: аттыда. Это „э“ или „ы“ по происхожденію, вѣроятно, родственно съ „э“ и „ы“ въ склоненіи мѣстоим. тэй, однэй и т. п. (также: тый, одный), гдѣ оно получалось, кажется, изъ „ы“ передъ „j“. Что здѣсь во всякомъ случаѣ не старое „е“, видно изъ такихъ формъ, какъ аткеда, которыя иначе звучали бы: аччеда и т. п. Вопросъ объ измѣненіи „ы“ передъ „i̯“ обстоятельно разсмотрѣнъ ак. Шахматовымъ въ Изслѣд. (стр. 33 слл.), въ Мосал. (стр. 195 сл.), въ Отч. о прис. Ломон. прем. въ 1897 г. (стр. 59—64) и друг., а также Ляпуновымъ въ Ж. Ст. 1894 и въ Изсл., стр. 119—153, но нарѣчій аттэда и т. п. они не касались.

ова и *ева*; эти суфф. присоединяются къ нарѣчіямъ на да и лѣ; въ нихъ можно видѣть сравнительно позднее стремленіе склонять нарѣчія, по образцу мѣстоименій, съ которыми эти нарѣчія въ родствѣ (ср. сѣв.-влкр. тудою, сюдою): пакýдъвă или пакудýў, аткýдъвă, пакéдъвă. аткéдъвă, аттýдъвă, аттэ́дъвă, аццýдъвă, аццэдъвă и т. п.; пакéльвă, аткéльвă, ацсéльвă и пр. Отмѣчу, что нарѣчія на -ельвă имѣютъ подъ удареніемъ „е“ смягчающее предшествующую согласную.

Нарѣчія образа дѣйствія и др.

эк, как, так, уттáк (=вотъ такъ), э́дък, так и э́дък; кóл̓къ и скóл̓къ, тóл̓къ, тóкъ (только), тóкмъ и тóм(ъ) (послѣднее часто съ отрицаніемъ въ значеніи союза: „там, мáтушк маѝ, ни тóм ӈон, á ищ ищó чаó нибýт̓...“; „он ни тóм што, а...“), стóл̓къ и тóл̓к (=столько: „вúдил ли ты тóл̓къ зóлътъ“ — старуха, ср. Черныш. Моск. у. 53 и Мещов.), э́стъл̓къ, сэ́стъл̓къ; óчин, óчиѝ и óчиннă (очень или много: „я́ п тия́ пустúлă, д у миня́ дитéј óчиннъ“), бóл̓нъ (=очень, ср. Вытегор., Олон. и др.: больнё; также и въ ю.-влкр., наприм. Медын., Калуж. и др.), здóрьвъ (очень, хорошо), гóжă (хорошо); нукш(т)óш (см. т. 46, стр. 132—133); чéрьс̓ (наприм.: вода чересь пошла, зерно стало чересь сыпаться и т. п., ср. Черныш., Моск. у. 68), наскрóс̓, ўрóс̓ (врозь) и мн. др.

Нарѣчія причины и цѣли.

х чамý (=зачѣмъ), зачéм, паштó (=зачѣмъ, почему), пачóм (почему; наприм.: почóмъ мнѣ знать и пр.), на штó (=зачѣмъ), пъчамý; с э́стим (=поэтому, для этого), затéм, пътамý; куды́ (наприм.: куды́ нам ждать?) и пр.

Нѣкоторыя нарѣчія употребляются чаще въ значеніи предлоговъ, но сохраняютъ и значеніе нарѣчій: пóдли, вóз̓ли, блúс̓, паза́т̓, насýпрът̓, фпириди́, чéрис̓, наскрóс̓, апóсли, ắкрамя́ и друг. Всѣ эти нарѣчія, употребляясь

въ значеніи предлоговъ, соединяются съ родит. пад., кромѣ „черисѣ“, который требуетъ также и винит. пад.

Предлоги.

Предлоги, состоящіе изъ одной твердой согласной или оканчивающіеся на твердую согласную, передъ нѣкоторыми группами согласныхъ являются съ гласной на концѣ:

в: в до́ми, в го́ръди, в ъгаро́ди, в афсе́ (или: в афсэ́), в другóй ме́ста, ф сталé, ф ѣтипи́, в грабу́, ф кругу́, ф кливу́, ф клéф, в бро́т, ф про́луп и т. д., но: ва ста́ди, ва дво́р и даже: въ дваре́, въ дваре́ц; ва ржы́, ва ржа́ви бало́ти, ва фсю́ даро́гу и пр.

к: ни х чаму́, х Ка́рцъву, к ме́сту, к стънаво́му, х кра́ю, ѵ до́му, ѵ дру́гу, но: къ двару́ къ сваму́, ка Спа́су и пр.

под: пад дра́нку, пъд дваро́м, път тваю́ новy талjа́нку и пр., но: пъда фсе́м и пр.

от: ад до́му, ад двара́, ацтънаво́wъ, ат кра́ю, ацта́дъ и ъта ста́дъ, ацку́ки ради, ъта ржы́, ъта вра́гъ и пр.

с: з гары́, с ле́съм, с пра́въ, с кра́ю, с тру́пкъj и пр.; са ста́дъм, съ стала́, сафто́рникъ, са дву́х и з дву́х, съ двара́ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ сложныхъ съ предлогами гласная въ концѣ этихъ предлоговъ бываетъ и не передъ группой согласныхъ: вашо́л, сашо́л, пъдашо́л, ъташо́л, взашол и т. п. по аналогіи съ вошла́, сошла и пр. По употребительности такихъ формъ парфенковскій говоръ приближается къ сѣверно-великорусскимъ, тогда какъ въ южновеликор. чаще гласная въ концѣ предлога не возстановляется, когда въ ней нѣтъ фонетической потребности, ср. южновлкр. (калуж., туль., рязан. и др.): атшо́л, патшо́л, вшо́л (ўшо́л, фшо́л) и пр.

сг. Существованіе рядомъ формъ съ гласной и безъ нея позволяетъ вносить извѣстныя различія въ сложныя съ этимъ предлогомъ, такъ: согрѣть кого, но — сгрѣть

съ кого (наприм.: большія деньги при продажѣ чего и пр.). Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить удвоеніе предлога—въ выраженіи: сас па́р (= са ду́х) и сас тро́х (при игрѣ въ бабки), но: ӣчитыро́х, с̑ пити́ и пр. Ср. болгарск. със или сѫс.

(о), об, обо. Предлогъ этотъ очень рѣдко встрѣчается въ формѣ „о“, наприм. а чо́м; обыкновенно согласная предлога сохраняется (съ ея фонетическими измѣненіями) при всякомъ положеніи, какъ передъ гласной, такъ и передъ согласной. Передъ группой согласныхъ, между которыми выпала старая глухая гласная (ъ, ь или „и“ въ такихъ словахъ, какъ ӑбашју́), а иногда и въ другихъ случаяхъ — „обо“: ап чо́м, о́п пъл, ап то́м, аб де́ли, о́б зимлю и аб зе́млю, ап пусты́м де́ли, аб ду́шу, аб ду́х, ап ста́ди, о́п стъл, ап стро́јки, ъба ржы́, „ап сибе́, аба мне́, ап тре́тим бара́шки“ (пѣ.). Ср. у Миши Байкова: обгоркой сирате (пѣ.), оросу (ск.). То-же и въ сложеніи съ глаголами: хуш апка́чивајса (пѣ.), абде́лъ̑т, ъбраба́тъwу, апчикры́жы̑т, ӑбазна́ӣа, ӑбаснуӣа, ӑввя́зънъс̑, ӑбјигни́ӣа ӑвмишу́ницӑ, ӑвви́т̑ (что обо что), ъбаре́зълъс, ъбабри́т̑, ъбабира́т̑. См. выше, стр. 41. Ср. напр. у Будде, Къ ист. и у другихъ: ӑбдавѣ̨ть, вѣроятно, вполнѣ правильное образованіе изъ об-вдовѣ̨ть, какъ облакъ (парф.: о́блък) изъ обьвлакъ, а не замѣна „в“ черезъ „б“. Рядомъ съ словами, сохраняющими (или возстановившими) „б“ предлога употребляются и глаголы съ предлогомъ „о“ безъ „б“, иногда въ другомъ значеніи: асирди́ӣъ, аби́т̑ (или: ӑбаби́т̑ — мебель, экипажъ, ср. выше ӑви́т̑), ъкати́ӣа (о кошкѣ: родить котятъ), атили́ӣа, ади́мъӣа и абди́мъ̑т, ӑступи́ӣа и апступи́т̑ (значенія разныя), аси́лит, агра́дӑ (заимств.), акру́к, акру́гӑ, ӑграма́тнъј, ӑгаро́х и пр. Въ распространенномъ видѣ этого предлога „обо“ „о“ — вторичное, по аналогіи съ предлогами в, к, с, над, под, перед и нѣк. др. Въ общеслав. этотъ предлогъ являлся въ двухъ видахъ — сильномъ: „оби̯“ и слабомъ — „обь“, причемъ въ послѣднемъ „ь“ могъ отпадать еще въ общеслав., такъ же, какъ „ъ“ въ изъ, безъ, орзъ. Поэтому

фонетически „обо“ въ русскомъ не должно было явиться, а развѣ только „оби“ или „обе“ („е“ изъ „ь“). Сильный видъ предлога въ словѣ „абисúкъцă“ (=обмочиться), а въ литературн. только въ заимствованномъ „обиходъ“. Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка „оби“ въ сложныхъ словахъ—часто, хотя могло и не быть въ живомъ русскомъ языкѣ. Въ богослужеб. рукописяхъ XI—XVI в. часто: обистоúти и обистоúніе; у Срезневскаго указаны между прочимъ такіе примѣры: обистоупаеми — Мин. 1097, 37; обистоупивъшемъ, Патер. Син. XI в., 203; обисѣсти, обитѣкати, обишьдъ, обишлі, обиходити Нест. Жит. Ѳеод. 11, Пов. врем. лѣтъ, Кир. Тур., Ефр. Сир. XIII в.; ѡбисиúѣть сл҃нце Жит. Ѳеод. Ст. 101, обистоупиша Лаврент. лѣтоп.; ѡбизрелъ. Риж. грам. около 1300 г.; обізаряеть Панд. Ант. XIV в.; обизрася Грам. Рост. архіеп. 1448 г. и др.

Отсутствуетъ приставка „о“ въ словахъ: врáк, род. врáгă и жырé҃лjь (см. выше, въ фонет.).

у. Передъ гласными (только „у“ и гласной изъ стараго „о“?) также — *yw*, хотя нечасто, а иногда предлогъ „у“ получаетъ форму *ywa* (передъ „в“ и „ф“?), напр.: yw афсá, yw аццá и у аццá; yw аднój, чаще: у аднój, yw акнá или у акнá и проч.; ywa фсéх и у фсéх, ywa врáгă.

мúмъ и *нúмъ:* „jéдит Мàр баγáтъj нúмъ jéтъj мé҃ницы“, „он и҃дóт ним акнá“ и пр. — оба примѣра изъ сказки, разсказанной старухой. Обычно: мúмъ. Ср. Медын.: „нима jéтава тéрема“ (пѣ.), въ рязан. „нима“ (Будде, Къ діал.) и сѣв.-влкр. „вы́ма“ (вымо). „н“ вмѣсто „м“ вызванъ, вѣроятно, звуковой диссимиляціей, ср. „Ниф҃óт“ вмѣсто „Мефѣд“.

скрос҃. См. выше, стр. 99.

чéрис҃. Употребляется, какъ нарѣчіе, и какъ предлогъ. Послѣдняя согласная передъ гласной или сонорной согласной произносится, какъ „з҃“: „чéриз҃ этъ дéлă“ и какъ „с҃“. Въ послѣднемъ случаѣ могло быть сохраненіе стараго „с“ или же подчиненіе общему правилу о кон-

цѣ словъ, потому что предлогъ „че́рисѐ“ имѣетъ самостоятельное удареніе и, слѣдовательно, не примыкаетъ такъ тѣсно къ имени (см. выше, стр. 68—69 и стр. 111 и др.), ср. „ѐ“ въ „блисѐ“ и т. п. Предлогъ „че́рисѐ“ можетъ отдѣляться отъ имени, которымъ управляетъ, напр.: „че́рйѐ ја тибѣ́ плато́к изарвала“, „че́рисѐ он э́тъ...“.

о́кѣл. По происхожденію, вѣроятно, = о-колѣ, т. е. предлогъ „о(б)“ не съ винит., а съ мѣстн. над. Рядомъ съ „окъ̀л“ — также: „окъл“ съ „л“ твердымъ.

заме́с и *наме́с* (= вмѣсто): „ни приве́тит удало́ва намес ма́тири ацца́“ (пѣ.), „наме́с свајеј ве́рнъј супру́ги“ (ск.), „жы́л намез де́тищă (ск.), „заме́с миня́“ и пр.

про́тиф, *прати́(ф)*, *прот̀*, *супрати́(ф)*, *насу́прът̀*.

крук и *акру́к* (округъ): „крук кач̀е́л, крук кач̀е́лнава сталба́ раскало́л Вася таљја́нку“ (приб.); „нас и по́п та ни вин̀ч̀я́ит, крук нало́ю ни вид̀о́т“ (приб.), „акру́к ја свawò до́му паста́влю карабо́т“ (пѣ.) и проч. и разгов.

апри́ч (кромѣ): „ни пръпуска́т̀ никаó апри́ч то̀лкъ Бо́гъ“ (ск.), и т. п.

фстреч: ѣхать, гресть и пр. „фстреч ве́тру“ и т. п. Употребляется и какъ нарѣчіе: „вади́цы бу́дити че́рпът̀ в рике́, фстре́ч че́рпăј“ (т. е. противъ теченія; ск.).

сире́т̀: „пѣлажы́лă сире́д̀ двара́“, „сире́т̀ ле́су“ и пр.

О согласованіи предлоговъ — ниже, въ синтаксисѣ.

Слова сложныя съ предлогами.

роз при прилагательныхъ и иногда при существительныхъ — для обозначенія усиленія качества: ръскраса́вицă и проч., наприм. въ пѣсняхъ: „разудалый“ (Миша Байк.), „разъ красутка“ (онъ же), разуда́лăј, расхаро́шăй, разуха́лаю дитю̀ ма́лаю, ръсприя́тил̀ и проч. Въ другихъ значеніяхъ употребленіе то же, что въ литерат.: ръзрагу́лй, ръскара́кă, ръссужда́т̀ (въ короводѣ — жестикулировать), ро́звъ̀ни и проч. О произношеніи см. выше, стр. 21.

вз: вазро́днъj — ласкат.: вазро́днъj ты мој, вазро́днъй мая ма́тушкă, вазро́днъjь мајо́ ди́титкă и т. п.; вазви́дить: „све́ту мне бе́лъу ни вазви́дить, дите́j сваи́х ни вазви́дить“ (клятва); возрадоваться: „ни вазра́дуиссъ ма́тушкъ“; въжжала́хнуцъ или зжала́хнуццъ; взajти́т не только въ смыслѣ „подняться и войти“, но и въ значеніи просто „войти“: взajти́ вы́збу, взашла́ ф сара́j (куда уже вовсе не надо подыматься), взашо́л в э́ту дире́вню и пр.

выз: да вы́зрăсту, вѣроятно, = вы-из-ростъ или вы-вз-ростъ (т. е. до того времени, какъ выростетъ). См. выше, стр. 22.

с: сни́съwъть: он сни́сьут (записываетъ); ска́зъwъть; он взя́л, jим або́им го́лъу и ссе́к; сти́шнъj (тихій): пъстишне́й жыви́; сро́ćтвиник (родственникъ); ску́снъj (то-же — вездѣ въ сѣв.-влкр.); спо́лницца (= исполнится и т. п.); я згаро́тку гъражу́; згаро́дъчкă и изгаро́дъчкă; скаскă и ка́зъчкă, ско́лкă и ко́лкă сматри́, сматря́ю и матри́, матря́ю. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, старое отсутствіе приставки. Всѣ перечисленныя слова извѣстны и въ другихъ говорахъ. Объ словахъ, сложныхъ съ приставкою „с“ см. также выше, стр. 49—50 и стр. 106.

с по: спъгаро́жънъй (пѣ.), спъкида́ть (разгов. и пѣ., ср. „миня спакида́ит“; „фсе́ миня спаки́нули“ и пр.), спако́j (наприм.: ни даду́т тибѣ спако́ю) и спако́иствă; спака́ицă („спакаилаз дифчо́начка духо́вному ацду́“—приб. Ср. выше, стр. 104).

с-под: спъдыма́ть и пр.

су. См. у меня выше, стр. 31 и 39. Приведу еще примѣры: сугла́снаи (приб.), сугли́нък, суго́рбинăj (пѣ.), сужале́лъ (старуха), су́кръицă (сукровица), су́миркы, сумле́нjь, сумлява́ццă, су́пъръснъj (о свиньѣ, но, наприм., о коровѣ: сте́лнъj съ приставкой „с“), насу́прът, супру́к, супру́гă, су́писък (супѣсокъ), săсусо́бить (присвоить), суссе́т и сасе́т, су́тълъкă, сутя́гă. Нѣкоторыя изъ сложныхъ съ сж замѣнили сж черезъ са- (со-): сасе́т, сагла́сjă, ср.

литерат.: сожалѣть, сомнѣнье. Нельзя ли думать, что гласная приставки (а, о) въ такихъ словахъ сохранилась именно потому, что она замѣнила старую гласную полнаго образованія; иначе старое „ъ“ въ такомъ положеніи не должно было бы сохраниться въ видѣ гласной, и мы бы имѣли: ссѣдъ, згласья, жжалѣть (ср. сжалиться) и т. п. Такого же происхожденія о (а) въ совѣтъ, такъ какъ съвѣтъ дало бы „свѣтъ“, ср. старорусскія съвѣтъ, свѣтъ, свѣтьникъ = совѣтъ, совѣтникъ.

по: по́мир, по́жыл и пр. Отмѣчу глаголы безъ приставки „по“: каза́т: ты ни кажы́ (не показывай), бу́ду я тибѣ́ каза́т! върати́т: върати́ ло́шът та (поворачивай).

подъ; между прочимъ отмѣчу слова: пъдъфтари́т (повторить), пъднама́р (см. выше, стр. 102), пъдjалды́хну́т (сдѣлать отъ себя дополненіе къ чьей ниб. рѣчи) и др.

пере: пирися́дник (ср. у Булича Матер. для русск. словаря въ Изв. II Отд., I изъ Калуж.), пиркале́т, пиъмини́т, пирпъсти́т (чересчуръ много пустить), пиртаме́т (совсѣмъ утомиться) и пр.

при: присáдник, придили́т (к мéсту и пр., „имéнијь ни знáю куды придили́т“, „я ни знаю, куды вjун придили́т“ и пр.), придáт (к сýду и т. п.), приста́вит (к мéсту, к суду, ɣ дéлу и пр.), притыка́т, приписа́т, приру́п (пристройка къ избѣ) и пр.

про: пръздравля́т и пр.

Союзы и другія частицы.

Утвердительныя частицы: да, пра́вды, пра́ў, ну, пра́ў ну́ (пра̀въ ну́), jѐ̨ Бо́ɣў ну́. Эти частицы употребляются въ отвѣтѣ въ смыслѣ утвержденія, а кромѣ того — въ вопросѣ со значеніемъ: вѣрно ли?

Отрицательныя: не́т, не́ту, на́дъд бъ тибе́.

Вопросительныя: нушта́ (напр.: „нушта́ пра́вды?“ — а то нушта́ не́т? — „нушта́ он этъ зде́лъіт?“ — пра́у ну.), нюжли́, ниу́штӑ, ниужéли, ну ужéли (въ пѣ.: „ну ужéли

пъзавя́пит въ Паръфо́нкъу зе́лин са́т, ну ужѐли мы даждо́мса свайѐх рибят ис салда́т?“), ну ужли́ жа̀; не́ш [„нѣ ж (то)“? по смыслу = развѣ: неж гре́с ѝми бу́ду? неш таг де́лъют? неш он Маско́скъй? и пр.], разѝ и раз (передъ гласными и сонорными согласными и раз и рас) = развѣ (употребляется кромѣ вопросительнаго значенія еще въ значеніи условнаго союза = развѣ только, если не: „пайдо́т х тибе́ Бо́х нъчава̀т! раз гawна́ тъ нюхъ̀т рабя́чьу?!“), ли.

Раздѣлительно-вопросит.: а́ли, аль, ай (= али), или, ли-ли; послѣдній союзъ особенно частъ, когда въ 1-ой половинѣ фразы — глаголъ съ этимъ союзомъ, а во второй — отрицательное слово „нѣтъ“ и т. п., причемъ такое предложеніе чаще имѣетъ значеніе условнаго, чѣмъ вопросительнаго: „ве́ришь ли, не́т ли“, (посмотри:) „што он там, сйе́л ли, не́т ли, и пр.

Раздѣлит. толь-толь (толь бу́дьт, толь не́т; толь уви́жу, толь не́т), нито́-нито́ и др.

Сравнит. сло́wнъ, бы́ттъ (бы́ттъ карти́нъчкъ харо́шънка и т. п.), бы̀т (бы̀т сни́т и пр.), как сло́wнъ (ястрябъ „ужжи́т как сло́wнъ ве́тир“), сло́wнъ как („сло́wнъ кък я тиба́ ви́дил“ и пр.), вро́ди как, то́чнѣ, си́лич (ср. у Черныш., Моск. 49, 151; Будде, Богородиц. Туль. и др.), ни пло́ш, ни пло́ш то́жъ и др.

Условные: када́, къли, же́жъли, же́жли, же́сли, же́зли, же́ли, зез или зес, кабы, къп, къли зес: же́сли гwарьт ни найдо́ти...; зез гwарит шуми́т, то он лити́т; зез гwарит кля́дбу ни дади́ти, зес ска́жыти..., зес мы тибя̀ прапу́стим; а зес ты каму̀ пака́жыш, то он и ъбвинчя́ицъ; пъплывот к нам бо́чкъ, палу́чим ийо̀, къль же́з з зо́лътъм, — ва́м, а ж жывйо́м,—мне́; адну ска́зъчку скажу́ вам, къли уго́дна. См. также т. 46, стр. 150; заче́м по́д гъру мани́лъ, када̀ я̀ тибѐ ни ми́л и пр.

Уступит. ко̀ль (= греч. περ): я̀ къль найду́ (я, пожалуй, пойду); я̀ къль, ты́ къль (ну хоть ты, а то, пожалуй, и я); ты́ къль во́т што̀ зде́лъй и пр.; хо̀т, хата́, хош, хаша́: пръвиди́ хъш ади́н ра́с; ну хаша́ он бу̀т каг друди́и (пускай бы онъ былъ...), хаша́ я иwо̀ и ни зна́ю,

ну а ф҃со жъ...; пу҃с, пущя́j, пуска́j, ни тро́к, ни за́м, ни зама́j: ни тро́к та́к аста́ницъ, ни тро́г в дире́вни пъжыво́т, ни за́м ана́ стаи́т и пр. см. выше, стр. 126; дива́ бъ: дива́ бъ ни па́с, а то...

Противоположж.: но; адна́къ; фпро́чьм; а ф҃со жъ, а то́; а то́ ут; ни то́м — а и, и пр.

Заключительные: ну дъкwот пришол разу́мшы, разде́мшы; тък; дък; то; тагда́, тады́ и пр.

Союзы цъли: шшуба́, штоба́, штоп, штун, шшун. См. выше, стр. 109.

Причинные: пътаму́ (безъ „что“; = потому что: онъ такъ сдѣлаетъ, потому онъ тебя любитъ и т. п.), ка́к (= такъ какъ), пътаму́ как (= такъ какъ).

Союзы времени и мѣста — тѣ-же, что и нарѣчія.

Перечислю еще нѣкоторыя частицы: ниш (=лишь): ѧднаво́ я ниж баю́с (пѣ.); набо́с҃, нибо́с҃, (нябо́с҃): он набо́с҃ вес҃ по́ль зъвали́л; *чаj:* вы чаj слы́шъли, ты чаj замучилсѧ [1]); знаѣ҃т: wод знаѣ҃т этъ Бо́х тъ пада́л нам; *ит҃* (вѣдь) и дыѣ҃т (да вѣдь): тя́тиѧ, дыѣ҃ Бо́х у миня́ нъчawа́л (ск.) и т. д.

Удвоеніе корня.

Такое удвоеніе является въ словахъ баба́скѧ и предлогѣ сас, наприм.: „wо́т тибѣ ска́ск, а мне́ баба́ска, тибе́ кърипо́к, а мне де́ньк мипо́к“ (оконч. сказки; старуха); при игрѣ въ бабки употребляются выраженія: бить „сас на́р“, „сас тро́х“, но „ѣ читыро́х“, „с҃ пити́“ и пр. „Бабаска“ врядъ ли — изъ „побаска“, потому что *п* фонетически не могло уподобиться слѣдующему *б*. Вѣроятно, это слово аналогично по способу образованія съ русскими: колоколъ, тараторить, балаболка, хорохориться, старославянскимъ глаголати; удвоеніе во всѣхъ этихъ сло-

---

[1]) Кажется, это слово — только сѣверное. См. ниже, главу о словоупотребленіи.

вахъ еще дославянское. Ср. неполное удвоеніе корня въ калуж. приγаγу́тка рядомъ съ приγу́тка (√(гуд)). Съ предлогомъ сас ср. смолен. сосъ (Буслаевъ, Историч. грамм. § 76, 5) и болгар. със, а также русское и болгар. във (см. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. XVII. Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь, стр. 67; добавлю примѣръ изъ русскаго списка повѣсти объ Акирѣ XV в. Общ. Ист. и Др. Росс. № 189: „въвоборзѣ“). См. мою замѣтку въ Ж. М. Н. Пр. 1902, іюнь.

Созвучныя пары словъ.

1. ни тро́ш, ни варо́ш (оставь въ покоѣ); лиф-про́лиф (проливной дождь); хо́дит-бро́дит; ни шасто́м, ни пясто́м (слово „пѣстъ“ извѣстно только въ этомъ выраженіи); жыл-был [1]); шалава́т и балава́т (пѣ.); цалуит-милуит (велич. пѣ.); то-со́, пя́тъй-дися́тъй; тако́j-сяко́j; можетъ быть: пандра́вилъс, пъмура́вилъс, ср. „че́м ът ана̀ ямѹ̀ пъмура́вилъс“ и пр., ср. въ калуж. пѣ. „чижик-пыжик“ (Медын.).

2. шурда́ бурда́; шурды́-бурды́ събрали́с (т. е. всякій народъ; все больше мало годные люди); там шарóх-варóх паjдóт (т. е. тамъ сѣно разворошено и такъ и сякъ; такъ что не разберешься); шы́шьл-вы́шьл, вон пашо́л (считалка), шытави́лъ́-битавилъ́ пъ́ неме́цку гъвари́лъ́ и проч. загадка про сороку); шурки́-юрки́, апя̀т ф парки́ (загадка про точильный брусокъ).

3. сю́ха-муха, ты гавню́ха (считалка); квапня́-машня́ (считалка).

4. сало́минъ́-яло́минъ́ (считалка); второе слово — изъ „еловина“, т. е. еловая игла?

Объ этихъ парахъ см. замѣтку Мурзы-Джафара: Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ въ Юбилей-

---

[1]) Жыл-был, по происхожденію, быть можетъ—plusquamperf., но теперь по значенію совпало съ остальными созвучными парами и только потому уцѣлѣло.

номъ Сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, стр. 311—313, а также мою замѣтку: „Еще о парныхъ словахъ“ (Мелкія замѣтки по русскому яз., 4, въ Журн. Мин. Н. Пр.).

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Современемъ я постараюсь издать сравнительный словарь Парфёнковскаго говора. Теперь только отмѣчу нѣкоторыя слова, употребляющіяся въ этомъ говорѣ и характеризующія его, какъ одинъ изъ средневеликорусскихъ говоровъ. Параллелей изъ другихъ говоровъ не привожу, потому что вопросу о словарномъ составѣ великорусскихъ говоровъ будетъ посвящена отдѣльная замѣтка. Слова располагаю по алфавиту; о словахъ, неупотребительныхъ въ говорѣ (какъ наприм.: дежа, скородить, конь, орать и пр.). см. подъ ихъ синонимами (квашня, бороновать и пр.).

а н б а́ р и ж и т н и ц а одинаково употребительны; амбаромъ обычно зовутъ барскія житницы.

б а я т ь (сѣв.-влкр.) въ смыслѣ „говорить“ — почти исключительно въ пѣснях.

коровы рогами только б о д а ю т с я, но не брухаются и не торкаютъ; торкаютъ только вилы.

б о р о н а́, б о р о н о в а́ т ь (сѣв.-влкр.; при этомъ только этотъ глаголъ; не „боронить“), бороньба́ и пр.; южновеликорусское „скородить“ вовсе неизвѣстно.

б р е х а́ т ь, б р е х н я́ (=лгать, лганье) стали извѣстны только съ 1901 г., когда пріѣхалъ на побывку одинъ Куровскій парень, поступившій учителемъ въ школу близъ Малаго Ярославца Калужской губ.

б р ы к а т ь с я и л я г а т ь с я — оба слова употребительны.

б р ю к в а.

б ѣ л к а, значительно рѣже, чѣмъ в е к ш а.

в е к ш а.

водонос ъ — палка, на которой носятъ ушатъ или бадью съ водой; слово „хлудъ“ вовсе неизвѣстно.

выть или воить по покойникѣ, а не „голосить“.

говорить. Слова „гутарить“ или „гуторить“ (южновлкр.) нѣтъ.

до́ить коровъ; „она до́итъ корову“ и „корова до́итъ молоко“; слово „тѣшить“ въ этомъ значеніи не употребляется; слово „торыка́ть“—объ отдѣльныхъ моментахъ доенья.

доро́жка; также тропка, тропинка́; слово „стежка“ въ этомъ значеніи не употребляется.

дощечка (сѣв.), а не „досто́чка“ (ю.-влкр.). Слово „до́стачка“ — только въ одной пѣснѣ.

жи́тница — зданіе для помѣщенія зернового хлѣба; см. также сл. „амбаръ“.

жито 1) ячмень, 2) яровой хлѣбъ. Въ обоихъ значеніяхъ это слово — сѣв.-влкр. Въ южно-влкр. и, частью, въ сѣверн. въ 1-мъ значеніи употребляется слово „ячмень“.

жи́чка — глазная болѣзнь „ячмень“.

зау́локъ. Одинъ парфёнковскій крестьянинъ, сравнивая свой говоръ съ говоромъ дер. Тилихтина Спасъ-Нудыльской волости, говорилъ: „У нас карóў ушлá в зау́лък, а у них корóвă в закоу́лок ушлá. У нáс щи́, а у них шшы́“.

замýчиться. Живущій въ нашемъ имѣніи работникъ изъ Орловской губ., разговорившись со мной объ томъ, какъ говорятъ у нихъ и у насъ, привелъ рядъ выраженій, которыя онъ „покрылъ“ и теперь здѣсь болѣе не употребляетъ. Напримѣръ, онъ какъ-то вздумалъ какой-то дѣвкѣ въ Куровѣ или въ Парфёнкахъ сказать по своему: „Кáк ты нябóс умари́лась“. Дѣвки подняли его на смѣхъ и потомъ объяснили, что по ихнему надо сказать: „ты чàj замýчилъс“, что вызвало сначала его протестъ: какъ это „чáj замýчилси: чáj ни майи́т замýчиццци“, но съ тѣхъ поръ онъ свое „умари́лси“ покрылъ, и никто болѣе отъ него этого слова не слыхалъ.

зола́. Словъ „пепелъ“ и „поцелъ“ я никогда не слыхалъ.

изба. Слово „хата“ (ю.-влкр.) въ разговорѣ неупотребительно.

каса́тка (птица) — чаще, чѣмъ „ласточка“.

качели и „рели“.

квашня́ (сѣв.-влкр.; впрочемъ, на сѣверѣ — другое удареніе); южновеликорусскаго „дежа“ въ Парфёнкахъ не знаютъ.

клѣвъ = хлѣвъ (кажется, сѣверное; въ южн.: „закут“).

кляп — только въ неприличномъ значеніи.

ковшъ (сѣв.?). Слово „корецъ“ (южн.?) ни въ какомъ значеніи не употребляется.

конь — только деревянная лошадь на карусели или игрушка; въ послѣднемъ случаѣ обычно „каня́шка“, но также и „лаша́тка“.

колыбель (выговар. „кăлубе́л“, „кълубе́лка“) — только въ пѣсняхъ и сказкахъ.

кочеты́гъ — чѣмъ плетутъ лапти и бахилки, а не „свайка“.

крынка — сосудъ для молока.

кушы́н — по-южному, а не „кукшын“ по-сѣверному.

лады́ — брачный сговоръ.

ло́шадь — обычно.

ляда́ — множ. — низкія луговины подъ покосомъ.

люлька = колыбель.

маха́тка — небольшая кринка.

мутовка.

мычка — горсть пеньки или трепаннаго льна, надѣваемой на гребень; „мыкать мычку“ — расчесывать ленъ.

мякина.

шестокъ или наша́стокъ у печки — то, что въ южновеликор. зовется загнѣткой.

о́цѣпъ или оцѣпъ — жердь, къ которой привязывается люлька.

пали́ца — широкій ножъ у сохи.

па́укъ. Слово „мизгирь“ неизвѣстно.

пахáть землю (южновеликор. и сѣв.-восточн.), сѣв. и малор. „орать“ въ этомъ значеніи неизвѣстно; слово „пахать“ въ другихъ значеніяхъ (мести полъ и рѣзать хлѣбъ) не употребляется.

пелёва: мякúна пелёва — овсяная мякина. Слово „полова“ совсѣмъ неизвѣстно.

посконь.

поя́си — соломенные жгуты, которыми перевязываютъ снопы (то, что въ южновеликор. — „свясла“ или „перевясла“).

пѣту́хъ. Слово „кочетъ“ неизвѣстно.

пѣть пѣсни (сѣв.), а не „играть“ (южн.).

рига — большой овинъ, закрытый со всѣхъ сторонъ.

рѣзéцъ. Рѣзцомъ называютъ скобель въ дер. Поповкѣ Спасъ-Нудыльской вол., въ Савельевѣ и друг. Въ Парфёнкахъ — „стругъ“.

санки — маленькія, ручныя сани, на которыхъ зимой возятъ воду и бѣлье, а не „салазки“.

сковорóдень — чѣмъ таскаютъ сковородки. Въ Куровѣ извѣстно также и словб „чупéльникъ“.

сѣльни́къ, а не „клѣть“.

стругъ — скобель. Слово „скобель“ неупотребительно.

толкачъ — пѣстъ.

торкать, почти то-же, что „тыкать“. Вилы торкаютъ и пр.

тро́пка и тропи́нка (сѣв.) — пѣшеходная дорожка. Слово „стежка“ (южн.) въ этомъ значеніи неизвѣстно.

ухватъ (сѣв.), а не рогачъ (южн.).

ушатъ, а не „извара“.

хвастать — говорить неправду (южн.).

хлѣвъ, см. „клѣвъ“.

чапельникъ (произнос. „чупéльникъ“ Курово), — „чѣмъ блины таскаютъ“, т. е. вынимаютъ сковородки изъ печи. Въ Парфёнкахъ — только „сковорóдень“.

цѣпъ, а не „пріузъ“.

„чай“ — частица — небось, пожалуй, я думаю и пр. (сѣверн.).

ш и́ б к о — скоро, быстро. Сѣверное (владим.) „прытко“ кажется страннымъ.

Этихъ словъ достаточно, чтобы показать, что словарь парфёнковскаго — средневеликорусскій и, какъ такой, ближе къ сѣверно-великорусскому и именно къ восточнымъ говорамъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, чѣмъ къ южно-великорусскому. Подробнѣе постараюсь разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи средневеликорусскаго словаря къ другимъ великорусскимъ въ особой замѣткѣ. Укажу на то, что есть небольшія различія въ словарѣ между Парфёнками и другими сосѣдними деревнями, наприм.: „шило“ — Парфёнки, „наколю́шка“ — Курово; „стругъ“ — Парфёнки, „рѣзецъ“ — Савельево и т. д.

Здѣсь же приведу нѣкоторые образцы метонимій: „А мы и не знали, что у насъ *ангелъ* (= именинница) сидитъ“; „и ате́ц ту́тъ ијо́, и бра́т ту́т... и ијо́ и *зако́н* (= мужъ) тут“ (сказка). Остальныя подробности относительно словоупотребленія впослѣдствіи будутъ указаны въ словарѣ.

СИНТАКСИСЪ.

Родъ именъ существительныхъ.

Муж. рода имена: кърамы́сьл, я́блък, стату́j, мы́ш, ле́бьдь, гу́с (род. гу́ся или гуся́). Всѣ эти слова склоняются по мужскому склоненію; род. пад: стату́я, мыша́, ле́бьдя и пр.; ска́тьрть — женск. рода, хотя въ имен. ед. можно сказать: бе́лъj, чи́стъj ска́тьрть.

Женск. рода уже по формѣ: ба́нкă (наприм. положить деньги „в ба́нку“), вряда́ (ср. Колосов Зам. 66, Черныш. Моск. у. 107 и друг.), ти́гра, путь (ср. творит. пу́тój, пу́тjój; въ сѣв.-влкр. „путь“ тоже женск. рода).

Вмѣсто „вряда́“ говорятъ и „вре́т“: „вряды́ не́т“ и „вряда́ не́т“.

Грамматическій родъ слова можетъ не совпадать съ родомъ лица, обозначаемаго словомъ: городская голова, вѣрная слуга, горькая сирота, онъ — горькая пьяница, ея женихъ — красавица писаная и пр.; въ сказкѣ: „го́лъу сно́с и слуге́ свае́й и мана́ху“ (слуга — мужчина), но также: „душа́ мая, душа́ мо́й, душа́ ми́лай, дарагу́й“ (пѣ.), „мой ат муш ад горкай пя́ница“ (и: „горка пяница“ — пѣ.), „бе́днъй сирата́“, и пр.

Женск. родъ вмѣсто средняго: фсю́ симе́йству, сама́ сабо́й и само́ сабо́й, к адну́ прикра́снъйъ вре́мь (ск.).

Очень часто употребленіе мѣстоименій и иногда прилагательныхъ въ формѣ муж. рода при существительныхъ средняго рода: аказалас мой кале́чик (пѣ.); йицо—он сыро́й; де́ вядро́ тя? — wо́н он; он нябо́с ве́с по́ль зъвали́л, я́ бъ у Ма́шки ве́с се́н адби́лъ бя́; се́нъ ве́с ако́пнътя́; ве́с лицо́ ъпцапа́ля́; на свой ме́стя́; твой калцо́ выскъчит; нади́н лицо́ и надно́ лицо́; „свой именной кольцо“ (Миша Байк.); мой све́тнъй пла́тйь, ф тве́тнай (вмѣсто „твѣтно“ въ пѣ.?) пла́тйа нарижа́ица (пѣ.) и мн. др. Подобное согласованіе отмѣчено во многихъ южновеликорус. говорахъ, между прочимъ, мною въ Калуж. губ.

Средній родъ сказуемаго при подлежащемъ муж. рода: „у на́с и каза́к пахо́жъ нъ каза́к“; „прошло годъ“ (Миша Байковъ). „Прошло годъ“ — по аналогіи съ „прошло два года“, „— два мѣсяца“ и т. п.

Употребленіе чиселъ.

Множеств. дѣлимаго вещества. Названія растеній и т. п.: „овёсъ какой хорошъ“ и „овсы хороши“, „сѣна́ хороши“ и „сѣно хорошъ (хорошо)“; конопля́, въ конопля́ и въ конопляхъ; ягоды поспѣли, ходить по ягоды и: ягода нонче сильная, „уродилась сильна ягода въ бору“ (пѣ.); грибы пошли; наоборотъ, *един. число:* сосна (ель, осина и т. п.) нонче дорога́ и т. п. О различіи меж-

ду овесъ и овсы, сѣно и сѣна́ и т. п. см. у Потебни, Знач. множ. числа, стр. 27.

Множеств. число сложныхъ вещей: задки́, передки́ у телѣги и пр.

Множ. число мѣста: носить на кошла́хъ, постановить что-н. въ ногахъ к.-н., положить въ голова́ или въ го́ловы; что-н. лежитъ „въ голова́хъ“ у к.-н. Ср. у Потебни, Знач. мн. ч., стр. 43.

Множ. число времени (ср. у Потебни, о. с. V, стр. 44—59): по́лдни, на́ полдни, на полдня́хъ; справлять помоло́тки, проздравлять съ помоло́тками и пр.; за́говѣны, но также и „за́говѣнъ“ муж. р., наприм.: „мы в за́гъwьн праси́ли“, „да за́гъwьну коли́ аста́лъс“ и „jамý да за́гъwьн аста́лъс служы́т“.

Множ. число состоянія (ср. у Потебни, о. с. VI, 60—76). Служить въ рабо́тникахъ, въ повара́хъ, въ кучера́хъ и пр., но также: сто́рожемъ, управля́ющимъ. Вообще, такой оборотъ („въ“ съ множ.) избѣгается, если обозначается должность, которую занимаетъ или можетъ занимать только одинъ человѣкъ.

„гарю́хи на́шъму Андрю́хи“, жа́лости (наприм.: жа́лости даже и подумать, и глядѣть то жа́лости и пр., ср. у Черныш. Моск. у. 29), у́жасти; „онъ не въ убы́ткахъ“, лады́ (plur. tant., = брачный сговоръ); „фсо на ра́дасътях, на висе́лjушках“ (пѣ.) и пр.

Множ. вѣжливости. 1-е л. множ. вмѣсто единственаго употребляется при выраженіи благодарности: блъγдари́м вам фсе́м вапче́, пако́рнъ блъγдари́м, о́чин ва́ми блъγада́рны и пр.

2-е л. множ. вмѣсто единств.—въ разговорѣ съ „господами“, священниками, учителями, кабаччиками и т. п., затѣмъ, когда „ребята“ говорятъ съ дѣвками изъ другой деревни и притомъ еще мало знакомыми, съ совершенно незнакомыми людьми, если они мало-мальски прилично одѣты. Въ тѣхъ же случаяхъ употребляется и единственное число. Очень немногіе, желая казаться болѣе благовоспитанными, говорятъ на „вы“ со всѣми. Принято упо-

треблять 2 е л. множ. ч. въ письмахъ, хотя бы къ родному сыну, наприм.: „Дорогому моему сыну Ивану Алексѣичу. Пишетъ вамъ ваша матушка Катерина Давыдовна. Посылаемъ вамъ свое родительское благословеніе и съ любовію низкóй поклонъ“, и т. д.; наконецъ, въ торжественныхъ, обрядовыхъ случаяхъ: на свадьбѣ, когда невѣста разсаживаетъ своихъ подругъ или угощаетъ ихъ, она говоритъ съ ними на „вы“. То-же я наблюдалъ и въ Медынскомъ у. Калужской губ.

3-е множ. для вѣжливости вмѣсто единств. употребляется, когда говорятъ объ лицахъ, съ которыми стали бы говорить при встрѣчѣ на „вы“: „анé (т. е. баринъ) ушлú в лéс“, „анé пашлú нъ диревню“ и т. п.

Употребленіе чиселъ при числительныхъ.

При числительныхъ два, три и четыре отъ слова „раз“ вмѣсто старой формы двойств. можетъ стоять и родит. множ.: два рáс, три рáс и два рáзá и пр. Любопытно согласованіе при числит. въ одной пѣснѣ, записанной у старухи: „у mawó ли у милóва три сáдика силянóва“; обыкновенно прилагательное при числительныхъ: два, три, четыре ставится въ формѣ родит. множ.

Кстати замѣчу, что при числительныхъ большое значеніе имѣетъ расположеніе словъ, какъ и въ литературномъ: „тридцать рублей“ — именно 30, не больше и не меньше; „рублей тридцать“—около 30 рублей. Такое различіе существуетъ не во всѣхъ русскихъ говорахъ. Такъ, напримѣръ, изъ словъ В. И. Чернышова въ Доп. къ Мещ. стр. 33 можно думать, что въ Мещовскомъ говорѣ выраженія „восемь человѣкъ“ и „человѣкъ восемь“ имѣютъ одинаковое значеніе. Въ бѣлорусскомъ расположеніе словъ въ сочетаніяхъ съ числительными не вліяетъ на значеніе такихъ сочетаній. Лѣтомъ 1900 года въ дер. Куровѣ работало нѣсколько крестьянъ изъ Могилевской губ. Одинъ Куровскій парень, разсказывая мнѣ, какъ эти работники

говорятъ, удивлялся, что по ихнему „рублей тридцать прислали“ все равно, что „прислали 30 рублей“.

Множ. число при собирательныхъ: „весь народъ дивовались“ (Миша Байковъ), „сбирались наротъ“ (онъ же) и т. п.; чаще въ такомъ положеніи единств. число сказуемаго.

Отмѣчу множ. ч. мѣстоименій въ такихъ выраженіяхъ, какъ: мы съ сестрой (= я да сестра), онѣ съ братомъ (онъ да братъ); наприм.: „спе́рвă мы с Ната́шкъj праjе́хълис, а пото́м ане́ с Ми́шкъj“ (въ обоихъ случаяхъ было только по два человѣка).

Единств. повелительнаго при множеств. подлежащаго: „де́фти поj, де́фти поj, де́фтй висили́тиса“ (пѣ.) и т. п.

Употребленіе падежей.

Именит. Отмѣчу употребленіе личнаго оборота вмѣсто безличнаго: „ста́л он у ни̓ дивити́ ле́т“ (ск., старуха), „темна ночинька мне не спица“ (Миша Байк.; пѣ.); при отрицаніи: „пасмо́трим што́ на свéти не́ былă“ (ск., запис. мною отъ Миши Байкова) и др., ср. винит. при отрицаніи.

Винит. Нѣкоторые переходные глаголы употребляются безъ дополненія (съ подразумѣвающимся дополненіемъ) въ особомъ значеніи: давать: „скатини давать“ (Миша Байковъ; то-же и въ разгов.), т. е. кормъ; о дѣвушкѣ или женщинѣ: давать кому....; гонять и водить въ играхъ, гдѣ обыкновенно выигравшая партія „водитъ“, а проигравшая „ганя́етъ“; искать у кого, т. е. вшей, гнидъ: „дай, я у тебя поищу“ и т. п., гнать, вертать, поворачивать — въ значеніи непереходныхъ глаголовъ.

Нарѣчіе вмѣсто прямого дополненія — въ пѣснѣ: „Я въ го́рку шла, чижало́ нясла́“.

Винит. внутренняго содержанія при непереходномъ глаголѣ: „го́рь гърява́т“ — пѣ.

Описательныя выраженія съ винит. объекта: зада́л зада́чу, ахо́ту гана́ть (=охотиться), гара́чку тача́ть (спѣшить, суетиться) и пр.

отпереть съ винительн. лица: „отперъ ее“ (Миша Байк.; ск.), ср. запереть кого.

глядѣть на кого и кого: „пашли́ пъглиде́т э̀ту до́чта, што он (медвѣдь) там с̀је́л ли, не́т ли (ск.); смотрѣть невѣсту, домъ, свадьбу, платье и пр. и смотрѣть на кого, на что; при этомъ значенія глагола „смотрѣть“ въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣсколько различаются.

искать съ винит. и съ родит.: „што́ ш там иска́т̀“. Кромѣ обычнаго значенія „искать“ употребляется съ вин. или родит. лица въ значеніи „искать въ головѣ“ (вшей, гнидъ) у кого: „дај я тибѣ пъищу́“ и т. п.; въ послѣднемъ значеніи употребляется и род. съ предлогомъ „у“.

измѣнить съ винит. = литературному „измѣнить“ съ дат.: „измѣнить любовь“ = перестать любить, ср. „и хо́чиш любо́ф из̀мини́т̀“ (пѣ.); „измѣнить кого“ = перестать любить кого, обмануть, перемѣнить на другого, наприм. „изменила тебя“ (Миша Байк.), „онъ её измѣнилъ“ и т. п. Въ значеніи литературнаго „измѣнить“ употребляется глаголъ „перемѣнить“, ср. „в лице́ пирмини́ласа“ (пѣ.).

говорить съ винит. употребляется иногда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ литературн. — предлогъ „об“ съ мѣстн.: „што́ ш он с табо́ј пъгъвари́л?“ (ск. и разгов.); также: „ап чом.....“.

Винит. можетъ стоять вмѣсто родит. partit.: жалко чего и что: „ему стало эти денги жалко“ (Миша Байковъ); дават̀ и зо́лътъ и сирябро́ (вин.!) и наряду́ (род.!)“ (ск.; запис. отъ Миши Байкова); што́ и тапѐр де́лът̀ та̀; можът̀ мнѐ там пъдаду́т што́-нибу̀т̀.

При отрицаніи — какъ родит., такъ и винит. Примѣры: „ты ни мо́жыш пѝсьмо́ присла́т̀“ (впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ винит. зависитъ отъ infin. безъ отрицанія), „jez rwart кля́дбу ни дади́ти“ (ск.), „отвѣтъ нидашъ“ (Миша Байковъ; пѣ.), „дарам денди ни даю́т“

(пѣ.). Ср. выше именит. при отрицаніи и винит. вмѣсто родит. partit.

Формы винит. = имен. отъ именъ животныхъ, напр.: „три кабы́лы“ и т. п., см. выше, въ Морфологіи.

Родит. При отрицаніи — какъ вмѣсто винит., такъ и вмѣсто именит. при глаголѣ быть, стать отъ мѣстоименій и именъ: тамъ никого нѣтъ, его дома нѣтъ, нашихъ коровъ что то нѣту, сладу нѣтъ, ей у́держу нѣтъ, и счёту нѣтъ, у ихъ согласья не стало и пр.; ничего не стоитъ, „нюви́дим ли де́ ганка́ (огонька) како́вă“ (ск.) и пр. Рѣже въ такихъ случаяхъ — винит. (см. выше).

Мѣстоименіе „што“ въ качествѣ дополненія при глаголахъ, а иногда и въ качествѣ подлежащаго можетъ стоять въ формѣ родит. падежа, преимущественно въ вопросахъ: „он чаwо́ йтъ де́лъит“; „чаwо́ ты там ви́диш?“, „а чаво́ вы зъписа́ли?“, „чаво́ он гъвари́т?“, „чаво́ йт он гаро́дит?“, „чаwо́ ты ищь вы́думъл?“ и т. д.; „чйwо́ ты пла́чиш?“ (объ чемъ ты плачешь), „чьwо́ ты расхны́кълса?“, „чаwо́ вы тут паста́влины?“ (=зачѣмъ вы...) и пр.; „чаwо́ ш у вàс jéĉ? (=что жъ у васъ есть?).

Иногда та-же форма употребляется даже при предлогахъ, требующихъ винит. пад., наприм. „ф чаwо́“ (положить, поставить и т. п.), нъ чаwо́, зъ чаwо́ и пр. Ср. подобные обороты въ Рязан. (Будде, Къ діалект., 127), Донск. (Матер. 42[2]), отчасти Мещовск. (Косогоровъ, 167) и друг.

Родит. раздѣлител.: „худой славушки пренять“ (Миша Байк.; пѣ.); „сичàс вы́нул бума́ди и чирни́л, ы нъписа́л писмо́“ (ск., запис. отъ старухи), „как уви́дид гриба́“ (одна дѣвка, жившая года три въ Москвѣ). Въ послѣднемъ случаѣ „грибъ“, какъ будто принимается за названіе одушевленнаго предмета; форма родит. со значеніемъ винит. отъ слова „грибъ“ и названій грибовъ употребительна во многихъ русскихъ говорахъ.

нуждаться съ родит.: „сам ja де́ньк ни нужда́юс“ (пѣ.).

вниматъ съ род.: „ричеj я якò так внима́ла“ (пѣ.).

При глаголѣ спросить родит.: „пойду дѣдушки спрошуся“ („пойду“ изъ „пойду ᵕу“? Миша Байк.), „спрашиваетъ этой девочки“ (онъ же). Быть можетъ, слѣдуетъ понимать какъ родит., а не винит.: „я ва́с хачу́ спраси́ть“.

Родит. качества: „я́, гът, ни прасто́у лица́“ и т. п.

Родит. при числит.: „тро́и су́тък“ и пр. Въ сѣв.-влкр. въ этомъ случаѣ нерѣдко — именит.: „трои сутки“ (ср. Олон. Колос. Зам. 197 и академ. матер. изъ сѣв.-влкр.).

Дат. Молить, какъ и молиться, — съ дател., напр.: „мали́ть Бо́гу зъ Тимо́ху“ (приб. и разгов.) и пр.; также: просить: „ста́л ја госпъду праси́ть“ (пѣ.), но обыкновенно глаголъ „просить“ — съ родит. или винит.

благодарить всегда съ дател. (примѣры см. выше въ § о числѣ), но „благодарный“ — съ твор. Ср. матер. изъ Новгор., Олон., Вологод. губ.

„мнѣ подруженьки смѣются, не женихъ ли твой“ (Миша Байк.; пѣ.; = надо мной... смѣются...?).

„я крича́ла, ни дакли́калас јаму́“ и пр. (пѣ.).

мнѣ пришло на умъ; „мне ахо́тъ прилягла́ яо̀ зажа́ридь дъ ску́шъть“ и т. д.

Двойной дател.: „я повѣрила... сладкимъ молодцу рѣчамъ“ (Миша Байк.; пѣ.).

Творит. о́чин вами блъгада́рны, „ни ацта́ну ад заня́тнава ни ху́дъм, ни добро́м“ (приб.); „надругой день всемъ миромъ его искали“ (Миша Байковъ), „та́к риw ́о́т каро́уј (= какъ корова, плачетъ), „пашол вадо́ю (по водѣ), „јехъли путь́ј о́ј“, „се́рди горми гаря́т“ (пѣ.), „и свѝснул ја грамко́м“ (пѣ.), ѣхать порожнёмъ и пр.

Согласованіе предлоговъ.

об: ӑба што́, ап чаwо́; а́б э́ту по́ру („приблизительно въ это время“); „таг жыу́т, ду́шъ аб ду́шу“ (старуха) и: душа́ въ ду́шу; „ап чо́м ты стайш? ап пусты́м де́ли“ (изъза чего ты упорствуешь, изъ-за чего ты споришь? — изъза пустяковъ; охота тебѣ изъ за пустяковъ такъ упря-

миться); „къ рамы́сьл тъ он то́ж аб дву́х канца́х“; „ло́шъ т̀ а̀п читыр̀о́х нага́х“ и т. п.; „ап то́м ја ни грусна́“ (пѣ., здѣсь отглаг. прилаг. сохраняетъ управленіе глагола).

на: пріѣхать на лодкахъ, на кораблѣ и пр., но сидѣть въ лодкѣ, въ кораблѣ; „садится въ корабль“ (Миша Байковъ) и на корабль; ходить на деревню, быть на деревнѣ (т. е. не въ полѣ, не на барской усадьбѣ), но жить въ деревнѣ (т. е. не въ городѣ); на улицѣ, но въ проу́лкѣ; на барской усадьбѣ; на дворѣ и во дворѣ, выйти на дворъ (между прочимъ всегда съ этимъ предлогомъ въ значеніи = до вѣтру) и во дворъ (въѣхать, войти), на́ поле („на́ пъля“) и на́ полѣ („на́ пъли“), но и (рѣже) въ поле, въ полѣ; лошади пасутся на клеверѣ, но — забрались въ клеверъ, въ овесъ, въ рожь, ходятъ въ овсѣ, во ржи, но на ржани́щи и т. д. при названіяхъ деревень употребляются различные предлоги (и „въ“, и „на“); кажется, предлогъ „на“ ставится въ тѣхъ случаяхъ, когда деревня — на горѣ: на Ве́рьхней Деревнѣ, на Го́ркахъ, на Медве́дкахъ, на Со́лнешной станціи, на Румя́нцевской станціи; кажется, иногда — на Бодро́вѣ, на Ми́нинѣ (также и въ винит. над.), но: въ Васи́льевскимъ, въ Парфёнкахъ (и: „на П.“), въ Коренька́хъ, въ Шиша́ихѣ, въ Поко́евѣ, въ Петро́скимъ, въ Со́лнешнымъ, въ Ядро́минѣ и пр.

Прійтить на Рожество́, это случилось на Успленьё (т. е. не въ самый день праздника), остаться на праздникъ, на Пасху и пр.; это было на Рожествѣ (т. е. въ святки), на Пасхѣ, но: въ Рожество (въ самый день Рожества), въ Веденьё; въ святки и на свя́ткахъ; въ праздники и, рѣже, на праздникахъ; но только: въ праздникъ; выраженіе „на праздникѣ“ обозначаетъ не время, а мѣсто (тамъ, гдѣ справляется праздникъ; на праздничномъ гуляньѣ).

жениться и вѣнчаться на комъ-нибудь, напр.: „объвѣнчалса на ней“ (Миша Байковъ); также: съ кѣмъ-нибу́дь и надъ кѣмъ (рѣдко).

говорить на кого-ниб.=говорить кому-ниб., напр.: ана̀ rwа̀рт нахо́тникъ (ск.), сукъ... нъ къбиля́ гъwӑрит (тамъ же), з̀бира́jсь, rwӑр̀т, правóрния, нъ нijо́ (ск.) и мн. друг.; въ томъ же значеніи можетъ употребляться и дат. безъ предлога.

возжалахнуться на кого: он въжжала́хнулсъ бра̀т нъ нijо́ (=онъ пожалѣлъ ее; ск.). работать на кого: на отца́, на се́мью, на себя́; готовить (sc. обѣдъ и пр.) на кого: „ана̀ пъстаян на на́з гато́вит“, но: готовить „дли до́му“. „пагада́j падру́шка Са́ша на разорванај каро́л̀“ (приб.); обыкновенно въ разгов.: гадать на король, на кралю (даму). „так ја нъ тибе́ (мѣстн. пад.!) наде́юс“, но чаще при этомъ глаголѣ — „на“ съ винит.; „сын ацца́ ѣjо́т, ни на́ худъ у́чит“ (ср. Волог. Кадник. матер. 25, Олон. Петроз., матер. 30 и др.). „он с ѝном надно́ (нади́н) лицо́“; онъ „на лицо́ краса́вица“ (приб.), также: лицомъ..., но: изъ себя, собою. ѣхать, идти на стрѣ́чу и стрѣ́чу (= въ стрѣчу?); нечистъ на́ руку и пр.; посылать письма и пр. на кого-нибудь = на чьё-нибудь имя: пиши́ на меня́ и т. п. онѣ сошлись на двухъ рубляхъ; онѣ на этимъ погрѣши́ли; спасибо и на этимъ; спаси́бо вамъ на добромъ словѣ и пр.; домъ=на правой рукѣ, но „ступajти.. вот ф пра́wy ру́ку в ави́н ищѝт“.

въ. См. выше, объ употребленіи предлога „на“. Кромѣ того: читать въ книжку, играть въ гармо́нью, во скрипку, въ тальянку, въ рожо́к, но: на роя́ли; „в або́и края́ (т. е. колокола) нача́ли ъхаба́чьwъ̀т“ (т. е. звонить); „jе́дит Мар бӑга́тъj jим стре́чу“ (въ стрѣчу?) (старуха); „ступа́jти.. wот ф пра́wy руку в ави́н ищи́т“ (старуха); въ конецъ (=совсѣмъ, наприм.: ръззарю́ тибя́ ф кане́ц— приб.), а я́ в ра́зум ни взяла́ (пѣ.), мне́ ни ф со́вис̀ (мнѣ неловко, стыдно), а мне́ и ни в дамек, ни в дага́т (догадъ), апа́ jаму́ ни ф пандра́ву и пр.; при обозначеніи времени: въ у́жинъ, въ обѣдъ (во время ужина, обѣда, напр.: я приду́ х тибе́ в абе́т; ане́ в абе́т ӑддыха́ют); во всю ночь и всю ночь; во весь день ни слова не сказали, во всё лѣто, во всю зи́му, „ва фсю даро́гу фсо пе́сни пе-

ли мы, ва фсю даро́гу је́хъли“ (=всю дорогу, пока ѣхали, мы пѣли пѣсни) и пр.; рѣже — безъ предлога.

„в лице́ пирмини́ласа“ (пѣ.; т. е. лицомъ...).

по — съ винит., дательн. и мѣстнымъ: 1) ходить по грибы, порѣхи, по́ воду (и: за водой), по я́годы, по я́блоки, погорохъ, по мали́ну (и: за малиной), нарѣчіе пашто́, но сходить за квасомъ, съѣздить за лѣсомъ, за́ сѣномъ, за́ ло́шадью и пр., нарѣчіе зачем. Замѣчу различіе: сходить за ягодами, по большей части, — уже набранными, по ягоды — съ цѣлью ихъ собрать; поѣхать по дрова, т. е. съ топоромъ, чтобы нарубить въ лѣсу дровъ; за дровами, — чтобы привезти уже нарубленныя дрова. По́ поясъ, по́ уши, по го́рло и пр.

2) сходить куда по дѣлу, по на́добности, ударить по рукамъ, сговориться по душа́мъ, „спе́рва́ къ душам, а та́м, смо́триш, и къ уша́м“, „папа́шъ нака́зъул къ нада́жы (потому что надѣялся) къ тиба́“ (старуха); ходить по міру, по двора́мъ, раздавать имучество по бѣднымъ люда́мъ, по нищей бра́тіи, по церква́мъ; разойтись по домамъ; ходить по́ двору, по улицѣ, пройтись по горенкѣ и проч.; всё по хоро́шему (наприм. „фсо пъхаро́шъму де́лъ до́мъ бу́дит“—старуха); пау́тру (=утромъ). Предлогъ „по“ съ дат. употребляется для обозначенія раздѣла извѣстнаго количества на равныя или соотвѣтственныя доли: градъ по кури́ному яйцу́ (т. е. каждая градинка—), по одному́ („пъднаму́“), по пяти́, по двадцати́ трёмъ, по ба́бкамъ (т. е. по числу поставленныхъ бабокъ); но числительныя 2—4 въ томъ же значеніи ставятся въ зависимости отъ „по“ въ винит. пад.: по́ два, по́ три, по четы́ри, какъ и въ литерат.; также: „по пидися́т рубле́j дади́м“; мѣстоименіе „што“ при тѣхъ же условіяхъ — въ мѣстн. пад.: „пачо́м“; рѣдко также: „падно́м“ = по одному.

3) во временномъ или мѣстномъ значеніи = послѣ чего, какъ и въ литерат., и послѣ глаголовъ, означающихъ печаль для обозначенія предмета печали: „ана́ о́чиннъ ръзгруставалъс пъ свајеj ро́дини“; „мы очи́н гру́сту́им пъ тибе́“, „заливаласа на немъ слизми“ (Апн. Аким.,

пѣ.); „я па ми́лаим скуча́ю“ (приб.); „ни ап чо́м так ни страда́ла, как па ми́лаим свајо́м“ (пѣ.), вздыхать по комъ и т. д. (см. также предл. „при“). Но иногда мѣстный падежъ въ такихъ случаяхъ замѣняется дательнымъ: па ми́лаим друшке́ и, рѣдко: па ми́лъму друшку́, она плачетъ по нему и т. п.; „пътаму́“=потомъ — у одной старухи. См. выше, о нарѣчіяхъ.

за — съ вин. и твор. См. предлогъ „по“ съ винит. Также: преслѣдовать за кѣмъ: „фсиγда́ прислѣдавал за не́ю, к любо́ви я ијò склоня́л“ (пѣ.); „чаwо́ ты за мно́ю со прислѣ́дуиш?“ (разгов.), ср. управленіе несложнаго глагола „слѣдовать“; „зъ пустяка́ми т толк ы де́лъ тъ ста́ла“; „ни за ра́дъсју я х тибе́ прије́хъл“ (т. е. не за тѣмъ, чтобы тебя обрадовать...; ск.); „матри́... пъщюня́ј ијò, штъб ана... ни пашла́ зъ гулбо́ю (т. е. не стала гулять; ск.) и пр.

Съ вин.: за́ годъ до этого; за́ годъ успѣли сдѣлать то-то; за́ лѣто; за́ вѣдро (пока еще вѣдро); за́ свѣтло; за хоро́шую пого́ду; за́ ночь; за́ день; „задин де́н фсо абде́лъим“ и пр.; за́ годя (предлогъ — съ дѣеприч., ср. отъ родя́сь); „за зиму т он саску́чиць пъ дире́вни“, „замучьссй за́ дьн рабо́тъмшы“; „высписсъ за́ нъч“; „за́ видрй тъ бъ се́нъ убра́т; сватать, просватать (дѣвушку) за кого, отдавать (sc. замужъ) за кого; брать, взять кого (sc. замужъ) за себя; также: „зя́л јаó зъ сибя“ (=къ себѣ), записать что за себя (=на свое имя).

къ съ дат.: сули́ли мне́ де́нди, пада́рти, хате́ли миня́ кh те́м прилстиt (пѣ.); а мне́ и ни х чаму́ бы́лъ; ни γ душе́ (= не по душѣ); зашо́л х крајнъму до́му (ск.), призза́ид γ база́ру (ск.; старуха), но обычно: на базаръ (а „къ база́ру“ обычно только во временномъ значеніи: ко времени базара).

придѣлить (т. е. опредѣлить) къ мѣсту, придать к су́ду, приста́вить къ становому; мы къ этому дѣлу не привычны; онъ къ этому дѣлу не касается или: онъ до этого дѣла не касается; свататься къ кому (къ к.-н. дѣ-

вушкѣ), наприм.: „сватайся ко мнѣ“ (Миша Байк.) или сватать кого (вин.).

Отмѣтимъ употребленіе предлога „къ“ не при глаголах и нарѣчіяхъ, требующихъ этого предлога и не для обозначенія движенія: онъ живётъ (туда) къ краю, къ Воскресенску, къ Карцеву и т. п., т. е. по направленію отъ лица говорящаго къ пункту, обозначенному именемъ въ зависимости отъ предлога „къ“.

до: охотникъ до чего; онъ до этого дѣла не касается (ср. предл. „къ“); „судьба, до чего ты меня призвела?“ (пѣ.) и пр.

про: говорить, (баять), писать, знать и пр. (что) про кого: говорить „про́ щи с ква́сам“; „пра миня́ ли, пра тибя́ л̀ люди ба́юд гавары́т“ (пѣ.); „праjдо́т та сла́вушка пра на́с табо́j, суда́рушка“ (приб.); „это не про нас писано“ (не только = не про насъ, но и: не для насъ).

отъ: отъ горя, отъ бѣды и пр. — въ томъ же значеніи, какъ и: съ горя, съ бѣды и пр. Послѣдній оборотъ, кажется, чаще. „Онъ ац со́вис̀ти ушо́л ат не́j“ (ск.; старуха), т. е. потому, что ему стало „не въ совѣсть“, совѣстно жить съ ней.

подъ; съ вин. и твор.; приведу нѣсколько примѣровъ на употребленіе этого предлога съ вин.: крыть (избу и пр.) подъ дра́нку (=дранкой), подъ щётку (соломой подъ щ.), подъ желѣзо и желѣзомъ, но: соло́мою, тёсомъ; стричь волосы или стричься подъ по́льку (по-господски), подъ ерша́, подъ гуса́ра и пр.; плясать подъ тальянку, подъ скрипку, подъ рояль, „пат тваю́ howy таl̀jáначку патпе́т̀ я ни магу́“ (приб.) и пр.

съ — съ винит., родит. и твор.: съ чего = отъ чего: „и ума́ ни прилажу́, ш̀ чиво́ іть с̀ ни́м папри́ччилъс; и ш̀ чиwо́ іт он зъхвара́л? — Паня́тнъ, с холо́днъj вады́“ и т. п.; пріѣхать съ Москвы; сейчасъ только съ по́греба, со двора́ и изъ двора, но всегда: изъ дому.

приставать съ худыми дѣлами, „ана́ ни скланѝлъс с н̀о́м“ (т. е. на его предложеніе жить съ нимъ, ск., отъ старухи), „прихо́дьт сам к не́j, ста́л с̀ не́j улыба́ца“ (ск.,

хотя изъ сказки не видно, чтобы глаголъ „улыбаться“ слѣдовало понимать, какъ взаимный); „снимъ поклонилса“ (Миша Байковъ) и пр.; жениться, вѣнчаться на комъ и съ кѣмъ, наприм.: „обвенчаемса с табою“ (Миша Байк.; ск.), „винчаѣ з баринам“ (пѣ.).

у: „усмерти“ (=при смерти. Миша Байк.; ск.); „онъ былъ унихъ оченъ красивъ“ (Миша Байк.) и пр.; спросить у кого; сватать кому невѣсту у кого и пр.

при: „очин таскуит при ниссасси“ (ск.; старуха); „а при старасти такоj ни палюбит никакоj“ (пѣ.); „при этим дели“; состоять при должности, при мѣстѣ или на мѣстѣ, рѣдко: у мѣста; быть при цѣпочкѣ, при часахъ; остаться ни при чомъ: „астáлис ни при чóм, а търгавáли тирпичóм“ (погов.) и пр.

надъ. Отмѣтимъ оборотъ: вѣнчаться надъ кѣмъ-ниб., чаще: на комъ или съ кѣмъ.

изъ: „изъ такой малости и путаться не стоитъ“; красивый, видный и пр. изъ себя; „ис сибя я никрасива, висяла сама сабоj“ (приб.), но: красивъ и проч. лицомъ и т. п.

скрозъ — съ родит.: скрозь рѣшета, скрозь слёзъ; „скроз хрустáлнава накóшичка на мóлацца глидит“ (пѣ.), „там скроз трóя (скрозь строя) правидут“ (пѣ.) и т. п.

чéресъ — съ вин. и род., наприм.: „я пó мърю плáула чéриз этъ дéлаѣ“ (благодаря этому; ск.); чересь слёзъ (отъ слёзъ, наприм.: не могу говорить ч. сл.) и пр.

рáди, зарáди: скýки рáди и отъ скýки рáди, рáди Христá и Христа рáди; зарáди Христá и пр.

передъ: „сравнялса баринъ пердомной“ (Миша Байковъ; пѣ.) и т. д.

Нарѣчія мѣста при глаголахъ направленія.

гдѣ дѣваласа (пѣ.); гдé бъ мне былъ зъ табоj приjéхът (т. е. куда бы...; запис. отъ Миши Байк.); имѣніе не знаю, куда придѣлить (опредѣлить); я не знаю, куда вьюнъ положить и пр.

Употребленіе мѣстоименія 3-го л.

Это мѣстоименіе не только замѣняетъ отсутствующее въ предложеніи имя, но ставится нерѣдко и въ томъ случаѣ, если это имя находится на лицо: „Када́, гът, он прид̑о́т, зя́т̑ тъ мој?“; „а он сказа́л: валка́м с̑је́с̑, — Бо́х“; „у не́ј пя́тиръ дите́ј у до́чири“; „он въжжала́хнулсъ бра̀т̑ нъ нијо́“ (всѣ примѣры — изъ сказокъ, запис. отъ старухи). Существительное можетъ стоять и впереди мѣстоименія, но примѣровъ не пришлось записать.

Употребленіе глагола.

Условное накл.: я́ бъ ра́дъ дъгада́лъс и т. п.

Повелительное. Отмѣчу употребленіе ф. кажись въ значеніи частицы: „дъ ни сты́днъ ли тибе́, ни со́виснъ? — кажы́з дано̀́днъ сты́днъ? — ск., разгов.; также въ значеніи частицъ — повел.: не зама́й, не за́мъ, не тро́гъ, пуща́й, пуска́й, пусть, поди-ко, небось и пр.

Infinit.: въ смыслѣ повелит.: позва́ть его сюды, молчать и пр.; при прилагат. готовъ, охочъ, гораздъ, хорошъ, ловокъ и др.: мой отецъ охочій няньчить; очень гораздъ сказки сказывать; онъ играть ловокъ и т. д.; „усла́л даро́гу, де Бо́γу ити́т̑“ (ск.); „вамъ завтре косить“, sc. надо.

Дѣепричастіе: мале́нькъ пъгадя́ лити́т апя́т̑ а̀нгил γаспо́дин̑; нѝстипя́ се́рцъм и ушо́л дамо́ј; глиди́д глаза́ вы́пучи; „одинъ изъ козаковъ, наездникъ лихой нибольши годъ живши съ женой смолодой...“ (Миша Байковъ; пѣ.); и пр.; дѣепричастія могутъ соединяться съ предлогами: за́ годя, отъ родя́сь.

Повтореніе предлога.

Повтореніе предлога, относящагося къ имени существительному, имѣющему при себѣ опредѣленіе,— нерѣдко, не только въ пѣсняхъ, но и въ сказкахъ и въ разго-

ворѣ. Примѣры: съ женой смолодой (пѣ. Миша Байковъ); он тъскава́д гърява́т пъ супру́ги пъ свае́й (ск.); пае́хъли с э́тим, с слуго́й съ сваи́м, с пры́нцъм (тамъ-же); пъ суд̀бе́ па Бо́жиj (тамъ-же), прие́хъли пря́мъ γ го́ръду к э́тъму (тамъ же), к съмаму́ к э́тъму го́ръду; къ двару́ къ свам̀у́; ате́ц ид̀о́т к э́хтъj γ до́чири и т. д.

Сложное предложеніе.

Въ такъ называемой косвенной рѣчи могутъ сохраняться лица прямой рѣчи: сказалъ что это я; сказала ему, что я за тебя пойду; молится чтобы мой мужъ ослѣпъ (— всѣ примѣры изъ сказокъ, записанныхъ Мишей Байковымъ); нача́ли брани́т зачем̀ вы хади́ли (косвенной рѣчи не будетъ, если написать: „...бранить: зачѣмъ...“, но интонація разсказчика въ этомъ мѣстѣ не даетъ права на такую интерпункцію), но также и: „она подумала что это ее мужъ“ (Миша Байковъ). Ср. въ греч. евангеліи такіе обороты, какъ: ἐκεῖνος ἔλεγεν ὅτι ἐγώ εἰμι (Іоан. 9, 9).

Въ *относительныхъ предложеніяхъ* съ мѣстоименіями: который, кто, кой въ главномъ предложеніи при существительномъ, опредѣляемомъ относительнымъ предложеніемъ, нерѣдко ставится мѣстоименіе „э т о т ъ“ со значеніемъ = литерат. „тотъ“, наприм.: „онъ его отдалъ за два мѣшка сзолотомъ э т о м у старику каторый далъ ему два мѣшка“ (Миша Байк.). Мѣстоименіе „тотъ“ въ подобныхъ случаяхъ — не часто. Если относительное предложеніе относится къ подлежащему главнаго предложенія, то это подлежащее очень часто ставится послѣ относительнаго мѣстоименія; такъ наприм.: „который человѣкъ...“ чаще, чѣмъ „человѣкъ, который“ и т. п.

Временныя и др. предложенія.

Нѣкоторые примѣры приведены въ главѣ о союзахъ (въ морфологіи); приведу еще нѣсколько: къкъ стари́к тъ

вѣрава́л, тък ана́ узнава́лă; то́лк ушо́л, ате́ц идо́т к э́хтъj γ до́чири; я то́лкъ забы́лъз, засну́лъ, а́нгил и прилята́ит и пр.

Вводныя предложенія.

Примѣры: он, ни с̀ни́цъ ему́, съскачи́л... Вообще, временные и проч. союзы нерѣдко опускаются: „Я былъ здѣсь, — онъ приходилъ“, т. е. когда онъ приходилъ, я былъ здѣсь или наоборотъ.

Приложенія.

„Сла́въ ти Христу́“. Ср. также употребленіе мѣстоименія 3-го лица при наличности замѣняемаго имъ имени. В такихъ случаяхъ самое имя можно разсматривать, какъ приложеніе къ мѣстоименію.

Заключеніе.

Кончая свое описаніе, постараюсь изложить свой взглядъ на положеніе описанаго мною говора середи другихъ великорусскихъ. Мнѣ кажется, что, если разсматривать всѣ его фонетическія, морфологическія, лексическія и синтактическія черты въ ихъ совокупности, его неудобно считать говоромъ южновеликорусскимъ. Наряду съ нашимъ литературнымъ языкомъ, т. е. собственно Московскимъ говоромъ, и говорами нѣкоторыхъ уѣздовъ Московской, Тверской, частью Тульской, Рязанской и Поволжскихъ губб., его слѣдуетъ выдѣлить въ особую группу, которую я назвалъ бы средневеликорусской. До послѣдняго времени говоры этой группы были изучены хуже другихъ, да и южновеликорусскіе говоры намъ были недостаточно знакомы [1]). Только за послѣднія 5—6 лѣтъ

[1]) Въ „Опытѣ русской діалектологіи“ акад. А. И. Соболевскаго акающимъ говорамъ посвящено всего 22—23 стран.

общій характеръ южновеликорусскаго нарѣчія выяснился благодаря трудамъ проф. Е. Ѳ. Будде, акад. А. А. Шахматова, В. И. Чернышова, Филатова и нѣкоторыхъ другихъ (Рѣзанова, Калмыкова, и пр.); дальнѣйшія экскурсіи туда же Н. Караулова, А. Никольскаго и мои только прибавляютъ матеріалъ, но не вносятъ существенныхъ измѣненій въ добытые уже результаты. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется и положеніе московскаго говора. Оказалось, что этотъ говоръ, отличаясь южновеликорусскимъ аканьемъ, носитъ нисколько не меньше очень существенныхъ чертъ сѣверновеликорусскихъ. Такъ, акад. Шахматовъ замѣтилъ, что съ фонетической стороны московскій говоръ отличается сѣверновеликорусскимъ произношеніемъ согласныхъ (имѣются въ виду нешепелявые сѣв.-влкр. говоры), Чернышовъ указалъ на крупныя различія между московскими и южновеликорусскими удареніями, остается указать на морфологію и словарь московскаго нарѣчія, во многихъ отношеніяхъ примыкающій къ сѣверновеликорусскому. Что касается объема Московскаго нарѣчія, то акад. А. И. Соболевскій готовъ былъ ограничить его предѣлами города Москвы, очевидно, отожествляя сильно акающее произношеніе Москов., Звенигор., Рузск. Клинск. и др. уѣздовъ съ южновеликорусскимъ. Недавнія поѣздки прекраснаго знатока великорусскихъ говоровъ и тонкаго наблюдателя В. И. Чернышова по Московскому, Дмитровскому, Богородскому и Егорьевскому уѣздамъ, вызвавшія двѣ небольшія, но очень цѣнныя замѣтки, равно какъ и мои наблюденія въ Рузскомъ и Клинскомъ уѣздахъ должны помочь выяснить и этотъ вопросъ. Вмѣсто одного Московскаго говора приходится говорить объ группѣ діалектовъ, занимающихъ сѣверную половину Московскаго у., бо́льшую часть Звенигородскаго, Рузскаго, Волоколамскаго, Клинск. уу., части Можайскаго, Подольск., Верейскаго, Дмитровскаго и Богородскаго уу. Московской г., значительную часть Тверской губ. (въ уѣздахъ: Тверскомъ, Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ, Новоторжскомъ, Ста-

рицкомъ и Зубцовскомъ) [1]), часть Егорьевскаго у. Рязанской губ. Кромѣ того, говоры той же группы спорадически попадаются въ Поволжскихъ губерніяхъ и даже въ Тульской губ. (См. у Будде, Туль.). Общія черты этихъ говоровъ: аканье слабое или сильное, но, сколько мнѣ извѣстно, исключительно восточнаго типа, т. е. такое гдѣ неударяемыя гласныя не диссимилируются съ ударяемыми гласными сосѣдняго слога, нѣкоторыя другія измѣненія, стоящія въ связи съ аканьемъ (наприм. „а“ вмѣсто „о“ и наоборотъ подъ перенесеннымъ удареніемъ: подо́рипь, то́щитъ, а́тперта); произношеніе „о“ изъ „е“ въ личныхъ формахъ глаголовъ I-го спряженія и передъ шипящими „ш“ и „ж“ и нѣкоторыя другія явленія, указывающія на раннее отвердѣніе шипящихъ (черта восточныхъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ великорусскихъ говоровъ); „о“ или его фонетическія замѣны изъ стараго „ъ“ при всякомъ положеніи и изъ того звука, который акад. А. А. Шахматовъ называетъ „ы ирраціональное“ (кромѣ немногихъ отдѣльныхъ мѣстоименныхъ формъ, какъ однэё и тэё); взрывное „г“ изъ общерусскаго „г“ взрывнаго (черта сѣв.-влкр., но преимущественно восточныхъ говоровъ, тогда какъ въ Олон. и Арханг. изъ общерусскаго „г“ взрывнаго — „γ“, какъ и въ южновеликор.); „в“ или „w“ на мѣстѣ общерусскаго „γ“ между гласными (наприм. злова, коровод; черта — сѣв-влкр.; въ южновлкр. „γ“ повсемѣстно — только въ „корогодъ“; а въ родит. пад. муж. р. един. ч. мѣстоименій и прилагательныхъ рядомъ съ „γ“ — также и „в“. Въ сѣв-влкр. кое-гдѣ сохраняется „γ“, наприм. въ Олон.); твердое „т“ постоянно въ окончаніи 3-го л. обоихъ чиселъ глаголовъ (сѣв. влкр.; постоянное присутствіе этого „т“, кажется, — восточная черта; въ западныхъ сѣв.-влкр. говорахъ „т“ въ фор-

---

[1]) Въ Тверской губ., а также въ Волоколам. и друг. уу. Москов. губ. рядомъ съ сѣв.-влкрус. и средне-влкр. говорами встрѣчаются и говоры южно-великор. типа (съ фрикат. γ и „т“ мягкимъ въ оконч. 3 л. глаголовъ).

махъ 3-го л. можетъ отпадать, какъ и въ южновеликор., ср. выше); также твердыя согласныя въ словахъ „дыра“, „высокій“ (сѣв.; въ І-мъ словѣ твердость согласной — вторичная) и т. д.; ударенія — ближе къ сѣвернымъ: ту́ча, па́шня, густо́й, со́сну, во́ду, но́гу, ру́ку, но не всегда: то́лстый по южному, а не толсто́й, о́тдалъ и отда́лъ и пр; въ формахъ: род.-вин. мѣстоименій „меня́“, „тебя́“ (сѣв.), дат. „тебѣ́“; вин. мѣстоименій женск. р. на „jo“: тоё, самоё; 3 л. множ. глаголовъ обоихъ спряженій безъ ударенія на окончаніи на „ут“ (южн.); отсутствіе формъ „даси́“, „jеси́“; въ словообразованіи сѣверной чертой являются такія образованія, какъ „колодецъ“ (въ южновлкр. „колодязь“), „поясни́ца“ (въ южновлкр: „поясника“), но, кажется, южные — глаголы на „—ану“ (въ литературномъ — рѣдко). Наконецъ, въ словарѣ средневеликорусскаго нарѣчія немало сѣверныхъ словъ; кажется, средневеликорусскій словарь ближе къ словарю восточныхъ говоровъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія, чѣмъ словарю другихъ великорусскихъ говоровъ, ср. бороновать, квашня, ухватъ, неупотребительность слова „хата“, затѣмъ всегда „лошадь“, а не „конь“, „пахать“, а не „орать“. Все это позволяетъ присоединиться ко мнѣнію акад. А. А. Шахматова, принятому и проф. Е. Ѳ. Будде, что „Московское нарѣчіе по происхожденію своему — ... сѣверно-русскій говоръ, принявшій южновеликорусскій вокализмъ“. То, что Шахматовъ сказалъ о Московскомъ нарѣчіи, можно примѣнить и къ другимъ средневеликорусскимъ говорамъ. Первоначально Московское нарѣчіе, повидимому, было особенно близко къ нешепелявымъ сѣверновеликорусскимъ говорамъ бассейна верхней Волги, такъ какъ нынѣшнее Московское нарѣчіе сохранило только тѣ сѣверныя черты въ фонетикѣ, морфологіи и словарѣ, какія есть въ этихъ говорахъ. Позднѣе къ Московскому нарѣчію примкнули, усвоивши южновеликорусское аканье и пр., также и нѣкоторые шепелявые говоры, но опять таки восточной группы. Ср. брошюры В. И. Чернышова. Къ числу шепелявящихъ говоровъ принадлежитъ отчасти и Парфён-

ковскій, гдѣ шепеляво произносятся мягкія жж, щ и ч. Изслѣдованные проф. Е. Ѳ. Будде сильно шепелявящіе говоры Касимовскаго у. Рязанской губ. по другимъ чертамъ фонетики и, кажется, морфологіи и словаря тоже примыкаютъ къ средневеликорусскимъ, но заключаютъ также много своеобразнаго, несвойственнаго другимъ средневеликорусскимъ говорамъ. Повидимому, эти говоры позже другихъ средневеликорусскихъ подверглись вліянію акающаго нарѣчія.

Такъ какъ средневеликорусское нарѣчіе образовывалось постепенно изъ смѣшенія разныхъ великорусскихъ нарѣчій, то составъ его неоднороденъ: въ однихъ говорахъ больше сѣверныхъ чертъ, въ другихъ — меньше. Одно изъ самыхъ видныхъ различій между ними — различіе въ степени аканья. Говоръ дер. Парфёнокъ принадлежитъ къ числу говоровъ съ довольно сильнымъ аканьемъ; чтобы отличить его отъ очень сильно акающихъ, можно бы назвать его *умѣренно якающимъ*. Но уже по сосѣдству съ Парфёнками есть говоры той же группы, но съ другой степенью аканья или яканья. Таковъ сильно акающій говоръ дер. Ивакина Рузскаго уѣзда (10 вер. отъ Парфёнокъ): тамошняя старуха говоритъ: мяня́, тябя́, рябя́ты, но: несли́, вели́ и пр.; сильное аканье слышится также въ Спасъ-Нудальской волости Клинскаго уѣзда (см. выше, т. 46, стр 146—147) и др.; В. И. Чернышовъ слышалъ говоры съ разной степенью сильнаго аканья въ Московскомъ у., а также и въ другихъ уѣздахъ Московской губ. Къ умѣренно акающимъ принадлежатъ, кромѣ литературнаго языка, различные говоры на всемъ пространствѣ средневеликорусскаго нарѣчія, ср. говоръ дер. Курова Рузскаго у., говоръ нѣсколькихъ селеній Богородицкаго у. Тульской губ., описанный Будде и др. Умѣренное, московское аканье — почти исключительная принадлежность средневеликорусскаго нарѣчія. Въ южновеликорусскомъ акаютъ по-московски только такъ называемые мѣщанскіе говоры подъ вліяніемъ московскаго произношенія.

Сѣверновеликорусской чертой въ Парфёнковскомъ говорѣ и во всемъ средневеликор. нарѣчіи можно считать появленіе слоговой гласной (изъ ъ̆) въ такихъ словахъ, какъ подошолъ, отошолъ, вошолъ и т. п. Что касается гласной въ концѣ словъ въ infin. и повелит., то она сохраняется рѣже, чѣмъ въ сѣверновеликорусскомъ. Въ Парфёнковскомъ говорѣ отпаденіе этой гласной такъ-же часто, какъ и въ южновеликорусскомъ, слѣдовательно, чаще, чѣмъ въ Московскомъ. Одной изъ характерныхъ чертъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія является стяженіе гласныхъ въ нѣкоторыхъ формахъ, вызванное выпаденіемъ „j“ (передъ неударяемой гласной) [1]). Среди акающихъ говоровъ стяженіе распространено въ поволжскихъ. Въ говорѣ Парфёнокъ стяженіе — не во всѣхъ случаяхъ, въ какихъ оно бываетъ въ сѣв.-влкр., а только не подъ удареніемъ; въ московскомъ литературномъ стяженія вовсе нѣтъ.

Въ консонантизмѣ средневеликорусскаго нарѣчія тоже существуютъ различія по говорамъ. Въ Московскомъ, Парфёнковскомъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ шипящія „жж“ и „щ“ произносятся мягко, но есть среди говоровъ московской губ. и говоры съ твердымъ произношеніемъ тѣхъ же шипящихъ. Въ южновеликорусскомъ обыкновенно произношеніе этихъ шипящихъ — твердо; въ сѣверновеликор. существуютъ оба произношенія; по сосѣдству съ Парфёнками, въ окающемъ говорѣ дер. Тилихтина Спасъ-Нудальской волости Клинскаго у. „щ“ = „шш“ твердому. „с“ въ возвратныхъ глаголахъ въ Парфёнкахъ, какъ и въ Москвѣ, звучитъ всегда твердо; въ другихъ средневеликорусскихъ (ср. въ томъ-же Рузскомъ у. говоры деревень Савельева, Мазилова, Ивакина и др.) является и мягкое „с“. Твердое „с“ въ этихъ глаголахъ повидимому, — сѣверная черта, хотя въ извѣстныхъ положеніяхъ есть и въ южновеликор. Слово „кувшинъ“ произносится

---

[1]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ выпаденіе „j“ не повлекло за собою стяженія, ср. Владимирское и Ярославское бываэт_и пр.

„куфшы́нъ“ или по-южновеликорусски „кушы́н“, а не по сѣверному (кукши́н; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ср.-великорусск. говорахъ попадается и это произношеніе). Въ словахъ „когда“, „тогда“ обыкновенно „г“ („ɣ“) въ средневеликорусскомъ не слышится, какъ и въ южновеликор., между тѣмъ какъ въ сѣв.-влкр. здѣсь слышится „в“, „л“ и „ɣ“.

Въ формахъ склоненія можно отмѣтить сѣверновеликорусскій творит. множ. = дател.: с рука́м, с нага́м; кра́сным сапля́м утрёт, пирид дружья́м, за на́м и пр. въ сильно акающемъ говорѣ дер. Ивакина Рузск. уѣзда; такой же творит. множ. я слышалъ въ сильно акающемъ средневеликорусскомъ говорѣ одной мѣстности Зубцовскаго уѣзда Тверской губ. и, кажется, также въ Клинскомъ у. Въ большей части средневеликорусскихъ говоровъ (въ томъ числѣ въ Московскомъ и въ Парфёнковскомъ) творительный пад. множ. правильно оканчивается на „-ми“, какъ и въ южновеликор. Винит. пад. един. ч. женск. рода прилагательныхъ въ московскомъ, какъ и въ сѣв.-влкр., оканчивается всегда на „-ую“ (если не произошло стяженія), въ другихъ средневеликорусскихъ не подъ удареніемъ также „ӑю“ (изъ „ою“; эта форма — часто въ южновеликор., но есть формы на „-ою“ и въ сѣв.-влкр.), но южновеликорусскаго окончанія „у́я“ средневеликорусскіе говоры, кажется, не знаютъ. Южновеликорусскія дѣепричастія на „мши“ въ средневеликорусскихъ говорахъ, кромѣ литературнаго, очень употребительны, но южновеликорусскихъ дѣепричастій на „мчи“ нѣтъ. Южновеликорусской чертой въ Парфёнковскомъ и нѣк. др. средневлкр. говорахъ можно считать употребительность причастій страд. на „т“, тогда какъ въ сѣверномъ распространены больше, кажется, причастія на „н“.

Въ словообразовательныхъ суффиксахъ. Суф. „ика“ въ названіяхъ ягодныхъ растеній въ Московскомъ литературномъ яз. — южновеликорусскій; въ другихъ средневеликор. говорахъ (въ томъ числѣ Парфёнковскомъ) тѣ-же имена являются и съ сѣв.-влкр. суфф. „-ига“, причомъ

послѣдній, кажется, свойственъ только восточной группѣ сѣв.-влкр. говоровъ. Сѣввлкр. „ица“ въ соотвѣтствіи съ южно влкр. „ика“ — только въ „чечевица“ и „поясница“, но первое изъ этихъ словъ, вѣроятно, въ литературномъ — заимствовано изъ церковнославянскаго. Сѣверной, быть можетъ, является и форма уменьш. „дощечка“ при южно-великор. „достóчка“. Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ на „ній“ и „ный“ въ разныхъ ср.-влкр. говоровъ является „н“ то твердымъ, то мягкимъ, по говорамъ, наприм. парфёнковскія давный, давнышный, ихный, дальный, таперешный и пр. при московскихъ дальній, давній, давнишній, ихній, теперешній. Въ этихъ случаяхъ Парфёнковское произношеніе, повидимому, ближе къ сѣверному.

Такимъ образомъ средневеликорусскими я называю тѣ смѣшанные великорусск. говоры, которые усвоили аканье и нѣкоторыя другія южновеликорусскія черты, по большей части связанныя съ аканьемъ, но сохранили остальныя черты сѣверновеликорусской фонетики, морфологіи и словаря. Самымъ древнимъ по времени смѣшенія въ нёмъ сѣверныхъ и южныхъ чертъ средневеликорусскимъ говоромъ является Московскій умѣренноакающій говоръ, т. е. нашъ литературный языкъ; въ другіе говоры аканье проникло позднѣе и притомъ часто не изъ Москвы (объ чёмъ свидѣтельствуетъ сильное аканье многихъ средневеликорусскихъ говоровъ), а изъ южновеликорусскихъ говоровъ. До сихъ поръ даже въ Московскомъ уѣздѣ на границѣ съ Дмитровскимъ нѣкоторые говоры еще не утратили оканья. Оканье слышится и въ глубинѣ Клинскаго и Рузскаго уѣздовъ Московской губ. и на значительномъ пространствѣ Дмитровскаго уѣзда въ перемежку съ аканьемъ и постепенно на нашихъ глазахъ вытѣсняется послѣднимъ. Господствующее положеніе, занятое Московскимъ литературнымъ языкомъ, позволяетъ послѣднему распространяться насчетъ остальныхъ сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ говоровъ; такимъ путемъ образуются такъ называемые мѣщанскіе говоры.

Исторія средневеликорусскаго нарѣчія еще не изу-

чена. Кое-что въ этомъ отношеніи сдѣлано проф. Е. Ѳ. Будде въ его интересной статьѣ объ языкѣ Ломоносова. Что такое представляло московское нарѣчіе до XVIII в., намъ неизвѣстно. Несомнѣнно, что въ Москвѣ, какъ въ центрѣ политической жизни русскихъ въ XIV—XVIII в., сталкивались представители разныхъ русскихъ народностей, говорившихъ на разныхъ діалектахъ; поэтому и къ показанію грамотъ и пр., писаныхъ въ Москвѣ, слѣдуетъ относиться осторожно, такъ какъ писцы могли быть родомъ изъ разныхъ мѣстностей.

Въ настоящей статьѣ я не могъ взять на себя задачи прослѣдить исторію изучаемаго мною говора по памятникамъ и заботился только объ томъ чтобы дать возможно полное описаніе говора, насколько онъ мнѣ извѣстенъ. Далеко не всегда я могъ достигнуть надлежащей полноты; много мѣшало также отсутствіе удовлетворительныхъ морфологіи и синтаксиса другихъ русскихъ говоровъ, которыя могли бы служить образцами или пособіями для моей работы. Этимъ объясняется и неровномѣрность настоящаго описанія. Кромѣ того, оно приготовлялось постепенно, и въ началѣ я располагалъ далеко не тѣмъ матеріаломъ, какой у меня былъ въ концѣ; отъ нѣкоторыхъ взглядовъ, высказаныхъ въ началѣ, теперь приходится отказываться. Я думаю, что многіе недостатки моего описанія отчасти можно будетъ исправить, хотя бы и не мнѣ, если мнѣ удастся, какъ я надѣюсь, опубликовать собранный мною матеріалъ.

Наконецъ, считаю своимъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность акад. Ф. Ѳ. Фортунатову и проф. Р. Ѳ. Брандту, всё время помогавшимъ мнѣ своими указаньями и совѣтами и снабжавшимъ меня нужными книгами.

Москва.
17 марта 1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе . . . . . 1—4

Фонетика . . . . . 4—127

—Общая характеристика (4—5). Транскрипція (5 .

Гласныя. . . . . . 6—56

А. Гласныя ударяемыя.

— „á“ и его измѣненія (6 –10): произношеніе á; ó вмѣсто á и наоборотъ (6 –8); å (8); é и ë вмѣсто я́ и наоборотъ (8—10); я́ вмѣсто ѣ и е въ концѣ слова (10); „é“ и „ѣ“ и ихъ измѣненія (10—19): произношеніе é (10—11); и́ вмѣсто é; произношеніе ѣ; смягченіе согласныхъ передъ é; іотація начальнаго е (11—12); о изъ е и изъ и въ заимствованныхъ словахъ (12—13); е вмѣсто и (13); 'о изъ стараго е и ь (13—17); 'о изъ стараго ѣ (17—18); нефонетич. é вмѣсто 'о (18—19), 'о въ чередованіи съ и (19), 'о и о въ дѣепричастіяхъ на мши. „и“ и его измѣненія (19 –20): и послѣ шипящихъ; іотація начальнаго и; и въ словѣ „бри“ (= брей); я вмѣсто и. Звукъ „о“ (20—21): произношеніе; о въ словахъ: ноньче, дуброва; ро изъ общеслав. ор; ра вмѣсто ро; лазоревый; у вмѣсто о. Звукъ „у“ на мѣстѣ другихъ звуковъ литературнаго языка (21—22); ы вмѣсто у и наоборотъ (22). Звукъ „ы“ (22—23): ы въ окончаніи нарѣчій на ды; вызростъ; ы въ началѣ слова; и вмѣсто ы; глаголъ тыркать. Звукъ „ӱ“ (23) . 6—23

Б. Гласныя слога, непосредственно предшествующаго ударенію.

— Побочное удареніе (23); „а“ безъ предшествующей мягкости передъ удареніемъ (24);

„а“ съ предшествующей мягкостью (24—29); „е“ (29); „о“ (30); „и“ (30 и выше 24—29); „у“: вмѣсто „ы“ (30), вмѣсто „а“ изъ стараго „о“ (30—31), приставка „су“ (31); „ў“ нефонетич.; рачагъ (31). . . . 24—31

B. Гласныя слоговъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію.

— Глухость произношенія (31—32). Условія появленія неударяемыхъ а и ă (32—34). Звукъ „ъ“: ъ вмѣсто ы (34—36); ы вмѣсто ъ (а) (36); ъ вмѣсто у (36); ъ^{у} (37); винит. един. прилаг. женск. р. на ъю вмѣсто ую (37—38). „ǫ“ неударяемое (38). „у“ неударяемое (38—39): вмѣсто ы, вмѣсто ъ, въ приставкѣ су. „е“ неударяемое (39—40). Звукъ „ь“: ь вмѣсто у; ў вмѣсто ь. Неударяемое ў . . . . . 31—40

Судьба старыхъ ъ и ь. Вставка и выпаденіе гласныхъ . . . . . 40—46

Полногласіе. . . . . 46—48

Приставка гласной въ началѣ слова. . . . . 49—50

Отпаденіе гласныхъ въ концѣ словъ. . . . . 50—51

Стяженіе гласныхъ . . . . . 51—54

Звукъ *u* въ серединѣ слова въ сосѣдствѣ съ другой гласной . . . . . 54—56

Неслоговое i̯ и j, w и γ. . . . . 56—62

— Выпаденіе j послѣ согласныхъ (56—57); ассимиляція j предшествующей согласной; выпаденіе j передъ согласной; j между гласными (57—58); паразитное j при пѣніи (58); дифтонгъ aj̯; „в“ вставное и на мѣстѣ стараго γ передъ гласной (58—59); w и у неслоговое и его выпаденіе (59—60); измѣненія въ сочетаніяхъ w съ гласными (60—61); звукъ γ, переходъ его въ h и выпаденіе (61); паразитное ъ̓л въ началѣ слова (62).

Согласныя. . . . . . 62—109

— „р“ губное 62

Твердость и мягкость согласныхъ . . . . . 62—73

Согласныя въ положеніи передъ мягкой согласной: передъ однородной (62—63); передъ согласными того же мѣста образованія; губныя передъ средне-нёбными и наоборотъ (63—64); зубныя передъ губными; губныя передъ зубными; задненёбныя пе-

редъ зубными; зубныя передъ средненёбными (64); j передъ зубными (65); согласныя передъ мягкимъ л; л передъ мягкими согласными; согласныя передъ мягкимъ р; р передъ мягкими согласными (65—66); согласныя передъ ч и щ (66) . . . . 62—66

Согласныя передъ слѣдующей твердой согласной: губныя и средненёбныя (66); зубныя (66); л мягкое (67); р мягкое и твердое (67); мягкія зубныя передъ твердыми зубными (67) . . . . . 66—67

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова: губныя (67—68), н (68), л, т въ 3-мъ л. глаголовъ и др. . . . . 67—69

Мягкость согласныхъ передъ слѣдующей гласной: р (69—70), л, н (70), задненёбныя (71), губныя (71—72), зубныя (72—73). 69—73

Лабіализація согласныхъ . . . . . 73—74

Переходъ глухихъ въ звонкія и обратно.

Въ концѣ словъ и передъ согласной (74); передъ гласными (75—76) . . . . . 74—76

Переходъ взрывныхъ во фрикативныя.

Задненёбныя (76—79); губныя (79—80) . 76—80

Шипящія согласныя

Шепелявость (80—83). Явленія въ области шипящихъ, не стоящія въ связи съ шепелявостью (83—86): ч и щ (83), ж и жд (84), произношеніе ждж и щ (85), переходъ г и щ въ ш (86). Шипящія въ чередованіи со свистящими (86—88). Остальные случаи появленія шипящихъ (88—89). 80—89

Согласныя назалированныя и склонныя къ л.

Назалированныя согласныя (89); смѣшеніе „в“ и „м“ передъ „н“ (89—90); „в“ въ словѣ „афша́ник“; дѣеприч. на „мши“; зубныя передъ „л“ (90—91) . . . . . 89—91

Переходъ согласныхъ . . . . . 91—99

А. Такъ называемое переходное смягченіе,—переходъ мягкихъ средненёбныхъ въ зубныя взрывныя (здѣсь же о словахъ „твѣтъ“ и „квѣлый“, 92—95). . . . . 91—95

Б. Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ:

Ассимиляція согласныхъ (95—96); „н“ вмѣсто „м“ передъ губными (97); „р“ въ словѣ „сварьба“ (97). Ассимиляція и диссимиляція плавныхъ (97) . . . . . 95—97

Б. Остальные случаи перехода (замѣны) согласныхъ. . . . . 98—99

Перестановка звуковъ . . . . . 99—100
Удвоеніе согласной . . . . . 100—101
Вставка согласныхъ. . . . . 101—104
Выпаденіе согласныхъ . . . . . 104—109

Ударенія . . . . . 109—115

Проклитическое удареніе предлоговъ . . . . 109—111
Существительныя . . . . . 111—112
Подвижное удареніе въ падежныхъ формахъ. . 112—114
Подвижное удареніе прилагательныхъ . . . . 114—115
Ударенія въ нарѣчіяхъ 115
Ударенія въ глаголахъ 115

Дополненія и поправки къ фонетикѣ.

— „ó“ вмѣсто „á“ и наоборотъ (116—117); „я́“ вмѣсто „ё“ (117); „é“ несмягчающее предшествующей согласной (117); „е“ въ началѣ слова (118); „Изотъ“; „é“ вмѣсто „и́“; „ё“ вмѣсто „é“ и наоборотъ (118—119); „é“ изъ „ѣ“ (119—120); „ё“ вмѣсто „и́“; „и́“ въ началѣ слова; „и“ вмѣсто „ѣ“; „о“ вмѣсто „и“ (120); „у“ вмѣсто „ы“ (121), „ы“ вмѣсто „у“ (121), „ы“ вмѣсто „и“; къ слову „тыр“, „аднъјó“ и „тъјó“ (121); ä неударяемое; предударныя „ы“, „я“; предлогъ „чересъ“; объ аканьѣ въ Парфёнкахъ и сосѣднихъ деревняхъ Рузскаго и Клинскаго уѣздовъ: Куровѣ, Горкахъ, Васильевскомъ, Семёнковѣ, Алексѣйковѣ, Поповкѣ, Украинскихъ Слободкахъ, Тилихтинѣ (121—123); неудар. „я“ вмѣсто „и“ (123); лабіализація неударяемыхъ гласныхъ (123); „ы“ вмѣсто предударнаго „а“ (124); произношеніе конечныхъ гласныхъ (124); „а“ вмѣсто „ы“; характеръ произношенія звуковъ „ъ“ и „ь“ (124—125); хронологія смѣшенія суффиксовъ „ышк“ и „ушк“ (125); „у“ вмѣсто „а“; неударяемое „е“; судьба старыхъ „ъ“ и „ь“; вставка и выпаденіе гласныхъ (125); „глонуть“; полногласіе (125); слово „ипóл“ (126); отпаденіе гласныхъ; стяженіе гласныхъ (126—127); выпаденіе j (127); вставное „в“; отпаденіе „в“; „в“ вмѣсто „г“; губное „р“ (127) . . . . . 115—127

Морфологія . . . . . 128—239

А. Склоненіе и спряженіе . . . . . 128—191

I. *Склоненіе* . . . . . 128—160

Существительныя:

– Имена мужеск. рода съ основой на общеслав. ъ/о, ъ/е и ъ/у . . . . . 128—137
Слова средняго рода на -о, -е. . . . . 137—140
Слова женскаго рода на -а(-я). . . . . 140—143
Имена съ общеславянской основой на ъ/и. 143—146
Имена съ общеславянской основой на -ъв. 146
Склоненіе словъ „мать“ и „дочь“ 146
Слова съ общеслав. основой на *ен* . . . 147
Слова съ основой на *нт* 148

Мѣстоименное склоненіе . . . . . 148—154

Прилагательныя.

Образованіе падежныхъ формъ (154—158). Образованіе сравнительной степени (158—160) . . . . . 154—160

II. Спряженіе . . . . . 160—191

Личныя окончанія изъявительнаго наклоненія:

Окончаніе формъ 3-го л. (160—161); 2-е л. множ. (161); личныя формы 1. и 2. спряж. (161); окончаніе 3-го л. множ. (162); формы, интересныя по ударенію; стяженныя личныя формы (162—163); формы глаголовъ ѣмъ, дамъ, вѣсть; Познать; слово „говоритъ“ . . . . . 160—163

Повелительное наклоненіе.

Отпаденіе конечнаго „и“ (164); формы повелит. накл. отъ нѣкоторыхъ глаголовъ (164—165); частица „ка“ въ повелит. наклоненіи (165); futur. adhortat. (165—166); формы „пойдёмте“ и т. п. (165—166); нуте, нате; разные способы выраженія повелѣнія (166). . . . . 164—166

Основы настоящаго времени и повелительнаго наклоненія.

Глаголы съ основой 1-го л един. на старую смягченную согласную (167), глаголы съ основою на задненебную (167—168); глаголы лазить, ѣздить, елозить полозить, понадобиться и др. (168); глагольныя основы на -ова и -ыва, -ова и -ева (169); глаголы на -ава́ть (169) и др. глаголы на -вать (169—170); одолѣть (170) . . . . . 167—170

Инфинитивъ . . . . . 170—171

Прошедшее время . . . . . 171—172

Объ образованіи формъ нѣкоторыхъ глаголовъ:

глаголы на -ыть (172); класть; бѣчь и бѣжать; дышать и дыхать; хотѣть и *хочи (172—173); глаголы на -ну (173). . . . 172—173

Виды.

Видовые суффиксы -ова и -ева (173—174); -ава (174—175); -ва (175); -ыва и -ива (175—176); á (176—179); já (179—180); чередованіе различныхъ видовъ корня въ образованіи видовыхъ основъ (180—181); глаголы: торыкать, померѣскывать, промыкать, размыталъ (181); глаголы на -ну (181—184); -аиу (182—184); схватать (184). 173—184

Залоги.

Образованіе возвратнаго залога (184—185); глаголы, интересные по значенію формы возвратнаго залога (185—187); страдательныя причастія отъ непереходныхъ глаголовъ (187) . . . . . 184—187

Причастія. . . . . 187—189

Дѣепричастія. . . . . 189—191

Б. *Словообразованіе.* . . . . . 191—239

Имена существительныя. . . . . 191—214

Суффиксы именъ прилагательныхъ . . . . 214—222

Суффиксы глагольныхъ основъ . . . . . 222—223

Нарѣчія. . . . . 223—230

1. Нарѣчія, произведенныя отъ именъ прилагательныхъ . . . . . 223—224

2. Нарѣчія, произведенныя отъ именъ существительныхъ . . . . . 224—225

3. Нарѣчія, произведенныя отъ мѣстоименій . . . . . 225—226

Нарѣчія времени 226

Нарѣчія мѣста . . . . . 226—227

Суффиксы нарѣчій мѣста и времени. . . 227—229

Нарѣчія образа дѣйствія и пр. 229

Нарѣчія причины и цѣли . . . . . 229—230

Предлоги . . . . . 230—233

Слова, сложныя съ предлогами . . . . . 233—235

Союзы и другія частицы . . . . . 235—237

Удвоеніе корня . . . . . 237—238

Созвучныя пары словъ . . . . . 238—239

Словоупотребленіе. . . . . . 239—243

Синтаксисъ . . . . . 243—259

Родъ именъ существительныхъ . . . . . 243—244
Употребленіе чиселъ . . . . . 244—247
О расположеніи словъ при числительныхъ. 246—247
Употребленіе падежей . . . . . 247—256
Согласованіе предлоговъ. . . . . 250—256
Нарѣчія мѣста при глаголахъ направленія . 256
Употребленіе мѣстоименія 3-го лица . . . 257
Употребленіе глагола 257
Повтореніе предлога . . . . . 257—258
Сложное предложеніе 258
Временныя и др. предложенія. . . . . 258—259
Вводныя предложенія. 259
Приложенія 259

Заключеніе: Положеніе Парфёнковскаго говора среди другихъ великорусскихъ . . . . . 259—267